

№ 6 (96) ▪ 2020

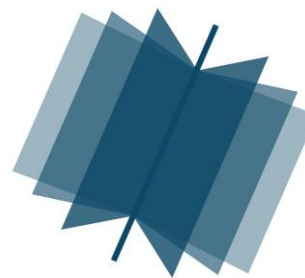
Часть 4 ▪ Июнь

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2020

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: Соколова М.В.
Главный редактор: Меньшаков А.И.
Адрес издателя и редакции: 620137, г. Екатеринбург, ул.
Академическая, д. 11, корп. А, оф. 4.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org
16+

**№ 6 (96) 2020
Часть 4
Июнь**

Дата выхода 17.06.2020
Подписано в печать 11.06.2020
Тираж 200 экз.
Цена: бесплатно.
Заказ 286691.
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии "А-принт".
620049, г. Екатеринбург, пер. Лобачевского, д. 1.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких-либо ограничений. Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Актуальная информация об индексации журнала в библиографических базах данных <https://research-journal.org/indexing/>.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217**.

Члены редколлегии:

Филологические науки:

Растягаев А.В. д-р филол. наук, Московский Городской Университет (Москва, Россия);
Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Московский Городской Университет (Москва, Россия);
Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Калужский Государственный Университет имени К.Э. Циолковского (Калуга, Россия);
Вербицкая О.М. к.филол.н., Иркутский Государственный Университет (Иркутск, Россия).

Технические науки:

Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия);
Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (Нижний Новгород, Россия);
Герасимова Л.Г. д-р техн. наук, Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья им. И.В. Тананаева (Апатиты, Россия);
Курасов В.С. д-р техн. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия);
Оськин С.В. д-р техн. наук, проф. Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия).

Педагогические науки:

Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия);
Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);
Лукьянова М.И. д-р пед. наук, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (Ульяновск, Россия);
Ходакова Н.П. д-р пед. наук, проф., Московский городской педагогический университет (Москва, Россия).

Психологические науки:

Розенова М.И. д-р психол. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия);
Ивков Н.Н. д-р психол. наук, Российская академия образования (Москва, Россия);
Каменская В.Г. д-р психол. наук, к. биол. наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Физико-математические науки:

Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия);
Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Государственный Научный Центр ЦНИИчермет им. И.П. Бардина (Москва, Россия);
Свиштунов Ю.А. д-р физ.-мат. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Географические науки:

Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Военный авиационный инженерный университет (Воронеж, Россия);
Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
Огуреева Г.Н. д-р геогр. наук, проф., МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Биологические науки:

Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия);
Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского (Саратов, Россия);
Еськов Е.К. д-р биол. наук, проф., Российский государственный аграрный заочный университет (Балашиха, Россия);
Шеуджен А.Х. д-р биол. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия);
Ларионов М.В. д-р биол. наук, профессор, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

Архитектура:

Янковская Ю.С. д-р архитектуры, проф., Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Ветеринарные науки:

Алиев А.С. д-р ветеринар. наук, проф., Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины (Санкт-Петербург, Россия);
Татарникова Н.А. д-р ветеринар. наук, проф., Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д.Н. Прянишникова (Пермь, Россия).

Медицинские науки:

Никольский В.И. д-р мед. наук, проф., Пензенский государственный университет (Пенза, Россия);
Ураков А.Л. д-р мед. наук, Ижевская Государственная Медицинская Академия (Ижевск, Россия).

Исторические науки:

Меерович М.Г. д-р ист. наук, к. архитектуры, проф., Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск, Россия);
Бакулин В.И. д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет (Киров, Россия);
Бердинских В.А. д-р ист. наук, Вятский государственный гуманитарный университет (Киров, Россия);
Лёвочкина Н.А. к.ист.наук, к.экон.н. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия).

Культурология:

Куценков П.А. д-р культурологии, к.искусствоведения, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия).

Искусствоведение:

Куценков П.А. д-р культурологии, к.искусствоведения, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия).

Философские науки:

Петров М.А. д-р филос. наук, Института философии РАН (Москва, Россия);
Бессонов А.В. д-р филос. наук, проф., Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия);
Цыганков П.А. д-р филос. наук., МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия);
Лойко О.Т. д-р филос. наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия).

Юридические науки:

Костенко Р.В. д-р юрид. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия);
Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Северо-Кавказский федеральный университет г. Пятигорске (Пятигорск, Россия);
Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Всероссийская академия внешней торговли (Москва, Россия);
Ергашев Е.Р. д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия).

Сельскохозяйственные науки:

Важов В.М. д-р с.-х. наук, проф., Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина (Бийск, Россия);
Раков А.Ю. д-р с.-х. наук, Северо-Кавказский федеральный научный аграрный центр (Михайловск, Россия);
Комлацкий В.И. д-р с.-х. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия);
Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Белгородский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (Белгород, Россия);
Наумкин В.П. д-р с.-х. наук, проф., Орловский государственный аграрный университет.

Социологические науки:

Замаараева З.П. д-р социол. наук, проф., Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия);
Солодова Г.С. д-р социол. наук, проф., Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия);
Кораблева Г.Б. д-р социол. наук, Уральский Федеральный Университет (Екатеринбург, Россия).

Химические науки:

Абдиев К.Ж. д-р хим. наук, проф., Казахстанско-Британский технический университет (Алма-Аты, Казахстан);
Мельдешов А. д-р хим. наук, Казахстанско-Британский технический университет (Алма-Аты, Казахстан);
Скачилова С.Я. д-р хим. наук, Всероссийский Научный Центр По Безопасности Биологически Активных Веществ (Купавна Старая, Россия).

Науки о Земле:

Горяинов П.М. д-р геол.-минерал. наук, проф., Геологический институт Кольского научного центра Российской академии наук (Апатиты, Россия).

Экономические науки:

Бурда А.Г. д-р экон. наук, проф., Кубанский Государственный Аграрный Университет (Краснодар, Россия);
Лёвочкина Н.А. д-р экон. наук, к.ист.н., ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия);
Ламоттке М.Н. к.экон.н., Нижегородский институт управления (Нижний Новгород, Россия);
Акбулаев Н. к.экон.н., Азербайджанский государственный экономический университет (Баку, Азербайджан);
Кулиев О. к.экон.н., Азербайджанский государственный экономический университет (Баку, Азербайджан).

Политические науки:

Завершинский К.Ф. д-р полит. наук, проф. Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Фармацевтические науки:

Тринева О.В. к.фарм.н., Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия);
Кайшева Н.Ш. д-р фарм. наук, Волгоградский государственный медицинский университет (Волгоград, Россия);
Ерофеева Л.Н. д-р фарм. наук, проф., Курский государственный медицинский университет (Курс, Россия);
Папанов С.И. д-р фарм. наук, Медицинский университет (Пловдив, Болгария);
Петкова Е.Г. д-р фарм. наук, Медицинский университет (Пловдив, Болгария);
Скачилова С.Я. д-р хим. наук, Всероссийский Научный Центр По Безопасности Биологически Активных Веществ (Купавна Старая, Россия);
Ураков А.Л., д-р мед. наук, Государственная Медицинская Академия (Ижевск, Россия).

**Екатеринбург
2020**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

Малиева Т.И., Бекоева Д.И., Джанаева З.К. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ: ИДЕОЛОГИЯ И ЦЕННОСТЬ	6
Малиева Т.И., Бзарова К.Э., Гогаева А.Т., Хохова З.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСЕТИНСКОГО КОСТЮМА	9
Нескрябина О.Ф. КОНЦЕПЦИЯ «ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА»: ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МЕДИААНАЛИТИКИ	12
Олешкова А.М. КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ТРАДИЦИИ Н.ФЭРКЛО: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	15

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

Хасбулатова З. И., Исакиева З.С. ОБЫЧАИ ВЗАИМОПОМОЩИ, СВЯЗАННЫЕ С ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЧЕЧЕНЦЕВ В XIX – НАЧ. XX В.....	19
Гребенкин А.Н. ЖАЛОВАНИЕ И ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.....	23
Мухамедов Р.А., Пичугин А.Ю. МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПОДДЕРЖКЕ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	29
Попов Р.И. ОБРАЗ А. А. БАРАНОВА В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА.....	34
Гагин В.В., Поталуй В.В., Ширишкова Е.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОЕВОГО ОПЫТА ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ В СОВРЕМЕННЫХ ОПЕРАЦИЯХ ВВС РФ	38

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

Куртбединова Л. Т. ТВОРЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ КОМПОЗИТОРА ДЖЕМИЛЯ КАРИКОВА НА ПРИМЕРЕ «МИНИАТЮР ДЛЯ СТРУННОГО КВАРТЕТА».....	41
Ткаченко Д.А. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК «СОВРЕМЕННОГО СТИЛЯ» В СОВЕТСКОМ ДИЗАЙНЕ	45
Утегенов И. У., Туякова Б.С. ТЕНГРИАНСКИЙ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ СТИЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ПРОМЫШЛЕННОМ И ДИЗАЙНЕРСКОМ ТЕКСТИЛЕ	48

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ / ECONOMICS

Samrat Ray, Dossou Yedehou Leandre IMPACT OF INNOVATION ON ECONOMIC GROWTH: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ECONOMIC COMMUNITY OF WEST AFRICAN STATES AND INDIA	53
Асрарова М. Б. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БАНКОВ В УЗБЕКИСТАНЕ.....	57
Галкина Е.В. УПРАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМИ НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ ПАРИТЕТА ОБМЕНА	61
Гасумов Э.Р. О СТРУКТУРЕ КАПИТАЛЬНЫХ ВЛОЖЕНИЙ И ЭКСПЛУАТАЦИОННЫХ ЗАТРАТАХ НА СОЗДАНИЕ ПХГ С КОМБИНИРОВАННЫМИ БУФЕРНЫМ ГАЗОМ.....	65
Иванченко О.В., Писарева Е.В. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АГЕНТСКОГО БИЗНЕСА DIGITAL-УСЛУГ.....	69
Карташова Н. А. АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ МАГАДАНСКОГО ФИЛИАЛА АО «ПОЛИМЕТАЛЛ УК»)	74

Кирпичев В.В., Лучкин А. Г. СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ ЕАЭС	84
Морозова И. А., Глазова М. В. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ИХ ПРИНЯТИЯ....	88
Морозова О.И., Семенихина А.В. ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	93
Smyslova O.Y., Bashlykov T.V., Osipova I.V., Lakomova D.V. MONITORING FEATURES OF THE SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA USING GEOINFORMATION SYSTEMS.....	98
Троянская М.А., Тюрина Ю.Г. НАЛОГ С ПРОДАЖ: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРАКТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (ОПЫТ РОССИИ).....	103
Спицина Д.В., Цыденова Д.Б., Орусова О.В. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СТРАХОВОГО РЫНКА.....	108
Чистникова И.В. ВИЗУАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ЦЕЛЯМ В ФОРМАТЕ SQDCME.....	113
Шалдохина С.Ю., Немченко А.В., Семик С.В. ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ АГРАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ.....	117
Ярушкина Н.А. ИНДИКАТОРЫ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В МЕТОДОЛОГИИ МИРОВЫХ РЕЙТИНГОВ УНИВЕРСИТЕТОВ	121
Каюмова Р.Ф. ИННОВАЦИИ КАК ОСНОВА СОТРУДНИЧЕСТВА БРЕНДОВ В ИНДУСТРИИ МОДЫ	125

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / JURISPRUDENCE

Афанасьев П.Б. СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ.....	129
Афанасьева О.Р. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	134
Зубарева К. В., Бадуртдинов А. А., Васильев А. М. НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ КАК ОСНОВНОЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ	137
Дядюн К.В. ПОЛУЧЕНИЕ СЕКСУАЛЬНЫХ УСЛУГ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА	142
Зайкова С.Н., Зайкова А.С. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	145
Кашаров З.А. НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ КОРПОРАТИВНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ.....	149
Клещева И.А. НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛОК, ЗАКЛЮЧЕННЫХ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ТОРГОВОМ ОБОРОТЕ	153
Коница Д.В. ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ДЕФИНИЦИЙ В ТЕКСТЕ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	157
Скаковский И.И., Антонов А.А. К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ВИДЕОЗАПИСИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ.....	160
Шулус А.А. НОШЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ОРУЖИЯ КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В США НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ	163

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.110>

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ: ИДЕОЛОГИЯ И ЦЕННОСТЬ

Научная статья

Малиева Т.И.^{1,*}, Бекоева Д.И.², Джанаева З.К.³

¹ ORCID: 0000-0003-1712-247X,

^{1,2,3} Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Российская федерация

* Корреспондирующий автор (t.malieva49[at]mail.ru)

Аннотация

Противопоставление понятий «идеология» и «ценность» некорректно. Они тесно связаны между собой и выполняют сходные функции по выстраиванию солидарных связей: горизонтальных (ценность), формирующих этнос, вертикальных (идеология), выстраивающих отношения между государством и гражданином и исторически - временных (идеология и ценности). Выдвижение на первый план ценностей, как конкурента идеологии, связано с трансформацией государства-нации в государство - корпорацию, отрицающую прежние лично - общественные формы солидарности.

Ключевые слова: идеология, ценность, императив, манипуляция, иллюзорность, виды солидарности.

TO THE QUESTION OF CORRELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF IDEOLOGY AND VALUE

Research article

Malieva T.I.^{1,*}, Bekoeva D.I.², Dzhanayeva Z.K.³

¹ ORCID: 0000-0003-1712-247X,

^{1,2,3} North Ossetian State University after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation

* Correspondent author (t.malieva49[at]mail.ru)

Abstract

Contrasting the concepts of “ideology” and “value” is wrong. They are closely interconnected and perform similar functions when it comes to building solidarity ties: horizontal (value), forming an ethnic group, vertical (ideology), building relations between the state and the citizen, and also historical and temporary bonds (ideology and values). The emphasis on values as a competitor to ideology is associated with the transformation of a nation-state into a state – a corporation that denies former personal and social forms of solidarity.

Keywords: ideology, value, imperative, manipulation, illusiveness, types of solidarity.

Введение

Словосочетание - идеология и ценность – не совсем корректно. Корректным было бы понятие «идеология» сопрягать с понятием «аксиология», соответственно и понятие «ценность» с понятием «идея». Но стереотип уже сложился в силу ряда причин и с этим обстоятельством надо считаться. В современном постперестроечном российском общественном сознании идеологию стали противопоставлять ценности, как худший вариант состояния общественной жизни - лучшему. Одной из причин отторжения в нашем обществе идеологии, как социокультурного феномена, является ее привязка к конкретной идеологии - советской, коммунистической. И если, допустим, в российском полит-шоу одна из сторон приводила пример положительного компонента из арсенала коммунистических идей, то оппонирующая сторона утверждала, что к идеологии этот компонент не имеет никакого отношения, что это - сфера ценностей. При этом положительные характеристики сопрягаются с ценностями, а отрицательные - с идеологией.

Цель статьи – уяснить, что объединяет и что отличает эти категории. Для этого идеология и ценность рассматриваются как различные виды социальной солидарности, выполняющие равнопорядковые функции.

Методы исследования

В качестве методологической основы использовались философские и общелогические методы исследования.

Результаты исследования.

Понятие ценности не отличается строгостью. В Штутгартском философском словаре ценность определяется как то, что «чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением» [4, с.644]. Исследователь данной проблемы профессор Богатырев Д.К. подчеркивает, что ценности соотносятся, «с такими понятиями как блага, нормы, требования, предписания, предпочтения, влечения, значимости и цели» [2, с.75]. Термин «ценность», подчеркивал он, «обозначает нечто очень важное и дорогое для личности или коллектива, нечто вроде «сокровища сердца» [2, с.76]. Подчеркнем в этом определении указание на иррациональный элемент, заключающийся в понятии «ценность»: это - влечения, сокровища сердца. Исследователь марксистской аксиологии В. П. Тугаринов, подчеркивая субъектно-объектную природу ценности, определял ее как «особое содержание, находящееся между знанием и практической деятельностью человека» [5]. То есть как опосредованное звено, определяющееся выбором субъекта исторически сложившихся мировоззренческих детерминант и воплощающееся в его практической деятельности.

Концептуальное оформление ценностей относят к эпохе И. Канта и его последователей. Но само понятие, согласимся с профессором Богатыревым Д.К., «современно философии» [2, с.77].

Идеология, как принято считать, является неотъемлемой частью процесса становления буржуазного государства – государства - нации. Ее характерные черты складывались в процессе борьбы с сословными и религиозными структурами и идеями. В процессе секуляризации авторитет религии был успешно замещен авторитетом науки. Социальная группа, как субстанциональный компонент сословной иерархии, уступил место социальному атому –

конкретному человеку (индивиду). Идеология европейского просвещения, по сути дела, решала задачу собирания в единое целое (нацию) социальные атомы на новой внесловной основе. Эта проблема решалась с опорой на научное понимание природы и сущности человека. Отправной точкой для дальнейшего государственно-идеологического конструирования был взят естественный человек, очищенный от идеализированных наслоений. «Естественная» природа человека требовала соотносываться с ней в процессе определения идеологических и политических контуров государства. Заметим, что разграничения общественных и государственных интересов у просветителей еще не было. Оно появилось в теории марксизма.

Требование учитывать «естественную» природу человека в процессе конструирования государства не означало, вместе с тем, приоритетность личных интересов, скорее, успешность общественно-государственного проекта, нацеленного на решение задачи: как соединить интересы всего общества и индивидуальную свободу отдельного индивида.

Термин «общее» выражает суть процесса становления национального государства, как в идеологическом, так и ценностном контексте. И личность, и государство (общество) мыслились как ценностные взаимозависимые величины.

В рамках марксизма положение о совпадении ценностно-идеологических установок пересматривается. Такие конструкты просветителей как «общая воля», «общее благо», «общий интерес» были объявлены антинаучными, идеологизированными, скрывающими классовую сущность государства. «Идеологическая надстройка», возвышающаяся над материальной действительностью трактовалась как неистинное ложное мировоззрение. Что же касается системы ценностей, то, понятие «ценность» «в марксизме включалась в категорию «знание» [4].

Понятие идеологии употребляется в двух значениях – узком и широком. В первом значении идеология отождествляется с политической доктриной, обосновывающей претензии какой-либо партии на власть. В широком смысле идеология – это совокупность высших системообразующих ценностей, обуславливающих жизнедеятельность всего общества и детерминирующих поведение ее членов. Идеология как система должна включать в себя картину мира, этические и эстетические идеи (о добре и зле, о красоте и уродстве), а также представления о том каким должно быть нормальное (идеальное) общество и человек.

Противники идеологии, проявившиеся после перестройки, как грибы после дождя, порок идеологии усматривали в ее излишней императивности, манипулятивности, и искажении реальности в интересах правящих структур. По мнению философа, политика Аксютчица В.В. идеология фиксирует «ложные и порочные влечения воли, злые мысли... складывается в иллюзорную реальность, подменяющую живое мертвым, истинное ложным» [1].

Рассмотрим, отбросив излишнюю эмоциональность, так называемые пороки идеологии: императивность, манипулятивность, иллюзорность (ложность). Одной ли идеологии они принадлежат? И как с ними бороться?

Императив – приказ, требование, нравственное предписание поступать во имя общих интересов в противоположность личному принципу. Все известные человечеству нормы морали пронизаны императивом, а все виды культуры – восточные или западноевропейские развивались как системы запретов. Каждый человек с рождения вынужден принимать или отвергать те социально-культурные нормы, которые до него сложились исторически. Он сам ничего нового, как правило, не изобретает, но выбирает из того, что создано историей культуры до него. Факторы, определяющие его выбор, могут конкурировать: семья, школа, общество (СМИ). Но последнее слово за самой личностью.

Таким образом, императив в виде требования или запрета не является критерием, разделяющим идеологию и ценности. Императив является обязательным компонентом и идеологии, и системы ценностей.

С императивностью тесно связана тема свободы, связана не как антипод, а как ее дополнение и продолжение. У Руссо три вида свободы – естественная, гражданская и моральная ограничены соответственно – природными силами индивида, положительным правом (общей волей) и нравственными нормами. Критерием более поздней философской дифференциации свободы – экзистенциальной, социальной и духовной также является ограничение. Экзистенциальная свобода детерминирована выбором личности. Социальная свобода – правовым, моральным и экономическим состоянием общества. Духовная свобода обусловлена признанием существования высшего духовного цензора – верой в Бога. Свобода, как специфический ограничитель есть показатель личностного развития в процессе преодоления определенных ограничений, трудностей, испытаний. Речь может идти только о концентрации факторов, сдерживающих развитие личности. Плохо, если они отсутствуют совсем и плохо, если они, образно говоря, не дают человеку поднять голову от решения проблем жилища, пищи, одежды.

Манипуляция – вид управления людьми, тип воздействия на человека или группу лиц, тип отношения между субъектом и объектом. Манипуляторные формы управления сродни махинации, подтасовке, обману. Манипуляция – более тонкая форма управления объектом. Она связана с высокими информационными технологиями. Важно отметить, что к манипуляции нельзя отнести явные, открытые формы принуждения, о которых объект принуждения знает заранее и нарушение которых влечет за собой санкции в виде, образно говоря, топора и плахи. Это характерно для власти монарха или генсека, то есть тоталитарных или авторитарных форм правления. В демократическом обществе грубые формы воздействия на массы подменяются скрытыми, недемонстративными способами подавления, то есть манипуляцией. Подчеркнем, что манипуляция индивидуальным и общественным сознанием характерна лишь для определенного этапа государственного развития. Вопрос о нравственной оценке различных форм подавления здесь не рассматривается.

Иллюзорность, как антипод научной истины также не является исключительно свойством идеологии. В области науки можно привести достаточно примеров, указывающих на ошибки и иллюзии относительно устройства мира. В качестве примера можно привести геоцентризм Аристотеля-Птолемея, синтетическую картину мира Тихо Браге и др. А П. Фейерабенд своим «эпистемологическим анархизмом» утверждал совместимость несоизмеримых и несовместимых компонентов относительно природы исследуемого объекта, побуждающих к более основательному исследованию проблемы.

Идеология и ценности связаны между собой генетически. Все идеологии, оставившие значительный след в истории человечества, так или иначе, выросли из ценностных идей, объединяющих сначала небольшие группы людей. Это относится к религиозной, коммунистической, а также и к либеральной идеологиям.

Ценности так же согласуются с иррациональными элементами и не исключают ошибок и иллюзий. Что же касается причин возвышения ценностей над идеологией, то их можно объяснить процессом трансформации государства-нации в государство-корпорацию, поиском новых идеологических форм, компенсирующих социальные утраты в период распада СССР. Новая постперестроечная идеология заявляет себя как апология прав и приоритета единичного, а не общего, гражданина, а не государства, корпоративного, а не общественного в связке с главной ценностью – свободой самовыражения, понимаемой как антипод всех видов солидарности: горизонтальной, вертикальной и историко-временной. Государство – корпорация поиски общих целей, общих интересов, общего блага считает бессмысленным занятием. Наоборот, современная российская элита озабочена тем, как сломать в народе психологию солидарности.

Заключение

Идеология и ценность - понятия одного порядка. Они связаны между собой и выполняют сходные функции по выстраиванию солидарных связей: горизонтальных (ценности), вертикальных (идеология) и исторически-временных (идеология и ценности). Выдвижение на первый план ценностей с отрицанием нужности идеологии связано с трансформацией государства-нации в государство - корпорацию, отрицающую прежние лично – общественные формы связей.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аксютин В. Патриотизм или фашизм? Выбор будущего и диктат исторического рока /Аксютин В. //Независимая газета, 23 июня 1994.
2. Богатырёв Д. К. Ценности как проблема европейской и российской философии / Богатырёв В.Д. // Вестник РХГА. - 2017. Т.18. №4. - С. 75-90.
3. Философский словарь. Сокращенный перевод с немецкого. Общая редакция и вступительная статья М.М. Розенталя. Москва: Изд-во Иностранной литературы, - 1961. - 717 с.
4. Якимова Е. Г. Марксистская аксиология В. П. Тугаринова как криптосистема советской этики [Текст] / Е. Г. Якимова, Е. Ю. Мартыанов // Новые идеи в философии: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). — Пермь: Зебра, 2015. — С. 51-62 [Электронный ресурс] / Якимова Е.Г., Мартыанов Е. Ю. — URL: <https://moluch.ru/conf/philos/archive/135/7840/> (дата обращения: 29.03.2020).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aksyuchits V. Patriotizm ili fashizm? Vybora budushhego i diktat istoricheskogo roka [Patriotism or fascism? The choice of the future and the dictates of historical rock] / Aksyuchits V. // Nezavisimaya gazeta [Independent newspaper]. June 23, 1994. [in Russian]
2. Bogatyrev D. K. TSennosti kak problema evropejskoj i rossijskoj filosofii [Values as a problem of European and Russian philosophy] / Bogatyrev D. K. // Vestnik RKHGA [Bulletin of the Russian Christian Humanities Academy]. - 2017. - Vol. 18. - No. 4. Pp. 75-90. [in Russian]
3. Filosofskij slovar'. [Philosophical dictionary]. Sokrashchennyy perevod s nemetskogo. Obshchaya redaktsiya i vstupil'naya stat'ya M.M. Rozentalya [Abbreviated translation from German. General edition and introductory article by M. M. Rosenthal]. Moscow: Foreign literature publishing House, - 1961. - 717 p. [in Russian]
4. Yakimova E.G., Martyanov E. Yu. Marksistskaya aksiologiya V. P. Tugarinova kak kriptosistema sovetskoy etiki [Marxist axiology of V. P. Tugarinov as a cryptosystem of Soviet ethics] [Text] / Yakimova E.G., Martyanov E. Yu. // Novyye idei v filosofii: materialy Mezhdunar. nauch. konf. [New ideas in philosophy: materials of Intern. scientific conf]. (Perm, April 2015). - Perm: Zebra, 2015. - P. 51-62. [Electronic resource] / Yakimova EG, Martyanov E. Yu. – URL: <https://moluch.ru/conf/philos/archive/135/7840/> (accessed: 29.03.20). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.111>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСЕТИНСКОГО КОСТЮМА

Научная статья

Малиева Т.И.^{1,*}, Бзарова К.Э.², Гогаева А.Т.³, Хохова З.А.⁴

¹ ORCID: 0000-0003-1712-247X,

^{1, 2, 3, 4} Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Российская федерация

* Корреспондирующий автор (t.malieva49[at]mail.ru)

Аннотация

Образ национального осетинского костюма складывался как образ костюма воина, кочевника, пастуха и эпического певца. Риторика аланского костюма отличалась утилитарно-функциональными свойствами, минимализмом, и, вместе с тем, эстетической утонченностью. Константы его конструирования антропоморфны, то есть габариты деталей костюма должны соответствовать контуру фигуры, быть приближенными к ее естественным линиям, повторять их, подчеркивая природные достоинства обладателя костюма.

Ключевые слова: костюм, одежда, философия костюма, образ бытия аланского этноса, константы конструирования национального костюма.

SOME ASPECTS OF THE PHILOSOPHY OF NATIONAL OSSETIAN COSTUME

Research article

Malieva T.I.^{1,*}, Bzarova K.E.², Gogaeva A.T.³, Khokhova Z.A.⁴

¹ ORCID: 0000-0003-1712-247X,

^{1, 2, 3, 4} North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, The Russian Federation

* Corresponding author (t.malieva49[at]mail.ru)

Abstract

The image of the national Ossetian costume was formed as the image of the costume of a warrior, nomad, shepherd and epic singer. The rhetoric of the Alan costume was distinguished by utilitarian and functional properties, minimalism, and, at the same time, aesthetic sophistication. The constants of its construction are anthropomorphic, that is, the dimensions of the details of the costume must correspond to the contour of the figure, be close to its natural lines and repeat them, emphasizing the natural merits of the owner of the costume.

Keyword: costume, clothing, costume philosophy, the way of being of the Alanian ethnic group, the constants of the design of the national costume.

Введение

Содержание понятия костюм понимается в двух значениях – узком и широком. В первом (узком) значении костюм обозначает одежду, созданную в конкретно-исторический период времени и отражающую возрастное, профессиональное и социальное положение человека. В узком значении в содержание этого понятия не включаются различные аксессуары, как-то - обувь, шляпы, украшения, сумки, перчатки, ремни и другое.

В широком значении в понятие костюм включают не только предметы одежды, но и соответствующие времени, социальному положению, образу жизни и возрасту отличительные признаки и аксессуары. На уровне обыденного, а не профессионального сознания понятие костюм употребляется в узком смысле. На функциональном уровне принято различать понятия костюм и одежда. В «Энциклопедии моды и одежды» подчеркивается, что это различие имеет принципиальное значение. «Если одежда служит человеку для того, чтобы защитить его от климатических воздействий, то костюм отражает внешний образ человека, выявляет его внутреннее содержание и является психологической, социальной, возрастной и исторической его характеристикой» [5]. Одежда, как отмечается в энциклопедии, не связана непосредственно с конкретной личностью. Костюм же, наоборот не мыслим вне личности. Научно - профессиональное, эстетическое понимание костюма развивается в контексте второго (широкого) значения, предполагающее философское содержание этого понятия.

Философия любого явления, как и костюма, имеет свою специфику. Во-первых, философия субстанциональна, она связана с выяснением последних оснований бытия конкретного явления. Во-вторых, философия антропологична, ее проблемы, опосредовано или прямо увязаны с бытием человека. Именно эта соединенность с человеком делает конкретные проблемы, допустим естественнонаучные, философскими на время или на века. В-третьих, философия – это предельно ответственное отношение человека к окружающему миру.

Философия осетинского национального костюма была предметом исследования косвенно, как подчиненный элемент в контексте изучения тех или иных проблем [1], [2], [4]. Доктор философских наук Липская В.В. в своих работах подчеркивала важность четкого использования понятийно-терминологического аппарата, различения понятий «костюм», «мода», «одежда» и т.д. Одежду делает костюмом, по ее мнению, две вещи: а) согласованность деталей, которые «работают» на создание целостного образа костюма и б) учет личности носителя. Одежда может существовать без человека, костюм «без человека – не существует вовсе» [4, с.161]. Говоря о человеке, без которого костюм существовать не может, профессор Липская В.В. имеет в виду конкретную личность, то есть не морфологические особенности человека, а его внутреннюю, духовную сущность. Она иллюстрирует свою мысль, делая ее более понятной следующим примером: «Допустим, - пишет она, - перед нами стоят две девушки с абсолютно одинаковыми параметрами (цвет волос, рост, фигура и др.). Представим один и тот же пиджак на одной и на другой. Очевидно, даже для нашего виртуального эксперимента, что одной он пойдет больше, чем другой, которой он может даже вовсе не пойти. Одевает

костюм никак не тело (в отличие, скажем, от одежды), а как раз того самого «человека», который «сидит внутри нас» [4, С.170].

Ценностно - этические аспекты костюма исследует доцент Герасимова А.Д., считая необходимым «перевести моду из пространства «эстетизма» в пространство «этоса» [2, С.201]. Сложность этой задачи она увязывает с современным постмодернистским характером культуры, нивелирующим «значимость духовных ценностей» [2, С.201]. А ее решение она видит в «изучении и освоении основ народной культуры, быта, традиций, их природы и духовных ценностей» [2, С.203-204].

Целью статьи является исследование некоторых философских аспектов осетинского национального костюма, так как их изучение не ставилось напрямую, но лишь как подчиненные другим задачам исследования. Эта проблема влечет за собой изучение факторов, обуславливающих его формирование и функционирование, а также некоторых аспектов, определивших особенности конструирования осетинского национального костюма

Материалы и методы исследования

Авторы опираются на работу советского и российского учёного - филолога, языковеда-ираниста, профессора В.И.Абаева «Осетинский язык и фольклор», а также на современные изыскания в данной области. Методы исследования – аналитический, сравнительно-исторический.

Результаты исследования

В мае месяце 2018 года президент Южной Осетии предложил внести в праздничный календарь республики новую дату – День осетинского национального костюма. Это предложение, исходящее от президента республики, чья независимость состоялась в результате длительной, упорной и жестокой борьбы не случайно. Суверенитет республики, обретенный в результате перманентных боевых действий, нуждался для своего дальнейшего укрепления в иных действиях – действиях мирного характера. Обращение к осетинскому национальному костюму для молодого государства было не просто «популяризацией национальной культуры». Как образную систему национальный костюм можно отождествить с национальным языком, отражающим осознание единства с определенной культурной общностью и демонстрирующим конкретные социально-политические устремления народа. Народный костюм не только отражает историю народа (прошлое), но и формирует ее (будущее).

Образ национального осетинского костюма, формирование которого уходит вглубь веков (скифо-сармато-аланский период), складывался как образ костюма воина, кочевника, пастуха. «Общеарийский глагол саг, - пишет В.И.Абаев, - означающий во всех арийских языках «пасти скот», «кочевать, пася скот», а отсюда и вообще «кочевать», «бродить», этот же самый глагол в осетинском ...означает «жить» [1, с.56]. Осетины как народ воинов, пастухов-кочевников, «оставался таким на протяжении многих столетий». «Вряд ли можно указать в истории другой народ, который в течение такого продолжительного времени был бы непрерывно одержим страстью к передвижениям и дальним походам» [1, с.81]. В.И.Абаев для более полной характеристики бытования осетинского этноса образ пастуха-кочевника и воина дополняет третьим образом – образом певца, «поющего о подвигах легендарных героев перед кругом зачарованных слушателей. В древнейший период, - пишет он, - все три образа легко объединялись в одном лице» [1, с.67]. В древности в языке народов, которые жили по соседству с осетинами имя «алан» (древний осетин) переводилось как «герой», «храбрец», «молодец» [1, с.45]. А у монголов личность аланского мужчины прочно соединилось со словом— *aldar 'слава'* [1, с.85]. Таким образом, именно воинская доблесть служила у осетин мериллом личностного уважения и благородства.

Риторика одежды представителей этноса, проводящего продолжительное время в дальних проходах должна отличаться минимализмом, обладать утилитарно-функциональными свойствами, столь необходимыми для верховой езды и воинских победах и, вместе с тем, воплощать такие добродетели, как мужество и эстетическую утонченность. Доктор исторических наук, археолог Доде З. В. в своих работах, посвященных исторической реконструкции этнографического костюма населения Северного Кавказа подчеркивает сложность выкройки аланского костюма, остававшейся неизменной и отличавшей его от античной одежды, покроем которой представлял собой свободную драпировку вокруг фигуры [3]. Покрой аланской верхней одежды, сформировавшийся под влиянием ирано-тюркских элементов культуры, позже становится определяющим этнографическую одежду народов Северного Кавказа. С другой стороны, кавказский элемент имел существенное влияние на осетинский, становясь его второй природой. В формировании осетинской культуры, подчеркивал В.И.Абаев, «кавказский элемент участвовал не только как фактор внешний, чужеродный, но также как фактор внутренний, органический, как подпочвенный слой, на который сверху наложился слой иранский» [1, с.56]. И когда пишут об аланском костюме, то речь идет не о национальных, а о региональных его особенностях, вобравших в себя различные этнографические мотивы. То есть можно говорить о становлении регионального этнографического костюма, как костюма аланского или о решающем влиянии аланского костюма на формирование региональной этнографической костюмной эстетики. Некоторые различия есть, но они не являются существенными. Например, свадебные костюмы осетинки и ингушки, как наиболее близкие, отличаются тем, что второй является более закрытым, как результат влияния этики ислама. Исламская этика внесла свой вклад в риторику женских костюмов народов Дагестана и Азербайджана. Влияние этики ислама на осетинский национальный костюм, как женский, так и мужской не отмечено. На первый взгляд, кажется, что и закавказский этнографический костюм антропоморфен так же, как и северокавказский, аланский. Но это лишь на первый взгляд. Допустим такой элемент, как шаровары в костюме грузина, вносят некую женственность в его эстетический облик. Риторика осетинского национального костюма подчеркивает мужественность, требует мужественности и минимализма. Антропоморфная форма костюма означает не простое следование линиям тела, сам костюм как бы формирует эту телесность и формулирует требования к определенному образу жизни - минималистскому. «У осетин, - справедливо отмечает осетинская журналистка Д.Плиева, - давно сложился идеал человеческой красоты. Стройность, подтянутость, гибкость и выправка были, чуть ли не этикетными нормами. Все эти особенности эстетических воззрений отразились в народном костюме, подчеркивая физическое строение» [5]. Она обращает внимание на нравственно-нормативный мировоззренчески-смысловой аспект национального костюма осетин, обращаясь к одному из элементов мужской

одежды. «В еще недалеком прошлом, подчёркивает она, осетин считал себя оскорбленным, если дотрагивались да его головного убора. Шапка по понятиям горца, вещь священная и неприкосновенная. Поэтому ни о каком другом предмете своей одежды они не заботились так, как о своей шапке. Он мог ходить в рваной черкеске и рваных чувяках, но головной убор у него должен был быть образцовым. Да и как не заботиться о шапке, когда, по мнению осетин и вообще горцев, шапка показатель принадлежности мужчины! Когда хотели пристыдить мужчину за трусость, ему говорили, что он не достоин носить шапку, и пускай сменил ее на женский платок! Идентичное отношение и к неподпоясанному человеку» [5].

Особенности бытования осетинского этноса определили особенности и женского национального костюма. В.И.Абаев пишет: «Из предметов одежды, насколько позволяют судить их названия, осетинский унаследовал от древнеиранского шапку, бешмет, пояс, шубу, бурку. Все эти названия могли, по-видимому, относиться одинаково и к мужской и к женской одежде; особых названий для последней в древний период не обнаружено» [1, с.53]. Это сходство было обусловлено не только равенством в положении мужчины и женщины в патриархальный период, но и особым к ней отношением. Предположительно, что в ранние периоды женщина выполняла функции воительницы и вождя. В.И.Абаев отмечает, что разделение труда в раннем осетинском обществе было слабо выражено по гендерному признаку и шло, в основном, по поло-возрастной линии. Слово – oexsin (женщина, супруга) более раннего происхождения, в сравнении с oeldar (военный предводитель, мужчина). Оно включает в себе древний арийский корень, означающий – «сиять», «властвовать» [1, с.64].

Мудрость, жертвенность, хранительница рода - эти слова характеризуют образ осетинской женщины в фольклорной памяти народа. Образ не выдуманный, а жизненный, имеющий прямое отношение к реальным событиям осетинской истории и служащий идеальным вектором, определяющим бытие современной осетинской женщины.

Способ исторической жизнедеятельности осетин определил константы конструирования национального костюма. Отметим некоторые исторически сложившиеся основные требования. Первое - габариты деталей осетинского костюма должны соответствовать контуру фигуры. Второе - линии костюма должны быть приближены к естественным линиям фигуры и повторять их. Третье - форма осетинского костюма антропоморфна, то есть она подчеркивает природные достоинства фигуры и требует держаться в их минималистских рамках.

Заключение

Образ национального осетинского костюма формировался, как часть культуры народа война, кочевника, пастуха и эпического певца. Становление аланского костюма определило этнографические особенности одежды населения Северного Кавказа, что свидетельствует об их тесных взаимосвязях. Форма осетинского костюма антропоморфна, что требует предельную приближенность к естественным линиям фигуры.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы/References

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор / В.И. Абаев // Том I. М.-Л., -1949. 608 с.
2. Герасимова А.Д. Ценностные аспекты костюма и моды (к вопросу об этической семиотике костюма) [Электронный ресурс] / А.Д. Герасимова / – URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-aspekty-kostyuma-i-mody-k-voprosu-ob-eticheskoy-semiotike-kostyuma](https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-aspekty-kostyuma-i-mody-k-voprosu-ob-eticheskoy-semiotike-kostyuma) (дата обращения: 10.04. 2020)
3. Доде З. В. Костюм населения северного кавказа vii–xvii веков (реконструкция этносоциальной истории) / З.В. Доде / Автореферат ...доктора исторических наук. - М. – 2008. - 35 с. [Электронный ресурс] – URL:https://bulgari-istori2010.com/booksRu/Zv_Dode_Kustujm_Sev_Kavkaz.pdf (дата обращения:13.04.2020)
4. Липская В. М. Костюм как экспликация личности [Электронный ресурс] / В. М. Липская / – URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/kostyum-kak-eksplikatsiya-lichnosti](https://cyberleninka.ru/article/n/kostyum-kak-eksplikatsiya-lichnosti) (дата обращения: 11.04.2020)
5. Плиева Д. Национальный костюм. Возвращение в повседневность или ряд предложений от редакции [Электронный ресурс] / - URL:<http://osinform.org/57373-nacionalnyy-kostyum-vozvrashchenie-v-povsednevnost-ili-ryad-predlozheniy-ot-redakcii.html> (дата обращения: 30.04.2020)
6. Энциклопедия моды и одежды [Электронный ресурс] – URL: https://gufo.me/dict/fashion_encyclopedia/%D0%9A%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8E%D0%BC (дата обращения: 15.04.2020)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abaev V.I. Osetinskiy yazyk i fol'klor [Ossetian language and folklore] / V.I. Abaev. – Volume I. М.-L., 1949.- 608 p.
2. Gerasimova A.D. Tsennostnyye aspekty kostyuma i mody (k voprosu ob eticheskoy semiotike kostyuma) [Value aspects of costume and fashion (on the issue of ethical semiotics of a costume)] / A.D. Gerasimova / - URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-aspekty-kostyuma-i-mody-k-voprosu-ob-eticheskoy-semiotike-kostyuma](https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-aspekty-kostyuma-i-mody-k-voprosu-ob-eticheskoy-semiotike-kostyuma) (accessed: 10.04. 2020)
3. Dode Z. V. Kostyum naseleniya severnogo kavkaza vii–xvii vekov (rekonstruktsiya etnosotsial'noy istorii) [Costume of the population of the North Caucasus of the vii – xvii centuries (reconstruction of ethnosocial history)] / Z. V. Dode / Abstract of PhD in Historical Sciences.- М. 2008 – 35 p. URL: https://bulgari-istori2010.com/booksRu/Zv_Dode_Kustujm_Sev_Kavkaz.pdf (accessed: 13.04.2020) [in Russian]
4. Lipskaya V. M. Kostyum kak eksplikatsiya lichnosti [Costume as an explication of personality]/ Lipskaya V. M./ - URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/kostyum-kak-eksplikatsiya-lichnosti](https://cyberleninka.ru/article/n/kostyum-kak-eksplikatsiya-lichnosti) (accessed: 11.04.2020) [in Russian]
5. Plieva D. Natsional'nyy kostyum. Vozvrashcheniye v povsednevnost' ili ryad predlozheniy ot redaktsii [National costume. Return to daily life or a series of suggestions from the publisher]/ - URL: <http://osinform.org/57373-nacionalnyy-kostyum-vozvrashchenie-v-povsednevnost-ili-ryad-predlozheniy-ot-redakcii.html> (accessed: 30.04.2020) [in Russian]
6. Entsiklopediya mody i odezhdy [Encyclopedia of fashion and clothing]/ URL: https://gufo.me/dict/fashion_encyclopedia/%D0%9A%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8E%D0%BC (accessed: 15.04. 2020) [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.112>

КОНЦЕПЦИЯ «ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА»: ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МЕДИААНАЛИТИКИ

Научная статья

Нескрябина О.Ф.*

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (nescr[at]mail.ru)

Аннотация

В литературе последних лет идет активный поиск унифицирующей методологической стратегии для медиологии. В статье отмечается, что предлагаемый в качестве синтетической методологии системный подход имеет ограничения, связанные с его предельной общностью. В статье обсуждается возможность применения концепта «природа человека» в качестве методологии исследования информационной среды и ее воздействия на аудиторию. Предлагается исследовать связь агрессии в сфере медиа и агрессивностью аудитории с учетом существенных свойств человека: проактивности, субъективности, свободы.

Ключевые слова: медиа, методология, медиология, природа человека, системный подход, агрессия.

THE CONCEPT OF “HUMAN NATURE”: ITS VALUE FOR MEDIA ANALYTICS RESEARCH ARTICLE

Research article

Neskryabina O.F.*

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

* Corresponding author (nescr[at]mail.ru)

Abstract

There is an active search for a unifying methodological strategy for medialogy in the publications of recent years. The article notes that the proposed systematic approach has limitations as a synthetic methodology associated with its extreme generality. The article discusses the possibility of applying the concept of “human nature” as a methodology for studying the information environment and its impact on the audience. It is proposed to consider the relationship of media aggression and audience aggressiveness with regard to the essential properties of a person: pro-activity, subjectivity, freedom.

Keywords: media, methodology, medialogy, human nature, systems approach, aggression.

Современные подходы к исследованию медиасферы характеризуются огромным разнообразием. Оно так велико, что в ученом сообществе ощущается потребность в создании обобщающей методологии и, соответственно, унифицированного языка описания системы медиа [7], [8], [11].

Интеллектуальный поиск общей методологии сосредоточен вокруг исследования возможностей применения к анализу медиа идей системного подхода [6], [12], [13]. Однако, по нашему мнению, такая стратегия имеет ограничения. Она вряд ли будет эффективной для решения всех задач, стоящих перед исследователями состояния и тенденций развития сферы медиа.

Как известно логика процесса познания такова, что чем более общей является теория, тем менее она пригодна для описания специфических признаков объекта. Обычно генерализация оборачивается снижением уровня точности описания и предсказания поведения системы. Поэтому, наряду с созданием для медиологии обобщающих подходов, следует развивать теории не столь высокого уровня абстрагирования. Среди методов коммуникативных исследований к таковым относится, в частности, дискурс-анализ. Развитие данного комплексного подхода мы видим в дополнении его психологическим концептом «природа человека» («ПЧ»). Хотя среди адептов дискурс-анализа встречается негативное отношение к идее включения психологического знания в его идейный арсенал [15, с.272]. Однако основания для подобного скепсиса не вполне ясны, учитывая, что базовая посылка дискурс-анализа состоит в том, что «...идентичность людей конструируется «на пересечении» различных, противоречивых и часто антагонистичных дискурсов» [15, с.272].

Медиасфера, и прежде всего, СМИ, непосредственно состоит из текстов и дискурсов, являющихся, в первую очередь, объектом изучения лингвистики. Но в настоящее время сам языковой анализ наполняется экстралингвистическим содержанием. Набирают популярность методы коммуникативных исследований, в которых сделан акцент на когнитивных и интерактивных аспектах [14, с. 212].

В свою очередь психологический анализ стремится и к внутреннему единству, и к тому, чтобы быть органической частью антропологического знания, изучающего, в частности, генезис коммуникативного поведения человека. Думается, не требует особых пояснений и обоснований мысль о том, что исследование медийной сферы должно вестись с опорой на теории происхождения психики, культуры, социальности.

В качестве посредника между комплексом антропологических дисциплин и медиологией может быть использован комплекс представлений о природе человека. Концепт ПЧ не является целостной, строго структурированной научной теорией. Он содержит немало проблемных положений и подвергается критике по многим позициям [16]. Впрочем, его недостатки присущи многим концепциям достаточно высокой степени общности.

Следует пояснить значение понятий природа человека и сущность человека. В прошлом отечественного гуманитарного знания было принято разделять эти категории. «Сущность человека» дефинировалась, как социальное качество и соотносилась с «личностью». Тогда как «природа человека» характеризовалась единством биологического и социального, воплощением которого полагалась «индивидуальность». Такое представление отчетливо проявляет то обстоятельство, что в «ПЧ» находит выражение определенная философия человека и общества. В современном научном менталитете, видимо, нет оснований для разведения концептов природа и сущность.

Природа человека является комплексом идей об общих и существенных свойствах, присущих людям. Если такие свойства полагаются отсутствующими, то «природа человека» существенно обедняется, т.к. в этом случае остается сказать, что люди меняются в зависимости от социокультурной ситуации, чем их общность и исчерпывается.

В теоретической психологии идейный комплекс «природа человека» (ПЧ) представлен девятью антиномичными парами [16, С. 40]. Среди них такие как: свобода-детерминизм, рациональность-иррациональность, субъективность-объективность и др. Они предназначены для анализа психологических теорий и систематизации корпуса психологического знания. По нашему мнению, эти парные категории (шкалы, измерения) могут быть использованы и как методологические ориентиры в медиологии.

Понятия, образующие данные пары, можно представить как экстремумы соответствующих измерений. Шкалы относительно самостоятельны, так как содержание каждой из них частично перекрывается другими. Это значит, что поведение человека в общем случае может быть описано в виде области значений около точки пересечения нескольких, в пределе всех выделенных шкал. В природе человека присутствует рациональность и иррациональность, свобода и зависимость, проактивность и реактивность и т.п. Отношения внутри каждой пары и отношения между ними выражают глубинные качества человеческой природы: сложность, двойственность, широкий диапазон индивидуальных различий, высокая степень девиантности.

В данном тексте автор не ставит задачу дать полное описание структуры и методологической функции концепта «природа человека». Рассмотрим лишь один, но крайне важный аспект медиааналитики – проблему присутствия темы насилия в информационной среде. На этом примере можно показать методологические возможности предлагаемого подхода.

Исследование сущности и происхождения агрессии, в основном, идет по двум направлениям: первое изучает возможность генетической предрасположенности к агрессивному поведению, второе развивает идею социального научения. В терминах концепта ПЧ эти два направления представлены биполярной шкалой «конституционализм-инвайронментализм», в отечественной психологической терминологии: «биологическое-социальное» [16, с. 43]. В основном современная наука не решает вопрос о соотношении биологических и социальных детерминант антиномичным способом. Хотя полной определенности в отношении роли наследственной предрасположенности пока не достигнуто. Не вполне ясно, как наполнить психологическим и психофизиологическим содержанием понятия «агрессия высвобождается» и «агрессия формируется», но на внешнем, поведенческом уровне видно, что агрессия высвобождается, а способы ее проявления формируются, в том числе под влиянием медиа [4, с. 267], [9, с. 133]. Однако, возможно еще одно направление исследования генезиса агрессивного поведения.

Если принять во внимание способность человека к проактивному поведению, к субъективности и свободе, то можно предположить, что агрессия как модус поведения способна появляться в результате самообучения. Это значит, что она открывается индивидом уже в раннем возрасте, и далее видоизменяется под воздействием социокультурных факторов, включая влияние инфосферы. Происходит это, вероятно, путем переноса, когда простые манипуляции с предметами – притягивание, захват, отталкивание и пр. с предметов переходят на людей, в результате чего получается простейшее агрессивное действие. Если такое действие приводит к нужному результату, то вступает в действие механизм положительного подкрепления. Такое поведение является в сущности креативным, но можно дать ему ценностно нейтральное определение: «овладение навыком посредством собственного опыта». Данное представление не прибавляет оптимизма в отношении возможности окультуривания и купирования агрессивного поведения, и не помогает решить проблему снижения агрессивности инфосферы. Скорее – наоборот.

Анализ механизмов порождения агрессии в индивидуальном сознании дает более точное представление о характере и мере ответственности медиа за состояние общественных нравов. Изучению медиаагрессии и ее влияния на поведение современного человека посвящена огромная литература [1], [2], [5]. Большинство исследователей считают, что медиа, в частности СМИ, оказывают небольшое воздействие на состояние агрессивности общества. Но с учетом того, что повышать агрессию аудитории может и, казалось бы, нейтральная информация, оценка влияния медиа может быть иной. С другой стороны, отношения СМИ и аудитории – это, как правило, отношения взаимовлияния. Следуя концепции ПЧ, стоит говорить не только о воздействии, но и о том, что информационная среда проявляет состояние общественного сознания.

На основании сказанного можно заключить, что в исследовании медийных текстов и дискурсов и их воздействия на аудиторию целесообразно обращаться к теориям, которые в явном виде или имплицитно содержат отсылки к комплексу идей о природе человека.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Агрессия и психическое здоровье / под ред.: Т.Б. Дмитриевой и Б.В. Шостаковича. – СПб.: Изд-во «Юридич.центр Пресс», 2002. – 464 с.
2. Аронсон Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / Э. Аронсон, Э. Пратканис. – Перераб. изд.– СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2003. – 384 с.
3. Бартол К. Психология криминального поведения / К. Бартол. – 7 междуна. изд. – СПб.-М., 2004. – 352 с.
4. Блэкборн Р. Психология криминального поведения / Р.Блэкборн. – СПб.: Питер, 2004. – 496 с.
5. Брайант Д. Основы воздействия СМИ/ Д.Брайант, С.Томпсон. – М.: Издат.дом «Вильямс», 2004. – 425 с.
6. Демина И.Н. Синергетика и теория журналистики: аспекты исследования медиасистемы / И.Н. Демина, М.В. Шкондин // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. - Т. 5. - № 1. - С. 14–28.

7. Дмитриевский А.Л. Теории журналистики: почему они «не работают»? (Проблема синергетического подхода к журналистским явлениям) / А.Л. Дмитриевский // Вопросы теории и практики журналистики. - 2019. - Т. 8. - № 1. - С. 36–56.
8. Дунас Д.В. К вопросу о классификации теорий СМИ / Д.В. Дунас // Вестн. Моск. Ун-та. Серия: Журналистика. - 2011. - № 4. - С. 27-41.
9. Нескрябина О. Ф. Медиapsихология и медиаэтика / О.Ф. Нескрябина. – Красноярск: СибЮИ, 2008. – 179 с.
10. Свитич Л.Г. Изучение журналистики в контексте общенаучных парадигм / Л.Г. Свитич // Вопросы теории и практики журналистики. - 2016. - Т. 5. - №. 4. - С. 546–561.
11. Солганик Г.Я. Общая характеристика языка современных СМИ в сопоставлении с языком СМИ предшествующего периода / Г.Я. Солганик // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: МедиаМир, 2007. - С. 15–39.
12. Суходолов А.П. Разработка аспектов теории медиасферы с применением математического моделирования, когнитивной методологии и системного анализа / А.П. Суходолов, В.А. Маренко // Вопросы теории и практики журналистики. - 2018. - Т. 7. - № 3. - С. 347–360.
13. Суходолов А.П. Типологические аспекты системного представления СМИ / А.П. Суходолов, И.А. Кузнецова // Вопросы теории и практики журналистики. - 2019. - Т.8. - № 2. С. - 244–259.
14. Тичер С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер; пер. с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 356 с.
15. Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М.В. Йоргенсен; пер.с англ. – 2-е изд.испр. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – 352 с.
16. Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер; перевод с англ. – СПб.: Питер, 1997. – 608 с.
- Список литературы на английском языке / References in English**
1. Agressiya i psikhicheskoe zdorovye [Aggression and Mental Health] / edited by: T.B. Dmitrieva and B.V. Shostakovich. – St. Petersburg: Publishing House “Legal Centre Press,” 2002. – 464 p. [In Russian]
2. Aronson E. Epokha propagandy: Mekhanizmy ubezhdeniya, povsednevnoe ispolzovanie i zloupotreblenie [The Age of Propaganda: Persuasion Mechanisms, Everyday Use, and Abuse] / E. Aronson, E. Pratkanis. – Revised ed. – SPb.: “Prime-EUROZNAK,” 2003. – 384 p. [In Russian]
3. Bartol K. Psikhologiya kriminalnogo povedeniya [Psychology of Criminal Behavior] / K. Bartol. – 7th ed. - SPb.-M., 2004. – 352 p. [In Russian]
4. Blackbourne R. Psikhologiya kriminalnogo povedeniya [Psychology of Criminal Behavior] / R. Blackbourne. – St. Petersburg: Piter, 2004. – 496 p. [In Russian]
5. Bryant D. Osnovy vozdeistviya SMI [Media Impact Basics] / D. Bryant, S. Thompson. – M.: Publishing House “Williams,” 2004. – 425 p. [In Russian]
6. Demina I.N. Sinergetika i teoriya zhurnalistiki: aspekty issledovaniya mediasistemy [Synergetics and Journalism Theory: Aspects of Media System Research] / I.N. Demina, M.V. Shkondin // Voprosy teorii i praktiki zhurnalizmu [Questions of Theory and Practice of Journalism]. – 2016. – V. 5. – No.1. – P. 14–28. [In Russian]
7. Dmitrovskii A.L. Teorii zhurnalistiki: pochemu oni «ne rabotayut»? (Problema sinergeticheskogo podkhoda k zhurnalistskim yavleniyam) [Journalism Theories: Why don't they “Work”? (Problem of a synergistic approach to journalistic phenomena)] / A.L. Dmitrovsky // Voprosy teorii i praktiki zhurnalizma [Questions of Theory and Practice of Journalism]. – 2019. – V. 8. – No.1. – P. 36–56. [In Russian]
8. Dunas D.V. K voprosu o klassifikatsii teorii SMI [On the Classification of Media Theories] / D.V. Dunas // Vestn. of Mosc. University. Series: Journalism. – 2011. – No. 4. – P. 27-41. [In Russian]
9. Neskryabina O. F. Mediapsikhologiya i mediaetika [Media Psychology and Media Ethics] / O.F. Neskryabina. – Krasnoyarsk: SibUI, 2008. – 179 p. [In Russian]
10. Svitich L.G. Izuchenie zhurnalistiki v kontekste obshchenauchnykh paradigm [Studying Journalism in the Context of General Scientific Paradigms] / L.G. Svitich // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Questions of the Theory and Practice of Journalism]. – 2016. – V. 5. – No. 4. – P. 546-561. [In Russian]
11. Solganik G.Ya. Obshchaya kharakteristika yazyka sovremennykh SMI v sopostavlenii s yazykom SMI predshestvuyushchego perioda [General Characteristics of the Language of Modern Media in Comparison with the Language of the Media of the Previous Period] / G.Ya. Solganik // Language of Mass and Interpersonal Communication. M.: MediaMir, 2007. – P. 15–39. [In Russian]
12. Sukhodolov A.P. Razrabotka aspektov teorii mediasfery s primeneniem matematicheskogo modelirovaniya, kognitivnoi metodologii i sistemnogo analiza [Development of aspects of the Theory of the Media Sphere using Mathematical Modeling, Cognitive Methodology and System Analysis] / A.P. Sukhodolov, V.A. Marenko // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Questions of the Theory and Practice of Journalism]. – 2018. – V. 7. – No. 3. – P. 347-360. [In Russian]
13. Sukhodolov A.P. Tipologicheskie aspekty sistemnogo predstavleniya SMI [Typological Aspects of the Systemic Representation of the Media] / A.P. Sukhodolov, I.A. Kuznetsova // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Questions of the Theory and Practice of Journalism]. – 2019. – V.8. – No.2. – P. 244–259. [In Russian]
14. Teacher S. Metody analiza teksta i diskursa [Text Analysis and Discourse] / S. Teacher, M. Meyer, R. Vodak, E. Vetter; trans. from English – X.: Publishing House “Humanitarian Centre,” 2009. – 356 p. [In Russian]
15. Fillips L. Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse Analysis. Theory and Method] / L. Phillips, M.V. Jorgensen; transl. from English – 2nd ed. – X.: Publishing House “Humanitarian Centre,” 2008. – 352 p. [In Russian]
16. Hyell L. Teorii lichnosti [Personality Theories] / L. Hyell, D. Ziegler; translated from English – St. Petersburg: Piter, 1997. – 608 p. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.113>

**КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ТРАДИЦИИ Н.ФЭРКЛО:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

Научная статья

Олешкова А.М.*

ORCID: 0000-0001-8542-6067,

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Нижний Тагил, Россия

* Корреспондирующий автор (oleshkova[at]bk.ru)

Аннотация

В статье обозначена специфика критических дискурсных исследований Н. Фэркло, особенность метода показана в парадигме дискурс-анализа. Выявлен потенциал методики для социально-философских исследований. Понятие дискурса получает развитие в философских науках. Для понимания возможностей его применения следует учесть идеи М. Фуко, Ж. Лакана, З. Фрейда, К. Маркса, Л. Альтюссера. В логике, которую предлагает Н. Фэркло, можно не только определить особенности социальных практик в разных сферах жизни, изучить механизм формирования идентичности, являющейся динамичной категорией, и, что видится нам самым важным, придать технологичность и эмпиризм социально-философскому анализу.

Ключевые слова: дискурс, критический дискурс-анализ, субъект, социальные практики, фрейдизм, альтюссеризм, Лакан, Фуко.

**CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS IN THE TRADITION OF NORMAN FAIRCLOUGH:
SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT**

Research article

Oleshkova A.M.*

ORCID: 0000-0001-8542-6067,

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (Branch) of the Russian State Professional and Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russia

* Corresponding author (oleshkova[at]bk.ru)

Abstract

The article outlines the main characteristics of Norman Fairclough's critical discourse studies; the feature of the method is shown in the paradigm of discourse analysis. The potential of the methodology for socio-philosophical research is revealed. The concept of discourse evolves in philosophical sciences. To understand the possibilities of its application, the ideas of M. Foucault, J. Lacan, Z. Freud, K. Marx, and L. Althusser should be taken into account. Norman Fairclough suggests that one can not only determine the features of social practices in different areas of life, study the mechanism of forming an identity, though a dynamic category, but also give technological effectiveness and empiricism to socio-philosophical analysis, which we find of primary importance.

Keywords: discourse, critical discourse analysis, subject, social practices, Freudianism, althusserianism, Lacan, Foucault.

Нужно понимать, что философская наука, исторически оправдано претендуя на статус супернауки, позволяет рассмотреть самую масштабную связь человека и окружающего мира, которая только лишь в базовом перечислении включает в себя социальные, культурные, политические, экономические аспекты, а также позволяет выходить на социально-биологический модус бытия человека. Другими словами, философия является самой глобальной оптикой интерпретации социального в контексте междисциплинарного знания.

Как следствие, не менее значимым с точки зрения ракурса применения является феномен «дискурса», который на протяжении всего «лингвистического поворота» в науке и вплоть до относительного торжества постмодернистской парадигмы, имеет важное методологическое и мировоззренческое значение, как для философии, так и других дисциплин. Например, прежде чем использовать дискурс в категориях лингвистики или социологии, следует обратиться к его философским истокам.

В самом радикальном взгляде, наделяющем дискурс фундаментальными характеристиками, этот феномен представляет собой все объекты социального мира, включая знания, истины, идентичности. Дискурс ограничивает действия субъекта, ставит под вопрос модусы субъектности.

В целом, можно иметь ввиду следующие трактовки дискурса: 1) аналог речи, высказывания, в т.ч. через противопоставление язык – речь; 2) совокупность высказываний и их воздействие; 3) беседа; 4) речь, понятая в имплицитных категориях, позволяющих интерпретировать говорящего субъекта; 5) система ограничений [8, с. 26].

Вторая и пятая трактовки особенно значимы для характеристики критической ветви дискурс-анализа. С учетом четвертой обозначенные варианты понимания категории «дискурса» позволяют выходить не только на лингвистические, но и социально-философские аспекты темы, прежде всего, через феномен «идеологии».

В этой связи следует обозначить синтез теорий Альтюссера, Фуко, Фрейда, Маркса. Примечательно, что Альтюссер изучал «Капитал» Маркса с помощью методов интерпретации снов Фрейда [8, с. 9]. Обращаясь к феномену идеологии, Альтюссер сформировал основы анализа дискурса как методики, являющейся базой науки об идеологии [3]; [4]. Также показательно, что одновременно с Альтюссером разрабатывает понятие дискурса и М. Фуко, в идеях которого категория «власть» была тесно переплетена со «знанием», что дает возможность выйти на институциональные основы дискурса: армия, церковь, больница и др. [11]; [12].

Обозначенные социально-философские интерпретации дискурса, во-первых, позволяют сосредоточиться на дискурсе как системе ограничений, которые приписывают субъекту новый статус, позволяют говорить о новых модусах субъектности; во-вторых, сводят многообразие нюансов как в сущностной демаркации термина, так и в методическом его использовании к дискурсу доминирования, в котором ключевой категорией будет понятие «власть».

Социальные практики – термин, который позволяет свести воедино активность человека в разных сферах: потреблении, политике, семье, профессии, досуге ит.д. С точки зрения Фэркло, это понятие позволяет сбалансированно понимать социальную структуру и социальное развитие общества [1]. Существуют самые разнообразные примеры социальных практик, что позволяет составить общее представление об активности человека, понять ее многогранность: урок в школе, новостная лента в социальной сети, ужин с друзьями, прогулка в парке и др. Важно понять, насколько субъект свободен в этих социальных практиках, и как они, практики, отражают его субъектность.

При всем многообразии активности человека, социальных групп и, в конечном счете, общества понятие социальных практик позволяет комплексно понимать социальную динамику и структуру, этим объясняется «центрирование» концепции социальных практики, которые всегда стабильны и строятся на дискурсе.

Фэркло выделяет следующие элементы практик, которые связаны друг с другом, нуждаются в трансдисциплинарном изучении, в котором, как представляется, системообразующая роль могла принадлежать социальной философии: мероприятия, субъекты и их социальные отношения, инструменты, объекты, время и место, форма сознания, ценности, рассуждение [1].

Критический дискурс-анализ позволяет установить диалектические связи между этими элементами, учесть все многообразие семиозиса, невербальные коммуникации, визуальные образы. Дискурс упорядочивает социальные практики, может менять свое значение, и в одной социальной практике может быть более упорядоченным, чем в другой.

Фэркло выделяет три способа функционирования дискурса в социальных практиках.

1) как часть социальной практики, социальная активность субъекта, связанная с его профессиональной деятельностью, как следствие, использование соответствующего языка. Например, если субъект связан с процессом управления, он будет соответствующим образом выстраивать коммуникацию. И не так важно, в какой именно сфере он осуществляет менеджмент.

2) репрезентация и рефлексия чужих и своих практик, данные процедуры являются конструкционистскими, обуславливают разницу между образами субъектов в глазах друг друга

3) как следствие, дискурс – часть идентичности, в глобальном смысле, как образ бытия, а также связан со стилем: поведение политика, ученого, обывателя [1].

Совокупность социальных практик составляет социальный порядок. Социальный порядок может быть представлен на глобальном и локальном уровнях: идеологии, системы воспитания, традиция, корпоративные ценности и т.д. Социальный порядок имеет конкретно-историческое измерение с точки зрения времени и топоса. Дискурсы как аспекты социального порядка формируются за счет различных механизмов, прежде всего, через механизм доминирования. Дискурсы всегда открытые системы, на которые могут действовать и внешние факторы.

Методика, предложенная Фэркло, состоит из трех элементов: описание, интерпретация, объяснение, – позволяющих соединить лингвистические и экстралингвистические факторы. Начиная с анализа лингвистических свойств текста, автор выходит на интерпретацию дискурсивной практики и установление ее связи с социальной практикой.

Существуют более или менее явные системы отношений, в которых это доминирование есть. Очевидные модели: врач – пациент, учитель – ученик, адвокат – доверитель, начальник – подчиненный и т.д. Особенно показательным для анализа является диалог доктора и пациента [10, с. 209-211]. При этом следует понимать, что этот пример является своего рода идеальной моделью. В иных случаях, особенно при анализе медиадискурса [2], критические ресурсы дискурс-анализа позволяют выявить более скрытые смыслы доминирования, подчинения и специфики их легитимизации.

Семиотическое структурирование различий в дискурсе можно проследить через отношение субъекта к легитимирующему дискурсу, противостояние гегемонии.

Дискурсы подразумевают представление том, каковы вещи, и каковы они могут быть, мысль о воображаемых мирах также является дискурсом. Социальная практика состоит из комплекса связующих элементов: субъекты, их активность, пространство и время, объекты, т.е. весь спектр онтологических свойств мира. Дискурс может сохранять воображаемый статус, представлять лишь образ желаемой ситуации, но при этом он способен к процедуре материализации. Фэркло приводит в пример экономику знаний [1]. Приведем несколько примеров, касающихся политических режимов и сферы образования.

Мы знаем, что из себя в теории представляет демократия, точнее, что она должна представлять. Нормативным проявлением этой системы будут свободная пресса, избирательный процесс, гражданское общество и др. Внутри дискурса может быть своя иерархия, развертывания частных ситуаций в разных жанрах. Также воображаемый дискурс сопряжен с идентичностью. Он как бы учит субъекта новому бытию. Воображаемый дискурс сопряжен с образом жизни.

«Прививка» нового дискурса, если она проходит успешно, дает возможность говорить субъекту на языки «своих». Важно понимать, что риторика может бессознательно стать знанием субъекта. В этой связи интересно сопоставление Альтоуссером идеологии не с сознанием, а именно с бессознательным [8, с. 22]. Очевидно в обоих случаях влияние психоанализа.

Сеть социальных практик – это процесс демонстрации субъектами своих репрезентаций и рефлексий относительно друг друга. Бесконечный обмен образами действительности, представлениями и интерпретациями. О себе самих и о других.

Дискурс можно представить в категориях диалектики. Его циркуляция может приводить к принятию или отвержению на уровне институциональности или субъектности.

Например, язык менеджмента, избыток англицизмов, в целом, экономическая метафорика с лагом около 10 лет проникли и в новейшую систему образования, после того, как сначала региональный бизнес также заимствовал эти понятия из федеральных (центральных) институциональных образцов. В пример можно привести отечественные рекламные агентства, которые, в свою очередь, заимствовали дискурс у западных коллег. Следует подчеркнуть, что именно в европейской истории науки и интеллектуальной истории возникла капиталистическая система в широком смысле слова (тут отдельной линией выхода на социально-философский анализ могут быть тексты С. Жижека, критикующего капитализм через понятие «власть», «насилие» [7], что также позволяет выйти на дискурсные исследования). Таким образом, опуская детализацию ряда этапов, можно сказать, что усвоение управленческого дискурса определяет и новый облик педагогической среды. Сравним, интеллектуальную атмосферу (визуально, и по формальным отличиям, и по способам коммуникации, тематикам обсуждения, невербальным отношениям между участниками) времен семинаров Ж. Лакана [6] и любым вебинаром сегодня, так активно практикующимися в современной действительности. Обратим внимание, популярность и неразличимость методики вебинаров, языкового их наполнения – общие черты присущи и бизнесу, и образованию и даже религии. В частности, можно привести понятия, которые мы считаем признаками таких перемен в педагогике: коворкинг, квиз, квест, бизнес-инкубатор и др. Облик управленца в фирме и университете сливается в общий технократический образ.

Выявление доминирующего способа взаимодействия субъекта позволяет выйти на характеристики порядка дискурса, на его иерархию, которая присуща любому социальному явлению.

Таким образом, критический дискурс-анализ, в частности, в традиции Н. Фэркло (следует отметить, что можно проанализировать и методики Р. Водак, Т. ван Дейка [5]; [9] и др.) обладает рядом конструктивных характеристик, способных обогатить социально-философский анализ. В мировоззренческом отношении он продолжает линию критических исследований, выраженных в социальной философии, среди прочего, в теориях франкфуртской школы, марксизме и психоанализе. В методологическом плане подход Фэркло позволяет привнести технологичность в философские исследования, нередко, на наш взгляд, напрасно, не имеющих такой задачи, кроме того, данная редакция критического дискурс-анализа релевантна, в целом, философским исследованиям, тем более социального характера, поскольку отвечает духу «лингвистического поворота», который в совокупности с «визуальным поворотом» позволяет рассматривать различные аспекты социального как «текст» в глобальном смысле слова.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Fairclough N. The Dialectics of Discourse [Electronic resource]. URL: <https://www.sfu.ca/cmns/courses/2012/801/1-Readings/Fairclough%20Dialectics%20of%20Discourse%20Analysis.pdf> (accessed: 15.04.2020).
2. Fairclough N. Media Discourse [Electronic resource]. URL: <http://bookre.org/reader?file=2258072&pg=1> (accessed: 15.04.2020).
3. Альтюссер Л. За Маркса / Пер. с франц. А. В. Денежкина. М.: Праксис, 2006. 392 с. (Серия «Новая наука политики»).
4. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Rulit [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva-read-551073-1.html> (дата обращения 14.04.2020).
5. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? / Пер. с англ. Х.: изд-во «Гуманитарный Центр» / Кочергина Е.Н., Гритчина О.В., 2018. 404 с.
6. Жан Лакан говорит. Документальный фильм. Русские субтитры [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X5wosl6MGEM> (дата обращения: 2.05.2020).
7. Жижек С. О власти. М.: Издательство «Европа», 2010. – 184 с.
8. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. си. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. И.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. 416 с.
9. Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
10. Тичер С., Мейер, Р. Водак, Е. Ветгер. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с нем. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2017. – 356 с.
11. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь, 1996. 448 с.
12. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Fairclough N. The Dialectics of Discourse [Electronic resource]. URL: <https://www.sfu.ca/cmns/courses/2012/801/1-Readings/Fairclough%20Dialectics%20of%20Discourse%20Analysis.pdf> (accessed: 15.04.2020).
2. Fairclough N. Media Discourse [Electronic resource]. URL: <http://bookre.org/reader?file=2258072&pg=1> (accessed: 15.04.2020).
3. Al'tjusser L. Za Marksa [Pour Marx] / Per. s franc. A. V. Denezhkina. M.: Praksis, 2006. 392 p. (Serija «Novaja nauka politiki»). [in Russian].
4. Al'tjusser L. Ideologija i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlja issledovanija) [Ideology and ideological apparatus of the state] [Electronic resource] // Rulit. URL: <https://www.rulit.me/books/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva-read-551073-1.html> (accessed 14.04.2020). [in Russian].

5. Vodak R. Politika straha. Chto znachit diskurs pravyh populistov? [Politics of fear. What does the discourse of right-wing populists mean?] / Per.s angl. H.: izd-vo «Gumanitarnyj Centr» / Kochergina E.N., Gritchina O.V., 2018. 404 p. [inRussian].
6. Zhan Lakan govorit. Dokumental'nyj fil'm. Russkie subtitry [Jean Lacan says] [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X5wosl6MGEM> (accessed: 2.05.2020).
7. Zhizhek S. O vlasti [About power]. M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2010. – 184 p. [in Russian].
8. Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa [Quadrature of meaning: the French school of discourse analysis]. Per.s fr.i portug. / Obshh.red. i vstup.si. P. Serio; predisl. Ju.S. Stepanova. I.: OAO IG «Progress», 2002. 416 p. [inRussian].
9. Tjon A. van Dejk. Diskurs i vlast': reprezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii [Discourse and power: representation of dominance in language and communication]. Per.s angl. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. 344 p. [inRussian].
10. Ticher S., M. Mejer, R. Vodak, E. Vetter. Metody analiza teksta i diskursa [Methods of text and discourse analysis] / Per.s nem. – H.: Izd-vo Gumanitarnyj Centr, 2017. – 356 p. [in Russian].
11. Fuko M. Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let [The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Per. s franc. – M., Kastal', 1996. 448 p. [in Russian].
12. Fuko M. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [The birth of biopolitics. Course of lectures delivered at the Collège de France in the academic year 1978-1979] / Per. s fr. A. V. D'jakov. SPb.: Nauka, 2010. 448 p. [in Russian].

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.114>

**ОБЫЧАИ ВЗАИМОПОМОЩИ, СВЯЗАННЫЕ С ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЧЕЧЕНЦЕВ В XIX – НАЧ. XX В.**

Научная статья

Хасбулатова З. И.¹, Исакиева З. С.^{2,*}

¹ Чеченский государственный университет, Грозный, Россия;

² Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия

* Корреспондирующий автор (zulai-787[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются традиционные формы общественного быта и общения чеченцев. В статье мы предполагаем изучить группы-формы общественного быта, особенности культуры поведения, этикета и общения чеченцев в практиках оказания взаимопомощи с хозяйственной деятельностью.

Для раскрытия темы необходимо решить некоторые задачи, т. е. исследовать разновидности и формы функционирования обычая взаимопомощи; исследовать и объяснить причины сохранения и распространения одних форм взаимопомощи в более широких масштабах, других – в меньшей степени; определить место и роль обычая взаимопомощи в традиционной хозяйственной жизни чеченцев в XIX- XX вв. При решении данных вопросов статья опирается на полевые материалы, собранные в разных районах Чечни, Ингушетии, и республиках Северного Кавказа. Для проведения историко-культурных сравнений в статье мы воспользовались также исследованиями, которые рассматривали обычаи взаимопомощи у других народов Северного Кавказа.

На конкретном полевом материале мы стремились показать степень выраженности и связи того или иного вида взаимопомощи от хозяйственного направления семьи.

Ключевые слова: взаимопомощь, семья, хозяйство, земледелие, обычаи, уборка урожая, вспашка, сев, обработка шерсти, община, чеченцы.

**MUTUAL HELP CUSTOMS RELATED TO THE ECONOMIC ACTIVITIES
OF THE CHECHENS IN THE XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURY**

Research article

Khasbulatova Z. I.¹, Isakieva Z. S.^{2,*}

¹ Chechen State University, Grozny, Russia;

² Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia

* Corresponding author (zulai-787[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the traditional forms of social life and communication of Chechens. In the article, we intend to study group forms of social life, especially the culture of behavior, etiquette, and communication of Chechens when providing mutual help with economic activity.

In order to uncover the topic, it is necessary to solve some problems, that is, to explore the varieties and forms of the functioning of the custom of mutual help; to consider and explain the reasons for the preservation and spread of some forms of mutual help on a wider scale, others to a lesser extent; to determine the place and role of the custom of mutual help in the traditional economic life of Chechens in the 19th and 20th centuries. In addressing these issues, the article relies on field materials collected in different regions of Chechnya, Ingushetia, and the republics of the North Caucasus. To conduct historical and cultural comparisons in the article, we also used studies that examined the customs of mutual help among other peoples of the North Caucasus.

Specific field material helps us to show the degree of expression and connection between a particular type of mutual help and the economic direction of the family.

Keywords: mutual help, family, household, agriculture, customs, harvesting, plowing, sowing, wool processing, community, Chechens.

Большое значение у народов Северного Кавказа имел институт взаимопомощи в быту. Одним из традиционных обычаев, который занимал существенное место в системе хозяйственной и семейной жизни чеченцев и появление которого связано с трудовой деятельностью людей – это обычай взаимопомощи – «белхи». Взаимопомощь – «белхи» – от слова «болх» – что значит труд, трудиться – один из наиболее типичных обычаев народов Кавказа своими корнями уходящий в глубокую древность. Известный этнограф-кавказовед Г.Ф. Чурсин уделил большое внимание институту взаимопомощи у кавказских народов, в том числе и чеченцев. Он отмечал, что на первом месте должна быть трудовая помощь среди родственников, соседей, односельчан [1, С. 26].

Исследователь общинного быта Ф. Щербина о взаимопомощи писал: «В тех случаях, когда взаимопомощь была соединена с производственными процессами, она носила характер общинной формы труда. Горец тут действовал артелью или скопом, и, строго говоря, не существовало ни одного вида хозяйственной деятельности, к которой не прилагал бы горец этой излюбленной формы взаимопомощи» [2, С. 142.].

Об этом же свидетельствуют и наши материалы, которые рассказывают о взаимопомощи среди чеченского населения во всех видах хозяйственной деятельности.

Известно, что традиционно чеченцы занимались земледелием, скотоводством и народными промыслами. Конечно, эти отрасли в разных районах Чечни были развиты не одинаково, что было связано с многообразием природных условий

Обычаи взаимопомощи, возникшие в глубокой древности, были одной из характерных черт хозяйственного и семейного быта чеченцев. Они играли значительную роль в хозяйственной жизни, ускоряя и облегчая труд отдельной семьи при строительстве дома или иных сельскохозяйственных работах и других каких-либо трудоемких занятиях. В некоторой степени институт взаимопомощи отражал уровень социально – экономического развития чеченского народа, специфику хозяйственного уклада, характеризуя этику и мораль общества на определенном этапе (XIX – нач. XX в.) исторического развития. Но в кавказоведческой литературе исследование некоторых вопросов, связанных с проблемами взаимопомощи у народов Кавказа, не получило должного развития несмотря на то, что эта проблема рассматривалась в некоторых работах дореволюционных авторов [3]. Определенный интерес в этой связи представляет работа Г.Ф. Чурсина [1]. Автор дает некоторые сведения о разных формах взаимопомощи у народов Кавказа: проведении различных сельскохозяйственных работ, сооружении жилых и хозяйственных построек, организация и устройство свадеб и похорон и др. Сведения о разных формах взаимопомощи имеются в работах исследователей-кавказоведов у других народов Кавказа [4, С.272 – 277; С. 254 – 274; С.96 – 103 и др.].

Взаимопомощь – «белхи» – от слова «болх» – что значит труд. Трудиться – один из наиболее типичных обычаев народов Кавказа, своими корнями, как было отмечено, уходящий в глубокую древность.

Исследователь общинного быта Ф. Щербина о взаимопомощи также писал: «В тех случаях, когда взаимопомощь была соединена с производственными процессами, она носила характер общинной формы труда. Горец тут действовал артелью или скопом, и, строго говоря, не существовало ни одного вида хозяйственной деятельности, к которой не прилагал бы горец этой излюбленной формы взаимопомощи» [2, С. 142].

Об этом же свидетельствуют и наши полевые материалы, которые рассказывают о взаимопомощи среди чеченского населения во всех видах хозяйственной деятельности.

Известно, что традиционно чеченцы занимались земледелием, скотоводством и народными промыслами. Конечно, эти отрасли в разных районах Чечни были развиты не одинаково, что было связано с многообразием природных условий.

Рассмотрим вид взаимопомощи, связанный с земледелием. Чаще всего она организовывалась родственниками или соседями для различного рода сельскохозяйственных работ: при посеве, прополке, уборке урожая. Осенью или в зимний период организовывалась помощь в лущении кукурузы, фасоли. В таких мероприятиях принимала участие женская половина общества, куда приходили и парни, но не столько для работы, сколько для развлечения [5, С.336]. Согласно собранным нами полевым материалам, такие формы взаимопомощи организовывались специально для девушек, гостий-девушки или парней для общения. На таких мероприятиях молодые люди танцевали, пели песни, т.е. это становилось местом встречи, общения, выбора спутника жизни. С другой стороны – это могло быть и местом смотрин для девушек, поскольку женщины смотрели, насколько девушки умеют вести себя, как одеты и т. д. [6, ПМА]

Наиболее активной помощью была осенью во время сенокоса и уборки сена, садовых плодов, винограда и др. Все виды работ заканчивались совместной трапезой, танцами, весельем [7, ПМА].

Как отмечает этнолог Ю. И. Семенов, люди объединялись не только для оказания помощи нуждающимся, но также и для объединения средств труда для обработки земли, сева, сбора урожая, обмолота и т.д. Так например, если у одного из группы, состоящей в основном из родственников, имелись орудия труда и сельскохозяйственный инвентарь, а у другого – рабочий скот, они объединялись [8, С.36]. Такой вид, как и другие формы взаимопомощи, были известны и другим народам Кавказа, например, у кабардинцев, осетин, ингушей [9.С 282- 283; С. 445 – 447; 90 – 105 и др.]

Полевые материалы говорят о том, что в некоторых сельских обществах участки земли, полученные у чеченцев (XIX – начало XX века) для квартала с согласия их владельцев не делились на мелкие паи – «дакшош», а обрабатывались все вместе, как правило, родственниками. Такой вид взаимопомощи, для которой была обязательной помощь родственников на всех этапах производства и общность средств производства в процессе труда, возможно следует считать наиболее архаичной и восходящей к патриархально-родовому строю. Об архаичности этого вида взаимопомощи говорит и тот факт, что в подобных родственных коллективах, независимо от вклада в коллективный труд, урожай делился поровну. Некоторые семьи не могли принимать участие в подобных объединениях ни тягловой силой, ни инвентарем, ни рабочей силой, т. к. в чеченских селениях встречалось значительное количество малоимущих семей – это вдовы с малолетними детьми, одинокие старики, не имеющие сыновей. В таких случаях помощь оказывалась безвозмездно. Это была своего рода поддержка слабых чеченских семей, хозяйств, что в итоге способствовало сохранению экономической стабильности. Нам представляется, что институт взаимопомощи, охватывая разные стороны жизни чеченцев, играл важную роль в том, что в Чечне, как и на всем Северном Кавказе, нищих практически не было.

Жизнеспособность и жизнестойкость родственных семей – патронимии – «гара», в некоторой степени обеспечивалась благосостоянием составляющих ее семей и отсюда то большое значение, которое община в целом придавала институту взаимопомощи.

Все виды взаимопомощи имели свои определенные варианты, т.е. включали разные элементы: хозяйственно-трудовые, бытовые, праздничные, ритуальные и другие.

Так, например, информатор из с. Старая Сунжа рассказала о родственнике, который вынужден был произвести забой травмированного быка. Мясо было быстро раскулено родственниками, чтобы хозяин мог восстановить потерю [10, ПМА]. Подобные случаи встречались и у других северокавказских народов, например, у сюргинских даргинцев [11, С. 186].

Значительное место в хозяйственной деятельности чеченцев занимали ремесла и промыслы. Традиции взаимопомощи проникли в сферу кустарно-ремесленного производства чеченцев и укоренились в рассматриваемое время. Чеченские женщины занимались обработкой шерсти, выделывали из шерсти ковры – «кьорза истанг», паласы, сукна, войлок, а также разные изделия: обувь, бешметы и многое другое [12. С. 86].

Существенное место в хозяйственной жизни занимали сборы женщин для помощи родственнице или односельчанке в первичной и последующей обработке шерсти-сырья, лежащего в основе суконно-ткацкого, войлочного-бурочного производства. Значительное место в народных промыслах занимала выделка овчины и кожи. Признанным центром бурочного производства были такие селения как Толстой-Юрт, Старые Атаги, Шали.

Важную роль в хозяйстве чеченцев играла помощь, связанная со строительными-ремонтными работами. Примечательно, что члены семейно-родственной группы оказывали помощь при строительстве дома для молодой семьи. При этой форме взаимопомощи соблюдалось половое разделение труда. Тяжелую работу выполняли мужчины (подготовка леса, покрытие крыши и др.), а обмазкой дома занимались женщины. Саман изготавливали совместно и мужчины, и женщины. «Белхи» обязательно сопровождался общей трапезой, (мужчины и женщины принимали пищу отдельно) песнями и танцами. Родственники молодой пары оказывали посильную помощь.

Взаимопомощь оказывалась в устройстве свадеб, похорон и т.д. Это выражалось в преподнесении подарков (отрезы материи, предметы домашней утвари, готовая одежда, небольшая сумма денег и т.д.).

Одной из форм взаимопомощи в традиционном чеченском обществе считалось одалживание, как продуктами питания, так и рабочим скотом. Морально-этические нормы не позволяли отказывать нуждающимся в чем-либо. Тем не менее, после захода солнца давать кому-либо соль, режущие предметы, металлическую утварь и особенно огонь из очага не рекомендовалось. Считалось, что вместе с этим уходит достаток, удача, благополучие из этого дома. Также не одобрялось дарить, одалживать и выносить из дома обувь и одежду ребенка, кормящей матери, беременной женщины, невесты и т.д.

У всех народов Кавказа, в том числе и чеченцев, обычай родственной или соседской взаимопомощи выступал как сложный и многогранный институт, который исходил из особенностей хозяйства и специфики социальных отношений.

В чеченском традиционном обществе, собравшиеся на помощь люди (родственники, соседи или односельчане), придерживались целого комплекса этических норм. По нормам этикета каждый из присутствующих старался сделать больше, лучше, завершив работу на своем участке, помогал другим. Начинали и завершали работу все вместе. Хозяин также принимал участие, работая наравне со всеми, но никогда не указывал на недостатки, не упрекал участников «белхи» в недобросовестности.

Этика предъявляла и определенные требования к пришедшим на «белхи». Считалось неэтичным работать плохо, «спустя рукава». Среди пришедших на «белхи» могли быть острословы, шутники, которые высмеивали ленивых работников. Нормы и правила этикета требовали от участников «белхи» работать с полной отдачей, здесь присутствовал дух состязательности – «яхь» [13, ПМА].

Главную работу выполняли женщины. Несмотря на то, что работа была связана с глиной, девушки приходили красиво одетыми. Девушки на «белхи» демонстрировали свою ловкость, умение, сноровку, что вызывало похвалу и восхищение присутствующих. Многие восклицали в адрес таких девушек: «Ирс ду и йо1 керта кхочу чера» – «Счастлив двор, куда войдет эта девушка»; «Оьзда ю, хаза ю, г1илакх долуш ю, белха кади ю, лелар хаза ду, бедар оьзда ю» – «Красива, умеет соблюдать нормы, ловка при работе, одета со вкусом» [14, ПМА]. На «белхи» молодежь могла проявить свои способности и завоевать репутацию завидного жениха или невесты. Для чеченцев участие в «белхи» было обязательным, необходимым делом. Во время этого мероприятия проявлялись чувства коллективизма, ответственности.

Традиционно этот обычай не был ни обязанностью, ни разновидностью трудовой повинности населения. Помощь односельчанину или родственнику оказывалась добровольно, без принуждения. Участие во взаимопомощи, в какой бы форме она не проявлялась, член коллектива считал своим моральным долгом.

Обычай родственной взаимопомощи достаточно широко был распространен и у народов Северного Кавказа, Средней Азии и России [15, С.323 -324; С. 244]. Это является подтверждением мысли о том, что одинаковые или схожие условия хозяйственно-экономической и социальной жизни общества порождают схожие или идентичные обычаи, обслуживающие общественный быт этих обществ.

Так, например, в тяжелейшие годы, связанные с депортацией в Казахстан и Среднюю Азию, чеченцы благодарны казахскому, киргизскому и другим народам, которые жили в этих республиках, за материальную и моральную помощь и поддержку, безвозмездно оказанную им.

Оказавшись в Казахстане, чеченцы не нарушали своего морального кодекса и во взаимоотношениях с другими народами придерживались своих обычаев и этических норм поведения.

Жизнеобеспечение чеченцев выработало дух коллективизма и трудовой взаимопомощи. Освоение труднодоступных участков для выращивания зерновых культур, необходимость дачи отпора непрошеным гостям, горе, несчастья, потери кормильцев в семье всегда сближали людей. Это особенно ярко проявилось в годы депортации [16, С.148].

И в наше время среди лучших традиций, унаследованных от прошлых поколений, обычай взаимопомощи функционирует, продолжает жить, когда нуждающиеся в рабочей силе или испытывающие временные материальные затруднения, получают безоговорочно и безвозвратно помощь от своих родственников, соседей и т.д. Традиции взаимопомощи характеризуют важнейшие стороны культурно-бытовой жизни чеченцев.

Таким образом, «белхи» являлся, с одной стороны, местом общения людей разного возраста, с другой, школой трудового и нравственного воспитания, где происходил обмен знаниями, закреплялись и передавались производственные навыки и нормы поведения.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы /References:

1. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. С. 22-41.
2. Щербина Ф. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный Вестник. Отд. 2. №2. М., 1886. С. 142
3. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, Т.1., СПб.,1876. ; Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1882; Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон М.,1886; его же: Закон и обычай на Кавказе. М.,1883 – 1889 др.
4. Егорова В.П. Пережиточные формы в общественном быту народов Дагестана в XIX – начале XX вв.// Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачала,1986, С.272 - 277; Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет в обычаях взаимопомощи // Культура поведения и этикет в семейном и общественном быту ногайцев / XIX – начало XX века/ Махачкала, 2007, С. 254 – 274; Бабич И. Взаимопомощь // Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М.,1995, С.96 – 103.
5. Хасбулатова З.И. Традиции коллективной взаимопомощи // Чеченцы. Сер. Народы и культуры. М., 2012. С. 336.
6. ПМА. Инф. Юсупова Хъава, 1917 г.р., с. Урус-Мартан, 1991.
7. ПМА. Инф. Тарамова Яхита, 1920- г.р., с. Герменчук, 1984; Сакаев Висхан, 90 лет, с. Эшилхотой, Веденский р-он, 1982 и др.
8. Семенов Ю.И. Взаимопомощь // Социально-экономические отношения и соционормативная культура: Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. С. 36.
9. Мамбетов Г.Х. Формы крестьянской взаимопомощи//История Кабардино-Балкарской АССР, Т.1, М.,1967; Магаметов А.Х. Взаимопомощь// культура и быт осетинского народа.Орджоникидзе,1968; Христианович В.П. Горная Ингушия. К материалам по экономике альпийского ландшафта. Ростов на Дону,1928.
10. ПМА. Инф. Мусаева Кокха, 1910 г.р., с. Старая Сунжа, 1980.
11. Лугуев С.А. Традиционные нормы межличностного и группового общения народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 2007. С. 186.
12. Маркграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 86; Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа // Весь Кавказ. Баку, 1914. Т. 1.
13. ПМА. Инф. Мазоалиева Ази, 1934 г.р., ст. Мекенская, Надтеречного р-на, 1982; Тагиров Усман, 1920 г.р., с. Борзой, Шатоевского р-на, 1984.
14. ПМА. Инф. Яндарова Табарик, с. Ведено, 100 лет. 1990.
15. Маан О. Общественный быт // Абхазы. Серия: Народы и культуры. М., 2007. С. 323-324; Заседателева Л. Б. Терский сборник. Вып. 3. М., 2018. С. 244.
16. Ермекбаев Ж. А., Исакиева З. С. Этнография жизни чеченцев в Центральном Казахстане. Теория и практика общественного развития (2014, № 20) Издательский дом «ХОРС» (Краснодар) 147-150.

Список литературы на английском языке / References in English.

1. Chursin G.F. Oчерki po etnologii Kavkaza [Essays on Ethnology of the Caucasus]. Tiflis, 1913. P. 22-41. [In Russian]
2. Shcherbina F. Obshchinni byt i zemlevladenie u kavkazskikh gortsev [Community Life and Land Tenure among Caucasian Highlanders] // North Herald. Dep.2. No.2. M., 1886. P. 142 [In Russian]
3. Dubrovina N. F. Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze [History of War and Russian Dominion in the Caucasus] V. 1, St. Petersburg, 1876; Leontovich F.I. Adaty kavkazskikh gortsev [Adats of the Caucasian Highlanders]. Odessa, 1882; Kovalevskii M.M. Sovremennii obychai i drevnii zakon [Modern Custom and Ancient Law] M., 1886; ego zhe: Zakon i obychai na Kavkaze [the very same: Law and Custom in the Caucasus]. M.,1883 – 1889. [In Russian]
4. Egorova V.P. Perezhitochnye formy v obshchestvennom bytu narodov Dagestana v XIX – nachale XX vv. [Remnant Forms in the Public Life of the Peoples of Dagestan in the XIX – Beginning of the XX Centuries] // Development of Feudal Relations among the Peoples of the North Caucasus. Mahachala, 1986, P.272 – 277 [In Russian]
5. Khasbulatova Z.I. Traditsii kollektivnoi vzaimopomoshchi [Traditions of Collective Mutual Help] // Chechens. Peoples and Cultures Ser. M., 2012. P. 336. [In Russian]
6. PMA. Inf. Yusupova Hyava [Field data of the author. Inf. Yusupova Hyava], born in 1917, Urus-Martan, 1991. [In Russian]
7. PMA. Inf. Taramova Yakhita, 1920, s. Germenchuk, 1984; Sakaev Vishan, 90 let [Field data of the author. Inf. Taramova Yakhita, born in 1920, p. Germenchuk, born in 1984; Sakaev Viskhan, 90 years old], Eshilkhatoy, Vedeno district, 1982. [In Russian]
8. Semenov Yu.I. Vzaimopomoshch [Mutual Help] // Socio-Economic Relations and Social Normative Culture: Code of Ethnographic Concepts and Terms. M., 1986. P. 36. [In Russian]
9. Mambetov G.Kh. Formy krestyanskoj vzaimopomoshchi [Forms of Mutual Help among Peasants] // History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic, V.1, M., 1967 [In Russian]
10. PMA. Inf. Musaeva Kokha [Field data of the author. Inf. Musaev Kokha], born in 1910, Staraya Sunzha, 1980. [In Russian]
11. Luguev S.A. Traditsionnye normy mezhlichnostnogo i gruppovogo obshcheniya narodov Dagestana v XIX – nachale XX v. [Traditional Norms of Interpersonal and Group Communication of the Peoples of Dagestan in the 19th - early 20th Centuries] Makhachkala, 2007. P. 186. [In Russian]
12. Markgraf O.V. Oчерki kustarnykh promyslov Severnogo Kavkaza s opisaniem tekhniki proizvodstva [Essays on Handicrafts of the North Caucasus with a Description of Production Techniques]. M., 1882. P. 86 [In Russian]
13. PMA. Inf. Mazoaliev Azi, 1934 g.r. [Field data of the author. Inf. Masoaliev Azi, born in 1934], Mekenskaya St., Nadterechny district, 1982; Tagirov Usman, born in 1920, Borzoy village, Shatoevsky district, 1984. [In Russian]
14. PMA. Inf. Yandarova Tabarik [Field data of the author. Inf. Yandarova Tabarik] Vedeno Village, 100 years old. 1990. [In Russian]
15. Maan O. Obshchestvennyi byt [Public Life] // Abkhazians. Series: Peoples and Cultures. M., 2007. P. 323-324; Zasedateleva L. B. Tersky Collection. Vol. 3. M., 2018. P. 244. [In Russian]
16. Ermekbaev Zh. A., Isakieva Z. S. Etnografiya zhizni chechentsev v Tsentralnom Kazakhstane [Ethnography of the Life of Chechens in Central Kazakhstan]. Theory and Practice of Social Development (2014, No. 20) Publishing House “HORS” (Krasnodar) 147-150. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.115>

ЖАЛОВАНИЕ И ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Научная статья

Гребенкин А.Н.*

ORCID: 0000-0001-9873-0092,
Академия ФСО России; Орел, Россия

* Корреспондирующий автор (angrebyonkin[at]mail.ru)

Аннотация

В статье дан содержательный анализ реформ, направленных на улучшение материального обеспечения преподавателей кадетских корпусов в начале XX в. Рассмотрен комплекс мероприятий, связанных с изменением правил оплаты труда педагогов, дана оценка их влияния на благосостояние учителей, обращено внимание на изменение правил пенсионного обеспечения преподавателей кадетских корпусов.

Ключевые слова: Российская империя, кадетские корпуса, преподаватели, жалование, пенсионное обеспечение.

SALARY AND PENSION SUPPORT OF TEACHERS OF CADET CORPS OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Research article

Grebenkin A.N.*

ORCID: 0000-0001-9873-0092,
Employee, Academy of Federal Security Service of Russia; Oryol, Russia

* Correspondent author (angrebyonkin[at]mail.ru)

Abstract

The article provides a meaningful analysis of reforms aimed at improving the material support of teachers of the cadet corps at the beginning of the XX century. A set of measures related to changing the rules for the remuneration of teachers is considered, an assessment of their impact on the welfare of teachers is given, and attention is paid to changing rules of pension provision of teachers of cadet corps.

Keywords: Russian Empire, cadet corps, teachers, salaries, pensions.

Введение

Эффективность образовательной деятельности любого учебного заведения во многом зависит от материального стимулирования работы педагогов. Дифференциация оплаты труда в соответствии с уровнем квалификации и стажем позволяет привлекать и удерживать опытных учителей, способствует их добросовестному отношению к занятиям. Опыт функционирования военно-учебных заведений дореволюционной России показывает, что скромное, в сравнении с преподавателями гражданских средних учебных заведений, жалование приводило к оттоку квалифицированных кадров и снижению уровня подготовки будущих офицеров. Цель настоящего исследования – характеристика мер, предпринятых в начале XX в. в целях повышения оплаты труда и пенсионного обеспечения преподавателей кадетских корпусов Российской империи, и оценка их эффективности.

Масштабная реорганизация образовательной деятельности кадетских корпусов, предпринятая в начале XX в. великим князем Константином Константиновичем, не могла не затронуть их педагогический состав. В 1880-90-е гг. военно-учебное ведомство, как и русская армия в целом, находилось в состоянии затяжного кризиса. Размеры жалования оставались практически неизменными в течение 20 лет, что не способствовало притоку в корпуса высококвалифицированных педагогов – как военных, так и гражданских. Поэтому одной из насущных задач инициированной великим князем военно-учебной реформы стало улучшение материального положения преподавателей кадетских корпусов.

Формальный статус преподавателей военно-учебных заведений, как и педагогов всех учебных заведений, дававших среднее образование, был достаточно высоким. Гражданские педагоги, состоявшие в штате корпуса, являлись государственными служащими и могли, не занимая никаких административных должностей, дослужиться до чина статского советника, который по Табели о рангах был одним классом выше полковничьего. Они награждались орденами за выслугу лет и могли рассчитывать на пенсионное обеспечение, размер которого зависел от их преподавательского стажа.

Однако вознаграждение труда гражданских преподавателей кадетских корпусов не соответствовало ни присвоенным им классным чином, ни их роли в подготовке офицерских кадров. До 1901 г. ставка оплаты за годовой час равнялась 71 р.; каких-либо надбавок, зависевших от уровня квалификации и стажа, не было. Таким образом, доход учителя, имевшего 15 уроков в неделю, составлял 1065 р. в год (или 88 р. 75 к. в месяц), и он не мог надеяться на прибавку жалования. В то же время цены неуклонно росли: в начале XX в. 400-граммовый батон хлеба стоил 4 к., 1 л молока – 14 к., 1 кг говядины – 45 к., пальто – 15 р. Неудивительно, что педагоги, особенно многодетные, стремились набрать как можно больше часов, чтобы прокормить семью.

Следует отметить, что жалование гражданских учителей кадетских корпусов существенно уступало жалованию приблизительно равных им по статусу офицеров и чиновников. Командир роты в чине капитана до 1909 г. получал 1260 р. в год (в т.ч. жалование – 900 р., столовые – 360 р.), командир батальона в чине подполковника – 1740 р. (жалование – 1080 р., столовые – 660 р.) [13, с. 118]. Ежемесячное денежное содержание этих офицеров составляло соответственно 105 и 145 р. в месяц. Старший чиновник для особых поручений при астраханском губернаторе (должность полагалась

в VI классе Табели о рангах, до которого учителя дослуживались сравнительно быстро) в 1903 г. получал 130 р. 44 к. в месяц. Денежное содержание учителя корпуса лишь немногим превышало заработок рабочих средней квалификации. Так, заработная плата плотника в Санкт-Петербурге в первое десятилетие XX в. составляла 79 р. 30 к. в месяц [5, с. 416].

Однако главной проблемой было то, что в начале XX в. материальное положение учителей, особенно опытных, в кадетских корпусах было хуже, чем в классических гимназиях и других средних учебных заведениях. Наставники кадетов не могли стать офицерами, имели сравнительно небольшие шансы получить хорошую должность в каком-либо государственном учреждении, зато беспрепятственно переходили в гражданские средние учебные заведения. Между тем, согласно Уставу гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения, принятому еще в 1871 г. и действовавшему вплоть до 1912 г., начинающий учитель, которому был присвоен четвертый разряд, получал за 12 уроков в неделю 750 р. в год, учитель третьего разряда со стажем более чем 5 лет – 900 р. в год. Педагоги с большим стажем могли претендовать на ставки жалования по второму и первому разрядам (1200 и 1500 р. в год соответственно), хотя количество этих ставок было ограничено. Таким образом, плата за годовой час молодого учителя (четвертого разряда) составляла 62,5 р., более опытного (третьего разряда) – 75 р., высококвалифицированных педагогов – 100 и 125 р. Дополнительные уроки начиная с 1901/02 учебного года оплачивались в размере 70 р. за годовой час. В коммерческих училищах и частных средних учебных заведениях ставки в размере 150 р. за годовой час не были редкостью. Кроме того, в отличие от учителей гражданских гимназий, которые со временем могли занять должности инспекторов, директоров, окружных инспекторов, инспекторов и директоров народных училищ и т.п., гражданские преподаватели кадетских корпусов не могли рассчитывать на продвижение по службе. Директорами корпусов становились исключительно офицеры, гражданские инспектора классов в XIX в. представляли собой весьма редкое исключение, а в начале XX в. их не было вовсе. Наконец, условия работы в интернате были гораздо тяжелее, чем в открытом учебном заведении.

Более выгодное материальное положение преподавателей гражданских средних учебных заведений и возможность карьерного роста приводили к оттоку лучших педагогических кадров из военно-учебного ведомства. Оставшиеся в корпусах невоенные педагоги были вынуждены, как уже отмечено выше, брать дополнительную нагрузку, зачастую совмещая преподавание в нескольких учебных заведениях. Это серьезно влияло на отношение учителей к их службе. Она воспринималась ими не как призвание, а как простое ремесло, которым приходилось заниматься ради заработка. Не связывая себя с конкретным заведением и не стремясь к повышению его статуса, такие педагоги были безучастны и к кадетам. Отбыв положенные часы, они спешили в другой корпус либо в гимназию или реальное училище. Возложить на них какие-либо дополнительные обязанности было невозможно. Кроме проведения большого количества уроков в корпусе и других учебных заведениях, многие учителя занимались репетиторством. Один из них, описывая свой рабочий день, отмечал: «После обеда, едва передохнувши, идешь на какой-нибудь частный урок, без которого опять-таки трудно обойтись семейному человеку, не имеющему других средств к жизни, кроме собственного труда» [1, № 4, С. 484]. Огромная нагрузка изматывала педагогов, не позволяла им готовиться к занятиям должным образом и быстро приводила к профессиональному выгоранию. Тот же учитель писал, что к вечеру от переутомления и раздражения он впадал «в какой-то гипноз», а подготовка к урокам обычно заключалась в следующем: «...я намечаю, кого и о чем спросу на другой день, да что задам к следующему разу. В лучшем случае просмотрю учебник, чтобы отметить места трудные для учеников, требующие особого разъяснения, и только редко-редко успеваю прочесть что-либо к уроку, пополнить багаж собственных познаний» [1, № 4, с. 486].

Руководители кадетских корпусов неоднократно выступали за то, чтобы, повысив денежное содержание учителей, превратить их из «гастролеров» в членов корпусной семьи. Генерал-майор Ф.А. Григорьев, в начале XX в. последовательно возглавлявший Михайловский-Воронежский и Первый кадетские корпуса, писал: «...что можно требовать от учителя, который, для едва приличного существования с семьей, должен иметь 40 уроков в неделю, завтракает на извозчике, имея занятия в 3-4 учебных заведениях?» [8, Л. 78]. Григорьев справедливо полагал, что такое положение педагогов негативно отражалось на результатах их труда. Чтобы добиться качественного проведения учебных занятий, он предлагал существенно улучшить материальное положение гражданских учителей, одновременно обязав их работать только в одном заведении: «Преподаватели в корпусе должны составлять такую же корпорацию и быть так же «пришиты» к корпусу, как воспитатели. Для лучшего подбора тех и других не нахожу другого способа, как общепринятый, увеличить содержание, а для учителей и пенсию: быть хорошим учителем более 25, в крайности 30 лет нельзя. Извольте с покойной совестью выбросить на улицу с пенсией в 1200 р. устарелого учителя!» [8, Л. 78].

В 1904 г. порядок оплаты труда учителей кадетских корпусов претерпел некоторые изменения. Ставка была определена в размере 15 уроков в неделю. Преподаватели со стажем менее 5 лет получали по 75 р. за урок, т.е. 1125 р. в год, со стажем от 5 до 15 лет – по 87 р. за урок (1305 р. в год), со стажем более 15 лет – 95 р. за урок (1440 р. в год). Жалование учителей чистописания и рисования, учителей младших классов, имевших звание военно-прогимназических учителей (военные прогимназии были закрыты еще в 1880-е г., однако их учителя, перешедшие на службу в кадетские корпуса, сохранили присвоенную им ранее квалификацию – А.Г.), а также законоучителей, преподававших в двух младших классах, составляло соответственно: 975 р., 1155 р. и 1290 р. Штатным преподавателям, имевшим менее 15 уроков в неделю, оклады штатного содержания исчислялись «по действительному числу уроков» [6]. Вознаграждение за сверхштатные уроки определялось на основании соглашения. Однако даже с учетом этих улучшений материальное положение преподавателей кадетских корпусов существенно уступало положению их коллег, работавших в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения. Так, они не получали надбавку за проверку письменных работ (в гимназиях она составляла 100 р. в год), хотя эти работы в корпусах проводились. Кроме того, педагог, желавший стать преподавателем кадетского корпуса, должен был дать пробные уроки при Главном управлении военно-учебных заведений, а затем составить отчет о своей преподавательской деятельности. Это было нелегкой задачей, что признавали не только сами учителя. В «Записке по поводу законопроекта об улучшении материального положения преподавателей кадетских корпусов», подготовленной в 1913 г., отмечалось: «Составление такого «отчета или, лучше сказать, целого педагогического трактата по преподаваемому предмету требует огромной затраты труда и времени.

Нередко на это уходит два или три лета, так как преподавателю только летом и бывает возможно заняться этой работой» [11, Л. 63].

Кроме того, вновь введенные ставки, как это ни парадоксально, применялись не во всех кадетских корпусах. Так, в Орловском-Бахтина кадетском корпусе в 1906/07 учебном году было принято два размера ставок за годовой час – 60 и 70 р. Недельная нагрузка учителей, служивших в корпусе, колебалась от 6 до 35 часов, составляя в среднем около 22 часов [9, Л. 258 – 258 об.]. У пяти педагогов она превышала 30 часов – таким образом, они работали больше чем на две ставки (и почти на три ставки по «гражданским» меркам). Разумеется, при таких условиях говорить о высоком качестве занятий не приходилось: у преподавателей не было ни времени, ни сил готовиться к ним. Кроме того, отсутствие повышенных ставок лишало учителей кадетских корпусов важного стимула повышать свою квалификацию, чтобы добиться увеличения жалованья. Многие из них, набрав как можно больше уроков, откровенно отбывали номер, читая по учебнику и задавая по тому же учебнику вы зубрить «от сих до сих». По воспоминаниям выпускника Орловского Бахтина кадетского корпуса Г. Месняева, преподаватель истории В.А. Казанский, чья недельная нагрузка в 1906/07 учебном году составляла 33 часа, «...умел держать класс в руках и внушать почтение к своему предмету, но в его преподавании чувствовалась какая-то рутинность, обновлять или менять которую у него не находилось охоты. Из года в год преподавание истории шло по раз и навсегда определенному руслу, не утруждая преподавателя, обленившегося в затишье губернского города, с ежевечерними посещениями клуба, преферансом и разговорами на все те же городские темы» [4, с. 7].

Ставки преподавателей-офицеров были аналогичными (60 и 70 р.). Даже директор корпуса полковник Р.К. Лютер, имевший 4 часа математики в неделю, получал 70 р. за час. Однако материальное положение большинства офицеров-учителей в целом было лучше, чем положение гражданских учителей. Это было вызвано тем, что почти все офицеры преподавали на условия внутреннего совместительства, занимая воспитательские и иные должности (вплоть до директорской), либо являлись внешними совместителями. Поэтому обычно нагрузка военных преподавателей была ниже, чем у гражданских. Среди них не было тех, кто имел бы более 30 уроков в неделю. Однако среди обер-офицеров бравшие 24-26 уроков не являлись редкостью. Впрочем, следует отметить, что в кадетских корпусах не было такой заметной разницы между материальным положением гражданских педагогов и преподавателей-офицеров, которая существует в современных военных образовательных учреждениях.

Скромное содержание толкало некоторых педагогов на совершение должностных преступлений. В 1912 г. выяснилось, что в 1910 г. в Суворовском кадетском корпусе преподаватели за плату помогали сторонним молодым людям готовиться к экзаменам при корпусе, а один из них, кроме того, «рекомендовал другим преподавателям молодых людей для занятий с ними за плату... и склонял сих преподавателей к оказанию снисхождения своим ученикам на экзаменах и при оценке их знаний» [7]. Этот же преподаватель, получив подарок от отца кадета, стал оказывать ему «снисхождение при проверке знаний по своему предмету» [7].

В 1911 г. оклады содержания преподавателей кадетских корпусов были приравнены к окладам содержания преподавателей средних общеобразовательных мужских учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. Изначально планировалось сделать их даже выше, «дабы компенсировать и более трудную работу их как преподавателей интернатов, и те служебные преимущества, которые, сравнительно с ними, имеют преподаватели министерства» [11, Л. 63 об.]. В соответствии с утвержденным положением Военного совета 23 февраля 1911 г. предположениями начальника Главного управления военно-учебных заведений были установлены четыре 5-летних прибавки в размере 450 р. каждая, а оплата дополнительных уроков (сверх 15-часовой ставки) должна была осуществляться в размере 75 р. за годовой час. Иметь нагрузку свыше 24 часов запрещалось. Однако реализация данной меры не позволила сделать положение преподавателей кадетских корпусов более привлекательным с материальной точки зрения, чем положение учителей гимназий: у молодых учителей разница в денежном содержании с такими же педагогами, служившими по Министерству народного просвещения, составляла от 150 до 300 р. в год в пользу последних, для самых опытных педагогов, получивших четвертую прибавку, – 100 р. в год, при условии, что нагрузка преподавателя кадетского корпуса составляла предельные 24 урока в неделю, а нагрузка их коллег из гимназий колебалась от 12 до 18 уроков. Перевес достигался за счет надбавки за одно (при нагрузке в 18 часов) или два (при нагрузке в 12 часов) классных наставничества, которой не было в кадетских корпусах. Между тем современники справедливо отмечали, что нагрузка в 24 урока для пожилого преподавателя является практически непосильной, ибо сопряжена со значительным нервным напряжением. Но даже при желании получить максимальную нагрузку в 24 урока можно было далеко не в каждом корпусе. Наконец, в гимназии педагог мог занимать ряд дополнительных оплачиваемых должностей (например, библиотекаря либо заведующего физическим или естественноисторическим кабинетом), которые не были чересчур обременительными.

Расчет правительства на то, что установление денежных надбавок за педагогический стаж удержит преподавателей корпусов от перехода в гражданские средние учебные заведения, а некоторое уменьшение нагрузки даст им возможность продуктивнее работать, не оправдался. Учителя, имевшие по 35-40 уроков в неделю и жаловавшиеся на хроническое переутомление, в большинстве своем приспособились к этому нелегкому положению, сведя к минимуму время на подготовку к занятиям. Поэтому они были недовольны установлением ограничения числа уроков, которое повлекло за собой уменьшение их заработка. Как отмечал один из корреспондентов журнала «Офицерская жизнь», в итоге «оказалось улучшение быта лишь половины преподавателей, для остальных же закон явился прямым и незаслуженным ухудшением» [14, С. 482]. Преподаватель со стажем менее 5 лет, нагрузка которого снизилась с 36 до 24 уроков, стал получать в год на 795 р. меньше, преподаватель со стажем от 5 до 10 лет – на 530 р., прослуживший от 10 до 15 лет – на 400 р. Поэтому не только начинающие учителя, но и их более старшие коллеги стали покидать кадетские корпуса, переходя в гражданские учебные заведения, в государственные учреждения и т.п. Лишь пожилым педагогам нововведения принесли некоторую материальную выгоду. Таким образом, изначальная цель реформы – «привязать» с помощью прибавок учителей к одному корпусу – достигнута не была.

Сложным осталось и положение офицеров: при переходе на чисто преподавательскую службу они, даже имея большую выслугу и солидный стаж в качестве частного преподавателя, считались начинающими учителями и получали минимальный оклад. Один из них, опубликовавший статью под псевдонимом «Прослуживший 11 лет, но которому считают лишь 2 года службы», отмечал: «...случается, что подполковник с высшим образованием, имеющий лет 20 государственной службы, считается служащим 1 год и обязан получать жалованья 1800 руб., что составит, если отнять обязательный 12½% вычет (4% пенсия, 6% эмеритура, 2½% госпиталя и аптеки), всего 133½ руб. в месяц, т.е. то, что получает теперь штабс-капитан в строю» [14, с. 483].

Любопытно, что сопоставление вознаграждения гражданских учителей корпусов и их коллег, имевших офицерские чины, показывает, что материальное положение последних, несмотря на их казавшийся более солидным статус, в результате проведенных реформ не улучшилось. В. Буданов в своем очерке «Из разговоров в учительской» отмечал, что офицеры, преподававшие в кадетских корпусах, не имели никаких преимуществ перед невоенными учителями. Если гражданские педагоги могли, прослужив 15 лет, получить высший оклад жалованья, офицерам это было сделать весьма затруднительно. Гражданский учитель мог начать службу в корпусе сразу после окончания университета, в возрасте около 24 лет, а офицер в это время лишь поступал в академию. Академический курс длился 3 года, после этого следовало еще 3 года пробыть в строю, и лишь в возрасте 32-35 лет офицер вступал на педагогическое поприще, опоздав, в сравнении со своим гражданским коллегой, в среднем на 10 лет. Поэтому на пенсию военный учитель уходил раньше, чем успевал выслужить полный оклад. Наконец, офицеры, занимавшие учительские должности в кадетских корпусах, существенно проигрывали в материальном обеспечении офицерам, преподававшим в военных училищах, которые получали жалованье по чину, квартирные деньги, оплату годового часа в размере 100 р., вознаграждения за репетиции и практические занятия. Шансы получить должность инспектора классов в корпусе были ничтожны. Так же иллюзорны были и надежды стать инспектором или помощником инспектора классов в военном училище.

После всех проведенных реформ, направленных на улучшение материального содержания преподавателей кадетских корпусов, сами педагоги оценивали свое положение крайне скептически. В тех же «Разговорах в учительской» была помещена «исповедь» учителя географии, в которой жизнь обычного педагога корпуса была представлена в весьма мрачных тонах: «Да, мне совестно, что я учитель... ничтожное содержание, постоянная унижительная война с кадетами, которые, конечно, сознают и учитывают нашу беспомощность в борьбе с нами и понимают, как бесправны мы при всех наших высоких чинах и полувоенной форме» [1, № 3, с. 318-319]. Учитель мучительно завидовал обычным чиновникам, которые шли на службу к 10-11 часам, спокойно работали с бумагами, к праздникам получали солидные наградные и могли рассчитывать на продвижение по службе, в то время как он был вынужден приходить в корпус к 8 часам, тратить массу сил на непослушных воспитанников, отказываться от развлечений и экономить даже на еде, а в перспективе маячило лишь получение очередной скудной прибавки к жалованью. Завершалась «исповедь» следующим утверждением: «Не знаю, как вы, а я по наружности безошибочно узнаю своего собрата-педагога: все учителя имеют сухой, изможденный, желчный вид; все нервные и раздражительные. Мы сохнем, потому что обречены всю жизнь возиться с мальчишками, часто наглыми, испорченными, мало приученными к труду, ежедневно выслушиваем дерзости, переносим грубые выходки, а власти у нас никакой нет» [1, № 3, с. 319-320].

Вместе с тем некоторые военно-учебные заведения имели возможность платить своим педагогам повышенное жалованье. Например, в выгодную сторону отличался Пажеский Его Императорского Величества корпус. Он получал дополнительные ассигнования из дворцового ведомства, в среднем по 500 р. в год на человека. Это позволяло приглашать лучших преподавателей. Так, в начале XX в. законоучителем пажей был умный и образованный священник Григорий Петров, чья речь «лилась как горный родник чистой кристальной струей великолепного русского языка» [3, с. 7]. Механику читал профессор Михайловской артиллерийской академии полковник К.Д. Перский, известный своими выдающимися трудами по математике, химию – профессор полковник В.Н. Ипатьев, основы военного законодательства – профессор князь С.А. Друцкой-Соколинский, русский язык – учитель детей Николая II, чиновник особых поручений Главного управления военно-учебных заведений П.В. Петров, космографию – один из астрономов, работавший в Пулковской обсерватории. Были, впрочем, в Пажеском корпусе и слабые учителя – например, историк Р.И. Менжинский, преподававший нескольким поколениям пажей, на уроках читал слово в слово учебник, а затем заставлял выучивать его наизусть.

Столичные кадетские корпуса могли приглашать преподавателей высших учебных заведений. Так, во 2-м кадетском корпусе в начале XX в. древнюю историю преподавал приват-доцент Санкт-Петербургского университета В.Н. Строев, специалист по истории государственных учреждений Российской империи, автор трудов, посвященных исследованию периодов царствования Анны Иоанновны и Николая I. Аналогичная ситуация была и в корпусах, расположенных в крупных университетских городах. Бывший камер-паж Б.Н. Третьяков, до поступления в Пажеский корпус три года учившийся во Владимирском-Киевском кадетском корпусе, отмечал, что среди его киевских учителей были профессора университета и политехнического института. Они относились к делу весьма серьезно и немало способствовали развитию своих подопечных. Третьяков вспоминал: «Нас, киевских кадет, «вели все время сверх программы, требуя, кроме того, исполнения всевозможных «приватных» работ. Там же нас заставляли читать рефераты и дали мне ту любовь и привычку к докладам и сообщениям, которые доставили мне впоследствии столько приятных переживаний» [2, с. 14].

В большинстве губернских кадетских корпусов состав преподавателей был слабее. Если в относительно богатом и культурном Воронеже среди наставников кадетов часто встречались люди, «которые приобрели себе общую известность своими педагогическо-научными трудами» [12, С. 2], то в небольшом Полоцке, который не мог похвастать большим количеством средних учебных заведений, найти хороших учителей было почти невозможно, а ехать туда по приглашению никто не хотел. В то же время в некоторые вновь учрежденные кадетские корпуса руководство сумело, по крайней мере на первых порах, привлечь квалифицированных преподавателей – в Ташкентском корпусе почти все педагоги и воспитатели имели высшее образование.

Размеры пенсий учителей кадетских корпусов до 1913 г. были следующими. Преподаватели наук и языков, имевшие 25-летний стаж, получали 1174 р. в год, преподаватели чистописания и рисования – 831 р., учителя трех младших классов, имевшие звание учителей военных прогимназий, – 986 р., преподаватели пения, музыки и танцев – 538 р. 25 к. Преподаватели, прослужившие 30 лет, получали соответственно: 1395 р., 983 р., 1171 р. и 610 р. 25 к. При выслуге 35 лет размер пенсии составлял соответственно: 1903 р., 1423 р., 1613 р. (по чину коллежского советника) и 1077 р. 50 к. Наконец, педагоги, удостоенные при отставке производства в чин действительного статского советника, получали пенсии в размере соответственно: 2330 р., 1850 р., 1703 р. (по чину статского советника) и 1504 р. 50 к. [10, Л. 4 об.]. В средних учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения размер учительской пенсии составлял от 560 до 600 р., т.е. был гораздо меньше, чем в кадетских корпусах.

В 1913 г. пенсионное обеспечение учителей кадетских корпусов было улучшено. В соответствии с Высочайше утвержденным законом об изменении окладов пенсий преподавателям общих классов Пажеского Е. И. В. корпуса и кадетских корпусов, для штатных законоучителей и преподавателей наук и языков был установлен пенсионный оклад в размере 1800 р. в год, а для штатных преподавателей рисования – в размере 1300 р. в год [10, Л. 6]. Пенсионный оклад преподавателей чистописания, имевших всего 4 урока в неделю, был установлен в размере 700 р. в год. Штатные преподаватели пения, музыки и танцев должны были получать пенсию в размере 600 р. в год. Срок выслуги пенсии остался прежним – 25 лет. Эта мера дала возможность преподавателям корпусов уходить на заслуженный отдых сразу после выслуги положенного срока, получая солидное пенсионное обеспечение. Они уже не имели нужды оставаться в корпусах на дополнительные пятилетия, обременяя себя непосильным трудом в пожилом возрасте, чтобы заслужить прибавку к пенсии. Однако пенсионная реформа, ввиду известных событий 1917 года, не успела принести ожидаемых плодов.

Заключение

Таким образом, меры, направленные на улучшение материального положения преподавателей кадетских корпусов, лишь отчасти достигли своей цели. Жалование педагогов было повышено, однако введенные одновременно ограничения привели к снижению реальных доходов учителей с небольшим стажем. Даже педагоги с большой выслугой были недовольны фактическим наложением вето на подработку. Запрет иметь нагрузку свыше 24 часов, призванный ликвидировать переутомление и повысить качество проведения занятий, имел серьезный побочный эффект: учителя, потерявшие значительную долю заработка, стали покидать военно-учебное ведомство. Денежное содержание преподавателей-офицеров даже с учетом прибавки существенно уступало содержанию педагогов в офицерских чинах, служивших в военных училищах, а «обнуление» стажа при переходе с воспитательской на преподавательскую работу сравнивало жалование подполковника в корпусе с жалованием штабс-капитана в полку. И гражданские, и военные учителя большинства кадетских корпусов были недовольны своим материальным положением, которое не соответствовало учебной нагрузке и условиям работы с избалованными кадетами. Лишь Пажеский корпус располагал дополнительными средствами, которые позволяли обеспечивать достойное вознаграждение труда учителей и привлекать лучшие педагогические силы. Что касается пенсионного обеспечения, то оно было улучшено лишь в 1913 г., и эта запоздалая мера не успела принести ожидаемых результатов.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Буданов В. Из разговоров в учительской / В. Буданов // Педагогический сборник. – 1912. – № 4. Ч. неофиц. – С. 479–499; 1913. – № 3. Ч. неофиц. – С. 311–326.
2. В первый раз при Высочайшем дворе. Воспоминания камер-пажа Б.Н. Третьякова (1911 г.). // Союз пажей. Сборник № 11, посвященный выдержкам из воспоминаний бывших пажей. – Париж, 1959. – С. 14–17.
3. Из воспоминаний Ф.С. Олферьева (1905 г.). Пажеский корпус – юность – первые шаги // Сборник. Воспоминания бывших пажей. – № 30. – Париж, 1964. – С. 1–9.
4. Месняев Г. Кадетские годы (1902–1909) / Г. Месняев // Военная быль. – 1956. – № 16. – С. 7–12.
5. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. – 2-е изд, испр., доп. / Б.Н. Миронов. – М.: Весь Мир, 2012. – 848 с.
6. Приказ по военно-учебным заведениям. – 11 января 1904 г. – № 5.
7. Приказ по военно-учебным заведениям. – 19 мая 1912 г. – № 52.
8. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 267. – Оп. 1. – Д. 2.
9. РГВИА. – Ф. 725. – Оп. 52. – Д. 470.
10. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1158. – Оп. 1. – Д. 196.
11. РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 7. – Д. 1391.
12. Сборник воспоминаний и материалов для истории Михайловского-Воронежского кадетского корпуса и военной гимназии. Том 1. Дополнение к книге 1-й. – Екатеринослав, 1889. – 38 с.
13. Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии. 1900–1917 / В.Н. Суряев. – М.: Русское историческое общество, Русская панорама, 2012. – 272 с.
14. «Улучшение» быта преподавателей кадетских корпусов // Офицерская жизнь. – 1913. – № 35 (385). – С. 482–483.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Budanov V. Iz razgovorov v uchitel'skoj [From conversations in the staff room] / V. Budanov // Pedagogicheskij sbornik [Pedagogical collection]. – 1912. – № 4. Unofficial part. – P. 479–499; 1913. – № 3. Unofficial part. – P. 311–326. [in Russian]
2. Iz vospominanij F.S. Olfer'eva (1905 g.). Pazheskij korpus – yunost' – pervye shagi [From the memoirs of F. S. Olferjev (1905). The Page corps – youth – first steps] // Sbornik. Vospominaniya byvshih pazhej [Collection. Memories of former pages]. – № 30. – Parizh, 1964. – P. 1–9. [in Russian]

3. V pervyj raz pri Vysochajshem dvore. Vospominaniya kamer-pazha B.N. Tretyakova (1911 g.). [For the first time at the High court. Memoirs of the camera page B. N. Tretyakov (1911)] // Soyuz pazhej. Sbornik № 11, posvyashchennyj vyderzhkam iz vospominanij byvshih pazhej [Union of pages. Collection № 11, dedicated to excerpts from the memoirs of former pages]. – Parizh, 1959. – P. 14–17. [in Russian]
4. Mesnyaev G. Kadetskie gody (1902–1909) [Cadet years (1902-1902)] / G. Mesnyaev // Voennaya byl' [Military true story]. – 1956. – № 16. – P. 7–12. [in Russian]
5. Mironov B.N. Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii: XVIII – nachalo XX veka [The welfare of the population and revolution in Imperial Russia: the XVIII – beginning of XX century]. – 2-e izd, ispr., dop. / B.N. Mironov. – M.: Ves' Mir, 2012. – 848 p. [in Russian]
6. Prikaz po voenno-uchebnym zavedeniyam [Order on military educational institutions]. – 11 yanvarya 1904 g. [January 11, 1904] – № 5. [in Russian]
7. Prikaz po voenno-uchebnym zavedeniyam [Order on military educational institutions]. – 19 maya 1912 g. [May 11, 1912] – № 52. [in Russian]
8. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (dalee – RGVIA) [Russian State Military History Archive (further – RSMHA)]. – F. 267. – Op. 1. – D. 2. [in Russian]
9. RGVIA [RSHMA]. – F. 725. – Op. 52. – D. 470. [in Russian]
10. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (dalee – RGIA) [Russian State History Archive (further – RSHA)]. – F. 1158. – Op. 1. – D. 196. [in Russian]
11. RGIA [RSHA]. – F. 1278. – Op. 7. – D. 1391. [in Russian]
12. Sbornik vospominanij i materialov dlya istorii Mihajlovskogo-Voronezhskogo kadetskogo korpusa i voennoj gimnazii. Tom 1. Dopolnenie k knige 1-j [Collection of memoirs and materials for the history of the Mikhailovsky-Voronezh cadet corps and military gymnasium. Volume 1. Supplement to book 1]. – Ekaterinoslav, 1889. – 38 p. [in Russian]
13. Suryaev V.N. Oficery russkoj imperatorskoj armii. 1900-1917 [Officers of the Russian Imperial army. 1900-1917] / V.N. Suryaev. – M.: Russkoe istoricheskoe obshchestvo, Russkaya panorama, 2012. – 272 p. [in Russian]
14. «Uluchshenie» byta prepodavatelej kadetskih korpusov [“Improvement” of the life of cadet corps teachers] // Oficerskaya zhizn' [Officer Life]. – 1913. – № 35 (385). – P. 482-483. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.116>

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПОДДЕРЖКЕ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Научная статья

Мухамедов Р.А.^{1*}, Пичугин А.Ю.²

¹ ORCID:0000-0001-6181-3249;

² ORCID: 0000-0001-7620-7794;

^{1,2} Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, Ульяновск, Россия

* Корреспондирующий автор (rasit56 [at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматривается осуществление местными органами власти мероприятий, направленных на поддержку семей военнослужащих в Ульяновской области в период Великой Отечественной войны. Цель работы – анализ социальной политики государства в отношении семей красноармейцев в Ульяновской области. Задачей научного труда является комплексное осмысление проводимых государственным аппаратом мер, направленных на оказание помощи членам семей бойцов Красной армии, а также оценка их действенности. Авторами были изучены меры социально-экономического характера и продемонстрирована деятельность советской системы соцобеспечения и общественных организаций по осуществлению помощи красноармейским семьям. В заключении приводится следующий вывод, согласно которому, благодаря регулярному получению от государства социальной помощи члены семей военнослужащих смогли выжить в трудных условиях, а бойцы – получить уверенность о том, что об их семье есть кому позаботиться.

Ключевые слова: Ульяновская область, Великая Отечественная война, семьи военнослужащих, социальная политика.

MEASURES TO SUPPORT FAMILIES OF MILITARY SERVANTS IN ULYANOVSK REGION DURING GREAT PATRIOTIC WAR

Research Article

Mukhamedov R.A.^{1*}, Pichugin A.Yu.²

¹ ORCID: 0000-0001-6181-3249;

² ORCID: 0000-0001-7620-7794;

^{1,2} Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russia

*Corresponding author (rasit56 [at]mail.ru)

Abstract.

This paper discusses the measures aimed at supporting families of military personnel in the Ulyanovsk Region during the Great Patriotic War taken by the local authorities. The goal of this work is to analyze the state social policy concerning the families of the Red Army soldiers in the Ulyanovsk region. The comprehensive understanding of the measures taken by the state bodies aimed at helping members of the families of Red Army soldiers, as well as assessing their effectiveness is the task of this work. The authors studied measures of a social and economic nature and demonstrated the activities of the Soviet social security system and public organizations for the implementation of assistance to Red Army families. The authors make the conclusion, according to which, thanks to the regular receipt of social assistance from the state bodies, members of the military families were able to survive under difficult conditions, and the soldiers received a confidence that there was someone to take care of their family.

Keywords: Ulyanovsk Region, World War II, military families, social policy.

В советском государстве в рамках социальной политики в период Великой Отечественной войны для властей было крайне важным организовать четко функционирующую систему поддержки семей военнослужащих, которая должна была оказываться по нескольким направлениям. Во многом, это обуславливалось нуждой в опеки членов семей красноармейцев, которые в данный момент времени остались без добытчиков. Количество граждан, которым предоставлялась социальная поддержка, систематически увеличивалась с начала военных действий. Наряду с органами государства, помощь оказывали также и общественные организации.

Данная научная проблематика непосредственно нашла отражение в изысканиях отечественных историков. В частности, в своем докторском диссертационном труде К. В. Яценко на базе привлечения широкого массива категориальных групп источников рассмотрел основные аспекты работы региональных структур власти по осуществлению мероприятий военно-оборонного характера [22]. К положительным чертам академического труда, по нашему мнению, следует отнести: во-первых, отступление от укоренившихся стереотипов, присущих ряду диссертационных исследований по советскому периоду; во-вторых, подробный многогранный анализ работы комитетов обороны и структур социальной защиты; и в-третьих, вскрытие дефектов и изъянов, наличествовавших в то время в системе государственного аппарата. В труде Е. Н. Филимоновой раскрываются формы и методы деятельности местных структур власти Средневолжского региона, а также с помощью проведения статистического анализа подводятся как отрицательные, так и положительные итоги их деятельности в чрезвычайных реалиях. Стоит отметить, что ранее в академической среде до Филимоновой некоторые исследователи зачастую пренебрегали подробным анализом эволюции методов и форм деятельности партийных структур в реалиях военного времени, из-за чего процесс усиления дисциплины и расширения круга административной ответственности долго оставался не изучен [21].

Представляется целесообразным акцентировать внимание и на диссертационном труде А. Н. Подосёнова, где в рамках локальной истории на материалах Архангельской и Вологодской областных административных единиц государства были освещены проводимые местными структурами властями мероприятия в период Великой Отечественной войны военно-оборонительного характера. Автором была подробно исследована на базе привлеченных архивных источников проводимую местными властными структурами, социальную работу по оказанию поддержки семьям военнослужащих и инвалидам войны, а также установлены характерные особенности, оказывавшие значимое влияние на реализацию программного курса [18]. Наряду с вышеперечисленными трудами к проблеме обращались и Е.Е. Красноженова [12], А. Е. Любецкий [13], Ю.В. Карюкина [11] и Е. В. Панарина [15]. Однако, осуществляемые местными органами власти мероприятия по поддержке семей военнослужащих в период Великой Отечественной войны в Ульяновской области не стала объектом пристального изучения, что в свою очередь, усиливает актуальность этой работы.

Источниковой базой статьи являются документы, а также материалы местных архивов. Непосредственно для раскрытия проблемы были использованы материалы, изъятые из фондохранилищ Государственного архива Ульяновской области (Ф. Р-3096) и Государственного архива новейшей истории Ульяновской области (Ф. 13), где были представлены нормативные акты Совнаркома страны Советов и содержались сведения о деятельности оборонных обществ и органов соцзащиты.

В Ульяновской области, по состоянию на март 1943 года всего числилось 41205 семей военнослужащих. Среди них семей офицерского состава – 12476. Из общего числа семей командного состава: семей высшего начсостава – 1, старшего начсостава – 162, а рядового и низшего комсостава – 12313 [1, Л. 14]. При этом, семей эвакуированных бойцов из других административных единиц государства было – 1775 [2, Л. 31].

Реализация решения ЦК ВКП (б) от 22 января 1943 года, приказов №14 и № 30, а также указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1941 года, среди актива отдела Государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих осуществлялась непосредственно через совещания председателей и секретарей сельсоветов, и исполкомы [7, Л. 15]. Деятельность отдела рассматривалась на заседаниях бюро РК ВКП (б), пленумах РК ВКП (б) и сессиях райсоветов. Среди населения работа осуществлялась через счетоводов, инспекторов отдела, а также секретарей сельсоветов [14, С. 68].

При отделе работала комиссия по назначению пособий и пенсий для семей военнослужащих. За 1943 – 1945 года было проведено 376 заседаний комиссии, по результату которых было суммарно выделено денег на оказание помощи семьям более 11, 1 млн рублей. Так, офицерские семьи получили 6750378 рублей [3, Л. 14]. Семьям, кормильцы которых погибли на фронтах Отечественной войны, было выплачено пенсий на сумму 7452414 рублей [3, Л. 21].

Стоит отметить, что далеко не всегда деньги доставлялись до семей военнослужащих в полном объеме – иногда встречались и случаи хищений со стороны работников социального обеспечения. В частности, в 1944 году по отделению Кузоватовского совхоза было допущено хищение средств, пособий и пенсий, почтовым работником по четырем переводам на сумму 300 рублей [4, Л. 19]. По итогу судебного расследования, почтовый работник был осужден на три года лишения свободы, а деньги были возмещены [17, С. 81]. Также встречались и случаи несвоевременной доставки денежных средств. Так, в апреле 1944 года поступило в отдел Гособеспечения три жалобы. Руководством незамедлительно были приняты надлежавшие меры – вынесено предупреждение работникам отдела [7, Л. 9].

Всем семьям военнослужащих представлялись и льготы по военному налогу. В 1943 году льготное налогообложение действовало для 6738 хозяйств на сумму 37546500 рублей, по сельхозналогу для 5041 хозяйства на сумму 3451447 рублей. Зачастую члены семей военнослужащих сталкивались с неправильным обложением налогов. Так, за 1943 – 1945 гг. было рассмотрено 784 обращения от членов семей военнослужащих в связи с допущенными в отношении их ошибками при сборе налога. По итогу рассмотрения 543 обращения были удовлетворены, а 241 отклонено [5, Л. 29].

К апрелю 1943 года, в Ульяновской области практически 82 % семей военнослужащих получили по указанию местных органов власти приусадебные участки. Например, для эвакуированных семей военнослужащих было выделено 776 огородных участков [10, С. 25]. В основном, согласно архивным документам, семьи военнослужащих засеивали на своем участке площадь от 0, 2 до 0, 4 га, что значительно превышало площадь, засеиваемую семьями служащих – от 0, 05 до 0, 15 га [4, Л. 10]. Систематически организовалась с помощью привлечения подростков и вспашка огородных участков для семей военнослужащих. Так, в 1943 году было вспахано 560 огородных участков, в 1944 – 647, а в 1945 – 721 [4, Л. 13]. Безвозмездно выдавались семьям военнослужащим и семена. Например, в 1943 году во время проведения весеннего сева было выдано из касс взаимопомощи 1235 семьям 22397 килограмм семян [7, Л. 7]. Например, в Сурском районе в помощь имеющим огороды 58 семьям военнослужащих была оказана помощь семенами и роздано 1550 кг картофеля, то есть все заявления их были удовлетворены [16, С. 92].

Однако, зачастую в связи с невозможностью привлечь к работе на участках граждан несвоевременно проводилась прополка, по причине чего урожай выходил достаточно скудным. Например, в 1943 году, в Карсунской районной административной единице колхозами в фонд семьям военнослужащих было засеяно 3 га проса, но из-за отсутствия прополки по итогам сезона удалось снять лишь 1, 4 кг урожая [3, Л. 34].

Начиная с марта 1944 года, отделом социального обеспечения стали привлекаться к обработке урожая на огородных участках семей военнослужащих женщины из начального состава. В 1944 году, по Карсунскому району и колхозом привлеченными к работе женщинами было выработано 2627 трудодней, по Кузоватовскому – 3214, по Барышскому – 2841, по Теренгульскому – 1420, а по Базарно-Сызганскому – 1674 [7, Л. 14].

Среди видов государственной поддержки, оказываемой семьям военнослужащих основная доля приходилась на обеспечение их продовольственными товарами, жильем, одеждой и топливом на зиму.

В районах Ульяновской области непрерывно работали столовые. Общественное питание организовывалось первоначально, главным образом, через питательные пункты в 34 точках на 15728 человек, а в дальнейшем в 171 точке с охватом свыше 23 тысяч человек [3, Л. 10]. В пункты питания закреплялись члены семей фронтовиков, нуждающиеся

в дополнительном питании. Например, в Кузоватовском районе дополнительное питание получали следующие семьи: Курушиных (7 чел.), Ерофеевых (8 чел.), Чиняковых (6 чел.), Куренковых (4 чел.). Получила распространение также и практика выдачи продовольственных товаров и зерновых культур. Так, за 1941 – 1945 гг. семьи красноармейцев суммарно получили: зерновыми культурами и хлебом – 3754 ц., картофеля – 2479 т., овощей – 14333 ц., иных продуктов – 6142 ц [4, Л. 12].

Помощь в основном была адресной и оказывалась только семьям остро нуждающимся. Представляется характерным привести ряд примеров. Так, М. М. Деминой матери восьми призванных сыновей из населенного пункта Чириково было выделено: муки – 32 кг, печного хлеба – 4 кг, мануфактуры – 10 м., рубашек – 5 шт., шарфов – 3 шт., свитер, конфет – 1, 5 кг. и мыла – 0, 7 кг. В. Г. Комаровой, матери четырех детей, было выдано: муки – 102 кг., картофеля – 200 кг., одежды – 2 шт., масло – 0,7 кг, мыло – 1 кг., сахар – 1 кг [7, Л. 8].

Помощь семьям военнослужащих оказывалась также предприятиями и учреждениями, для чего в них организовывались специальные социальные комиссии. За годы войны, Скугаревским спиртзаводом был выделен транспорт для обработки индивидуальных огородов семей военнослужащих. Скугаревским свиноводческим хозяйством было подвезено дров 40 семьям, отремонтировано 10 квартир, выделено 17 поросят [19, С. 118]. Зеленецким совхозом было: представлено 37 квартир, подвезено дров – 80 возов, отремонтировано квартир – 16 шт., выдано валенок – 4 п., собрано картофеля – 715 кг [9, Л. 6]. Всего по области к маю 1945 года, отделом соцобеспечения было предоставлено 747 квартир и осуществлены работы ремонтного типа в 1042 жилищах. Для подготовки к зиме было выделено – 31750 м³ дров, а также для эвакуированных семей военно-служащих – 4000 м³ [9, Л. 11]. Наряду с этим была оказана семьям фронтовиков и помощь в приобретении одежды и обуви в количестве – 16453 штук [8, Л. 7].

Систематически трудности с обеспечением семей военнослужащих одеждой и обувью возникали у работников соцобеспечения в Кузоватовском районе. Во многом это было вызвано как скудной материальной базой собственных ресурсов, так и с невыполнением Облторотделом плановых поставок. Однако, благодаря привлечению к работе общественных организаций удавалось оказывать разного рода посильную помощь членам семей военнослужащих. Подтверждением этому могут служить благодарственные письма, направленные женами фронтовиков в отдел соцобеспечения. Так, в одном из писем сообщалось: «... в час перекутья я поняла, на сколько было ценно посещение моей квартиры, подарки присланные Вами, все продукты питания, которые добавочно отпускались в исключительно нужную минуту – это спасло меня. Вспоминается также и то, как нянчились с семьей Чиревой Маруси. Вообще за все Вам и Вашим работникам большевистское спасибо!» [6, Л. 48].

В районах проводились на постоянной основе месячники по оказанию материальной помощи семьям военнослужащих. Так, в Кузоватовском районе в месячнике с октября по ноябрь 1944 года приняли участие трудящиеся предприятий и образовательных учреждений, а также члены сельсоветов. По итогам месячника было: собрано хлеба – 41 ц., картофеля – 220 ц., выделено и подвезено 735 ц. корма для скота, дров – 629 куб., собрано обуви – 200 п., отремонтировано – 55 квартир, выделено денег – 11200 руб [5, Л. 28]. В Теренгульской административной единице по результатам месячника, проходившего с ноября по декабрь 1944 года было собрано среди населения: шерсти – 144 кг., овчин – 191 шт., молока – 649 л., картофеля – 5842 кг., валенок – 15 п., денег – 1100 руб., носок – 12 п., варежек – 8 п., шапок – 13 шт., тыкв – 40 шт., капусты – 845 кг., свеклы – 930 кг., овец – 19 шт., поросят – 9 шт., мануфактуры – 20 м., сена 295 т [8, Л. 15]. Наряду с этим, по итогу месячника было отремонтировано 22 печи и 42 квартиры, отстроены 2 избы и взято шефство над четырьмя детьми [20, С. 192].

Таким образом, в Ульяновской области, в период Великой Отечественной войны, осуществляемая местными партийными структурами и общественными организациями деятельность по оказанию многоплановой социальной помощи красноармейским семьям позволяла их членам, оставшимся без добытчиков выживать в трудных условиях, подтверждением чему могут служить систематически отправляемые в отдел соцпомощи благодарственные телеграммы. Местные органы власти пытались материально помочь семьям участников войны и инвалидов войны, как продуктами питания и одеждой, социальной пенсией, оказанием услуг и т.д. Наряду с этим, оказание помощи со стороны государства всячески способствовало и укреплению морального духа красноармейцев, сражавшихся за Родину, так как они были уверены, что в их отсутствие семья находится под чутким контролем и присмотром.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 13. Оп. 1. т. 3. Д. 2085.
2. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 13. Оп. 1. т. 3Д. 2152.
3. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 13. Оп. 1. т. 3Д. 2155.
4. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 13. Оп. 1. т. 3Д. 2231.
5. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 13. Оп. 1. т. 3Д. 2233.
6. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-3038. Оп. 1С. Д. 34.
7. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-3038. Оп. 1С. Д. 38.
8. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-3038. Оп. 2. Д. 147.
9. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-3038. Оп. 4. Д. 216.
10. Ефимов Ю. Д. Ульяновск и Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны: очерк-справочник / Ю. Д. Ефимов, В. И. Лосева. – Ульяновск: Симбирская книга, 1995. – 50 с.
11. Карюкина Ю. В. Мероприятия по поддержке семей военнослужащих в Красноярском крае, 1941 – 1945 гг. / Ю. В. Карюкина // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2016. – № 3. – С. 85 – 90.

12. Красноженова Е. Е. Военная деятельность местных органов власти в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: на материалах Нижнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Красноженова Елена Евгеньевна. – Астрахань, 2008. – 212 с.
13. Любетский А. Е. Государственная политика по отношению к семьям военнослужащих на Урале в годы Великой Отечественной войны: на материалах Нижнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Любецкий Артем Евгеньевич. – Магнитогорск, 2006. – 247 с.
14. Мухамедов Р. А. Территориальное устройство Ульяновской области в 1943 г. / Р. А. Мухамедов, Д. В. Архипов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2017. – № 3 (43). – С. 67 – 70.
15. Панарина Е. В. Организация помощи семьям военнослужащих на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Панарина // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – Вып. 3. – С. 109 – 116.
16. Пашкин А. Г. Симбирский – Ульяновский край в новейшей истории России. 1917 – 1991. Люди, события, факты / А. Г. Пашкин, Н. В. Забалухина. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. – 200 с.
17. Пашкин А. Г. Уголовная преступность и борьба с ней в Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны: 1941 – 1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Пашкин Андрей Геннадьевич. – Казань, 2012. – 247 с.
18. Подосёнов А. Н. Военно-оборонная деятельность региональных органов власти в годы Великой Отечественной войны: на материалах Архангельской и Вологодской областей: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Подосёнов Андрей Николаевич. – Ярославль, 2012. – 296 с.
19. Пономаренко И. В. Деятельность промышленных предприятий малых городов среднего Поволжья в 1941 – 1945 гг. / И. В. Пономаренко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16. – № 3. – С. 115 – 122.
20. Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы. – Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1974. – 307 с.
21. Филимонова Е. Н. Государственные органы власти России в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): эволюция форм и методов государственного управления (на материалах городских Советов Среднего Поволжья) / Е. Н. Филимонова. Самара: Самарский гос. ун-т. – Самара, 2005. – 24 с.
22. Яценко К. В. Военно-организаторская деятельность государственных и политических структур областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Яценко Константин Владимирович. М., 2003. – 478 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Ul'janovskoj oblasti (GANI UO). F. 13. Op. 1. T. 3. D. 2085. [Text] [The State Archive of the Recent History of the Ulyanovsk Region (GANI UO)] [in Russian]
2. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Ul'janovskoj oblasti (GANI UO). F. 13. Op. 1. T. 3. D. 2152. [The State Archive of the Recent History of the Ulyanovsk Region (GANI UO)] [in Russian]
3. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Ul'janovskoj oblasti (GANI UO). F. 13. Op. 1. T. 3. D. 2155. [The State Archive of the Recent History of the Ulyanovsk Region (GANI UO)] [in Russian]
4. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Ul'janovskoj oblasti (GANI UO). F. 13. Op. 1. T. 3. D. 2231. [The State Archive of the Recent History of the Ulyanovsk Region (GANI UO)] [in Russian]
5. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Ul'janovskoj oblasti (GANI UO). F. 13. Op. 1. T. 3. D. 2233. [The State Archive of the Recent History of the Ulyanovsk Region (GANI UO)] [in Russian]
6. Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti (GAUO). [Text] [The State Archive of the Ulyanovsk Region (GAUO)]. F. R-3038. Op. 1S. D. 34. [in Russian]
7. Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti (GAUO). [Text] [The State Archive of the Ulyanovsk Region (GAUO)]. F. R-3038. Op. 1S. D. 38. [in Russian]
8. Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti (GAUO). [Text] [The State Archive of the Ulyanovsk Region (GAUO)]. F. R-3038. Op. 2. D. 147. [in Russian]
9. Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti (GAUO). [Text] [The State Archive of the Ulyanovsk Region (GAUO)]. F. R-3038. Op. 4. D. 216. [in Russian]
10. Efimov Ju. D. Ul'janovsk i Ul'janovskaja oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: ocherk-spravochnik [Text] Ulyanovsk and the Ulyanovsk Region during the Great Patriotic War: a sketch-guide / Yu. D. Efimov, V.I. Loseva. Ul'janovsk: Simbirskaja kniga, 1995. 50 pp. [in Russian]
11. Karjukina Ju. V. Meroprijatija po podderzhke semej voennosluzhashchih v krasnojarskom krae, 1941 – 1945 gg. [Text] Activities to support family servicemen in the Krasnojarsk Territory, 1941 – 1945 / V. Ju. Karjukina // Social'no-jekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnojarskogo GAU. – 2016. – № 3. – p. 85 – 90. [in Russian]
12. Krasnozhenova E. E. Voennaja dejatel'nost' mestnyh organov vlasti v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941 – 1945 gg.: na materialah Nizhnego Povolzh'ja [Text] Military activity of local authorities in the Great Patriotic War of 1941-1945: based on materials from the Lower Volga Region: dissertacija ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02 / Krasnozhenova Elena Evgen'evna. – Astrahan', 2008. – 212 pp. [in Russian]
13. Ljubetskij A. E. Gosudarstvennaja politika po otnosheniju k sem'jam voennosluzhashchih na Urale v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: na materialah Nizhnego Povolzh'ja [Text] State policy towards families of military personnel in the Urals during the Great Patriotic War: based on materials from the Lower Volga Region: dissertacija ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02 / Ljubetskij Artem Evgen'evich. – Magnitogorsk, 2006. – 247 pp. [in Russian]
14. Muhamedov R. A. Territorial'noe ustrojstvo Ul'janovskoj oblasti v 1943 g. [Text] The territorial structure of the Ulyanovsk region in 1943 / R. A. Muhamedov, D. V. Arhipov // Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija. – 2017. – № 3 (43). – p. 67 – 70. [in Russian]

15. Panarina E. V. Organizacija pomoshhi sem'jam voennosluzhashhiih na Severnom Kavkaze v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Text] Organization of assistance to families of military personnel in the North Caucasus during the Great Patriotic War / E. V. Panarina // *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija*. – 2018. – Issue. 3. – p. 109 – 116. [in Russian]
16. Pashkin A. G. Simbirskij – Ul'janovskij kraj v novejshej istorii Rossii. 1917 – 1991. Ljudi, sobytija, fakty [Text] Simbirsky – Ulyanovsk Territory in the recent history of Russia. 1917 – 1991. People, events, facts / A. G. Pashkin, N. V. Zabalukhina // *Ul'janovsk: Korporacija tehnologij prodvizhenija*, 2012. – 200 pp. [in Russian]
17. Pashkin A. G. Ugolovnaja prestupnost' i bor'ba s nej v Ul'janovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: 1941 – 1945 gg. [Text] Criminal crime and the fight against it in the Ulyanovsk region during the Great Patriotic War: 1941 – 1945: dissertacija ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02 / Pashkin Andrej Gennad'evich. Kazan, 2012. – 247 pp. [in Russian]
18. Podosjonov A. N. Voенно-оборонная dejatel'nost' regional'nyh organov vlasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Text] Military defense activities of regional authorities during the Great Patriotic War: based on materials from the Arkhangelsk and Vologda Regions: na materialah Arhangel'skoj i Vologodskoj oblastej: dissertacija ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02 / Podosjonov Andrej Nikolaevich. – Jaroslavl', 2012. – 296 pp. [in Russian]
19. Ponomarenko I. V. Dejatel'nost' promyshlennyh predpriyatij malyh gorodov srednego Povolzh'ja v 1941 – 1945 gg. [Text] The activities of industrial enterprises in small towns of the middle Volga region in 1941 – 1945 / I. V. Ponomarenko // *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. – 2014. – Vol. 16. – № 3. – p. 115 – 122. [in Russian]
20. Ul'janovskaja oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: dokumenty i materialy [Text] Ulyanovsk region during the Great Patriotic War: documents and materials. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. – 307 pp. [in Russian]
21. Filimonova E. N. Gosudarstvennye organy vlasti Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941 – 1945 gg.): jevoljucija form i metodov gosudarstvennogo upravlenija (na materialah gorodskih Sovetov Srednego Povolzh'ja) [Text] State authorities of Russia during the Great Patriotic War (1941 - 1945): the evolution of forms and methods of public administration (based on the materials of city Councils of the Middle Volga) / E. N. Filimonova. – Samara: Samarskij gosudarstvennyj universitet. – Samara, 2005. – 24 pp. [in Russian]
22. Jacenko K. V. Voенно-организаторская dejatel'nost' gosudarstvennyh i politicheskikh struktur oblastej Central'nogo Chernozem'ja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Text] Military-organizational activities of state and political structures of the regions of the Central Black Earth region during the Great Patriotic War: dissertacija doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02 / Jacenko Konstantin Vladimirovich. Moskva, 2003. – 478 pp. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.117>

ОБРАЗ А. А. БАРАНОВА В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА

Обзорная статья

Попов Р.И.*

ORCID: 0000-0003-2430-7712,

Ярославский Государственный Технический Университет; Ярославль, Россия

* Корреспондирующий автор (popovri[at]yandex.ru)

Аннотация

В данной статье поднимается вопрос о роли личности Главного правителя русских поселений на северо-западе Америки А. А. Баранова в конкретно-исторических событиях, связанных с освоением территорий севера Тихого океана в конце XVIII – начале XIX вв. В поиске ответа на этот вопрос автор обращается к русской исторической литературе эпохи романтизма. Выводы научной работы свидетельствуют об особом интересе отечественных писателей к личности А. А. Баранова. Используя разнообразные литературные средства, им удалось представить новые удивительные грани его образа, способствовать более глубокому осмыслению его места и значения в истории освоения Аляски.

Ключевые слова: романтизм; литература; Главный правитель; Русская Америка; Российско-Американская компания; освоение Аляски; промышленники.

IMAGE OF A. A. BARANOV IN RUSSIAN HISTORICAL ROMANTIC LITERATURE

Review article

Popov R.I.*

ORCID: 0000-0003-2430-7712,

Yaroslavl State Technical University; Yaroslavl, Russia

* Corresponding author (popovri[at]yandex.ru)

Abstract

This article raises the question of the role of the personality of A. A. Baranov, the Chief Ruler of the Russian settlements in the north-west of America, in specific historical events related to the development of the territories of the North Pacific Ocean in the late XVIII – early XIX centuries. In search of an answer, the author turns to Russian historical literature of the Romantic era. The conclusions of the scientific work indicate the special interest of the Russian writers in the personality of A. A. Baranov. With a variety of literary means, they managed to present new amazing qualities of his character, contributing to a deeper understanding of his place and significance in the history of the development of Alaska.

Keywords: romanticism; literature; Chief ruler; Russian America; Russian-American company; development of Alaska; industrialists.

Введение

Осмысление истории Русской Америки непременно вызывает вопрос о роли личности в конкретно-исторических событиях, связанных с освоением территорий севера Тихого океана. Узнать, в чем заключается и от чего зависит роль той или иной знаковой личности, осваивавшей новые земли на востоке: от нее самой, природных и исторических условий, в которых протекали ее жизнь и деятельность, социального окружения, случайностей и предопределенности или сразу от всего, и тогда, в каком соотношении и как именно, отечественные мыслители пытались давно. Приблизиться к ответу им удалось лишь в конце XVIII столетия. Тогда история, как наука, прежде чем выделиться в самостоятельную дисциплину, тесно сосуществовала с литературой. А в литературе господствовало идейно-художественное течение, получившее название романтизм, сущностные черты которого нашли свое отражение и в историческом знании [Волков 1970, с. 20; История романтизма... 1979, с. 99, 104; Манн 2007, с. 18, 20]. У всех крупных исторических событий, в том числе, связанных с открытием и освоением Русской Америки, было свое дополнительное историческое измерение. Авторы рассматривали эти события в становлении, развитии, расцвете и упадке, представляя каждую эпоху неповторимой и уникальной. Неповторимость и уникальность исторических эпох и их последовательная смена объяснялись проявлениями движения некоего «духа», составлявшего основу всемирной истории.

Носителями этого «духа» являлись исключительные личности, культ которых был одной из главных идей русского романтизма [Берковский 1970, с. 5-7, 10]. Отдельное место в плеяде уникальных личностей, навечно вписавших свои имена в летопись Аляски, принадлежит каргопольскому второй гильдии купцу и Главному правителю русских поселений на северо-западе Америки Александру Андреевичу Баранову [Жизнеописание Александра Андреевича Баранова... 1835, с. 32]. Его обширная деятельность, с большим или меньшим успехом отраженная в отечественной и зарубежной историографии [19], [20], [22], [23], осуществлялась на рубеже двух эпох – классицизма и романтизма. В этой связи, вполне закономерным был особый интерес к личности А.А. Баранова писателей – романтиков. Используя разнообразные литературные средства, им удалось представить читателю ее новые, удивительные грани, способствовать изменению понимания места человека в мире, перестававшее восприниматься как предопределенное Богом. Жизнь романтического героя, которым, безусловно, являлся А.А. Баранов, в их произведениях, написанных зачастую в жанрах либо биографии, либо путешествия, уже не подчинялась жестким правилам традиционного общества и в связи с этим нуждалась в новом осмыслении. Отсюда цель данного исследования – впервые в отечественной историографии представить анализ личности А.А. Баранова с позиции такого литературно-художественного направления, как романтизм; выяснив, какие качества этой исторической личности, как и с помощью каких литературных средств, отобразились в трудах русских писателей.

Основная часть

Почти во всех произведениях рассматриваемой эпохи А.А. Баранов, как романтический герой, представляется фигурой неординарной, яркой и исключительной. «Деятельный» [Полевой 1846, с. 222], «весьма замечательный» и «усердный к пользам компании» [Потехин 1859, с.8], «необыкновенной самоотверженности» [Головнин 1961, с. 335], выступавший «воплощением силы и энергии», отличавшимся «твердым, предприимчивым характером» [Загоскин 1847, с. 1] - такими качествами щедро наделяли писатели нашего героя. При этом предельная выразительность его «деятельного» образа и образов других русских промышленников достигалась за счет использования таких литературных изобразительных средств, как инверсия («сподвижником дел новой Компании был каргопольский купец Александр Андреевич Баранов») [Полевой 1846, с. 222], метафора в сочетании со сравнением («взирая неравнодушно на богатства, решил, подобно Язону, плыть сам за золотым руном») [Берх 1823, с. 2], перефраз («ум патриотов уважат потом») [Песня А. А. Баранова 1799 г..., с. 380] и др.

Следует отметить, что А.А. Баранов являлся не только средоточием необыкновенных достоинств. Предметом удивления некоторых авторов являлась недостаточная образованность Главного правителя, которую они связывали, в числе прочего, с отсутствием знания иностранных языков и, как следствие, невозможностью самостоятельного ведения переговоров им с иностранными торговцами и мореплавателями. И это притом, что «весь дипломатический корпус Российско-Американской компании в Северной Америке состоял из трех человек: американского матроса, обучавшего на острове Кадьяк мальчиков английскому языку, не зная русского», «прусского корабельщика, ходившего мореходом на одном из компанейских судов» и племянника А.А. Баранова, «знавшего сотни две английских слов [Головнин 1961, с. 324]». Недопонимание у авторов вызывали и отдельные поступки Главного правителя, связанные с его пренебрежительным отношением к жизни и здоровью служителей компании. Так, например, недостаточное внимание к качеству и содержанию пищи, становилось причиной разных болезней, которые, наряду с постоянными стычками русских промышленников с туземцами оборачивались большими потерями. К этому добавлялось оплетение кабальными схемами трудовых контрактов, «многотрудные работы» и жестокое обращение А.А. Баранова со своими людьми [Головнин 1961, с. 322-323, 327, 330]. Но что интересно, романтики никогда не осуждали своего героя и его поступки и все плохое, что связывалось с ним, в конечном счете, становилось результатом вины сторонних факторов. Отсюда следовало, что не столько положительные, сколько исключительные качества привлекали внимание писателей в личности А.А. Баранова, потому как именно они придавали ей особый колорит.

Раскрытие этих исключительных качеств осуществляется авторами в процессе постоянного передвижения героя в физическом пространстве – еще одной идеи, характерной для всех исторических произведений эпохи романтизма [Вишневецкая, Сапрыкина 2005, с. 9]. Так, начав управлять компанией Г.И. Шелихова, А.А. Баранов вскоре обнаружил, что в местах, заселенных русскими – на острове Кадьяк и в Кенайском заливе – морские бобры «совершенно перевелись». Поэтому все силы им были брошены в Чугатскую губу, где таких животных «было довольно». Добытые пушные богатства позволили ему в 1795 году снарядить и отправить в Охотск первый корабль «со значительным грузом [Берх 1823, с. 149; Жизнеописание Александра Андреевича Баранова... 1835, с. 25]». В дальнейшем, по мере сокращения бобрового поголовья, А.А. Баранов стал задумываться о поиске новых промысловых угодий и о создании в их пределах новых поселений. Одно из них его стараниями возникло в Якутате. «Изобилие промыслов» там позволило ему «собрать значительное количество мягкой рухляди» и выслать ее в Охотск на трех кораблях «Александре», «Симеоне» и «Фениксе» [Берх 1823, с. 149]. Со временем география добычи пушного зверя промышленниками А.А. Баранова расширилась еще больше, охватив Ситхинский залив с заложенными там крепостями, сначала Архангела Михаила, а затем Ново-Архангельской, и Верхнюю Калифорнию с селением Росс [Берх 1823, с. 150-151; Лисянский 2008, с. 234; Яновский 1900, с. 139-140].

Заключая коммерческие сделки с американцами и англичанами, торгуя с испанцами, возглавляя промысловые артели алеутов, А.А. Баранов успевал везде, трудился наравне со всеми, «был начальником, работником, поваром и часовым [Марков 1856, с. 51]». Неуемная энергия и «неисчерпаемая находчивость [Тихменев 1861, с. 3]» Главного правителя свидетельствовали о смятении его души, бросившей однажды вызов судьбе, и вынужденной бороться против скуки и мрачного однообразия того мира, в котором она оказалась, мира, наполненного «дикостью и пустотой [Лисянский 2008, с. 166]». Восхищаясь силой духа А.А. Баранова, романтики видели в его различных проявлениях внутреннюю независимость, выражение индивидуальности и стремление вырваться из крепких объятий повседневной, серой и ограниченной жизни в необыкновенной для их героя действительности, которая ожесточенно сопротивлялась переустройству на рациональных просветительских началах. И это сопротивление отражалось в том, что туземцы не воспринимали распространенные у русских занятия земледелием и скотоводством, обращались в православие «единственно из-за корысти» и потому «не имели никакого понятия о христианских догматах [Записка капитана 2 ранга Головнина... с. 112]», не прощали обид, нанесенных им промышленниками, и жестоко, изощренно мстили.

Заключение

Все это побуждало «деятельного» А.А. Баранова, «не помышляя о чинах и славе» искать свой путь к идеалу. Этот путь был представлен им в его знаменитой песне. Став гимном русских промышленников, она прославляла веру в силу русского духа, способного объединить таких же героев, как он, «дружбою братскою» с тем, чтобы с «всесильной Божьей помощью» и русской «отвагой» «замирить дикие народы» и обратиться к созданию новых поселений, продолжив занимать «полезный» и приносящий «выгоды» Российскому государству и компании «Америки край [Песня А. А. Баранова 1799 г..., с. 379 - 381]». Содержание этого произведения указывает на глубину мысли А.А. Баранова, силу ее выражения и определенное отношение к интересам страны. Незаурядные способности, сила чувств героя и его мировоззрение остаются неизменными до конца повествования. А.А. Баранова и других романтиков объединяет ощущение собственной исключительности. Их «МЫ» осознается как высшая ценность, они не сгибаются под давлением чуждого им мира и, сосредотачиваясь на себе, вступают в конфликт с ним снова и снова.

Благодарности

Автор выражает свою признательность кандидату исторических наук Н.В. Прокофьевой за ценные консультации во время работы над статьей.

Acknowledgement

The author expresses gratitude to N.V. Prokofieva, PhD in History, for valuable advice while working on the article.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Авдеева-Полевая Е. А. Записки и замечания о Сибири. - М.: Тип. Н. Степанова, 1837. - 156 с.
2. Берковский Н. Я. О романтизме и его первооснове. // Проблемы романтизма / сост. А. М. Гуревич. - М.: Искусство, 1970. С. 5-18.
3. Берх В. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиг Российского купечества с присовокуплением исторических известий о меховой торговле. - СПб.: Тип. Н. Греча., 1823. - 169 с.
4. Волков И. Ф. Романтизм как творческий метод. // Проблемы романтизма / сост. А. М. Гуревич. - М.: Искусство, 1970. - С. 19-63
5. Вишневецкая Н. А. Еще одна вечная метафора в романтическом контексте. // Романтизм. Вечное странствие / отв. ред-ры Н. А. Вишневецкая, Е. Ю. Сапрыкина – М.: Наука, 2005. - С. 7-10
6. Головнин В.М. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головина в 1807 – 1811 гг. - М.: Изд – во геогр. лит – ры., 1961. - 480 с.
7. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного Правителя Российских колоний в Америке. - СПб.: Морск. тип., 1835. - 209 с.
8. Загоскин Л. А. Пешеходная опись части русских владений в Америке в 1842, 1843 и в 1844 годах в 2-х ч. Ч. 1. - СПб.: Тип. К. Крайя, 1847. - 182 с.
9. Записка капитана 2 ранга Головина о состоянии Российско-Американской компании // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. - СПб.: Тип. Мор. мин-ва, 1861. - Вып. 1. - С. 48-115.
10. История романтизма в русской литературе. Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790 – 1825). / отв. ред-р А. С. Курилов. - М.: Наука, 1979. - 311 с.
11. Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг. на корабле «Нева». - М.: Дрофа, 2008. - 350 с.
12. Манн Ю. В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. - М.: Изд-во РГГУ, 2007. - 510 с.
13. Марков А. Русские на Восточном океане. - СПб., 1856. - 263 с.
14. Песня А. А. Баранова 1799 года. // Загоскин Л. А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842 –1844. - М.: Изд-во геогр. лит-ры., 1956. - С. 379-381
15. Полевой Н. Подвиги русских граждан и американская торговля// Столетие России с 1745 до 1845 гг. или историческая картина достопамятных событий в России за 100 лет. Ч. 2. СПб.: Изд. П. Мартынова, 1846. С. 213-227.
16. Потехин В. Селение Росс. - СПб.: Тип. Деп-та Внеш. Торг., 1859. - 42 с.
17. Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ее до настоящего времени в 2-х ч. Ч.1. - СПб.: Тип. Э. Веймара, 1863. - 493 с.
18. Яновский С.И. Путешествие вокруг света от Кронштадта на о. Ситху, в порт Новоархангельск на корабле «Суворов» в 1816 – 1817 гг. // Известия Калужской Ученой Архивной комиссии / под ред. И.Д. Четыркина, В.М. Кашкорова. - Калуга.: Тип. губ. правления., 1899. - Вып. 3. - С. 138-140; 1911. - Вып. 21. - С. 1-31
19. Black L. T. Russians in Alaska 1732 – 1867 / L.T. Black - Fairbanks: University of Alaska Press, 2004. - 328 p.
20. Chevigny H. Lord of Alaska. Baranov and The Russian Adventure / H. Chevigny - London: Robert Hale Limited, 1946. - 254 p.
21. Inkersley A. Alexander Baranof and The Russian Colonies of America / A. Inkersley // Overland Monthly. - 1897. - Volume 30, Issue 175, July. - Pp. 9-22
22. Owens K.N., Petrov A.Y. Empire Marker. Alexandr Baranov and Russian Colonial Expansion into Alaska and Northern California / K.N. Owens, A.Y. Petrov - Seattle – London: University of Washington Press, 2015. - 341 p.
23. Vinkovetsky I. Russian America. An Overseas Colony of a Continental Empire 1804 – 1867 / I. Vinkovetsky - Oxford – New York: Oxford University Press, 2011. - 258 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Avdeeva – Polevaya E. A. Zapiski i zamechaniya o Sibiri [Notes and Comments about Siberia]. – М.: Typ. of N. Stepanova, 1837. – 156 p. [In Russian]
2. Berkovskiy N. Ya. O romantizme i ego pervoosnove. [On Romanticism and its Fundamental Principle] // Problem's of Romanticism / Comp. by A. M. Gurevich. – М.: Art, – 1970. – P. 5-18. [In Russian]
3. Berkh V. Khronologicheskaya istoriya otkrytiya Aleutskikh ostrovov ili podvig Rossiiskogo kupechestva s prisovokupleniem istoricheskikh izvestii o mekhovoi trgovle. [Chronological History of Discovering the Aleutian Islands or the Feat of the Russian Merchants with the Addition of Historical News of the Fur Trade] - SPb.: Typ. of N. Grecha, 1823. – 169 p. [In Russian]
4. Volkov I. F. Romantizm kak tvorcheskii metod. [Romanticism as a Creative Method] // Problems of Romanticism / Comp. by A. M. Gurevich. – М.: Art, 1970. – P. 19-63 [In Russian]
5. Vishnevskaya N. A. Eshche odna vechnaya metafora v romanticheskom kontekste. [Another Eternal Metaphor in Romantic Context] // Romanticism. Eternal Wandering / Resp. by editors N.A. Vishnevskaya, E. Yu. Saprykina – М.: Nauka, 2005. - P. 7-10 [In Russian]

6. Golovnin V.M. Puteshestvie na shlyupe «Diana» iz Kronshtadta v Kamchatku, sovershennoe pod nachalstvom flota leitenanta Golovnina v 1807 – 1811 gg. [Trip on the Sloop "Diana" from Kronshtadt to Kamchatka, Made under the Command of the Fleet of Lieutenant Golovnin in 1807 – 1811] – M.: Publishing House of Geogr. Lit., 1961. – 480 p. [In Russian]
7. Zhizneopisanie Aleksandra Andreevicha Baranova, Glavnogo Pravitelya Rossiiskikh kolonii v Amerike [Biography of Alexander Andreyevich Baranov, Chief Ruler of the Russian Colonies in America]. – SPb.: Morsk. typ., 1835. – 209 p. [In Russian]
8. Zagoskin L. A. Peshehodnaya opis chasti russkikh vladenii v Amerike v 1842, 1843 i v 1844 godakh v 2-kh ch. Ch. 1 [Pedestrian Inventory of a Part of Russian Possessions in America in 1842, 1843 and in 1844 in 2 parts. Part 1]. – SPb.: Typ. of K. Kraya, 1847. – 182 p. [In Russian]
9. Zapiska kapitana 2 ranga Golovnina o sostoyanii Rossiisko-Amerikanskoj kompanii [Note of Golovnin , Captain of 2nd Rank, on the State of the Russian-American Company] // Materialy istorii russkikh poseleniy vdol beregov vostochnogo okeana [Materials for the History of Russian Settlements along the Shores of the Eastern Ocean]. – SPb.: Typ. of Morsk. Min., 1861. – Issue 1. – P. 48-115. [In Russian]
10. Istoriya romantizma v russkoi literature. Vozniknovenie i utverzhenie romantizma v russkoi literature (1790 – 1825) [History of Romanticism in Russian Literature. Emergence and Establishment of Romanticism in Russian literature (1790 – 1825)] / Resp. ed. A. S. Kurilov. – M.: Nauka, 1979. – 311 p. [In Russian]
11. Lisyansky Yu. F. Puteshestvie vokrug sveta v 1803, 1804, 1805 i 1806 gg. na korable «Neva» [Traveling around the World in 1803, 1804, 1805 and 1806 on “Neva” Ship]. – M.: Drofa, 2008. – 350 p. [In Russian]
12. Mann Yu. V. Russkaya literatura XIX veka. Epokha romantizma [Russian Literature of the 19th Century. Era of Romanticism]. – M.: Publishing House of the Russian State Humanitarian University, 2007. – 510 p. [In Russian]
13. Markov A. Russkie na Vostochnom okeane [Russians on the Eastern Ocean]. – St. Petersburg, 1856. – 263 p. [In Russian]
14. Pesnya A. A. Baranova 1799 goda [Pesnya A.A. Baranov, 1799]. // Zagoskin L. A. Travel and Research of Lieutenant Lawrence Zagoskin in Russian America in 1842–1844. – M.: Publishing House of Geogr. lit., 1956. – P. 379-381.
15. Polevoi N. Podvigi russkikh grazhdan i amerikanskaya trgovlya [Feats of Russian Citizens and American Trade] // Century of Russia from 1745 to 1845 or a Historical Picture of Memorable Events in Russia over 100 years. Part 2. St. Petersburg: Publishing House of P. Martynov, 1846. P. 213-227. [In Russian]
16. Potekhin V. Selenie Ross [Ross Village]. - SPb.: Typ. of Dep. of Ext. Trade, 1859. – 42 p. [In Russian]
17. Tikhmenev P. A. Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiisko-Amerikanskoj kompanii i deistviya ee do nastoyashhego vremeni v 2-h ch. Ch.1 [Historical Review of the Formation of the Russian-American Company and its Current Activities in 2 Parts. Part 1]. – SPb.: Typ. of E. Weimar, 1863. – 493 p. [In Russian]
18. Yanovskiy S.I. Puteshestvie vokrug sveta ot Kronshtadta na o. Sitkhu, v port Novoarhangelsk na korable «Suvorov» v 1816 – 1817 gg. [Traveling around the World from Kronstadt to Baranof Island, to the port of Novoarkhangelsk on “Suvorov” Ship in 1816 – 1817] // Vestnik Kalugskoy Nauchnoy Arkhivnoy Komissii [Bulletin of the Kaluga Scientific Archival Commission] / ed. by I.D. Chetyrkina, V.M. Kashkorova. – Kaluga: Typ. of Povernorate Board, 1899. – Issue. 3. – P. 138-140; 1911. – Issue 21. – P. 1-31 [In Russian]
19. Black L. T. Russians in Alaska 1732 – 1867 / L.T. Black - Fairbanks: University of Alaska Press, 2004. - 328 p.
20. Chevigny H. Lord of Alaska. Baranov and The Russian Adventure / H. Chevigny - London: Robert Hale Limited, 1946. - 254 p.
21. Inkersley A. Alexander Baranof and The Russian Colonies of America / A. Inkersley // Overland Monthly. - 1897. - Volume 30, Issue 175, July. - Pp. 9-22
22. Owens K.N., Petrov A.Y. Empire Marker. Alexandr Baranov and Russian Colonial Expansion into Alaska and Northern California / K.N. Owens, A.Y. Petrov - Seattle – London: University of Washington Press, 2015. - 341 p.
23. Vinkovetsky I. Russian America. An Overseas Colony of a Continental Empire 1804 – 1867 / I. Vinkovetsky - Oxford – New York: Oxford University Press, 2011. - 258 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.118>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОЕВОГО ОПЫТА ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ В СОВРЕМЕННЫХ ОПЕРАЦИЯХ ВВС РФ

Научная статья

Гагин В.В.¹, Поталуй В.В.², Ширишкова Е.А.^{3*}

¹ ORCID: 0000-0003-4903-5418;

² ORCID: 0000-0002-2076-3967;

³ ORCID: 0000-0003-0542-1464;

^{1, 2, 3} ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, Воронеж, Россия

* Корреспондирующий автор (ekaterinaaleksandr[at]rambler.ru)

Аннотация

В статье проведен анализ боевого опыта ВВС СССР в период войны в Афганистане в 1979-1989 гг., а также сравнение некоторых основных способов ведения боевых действий в Афганистане и в Сирии. Целью исследования является анализ боевого опыта, приобретенного тогда Военно-воздушными силами и его применение в современных конфликтах. Особое внимание уделяется изучению вопросов взаимодействия и управления. В статье сделаны выводы о необходимости выбора эффективных решений выявленных проблем, что подразумевает планомерную работу на всех уровнях на базе анализа боевого опыта.

Ключевые слова: ВВС, тепловые ловушки, поисково-спасательные операции, поддержка с воздуха, военный опыт, боевые потери.

USE OF THE BATTLE EXPERIENCE OF WAR IN AFGHANISTAN IN MODERN COMBAT OPERATIONS OF THE RUSSIAN AIR FORCE

Research article

Gagin V.V.¹, Potaluy V.V.², Shirshikova E.A.^{3*}

¹ ORCID: 0000-0003-4903-5418;

² ORCID: 0000-0002-2076-3967;

³ ORCID: 0000-0003-0542-1464;

^{1, 2, 3} N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy, Voronezh, Russia

* Corresponding author (ekaterinaaleksandr[at]rambler.ru)

Abstract

The article analyses the combat experience of the USSR Air Force during the war in Afghanistan in 1979-1989, and the comparison of some methods of conducting military operations in Afghanistan and Syria is made. The aim of the study is to analyze the combat experience acquired by the Air Force and its application in modern conflicts. The special attention is paid to studying the issues of interaction and management. The conclusion about the necessity of choice of effective solutions to the revealed problems is made, which implies coordinated interaction at all levels using the analysis of combat experience.

Keywords: Air Force, decoy flares, search and rescue operations, air support, military experience, combat losses.

In this paper, we will mainly consider recommendations and suggestions related to the combat experience of army and front-line aviation. These suggestions refer to some innovations, caused by the analysis of losses during conflicts. Innovations included the crew protective equipment, air vehicles design and armament. Also due to the experience of the conflict in Afghanistan certain warfare methods were worked out.

In terms of tactics for the use of helicopters based on the experience of large-scale combat use of rotary-wing aircraft in the Air Force 40A (the 40th Army) and 73AF (the 73rd Air Force) in Afghanistan, conclusions and suggestions for its improvement were made.

Analysis of losses in Afghanistan confirmed that, first of all, it is necessary to protect the crew and the vehicle. Installation of the inside lateral armored glass was unsuccessful: the visibility deteriorated and the useful volume of the cabin decreased. Proposed in 1980 the helicopter pilot's protective kit, real steel armor, was also rejected for cumbersome and exorbitant weight. Crews only occasionally used bulletproof vests and protective helmets ZSh-3B, criticizing them for their heavy weight, during the maneuver, this three-kilogram sphere simply turned their heads to one side (later more convenient titanium ZSh-5B appeared). Previously popular light blue coveralls were removed from the equipment. In case of fire on board the synthetics melted in their fabric and tightly stuck to the skin. In 1984, instead of them helicopter pilots were the first in the Air Force to receive camouflage suits, which provided extra protection in case of an emergency landing. In this case, in order to survive until the arrival of the search group, a machine gun was taken into flight (the most prudent pilots fastened it with straps to the thigh or hung under the arm, so as not to lose when jumping with a parachute), and PM pistols were substituted with more reliable and powerful TT pistols and APS (Stechkin automatic pistol). A set of wearable emergency stock was sorted out, leaving a couple of bars of chocolate and a flask of water out of the entire ration, the empty space was occupied by magazines and 4 RGD-5 grenades.

For protection against MANPADS (Man-Portable Air Defense System), using heat seeking warheads, ejectors (release mechanism) appeared on the nozzles of engines (the rear part of an engine), which became mandatory only since 1983, when the threat of MANPADS became tangible. Since 1987, ASO-2V infrared decoy flares, designed to mislead heat-seeking missiles, have been installed in blocks of three in the fuselage behind the wing in different directions to create a wide plume of decoy targets behind the helicopter [9].

During the combat missions in Afghanistan, experience in preventing losses was gained. A wide range of recommendations was developed, the need to follow which remains obvious today, 30 years after the end of the war in Afghanistan. This complex includes the selection of possible safe routes for reaching the target from directions not covered by air defense systems, and conducting an attack for a minimum time. Flight to the target and back is carried out on different routes at an altitude of not less than 2000 m above sea level considering the terrain. In hazardous areas, pilots need to monitor possible launches of MANPADS, going towards the sun or dense clouds. During takeoff and landing, when the aircraft have low speed and lack of maneuverability, they should be covered by helicopters patrolling the area around the airfield. All strikes are delivered at the first attempt, without repeated attacks. In addition, since the Soviet forces were supposed to counteract the aircraft of the Western powers and neighboring China, Iran and Pakistan, fighter aircraft were sent there. Among other combat missions, they were involved in the destruction of foreign aircraft and helicopters if they crossed the state border of Afghanistan and covered the sides of the attack and bomber aircraft of the 40th Army and the Air Defense Forces.

The main technical means of protecting aircraft were infrared decoy flares. Since 1985 all types of aircraft and helicopters used in Afghanistan were equipped with them. In the area of the enemy air defense, as well as during take-off and landing, the pilot ejected decoy flares that distracted different types of MANPAD missiles (including those of the Soviet Strela-2 family) [10]. Combat sorties of planes and helicopters not equipped with such protection were not allowed.

In Syria, these rules were violated in at least four cases, resulting in the military losses of the Russian Air Force. On November 24, 2015, the Russian Su-24M front-line bomber was shot down by an AIM-9X Sidewinder air-to-air missile launched by the Turkish F-16C fighter on the border with Turkey [6]. Russian bombers took off without fighter cover. In fact, the Russian crew hardly knew that the armament of the Turkish F-16 was aimed at their plane. Given the fact that the Russian bomber was supposed to fly near the border with Turkey (which had already made claims about the similar actions of the Russian Air Force and warned of its intention to react harshly to them in the future), its escort must have taken place [3]. Similarly, in the airspace of the DRA near the border of Pakistan on August 4, 1988, the Su-25 attack aircraft piloted by A. Rutskoj was shot down by the F-16 of the Pakistani Air Force.

The same mistake was made just a few hours after the incident with the Russian Su-24M. Mi-8 helicopters sent for a search and rescue operation to the alleged location of the co-pilot flew there also without a combat air patrol. According to Afghan experience, Mi-8 multipurpose helicopters should be accompanied by Mi-24 attack helicopters, whose task is to suppress enemy fire. It can be assumed that it was precisely due to the lack of necessary support that the enemy was able to take advantage of the ATGM installation and shoot down one of the Mi-8 helicopters, which resulted in the death of another Russian military [3].

Another example is the combat mission of the Russian Su-25SM attack aircraft, shot down on February 3, 2018 over the Syrian province of Idlib, whose pilot major R. Filipov heroically died on the ground, surrounded by the militants [1]. Close air support aircraft was used to perform reconnaissance mission instead [5]. Moreover, judging by the video recording, the flight was carried out at a low altitude and without using decoy flares. By the way, in the footage of the July 8, 2016 of shooting down the Mi-35M attack helicopter with a MANPAD missile launched by militants in the Syrian province of Homs, it is also not visible that Russian aircraft activated decoy flares [7].

In both incidents with Russian aircraft, the fact that their catapulted crews were not supported by emergency search and rescue services attracts attention. As a rule, in such cases in Afghanistan, the pilots of a pair of aircraft tried to cover the downed pilots until they were evacuated by search and rescue helicopters. Typically, these helicopters should be permanently located outside the affected area near the combat operations area, keep in constant contact with the command and control center and take measures to minimize flight time. In the case of the crash of major Filipov's plane, the pilot of the second aircraft (as reported in the Russian media) did everything in his power, but the rescuers did not manage to get in time. According to the explanations of one of the experts of the Ministry of Defense of the Russian Federation, they had to move by land transport rather than use helicopters, which in the area with the enemy's active groups was extremely dangerous [4].

Another measure worked out in Afghanistan in order to prevent losses from enemy MANPADs was the obligatory take-off and landing according to the "shortened scheme". At take-off an aircraft climbed using afterburner (allowing it to get maximum power) in a spiral, while constantly remaining within the patrol zone around the airfield until it reached a safe flight level. When approaching, a rapid descent ("gradient landing") should have been used with the obligatory (as on take-off) use of decoy flares. However, this "gradient landing", also called the "Afghan approach", was quite complicated and required highly qualified piloting [8]. Nevertheless, this maneuver was practiced in other branches of aviation, including military transport aviation. Apparently, the "Afghan approach", the implementation of which is unusual for most pilots and requires special training, is used in the Russian AF and during the current Syrian campaign. It is possible that the accident that occurred on March 6, 2018 at the Khmeimim air base during the landing of An-26, which killed 39 people, is connected with its implementation. According to some experts, the pilot could incorrectly calculate the vertical landing speed, and the engine power was not enough to provide the necessary deceleration close to the ground [2].

To sum up, a professional approach to choosing effective directions for solving a long-overdue problem implies coordinated and systematic work at all levels based on a comprehensive analysis of the invaluable combat experience of Afghanistan and Syria. That experience resulted in creating certain safety rules in order to minimize human and material losses. However, in practice these rules were not always followed and even violated, which led to deaths of the personnel.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Герой России: погибший в Сирии летчик отстреливался до последнего // МИР 24. 05.02.2018. – [Электронный ресурс]: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TmNaugKAYKI>; (дата обращения: 05.09.2018).
2. Коваленко Н. Три главные версии катастрофы Ан-26 в Сирии / Н. Коваленко, А. Нечаев // Взгляд. 07.03.2018. – [Электронный ресурс]: URL: <http://vz.ru/society/2018/3/7/877273.html>; (дата обращения: 11.09.2018).
3. Костюченко Ю. Сбитый Су-24 в Сирии: обратный ракурс трагедии // AVIA.PRO. 25.11.2015.– [Электронный ресурс] : URL: <http://avia.pro/blog/sbityu-su-24-v-sirii-obratnyy-rakurs-tragedii>; (дата обращения: 05.09.2018).
4. Почему наши военные не спасали летчика Филиппова, используя опыт Афганистана // 812'Online. 07.02.2018. – [Электронный ресурс] :URL: <http://www.online812.ru/2018/02/07/016/>; (дата обращения: 15.09.2018).
5. Резчиков А. Гибель майора Филиппова заставляет задуматься о качествах самолета Су-25 / А. Резчиков, А. Нечаев // Взгляд. 09.02.2018. – [Электронный ресурс] : URL: <http://vz.ru/society/2018/2/9/900060.html>; (дата обращения: 22.09.2018).
6. Российский Су-24 потерпел крушение в Сирии // RT на русском. 24.11.2015. – [Электронный ресурс] : URL: http://www.youtube.com/watch?time_continue=21&v=S84-x8HO32w; (дата обращения: 05.09.2018).
7. Убитые в Сирии российские летчики сражались до последнего // Россия 24. 10.07.2016. [Электронный ресурс] : URL: http://www.youtube.com/watch?v=_jIx-v03aUM; (дата обращения: 05.09.2018).
8. Ходаренок М. «Афганский заход»: почему Ан-26 упал в Сирии // Газета.ру. 07.03.2018. [Электронный ресурс] : URL: <http://www.gazeta.ru/army/2018/03/07/11675035.html>; (дата обращения: 11.09.2018).
9. Шканакин В.Г. Доклад командующего ВВС 73ВА. Основные способы ведения боевых действий и тактические приемы армейской авиации в условиях горно-пустынной местности. Особенности организации подготовки экипажей вертолетов. Документы архива научной библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА» по Афганистану за 1986 г. – Т.9. – С. 383.
10. Щербakov В. «Стрелы» для душманов // Новая газета. 31.05.2019. – [Электронный ресурс] : URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2019-05-31/8_1046_afganistan.html; (дата обращения: 13.05.2020).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Geroy Rossii: pogibshiy v Sirii letchik otstrelivalsya do poslednego // MIR 24. 05.02.2018. – [Electronic resource] : URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TmNaugKAYKI>; (accessed: 05.09.2018). [in Russian]
2. Kovalenko N. Tri glavnyye versii katastrofy An-26 v Sirii / N. Kovalenko, A. Nechaev // Vzglyad. 07.03.2018. – [Electronic resource] : URL: <http://vz.ru/society/2018/3/7/877273.html>; (accessed: 11.09.2018). [in Russian]
3. Kostyuchenko YU. Sbityy Su-24 v Sirii: obratnyy rakurs tragedii // AVIA.PRO. 25.11.2015. – [Electronic resource] : URL: <http://avia.pro/blog/sbityu-su-24-v-sirii-obratnyy-rakurs-tragedii>; (accessed: 05.09.2018). [in Russian]
4. Pochemu nashi voyennyye ne spasali letchika Filipova, ispol'zuya opyt Afganistana // 812'Online. 07.02.2018. – [Electronic resource] : URL: <http://www.online812.ru/2018/02/07/016/>; (accessed: 15.09.2018) [in Russian]
5. Rezchikov A. Gibel' mayora Filipova zastavlyayet zadumat'sya o kachestvakh samoleta Su-25 / A. Rezchikov, A. Nechaev // Vzglyad. 09.02.2018. – [Electronic resource] : URL: <http://vz.ru/society/2018/2/9/900060.html>; (accessed: 22.09.2018). [in Russian]
6. Rossiyskiy Su-24 poterpel krusheniye v Sirii // RT na russkom. 24.11.2015. [Electronic resource] : URL: http://www.youtube.com/watch?time_continue=21&v=S84-x8HO32w; (accessed: 05.09.2018). [in Russian]
7. Ubityye v Sirii rossiyskiye letchiki srazhalis' do poslednego // Rossiya 24. 10.07.2016. [Electronic resource] : URL: http://www.youtube.com/watch?v=_jIx-v03aUM; (accessed: 05.09.2018). [in Russian]
8. Khodarenok M. "Afganskiy zakhod": pochemu An-26 upal v Sirii // Gazeta.ru. 07.03.2018. – [Electronic resource] : URL: <http://www.gazeta.ru/army/2018/03/07/11675035.html>; (accessed: 11.09.2018.) [in Russian]
9. Shkanakin V.G. Doklad komanduyushchego VVS 73VA. Osnovnyye sposoby vedeniya boyevykh deystviy i takticheskiye priemy armeyskoy aviatsii v usloviyakh gorno-pustynnoy mestnosti. Osobennosti organizatsii podgotovki ekipazhey vertoletov. Dokumenty arkhiva nauchnoy biblioteki VUNTS VVS "VVA" po Afganistanu za 1986 g. – Vol.9. – P. 383. [in Russian]
10. Shcherbakov V. "Strely" dlya dushmanov // Novaya gazeta. 31.05.2019. – [Electronic resource] : URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2019-05-31/8_1046_afganistan.html; (accessed: 13.05.2020). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.119>

**ТВОРЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ КОМПОЗИТОРА ДЖЕМИЛЯ КАРИКОВА
НА ПРИМЕРЕ «МИНИАТЮР ДЛЯ СТРУННОГО КВАРТЕТА»**

Научная статья

Куртбединова Л. Т.*

Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь, Россия

* Корреспондирующий автор (lilya.kurtbedinova[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматриваются тенденции реализации творческих и мировоззренческих устремлений крымскотатарского композитора Джемиля Карикова. Тематика его произведений часто связана с фольклорными образцами, где в талантливых обработках автор использует полифонические приемы, современные средства музыкального языка, джазовые ритмы. Преломление в композиторском творчестве народных национальных традиций наиболее полно себя проявляет в камерно-инструментальной и камерно-вокальной музыке. Оригинальнымopusом композитора является сборник «Миниатюры для струнного квартета», включающий девять пьес. В некоторых из них использованы подлинные народные мелодии. Цель статьи - определение творческой платформы композитора Джемиля Карикова. Задачи заключаются в выявлении индивидуально-стилевых особенностей в «Миниатюрах для струнного квартета».

Ключевые слова: крымскотатарский фольклор, квартет, джаз, национальный стиль, лад, полифония.

**CREATIVE PRIORITIES OF THE COMPOSER CEMIL KARIKOV EXEMPLIFIED
BY “MINIATURES FOR A STRING QUARTET”**

Research article

Kurtbedinova L.T.*

Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Crimea

* Corresponding author (lilya.kurtbedinova[at]mail.ru)

Abstract

This article discusses trends of implementation of the creative and worldview aspirations of Cemil Karikov, the composer of the Crimean Tatar origin. The theme of his works is often associated with folklore. In his masterful compositions, the author uses polyphonic techniques, modern means of the musical language, and jazz rhythms. The composer's works dedicated to folk national tradition deserve special attention becoming particularly vivid in chamber-instrumental and chamber-vocal music. “Miniatures for a String Quartet” is the original opus of the composer which consists of nine pieces. Some of them use authentic folk tunes. The purpose of the article is to determine the creative platform of the composer Cemil Karikov. The tasks of the paper are to identify the features of individual style in “Miniatures for a String Quartet.”

Keywords: folklore of Crimean Tatars, quartet, jazz, national style, tonality, polyphony.

Введение

Джемиль Энверович Кариков один из современных талантливых крымских композиторов, исполнителей и активных подвижников современного музыкального искусства, посвятивший себя изучению и популяризации крымскотатарского музыкального фольклора. Джемиль Кариков в 1994 году окончил теоретико-композиторское отделение Ташкентской государственной консерватории. Работал музыкальным руководителем ансамбля «Хайтарма», главным дирижером крымского театра, музыкальным редактором ГТРК «Крым», музыкальным редактором телеканала АТР, руководителем ансамбля «Макам» [3, с. 8].

Джемиль Кариков представлял крымскотатарское музыкальное искусство в Турции, Польше, Германии, России, Катаре, Румынии. Он является автором различных по жанру произведений. Среди них произведения для симфонического и камерного оркестра, музыка к спектаклям Крымскотатарского Академического музыкально-драматического театра: «Алим», «Эвленов» («Женитьба»), «Антиквар тюканы» (Антикварная лавка), «Айненым» («Колыбельная»). Им создано 10 сборников: «Крымскотатарский альбом для фортепиано» (1999), «Миниатюры для струнного квартета» (2001), «Къырымнынъ чель йырлары» (совместно с Диявером Османовым 2005), «Инструментальная музыка ханского периода» (2007), «Сайлама вокал Херлери» (2009), «Иляхилер» (2009), «Джазовый альбом для фортепиано» (2010), «Турецкая тетрадь» для фортепиано (2012), «Мелек дефтери» (2014) и др.

В процессе становления Джемиля Карикова как музыканта-профессионала и композитора велика роль его учителей – педагога Сухумского государственного музыкального училища Александра Лаврентьевича Эсебуа, талантливого музыканта из Ташкента Семена Семеновича Сенделевича. На формирование его творческого мировоззрения большое влияние оказали произведения К. Пендерещкого, И. Стравинского, Б. Бартока, З. Кодая, А. Хачатуряна, У. Гаджибекова, П. Владигерова и др., у которых он учится синтезу народного и профессионального в композиторском творчестве. Г. Головинский отмечает: «Постижение фольклора, этой поистине неисчерпаемой художественной сокровищницы, накопленной веками, продолжается. Оно сулит еще многие замечательные открытия музыкальному искусству» [2, с. 270]. Исследуя творчество композитора, мы можем сказать, что национальная музыкальная культура в творчестве Джемиля Карикова сосредоточилась на познании имманентных ценностей извечных своих традиций и в то же время восприняла новые импульсы из мирового опыта современных композиторских техник» [3, с. 8].

Актуальность статьи обусловлена тем, что музыкальное искусство Республики Крым, опирающееся на богатейшее народное музыкальное творчество, изучено ещё не в полной мере. Прежде всего, это относится к профессиональной музыке рубежа XX – XXI веков. Камерно-инструментальный жанр недостаточно исследован в творчестве крымских композиторов. «Еще одно важное качество новой камерной музыки – ее общительность, или, как сейчас принято говорить, особая коммуникативность» [4, с. 21-27]. В данной статье анализ миниатюр, дает возможность составить представление о характерных чертах современной академической музыки Крыма.

Творчество Джемиля Карикова включает широкий круг музыкальных образов, ассоциируемых с картинами окружающего мира, жанровыми зарисовками, танцевальными ритмами. Тематизм его произведений часто связана с фольклорными образцами, где в талантливых обработках автор использует полифонические приемы, современные средства музыкального языка, джазовые ритмы. Музыкальный язык его сочинений опирается на принципы модально-гармонического мышления во взаимосвязи с тонально-гармоническими принципами и особенностями современной хроматической системы. В поисках новых путей переосмысления фольклора Джемиль Кариков обращается к джазовым ритмоформулам, которые раскрывают новые грани народной музыки и дают новое оригинальное прочтение темы «фольклор и композитор». Таковы пьесы сборников «Миниатюры для струнного квартета», «Джазовый альбом» для фортепиано, отдельные пьесы сборника «Крымскотатарский альбом для фортепиано». Показательны двенадцать пьес из «джазового альбома», в которых оживают новыми красками крымскотатарские народные мелодии. В отдельных пьесах выявляется связь со стилистикой джазовых композиций, отмеченных с переменностью внутритактовых акцентов, повторяющихся формул басов, синкопированности ритма, цепкости гармонических красок. Отметим, что в цикле простые, небольшого масштаба народные мелодии в результате импровизационного развития разрастаются в объемные композиции. Примером может служить пьеса «Озен ичи туземлик» («Плавно течет река»). Четкие джазовые ритмоформулы меняют облик спокойной текучей мелодии народной песни, преображая ее характер, а терпкие хроматизированные аккорды придают ей особую окраску. Здесь уместны слова музыковеда Л. Нормета: «если народная песня хочет жить в творчестве современного художника, ей волей-неволей приходится дышать и воздухом нашего времени» [5, 254].

Оригинальным опусом композитора является сборник «Миниатюры для струнного квартета», включающий девять пьес. В некоторых из них использованы подлинные народные мелодии («Чипийим» «Шу кавказнынъ», «Озен ичи туземлик», «Долу»). Название сборника подчеркивает лаконизм входящих в него композиций. Проникновение джазового начала в отдельных пьесах лишь слегка намечено, в других же более ярко и показательно.

№1. «Чипийим» («Мой ципленок» - ласковое обращение к любимой), построен на основе мелодии одноименной народной шуточной песни. Сохраняя ладовый колорит (ионийский, лидийский, миксолидийский) автор вносит изменения в мелодические контуры народной песни. Музыкальная ткань произведения сочетает в себе гомофонно-гармоническое и полифоническое изложение. Мелодическую линию в основном ведет первая скрипка, которую дополняют остальные партии выразительными гармоническими красками. Сочетание простых гармоний (трезвучия, секстаккорды) с терпким звучанием септим и нон составляют выразительный фон для диатонической мелодии пьесы. Красочная сторона гармонии подчеркнута отклонениями во II, IV, V ступени C-dur (т. 8, 14, 15). Дублирование мелодического голоса в октаву, сексту и унисон (т. 13, 17, 18, 23-27) делает музыкальную палитру более яркой и насыщенной.

Некоторое ритмическое изменение мелодической линии (т. 21-22), синкопированность в аккомпанирующих голосах, диссонансные созвучия придают музыке современное звучание. В результате вариантных повторов и мелодии композитор изменяет двухчастную куплетную форму народной песни и создает свою оригинальную трехчастную композицию со вступлением и кодой. Применение различных штрихов (*legato*, *arco*, *pizzicato*), акцентов, индивидуальная выразительная роль каждой партии способствует созданию сочного юмористического образа этой лаконичной и простой пьесы.

№2 Шу Кавказнынъ.

Вторая пьеса «Шу Кавказнынъ» имеет лирико-танцевальный характер, отличаясь простотой фактуры и ясностью гармонического мышления. В ее основу положена одноименная народная крымско-татарская мелодия, однако автор меняет ее метроритм. Трехдольный размер ($\frac{3}{8}$) народного оригинала композитор интерпретирует ($\frac{6}{8}$), а секундное тональное соотношение народной песни (Es-f) меняет на параллельное (B-g). Сохраняя мелодические контуры цитаты, автор обогащает ее проходящими и вспомогательными звуками на фоне гомофонно-гармонической фактуры.

Народная песня имеет строфическую форму (aab), которую композитор не меняет в вариантных повторах, образующих двухчастную однотемную композицию (A+A₁). В первом проведении тема (т. 1-8) звучит у первых скрипок в прозрачной фактуре (p) на фоне тонического органного пункта (си бемоль мажор) у альты. Во втором проведении тема дана (т. 9-16) в параллельном миноре (соль миноре) в более плотной насыщенной фактуре. Здесь участвуют все партии и мелодия опять поручается первой скрипке. Вторая часть (A₁) повторяет материал первой части с вариантными изменениями на контрастной динамике (f). Талантливое применение подголосков, органных пунктов, уплотнений и разряжений музыкальной ткани способствуют динамике развития музыкального образа (т. 13-14). Показательно, что отсутствие сильных долей в аккомпанирующих голосах и нисходящие пробежки шестнадцатых создают характерный джазовый колорит.

Приемы подголосочной и контрастной полифонии в совокупности с альтерациями ступеней мажора и минора создают необычайный колорит этой обработки народной мелодии. Мотивы на слабых долях такта в гармоническом движении подчиненных голосов (вторая скрипка и альт) придают фактурному оформлению свежесть и оригинальность. Так, композитор самобытными в тоже время достаточно простыми приемами представил яркий народный музыкальный образ.

№3. «Долу»

В основе третьей пьесы «Долу» лежит жанр застольной обрядовой инструментальной мелодии долу (означает полный) имеет древнее происхождение. В эпоху Крымского ханства «Долу» именовались «ханнынъ софра авасы»

(мелодия ханского пиршественного стола). В последующую эпоху вплоть до нашего времени они исполняются на крымскотатарских свадьбах. Долу исполняется полным составом инструментального ансамбля и имеют торжественно-величавый характер [1, с. 13]. Своим размеренным характером он близок жанру Агъыр-ава. Танец Агъыр ава (агъыр буквально тяжеловесный, ава - мелодия). Агъыр ава – это жанр медленных танцев, часто являющихся прелюдией к хайтарме [1, с. 13]. Но если агъыр-ава танцевальный жанр, то долу не танцуют. Характерная черта крымскотатарской музыки проявляется в метрической переменности ($\frac{3}{8}$, $\frac{4}{8}$, $\frac{5}{8}$ и др.), сопровождающей каждый из 24-х тактов.

Развивающей середине (т. 25-44) свойственно широкое применение вариантных повторов, здесь метрическая переменность предстает с добавлением двудольности ($\frac{2}{8}$). Аккомпанирующие голоса на протяжении всей пьесы постоянно варьируются путем частых смен игры *arco* и *pizzicato*, внедрения альтераций и хроматизмов, терпких сочетаний септим и нон. Все это вносит разнообразие в красочную палитру пьесы, создает оригинальный стиль произведения. В сокращенной репризе пьесы, точно повторен первый период (т. 1-12).

№4. «Озен ичи тюземлик» («Плавно течет река»).

Четвертая пьеса «Озен ичи тюземлик» («Плавно течет река») построена на основе одноименной шуточной народной песни и представляет собой виртуозную концертную обработку в джазовом стиле простой двенадцатитактовой мелодии. Шуточная и лирическая двухчастная композиция со вступлением написана в остросинкопированном оформлении джазовых ритмов и гармоний.

Масштабы ее в результате вариационных методов изложения разрастаются до 50 тактов. Варьированное проведение темы первой части, обогащенное форшлагами (т. 9,12), ритмически синкопированное (т. 7-18), данное в более расширенном масштабе – с повтором первого четырехтакта цитаты, поручается первой скрипке (т. 9-24). Остальные партии своим синкопированным аккомпанементом, представленным еще во вступлении и проведенным в виде аккордового остинато (т. 9-15), придают джазовый колорит. Наряду с этим унисонами первой и второй скрипок, приемами полифонизации и параллельного движения в терцию и сексту композитор подчеркивает новый образ. Использованная композитором прозрачная фактура, полифонического изложенная на штрихе легато (т. 25-32) преобразуют игриво подвижную мелодию в лирически распевную. Оригинальность композиции заключается в найденных интересных фактурных решениях автора, в чередовании штрихов, динамических контрастов, ярких акцентов раскрывающих оптимистичный образ пьесы.

№5 Рондо (Кязиму Сеферову).

Пятая часть «Рондо» (посвященное Кязиму Сеферову, пятичастное по форме) представляет собой динамичную пьесу, выдержанную в джазовом стиле: ее тематизм основан на упругих синкопирующих ритмах, диссонирующих созвучиях, хроматических ходах. Ввиду их широкого применения, характеристики тональности, даже при подчеркивании устоя «ля», отличаются неопределенностью и неустойчивостью. Вместе с тем, структурная четкость и ясность пятичастного рондо несколько уравнивает данные свойства музыкального материала.

В контрастном сопоставлении разделов определенную роль играют метрическая переменность ($\frac{4}{4}$, $\frac{3}{4}$). В чередовании эксцентричных образов своим мягким лиризмом выделяется тема второго эпизода (т. 28-38), характер которой обрисован прозрачной двухголосной полифонией имитационного склада. Преобладающие полифонические методы изложения дают возможность проявить свои функции всем четырем участникам струнного квартета.

№6 Танго.

Шестая часть «Танго» представляет собой небольшую лирическую пьесу, с типичного для этого танцевального жанра скачкообразностью мелодического рельефа, ритмической изменчивостью, синкопами в началах фраз со слабой доли. Музыкальный материал пьесы выдержан в остро современном ключе. Фактура насыщена альтерациями и хроматизмами, проникающими в гомофонно-гармонический первый раздел пьесы и полифонический второй раздел. Таким образом, построенный на одной теме танец представляет двухчастную композицию, насыщенную диссонирующими аккордами и созвучиями, и только на грани построения обрисовывается тонический аккорд ре минора. Если мелодический материал первой части поручен первой скрипке, то во второй части все голоса квартета участвуют в ее полифоническом развитии, где тема часто проводится в параллельном изложении терциями. Динамическое нарастание в конце пьесы (т. 32-37) утверждают характерный образ латиноамериканского танца.

№7 Из музыки к спектаклю «Алим». Вступление.

Небольшое вступление седьмой пьесы «Алим» (из музыки к спектаклю) состоит из тематически не связанных двух разделов. Музыкальный образ лирико-повествовательного характера отличается восточным колоритом, чему способствуют «узорчатость», ритмическая изменчивость, синкопы и форшлаг мелодии, солирующий тембр первой скрипки, остинато повторяющиеся тоны, сопровождения в нисходящем движении. Имитационные переключки, нисходящее унисонное движение придают лирической теме эмоционально-взволнованный характер (т. 2-23), имеющий эффект театральности и подготавливающий следующую «сцену».

№8. Признание в любви.

Тема восьмой пьесы «Признание в любви» изложена в темпе *Andante* в тональности ре минор. Основная тема, мягкая и распевная, проводится скрипками, а партии альты и виолончели дают полифонические подголоски, сохраняя ритмоформулу на протяжении всей пьесы. В секвенционном изложении первого периода (т. 6-9) особый грустный колорит теме придают пониженные II и IV ступени до минора. В кульминационном эпизоде пьесы (т. 10-13) скрипки проводят тему в октавном удвоении, где следует отметить отклонение в тональность фа диэз минор. Насыщенное звучание тема приобретает в заключительных тактах (т. 25-29), проводимая в унисоне двух скрипок.

№9. «Долу»

Девятая финальная пьеса «Долу» представляет жанр народной инструментальной пьесы, исполняемой во время застолья (застольная). Для этого жанра особенно свойственны вариантные повторы построений. В основе пьесы лежит метрическая переменность ($\frac{4}{4}$, $\frac{5}{4}$, $\frac{3}{4}$), и характерный для народного жанра умеренный темп (*Allegro moderato*). Пьеса построена в простой трехчастной форме. Следует подчеркнуть значимость фактурного развития музыкального

материала. Прием вариантного повторения, многократно использованный в пьесе, подчеркивает связь с национальными традициями инструментальных жанров.

Заключение.

Подводя итоги исследования, отметим, что камерные произведения Джемиля Карикова свидетельствуют о стремлении автора к расширению форм преломления фольклора. На основании вышеизложенного анализа пьес можно сделать следующие выводы. Фольклорный базис в творчестве Джемиля Карикова является одной из определяющих линий. Самобытную страницу творчества композитора представляют джазовые обработки, в которых проявляется стремление по-новому осмыслить народные традиции. В каждом своем произведении композитор находит индивидуальное решение для синтеза фольклорных элементов и современных техник письма. Органическое соединение народной музыки с синкопированной природой ритмики и элементами гармонии джаза показывают один из путей обновления современной камерной музыки.

Эти миниатюры адресованы композитором учащимся старших классов музыкальных школ, студентам средних и высших музыкальных учебных заведений. Заинтересованный в пополнении педагогического репертуара, он создает целый ряд других сборников, среди которых: «Мелек дефтери» для фортепиано, вокальные сочинения для голоса и фортепиано, «Джазовый альбом» и «Турецкая тетрадь» для фортепиано.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алиев Ф. М. Антология крымской народной музыки. Къырым халкъ музыкасыгнынъ антологиясы – Ф.М. Алиев. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое гос. издательство, 2001. 600с.
2. Головинский Г. Композитор и фольклор. Из опыта мастеров 20 века – очерки. М. Муз. 1981. 279с.
3. «Джемиль Кариков – подвижник крымскотатарского музыкального искусства» (интервью) / Г. Сойтар. - Голос Крыма. 2010. - №31. - 30 июля. - С.8.
4. Кокорева Л. Радость открытий «Московская осень» / Л. Кокорева // Сов. музыка. – 1981. – №5. – С. 21-27.
5. Нормет Л. «Вельо Тормис» / Л. Нормет // Композиторы союзных республик сб. ст. – Вып.1. – М., изд. Сов. композитор. – 1976. – 254 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aliev F. M. Antologiya krymskoi narodnoi muzyki [Anthology of Crimean Folk Music]. Къырым халкъ музыкасыгнынъ антологиясы – F.M. Aliev - Simferopol: Crimean Educational-Pedagogical State Publishing House, 2001. 600p. [In Crimean Tatar]
2. Golovinsky G. Kompozitor i folklor. Iz opyta masterov 20 veka – ocherki [Composer and Folklore. From the Experience of the Masters of the 20th Century – Essays]. M. Mus. 1981. 279p. [In Russian]
3. «Cemil Karikov – podvizhnik krymskotatarskogo muzykalnogo iskusstva» (intervyu) [“Cemil Karikov – an Enthusiast of the Crimean Tatar Musical Art” (interview)] / G. Soitar. – Voice of Crimea. 2010. – No. 31. – July 30th – P.8. [In Russian]
4. Kokoreva L. Radost otkrytii «Moskovskaya osen» [Joy of Discoveries “Moscow Autumn”] / L. Kokoreva // Sov. Music. - 1981. - No.5. - P. 21-27.
5. Normet L. «Velyo Tormis» [Velho Tormis] / L. Normet // Composers of the Union Republics Coll. of Art. – Issue 1. – M., Ed. by Sov. Composer. – 1976. – 254 p. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.120>

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК «СОВРЕМЕННОГО СТИЛЯ» В СОВЕТСКОМ ДИЗАЙНЕ

Научная статья

Ткаченко Д.А.*

ORCID 0000-0003-4000-5466,

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

* Корреспондирующий автор (sapanzha[at]mail.ru)

Аннотация

В статье представлен авторский подход к исследованию дизайна рубежа 1950-1960-х гг. как концепции нового художественного языка. На основе сравнительного анализа принципов разработки пространства и жизненной среды в рамках авангарда, советской неоклассики и современного стиля, делается вывод о принципиально новом характере и фактическом рождении массового дизайна в конце 1950-х – начале 1960-х гг., предложившего не адаптацию искусства к условиям жизненной среды в виде художественного высказывания (в рамках поисков авангарда и советской неоклассики), а формирующего посредством промышленности (мебельной, художественной промышленности и т.д.) новую жизненную среду, обращенную к частному человеку.

Ключевые слова: дизайн, советский дизайн, современный стиль, промышленное искусство, дизайн мебели, интерьер, художественный язык.

ARTISTIC LANGUAGE OF MODERN STYLE IN SOVIET DESIGN

Research Article

Tkachenko D.A.*

ORCID 0000-0003-4000-5466,

Herzen State Pedagogical University of Russia

* Corresponding author (sapanzha[at]mail.ru)

Abstract

The paper presents the author's approach to the study of the design on the cusp of the 1950-1960s as a concept of a new artistic language. Based on a comparative analysis of the space development principles and living environment within the framework of the avant-garde, Soviet neoclassicism, and modern style, a conclusion is drawn about a fundamentally new character and the actual birth of mass design in the late 1950s and early 1960s, which suggested not the adaptation of art to conditions living environment in the form of an artistic utterance (as part of the search for the avant-garde and Soviet neoclassicism), but forming through the industry (furniture, art industry, etc.) new living environment, addressed to a private person.

Keywords: design, Soviet design, modern style, industrial art, furniture design, interior, artistic language.

Введение

Советский дизайн в последнее десятилетие стал своеобразным мейнстримом искусствоведческих и междисциплинарных исследований. Искусствоведение сосредоточено на формально-стилистических характеристиках нового пространства, социальные и гуманитарные науки ищут в дизайне приметы трансформации советской культуры и «нового человека» [5, с. 24-25]. В этом поиске сама категория «дизайн» кажется вполне очевидной и используется достаточно свободно. Между тем, советский дизайн на протяжении исторического развития не просто менялся формально (с точки зрения выработки нового художественного языка оформления пространства или визуализации нового социального проекта), но менялся и с точки зрения «соразмерности» обывателю – того, ради кого декларативно и создавалось новое искусство.

Дизайн как предмет исследования

Анализируя историю дизайна с 1750 года до наших дней, Адриан Форти отмечает что констатация связи дизайна и общества не дает понимания специфики их взаимодействия, несмотря на то, что упоминание «социального контекста» в последнее время стало входить в моду [11, с.12]. Автор при этом дает достаточно гневную отповедь искусствоведению, которое путают искусство и дизайн, и призывает к исследованию дизайна как исторического явления и созданию методики исследования истории дизайна не только пространства, но предмета [11, с.15]. Вслед за Роланом Бартом и концепцией структурализма, авторы исследований в области cultural studies стремятся за обыденными вещами увидеть поступь глобальной истории.

Однако, как представляется, искусствоведение, к которому исторически принадлежит корпус исследований в области промышленной эстетики и дизайна, и которое все больше тяготеет к междисциплинарности, вполне может взять на вооружение общие принципы структурализма и представить советский дизайн и как систему, и как совокупность предметов, образующих очередной социальный миф.

Советский дизайн: от утопии к мифу, от мифа к предметности

Статус советского дизайна как самостоятельного феномена промышленного искусства сегодня достаточно высок: в публичных пространствах мы достаточно часто видим прямое обращение к конструированию пространства советского, в частных интерьерах речь идет, скорее об «отголосках», элементах советского дизайна, а не его полном представлении. Однако, советский дизайн, как и советская культура, советское искусство крайне неоднороден, прошел определенные этапы развития, в основе которых лежал поиск нового художественного языка. Важно отметить, что именно на этом поиске языка чаще всего и сосредоточены искусствоведы, не всегда принимая в расчет проблему

реальной доступности нового визуального кода современности. Если вслед за А. Форти разграничить искусство и дизайн, то окажется, что именно эта составляющая будет важнейшей при изучении дизайна как среза эпохи.

Анализ круга современных реализованных проектов позволяет утверждать, что источником вдохновения современных дизайнеров все чаще становится искусство рубежа 1950-1960-х гг., которое сегодня переживает свой подлинный «Ренессанс», сметая пафос неоклассики и революционность авангарда. Интерьер снова служит обывателю, но одновременно учит его хорошему вкусу и утонченному минимализму. Именно в переходный период рубежа 1950-1960-х гг. – от эстетики «высокого стиля» к поискам так называемого «современного стиля», сложился особый язык, чуткий к переменам, предложивший новую концепцию организации пространства.

Если сами дизайнеры обычно оперируют категориями формы [2, с. 111-112] и в меньшей степени сосредоточены на человеке (чаще всего рассматривая его как потребителя продукта), то история дизайна задается вопросом о месте и роли человека в процессе нового формотворчества. В рассматриваемый период именно такой подход, который затем сложился в концепции социальной антропологии, представляется основой для анализа проблемы нового дизайна среды.

Исторические исследования дают основания с середины 1950-х годов отсчитывать новый этап в истории советского дизайна. Формально с этого времени начинается этап, который продлился до 1980-х гг. Такую периодизацию предлагает, например, А.В. Семенов, применительно к дизайну советской мебели, выделяя «три основных периода в соответствии с особенностями процессов художественного проектирования и массового производства, формировавшихся под влиянием политических, экономических и социальных факторов: 1920-е гг.; 1930-е — первая половина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х — 1980-е гг.» [10, с. 45-51].

Как любая периодизация, предложенная схема объединяет частные этапы в крупные образования - периоды. Учтем, однако, что внутри третьего периода, который характеризуется отказом от «излишеств» и «бумажным проектированием», который формировался под воздействием интернациональных художественно-эстетических систем модернизма и постмодернизма [10, с. 45-51] обнаруживаются различные траектории отношения к человеку.

Массовый жилой интерьер 1970-х гг. уже представляет концепцию, не порождающую оригинальных идей, но абсолютно растворяющуюся во множестве квартир советских граждан, формируя универсальный код «советского мещанства». Эстетика стала не только декларацией, но самой жизнью. Период же рубежа 1950-1960-х гг. оказался продуктивным именно с точки зрения выработки этого нового высказывания, причем впервые – абсолютно массового.

И авангард, и неоклассицизм оформляли преимущественно общественное пространство, если не игнорируя, то по меньшей мере не уделяя первостепенного внимания пространству частному. Именно поэтому, вероятно, художественный язык авангарда и советской неоклассики так активно используется при проектировании публичных пространств, и в меньшей степени – частных.

В середине XX века в Советском Союзе на волне индустриализации сформировалось поколение горожан, которое стало стремительно расти по отношению к крестьянскому населению. Как только сформировалось это первое поколение «массовых» горожан, оно попыталось создать свой «дизайн», который являлся не цельным художественным высказыванием, а средой, порожденной жизнью. Об этом говорят интерьеры 1950-х гг., перегруженные салфетками, вышивками, картонными репродукциями, гипсовыми фигурами, позднее – фарфором [8, с. 5-6]. Пространство частного (пусть даже комнаты в коммунальной квартире) начинает играть важную роль в оформлении повседневности, а системного ответа еще предложено не было. И авангард, и советская пафосная неоклассика, скорее, звали на улицу, в клуб, на завод. «Новый горожанин» хотел обустроить пространство частного [9, с.229]. Этот ответ был предложен в рамках «современного стиля» и нового дизайна.

В полной мере этот новый подход был явлен на выставке 1961 года «Искусство – в быт», которая прошла в Манеже и впервые предложила концепцию жилья [7, с.110-111]. Революционный авангард тоже был сосредоточен на проблеме организации нового жизненного пространства – будь то полочка К. Малевича или нормаль-одежда В. Татлина, однако эта практика, включенная именно в систему искусства, была самостоятельным художественным высказыванием, в котором его реальное, массовое воплощение предполагалось, но не проводилось с такой тщательностью. Теперь же в пространстве выставки советским гражданам была предложена универсальная, целостная, удобная идея жилья как системы, где было продумано все – мебель, предметы промышленного дизайна (текстиль, фарфор, стекло). Мебель в этом комплексе мыслилась не как совокупность предметов, а как единый «набор» [4, с. 533], а предметы промышленного искусства становились необходимыми «акцентами». Этот проект сразу начал активно транслироваться посредством самого массового искусства – кино, представившем наглядно ту среду, в которой живет «новый человек» [4, с. 535-536].

Как отмечает Е.Ю. Андреева в конце 1950-х гг. формируется «концепция полисной жизни» [1, с. 174]. В этой концепции предметам искусства тоже нашлось свое место, но не меньшее значение имело новое качество среды, которое до этого было второстепенным по отношению к архитектуре, фасаду, внешнему, а теперь напротив – предложило своеобразный мир «эстетического инакомыслия» [6, с. 268] в обезличенной внешне пятиэтажке. Этот мир стал отражением того, что с определенной долей условности называют «современным стилем» [3].

Заключение

Обозначенный переход «снаружи» - «внутри», ставший уже трудами исследователей образом своеобразного советского эскапизма, тем не менее, дает ключ к пониманию основы первого полноценного этапа, к которому применима категория «дизайн». В этом смысле, новый этап стал первым этапом, разорвавшим тесные связи искусства и дизайна, сделав, таким образом, важный шаг от пространства жизни как репрезентации политического (которым являлись поиски авангарда и советского неоклассицизма) к пространству жизни как «нового бидермейра», ориентированного на обывателя, которому позволяет поставить на первое место личное, а не общественное.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Андреева Е.Ю. Стратегия полисной жизни. Идеология и эстетика советского искусства второй половины 1950-х – 1960-х гг. в Ленинграде/ Е.Ю. Андреева // Искусствознание. – 2017. – № 4. – С.174-189.
2. Бондарев И.Ю. Формообразование как основа дисциплин «дизайн-проектирование» и «рисунок» / И.Ю. Бондарев Н.С. Степанова-Третьякова // Наука. Искусство. Культура. – №4 (12). – 2016. – С. 111-120.
3. Красильникова Т.В. «Современный стиль» в советском декоративно-прикладном искусстве периода оттепели / Т.В. Красильникова. Автореферат... кандидата искусствоведения. – М., 2004. – 20 с.
4. Лалетина Т.В. Дизайн типового интерьера в СССР 50-60-е гг. / Т.В. Лалетина Н.Е. Козыренко // Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного комплекса. – 2019. – Т.1. – №3. – С. 533-537.
5. Маслова В.А. Советский дизайн как проект «нового человека»// Философия и культура. – 2017. – №12. – С.24-37.
6. Никольская Т.Н. Авангард и окрестности / Т.Н. Никольская. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. 2002. – 320 с.
7. Рождественская С.Б. «Искусство – в быт». Выставка новых образцов изделий художественной промышленности / С.Б. Рождественская// Советская этнография. –№6. –1961. –С. 110-130.
8. Сапанжа О.С. Послевоенный жилой интерьер Ленинграда как феномен культуры / О.С. Сапанжа Н.А. Баландина // Дизайн и художественное творчество: теория, методика и практика. Материалы I Международной научной конференции/ Под ред. В.Б. Санжарова, Д.О. Антипиной. –Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2016. – С. 3-10.
9. Сапанжа О.С. Мода Ленинграда 1950-х - середины 1960-х гг: стратегии и технологии музейной интерпретации / О.С. Сапанжа Н.А. Баландина // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы XXII Международной научной конференции.- СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2019.- С. 229-233.
10. Семенов, А. В. Три периода в дизайне советской мебели 1920-х — 1980-х гг. / А.В. Семенов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия Искусствоведение. Филологические науки. –2017. – No 3. – С. 45–51.
11. Форти А. Объекты желания. Дизайн и общество с 1750 года. Второе издание / А. Форти. – М: Издательство Студии Артемия Лебедева, 2013. –456 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andreeva E.YU. Strategiya polisnoj zhizni. Ideologiya i estetika sovetskogo iskusstva vtoroj poloviny 1950-h – 1960-h gg. v Leningrad [The strategy of a polis life. The ideology and aesthetics of Soviet art in the second half of the 1950s - 1960s. in Leningrad] / E.YU. Andreeva // Iskusstvovoznanie [Art History]. – 2017. – № 4. – P.174-189. [in Russian]
2. Bondarev I.YU. Formoobrazovanie kak osnova disciplin «dizajn-proektirovanie» i «risunok» [Forming as the basis of the disciplines "design-engineering" and "drawing"] / I.YU. Bondarev N.S. Stepanova-Tret'yakova // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura [The science. Art. Culture]. – №4 (12). – 2016. – P. 111-120. [in Russian]
3. Krasil'nikova T.V. «Sovremennyy stil» v sovetskom dekorativno-prikladnom iskusstve perioda ottepeli ["Modern style" in the Soviet decorative art of the thaw] / T.V. Krasil'nikova. Avtoreferat kandidata iskusstvovedeniya. – M., 2004. – 20 p. [in Russian]
4. Laletina T.V. Dizajn tipovogo inter'era v SSSR 50-60-e gg. [Design of a typical interior in the USSR 50-60s.] / T.V. Laletina N.E. Kozыrenko // Dal'nij Vostok: problemy razvitiya arhitekturno-stroitel'nogo kompleksa [Far East: problems of the development of the architectural and construction complex]. – 2019. – T.1. – №3. – P. 533-537. [in Russian]
5. Maslova V.A. Sovetskij dizajn kak proekt «novogo cheloveka» [Soviet design as a project of a “new person”] // Filosofiya i kul'tura [Philosophy and Culture]. – 2017. – №12. – P.24-37. [in Russian]
6. Nikol'skaya T.N. Avangard i okrestnosti [Avangard and around] / T.N. Nikol'skaya. – SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbaha. 2002. – 320 p. [in Russian]
7. Rozhdestvenskaya S.B. «Iskusstvo – v byt». Vystavka novyh obrazcov izdelij hudozhestvennoj promyshlennosti ["Art - in everyday life." Exhibition of New Samples of Products from the Art Industry] / S.B. Rozhdestvenskaya// Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]. –№6. –1961. –P. 110-130. [in Russian]
8. Sapanzha O.S. Poslevoennyj zhiloy inter'er Leningrada kak fenomen kul'tury [The post-war residential interior of Leningrad as a cultural phenomenon] / O.S. Sapanzha N.A. Balandina // Dizajn i hudozhestvennoe tvorchestvo: teoriya, metodika i praktika. Materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii/ Pod red. V.B. Sanzharova, D.O. Antipinoy. [Design and art: theory, methodology and practice]. –Sankt-Peterburg: FGBOUVO «SPbGUPTD», 2016. – P. 3-10. [in Russian]
9. Sapanzha O.S. Moda Leningrada 1950-h - serediny 1960-h gg: strategii i tekhnologii muzejnoj interpretacii [Leningrad fashion of the 1950s - mid-1960s: museum interpretation strategies and technologies] // O.S. Sapanzha N.A. Balandina // Moda i dizajn: istoricheskij opyt – novye tekhnologii. Materialy XXII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Fashion and design: historical experience - new technologies. Materials of the XXII International Scientific Conference].- SPb.: FGBOUVO «SPbGUPTD», 2019.- P. 229-233. [in Russian]
10. Semenov, A. V. Tri perioda v dizajne sovetskoj mebeli 1920-h — 1980-h gg. [Three periods in the design of Soviet furniture of the 1920s - 1980s.] / A.V. Semenov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizajna. Seriya Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki. [Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. A series of art criticism. Philological sciences]. –2017. – No 3. – P. 45–51. [in Russian]
11. Forti A. Ob"ekty zhelaniya. Dizajn i obshchestvo s 1750 goda. Vtoroe izdanie [Objects of desire. Design and society since 1750. Second edition] / A. Forti. – M: Izdatel'stvo Studii Artemiya Lebedeva, 2013. –456 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.121>

ТЕНГРИАНСКИЙ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ СТИЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ПРОМЫШЛЕННОМ И ДИЗАЙНЕРСКОМ ТЕКСТИЛЕ

Научная статья

Утегенов И. У.^{1,*}, Туякова Б.С.²

¹ ORCID: 0000-0003-4262-2847,

^{1, 2} ЗКГУ им. М. Утемисова, Республика Казахстан, г. Уральск

* Корреспондирующий автор (isatay.utegenov[at]mail.ru)

Аннотация

Тенгрианская культура одна древних культур кочевых племен на Евразийском пространстве, возникшая на рубеже II до н.э. Вероучение представляет собой теорию отношения человека и верховного начала, объединённое в концепцию 3-х миров – космологии, земной и подземной жизни. При помощи знаков и символов изображали окружающий мир, каждый знак имел смысловое значение олицетворяющее вечное движение, развитие, совершенствование. Изображение знаков и символов не потеряла своей актуальности в настоящее время, дизайнеры часто стали использовать тенгрианскую символику при выполнении изделий декоративно-прикладного характера. Целью исследования заключается в композиционном решении тенгрианских символов в фото-текстиле. В задаче исследования включены следующие вопросы: значение тенгрианских знаков и символов в мировоззрении окружающего мира; композиционное решение знаков и символов в работах ведущих дизайнеров; сочетание композиции знаков и символов с орнаментом; технология фото-текстиля с использованием тенгрианских знаков.

Ключевые слова: Тенгрианство, знаки и символы в тенгрианстве, тюрки, декоративно-прикладное искусство, орнамент, композиция, технология, фото-текстиль, эскиз.

TENGRIAN ORNAMENTAL STYLE IN MODERN INDUSTRIAL AND DESIGN TEXTILES

Research article

Utegenov I.U.^{1,*}, Tuyakova B.S.²

¹ ORCID: 0000-0003-4262-2847,

^{1, 2} M. Utemisov WKSU, Republic of Kazakhstan, Uralsk

* Corresponding author (isatay.utegenov[at]mail.ru)

Abstract

Tengrian culture is one of the ancient cultures of nomadic tribes in the Eurasian space, which appeared at the turn of the 2,000 BC. A creed is a theory of the relationship of man and the supreme principle, combined into the concept of 3 worlds – cosmology, earthly and underground life. Using signs and symbols, they depicted the surrounding world; each sign had a semantic meaning personifying perpetual motion, development, improvement. The image of signs and symbols has not lost its relevance at the present time; designers often used Tengrian symbolism in the performance of decorative and applied items. The goal of the study is a composite solution of Tengrian symbols in photo textiles. The following questions are included in the research task: the significance of Tengrian signs and symbols in the worldview of the surrounding world; compositional solution of signs and symbols in the works of leading designers; the combination of the composition of signs and symbols with ornament; photo textile technology using Tengrian signs.

Keywords: Tengrianism, signs and symbols in Tengrianism, Türks, arts and crafts, ornament, composition, technology, photo-textile, sketch.

Тенгрианство, или же тенгризм, — неологизм, обозначение этнической народной религии тюрко-монгольских кочевников Евразийских степей, зародился не позднее конца II тыс. до н.э. В основе данной религии лежит культ верховного обожествленного Нескончаемого Неба – Тенгри. Вероучение представляет собой теорию отношения человека и верховного начала, учение о едином божестве, о пропорции вещественного мира и духа праотцов. Это мифология и концепция 3-х миров – космологии, земной и загробной жизни. В Тенгрианстве нет практически никаких посредников, которые обогащаются за счет организации связи с Всевышним. Любой кочевник принимал это вероисповедание и веровал в мощь Великого Создателя. Находящаяся вокруг природа существует в самом человеке – это единственная вера, которая в том числе и на заре собственного появления, не противопоставлялась науке. Визави поощрялось влечение человека постичь находящийся вокруг него мир, существовать в согласии с находящейся вокруг средой, всецело принимая и не нарушая ее природного единства. Л.Н. Гумилёв в качестве теоретической версии предположил Теорию представленной религий: «Тенгрианство дает собой верования в необычное, в базе которой лежат: пантеистическая онтология с учением о верховном божестве; космогония дальневосточной философии; мифология и демонология фольклора небольших алтайских народностей» [4, с. 128].

Тенгрианство, как вера средневековых тюрков, имело современное воздействие на ход становления ситуации и формирования общества на Евразийском пространстве. Тенгрианство послужило источником сотворения государственности скифов, саков, гуннов. М. Аджи пишет: «Тюрки - «степняки», представляли собой не народное, а религиозное единство, объединённое верой в Тенгри. Культура тюрков-степняков была одной из древних и высокоразвитых культур. Они придумали свежий способ плавки стальной руды, что привело к появлению новых орудий труда и технических изобретений, к примеру, плуг. Тюрки придумали схему колесного автотранспорта - бичику (кибитку), кирпичи, печи и др. Появление свежих технологий и изобретений привело к улучшению жизни, что вызвало мощнейший демографический взрыв, который, в свою очередь, привёл к Великому переселению народов» [1, с. 6].

Большое внимание уделялось знакам-символам. Всевозможные знаки-символы: круг, квадрат, треугольник и иные геометрические фигуры считались ведущими в мировоззрении Тенгрианства. Через данные графические изображения отражалась церковная вселенная тюрков, их воззвания к высочайшим силам. С течением времени смысл знаков менялся в связи с переменами культурных представлений. Но их продолжали изображать, потому что они были освящены многолетней культурой тюркских народов. В последнее десятилетие уделяется большое внимание вопросам знаков-символов, как к составляющим пространственного восприятия, находящейся в окружающей среде, и как к источнику философии. Примером античного искусства считается изображение при помощи знаковых форм, к примеру, окружность с пересекающимися линиями – это солярный сигнал, знак Солнца, характеризующий Вечное Небо. Квадрат – символ Земли – четырех сторон света, характеризует Вселенную. Треугольник – женское начало, это знак Умай, богини Земли, плодородия. Тенгрианский знак в облике окружности с пересекающимися линиями, обозначающий шаньрак, присутствует на гербе Республики Казахстан и считается ключевым составляющим композиции, а другие составляющие дополняют креативный план. Шаньрак – это верхняя доля системы юрты, по собственной форме навещающая воспоминания о небесном куполе, который является одним из главных составляющих жизнеустройства в классической культуре евразийских народов. Подобное изображение шаньрака присутствует в государственном флаге Киргизской Республики. Тенгрианские символы и знаки в сочетании с орнаментом считаются распространенным жанром искусства. Часто мастера изобразительного и декоративно - прикладного искусства используют её как основным элементом композиционного решения. В качестве примера, можно назвать следующие работы: живопись Сауле Сулеменовой «Казахская хроника» проведенная в галереи «Тенгри-Умай» в США 2005 году; выставка войлочных изделий Алибая Бапанова «Вечное Небо» проведенная в Алматы 2015 году; декоративное панно из натуральной кожи Куандыка Мадирова «Вселенная разума»; ювелирное изделие Толепбергена Сарманбекова «Саукеле»; панно из дерева инкрустация костью Темира Бегимбета «Рух»; скульптура из бронзы Аскара Кенебаева «Кочевье»; ювелирные работы Александра Манжура «Тенгри. Связь времен и народов» и Саргылона Барахова-Ымым «Путь Небесного Джесегей» Якутск; национальные украшения Земфиры Байдаулетова «Башкирский костюм» Уфа.

Тенгрианские знаки и символы широко встречается при создании национальной одежды. Национальная одежда выполнялось с учетом этнических, экономических и климатических условия региона проживания. По назначению подразделяется на нательную, верхнюю, повседневную, праздничную, традиционную. В процессе эволюции сложилась определенная художественная стилистика национальной одежды, каждый этнос проживающий на огромной территории Евразии имели большие сходства в национальной одежде. Так в одном из захоронений в Пазарыке (Алтай) сохранились остатки меховых кафтанов, войлочных плащей, сшитых в два слоя, замшевых халатов. Отдельные виды казахской верхней одежды, например, меховые шубы, плащи из войлока, по типу сходны с одежды Пазарыкских курганов. Сходство прослеживается также в войлочных чулках с узором по верху и в островерхой шапке из плотного войлока. Для украшения одежды использовались различные декоративные пластины, выполненные из золота или серебра, в качестве художественного оформления использовались тенгрианские знаки и символы. В качестве, примера, можно назвать следующие археологические находки, найденные в различных районах Казахстана: «Золотой человек из кургана Иссык» останки сакского война в золотой одежде; «Урджарская принцесса» захоронение знатной девушки в поселке Бакты; «Золотой человек» кургана Аралтобе; могильник Талды 2, где погребены представители знати в богатой одежде; «Алтын ханшайым» погребение знатной женщины сарматского периода. Дизайнеры, в последнее время стали часто использовать тенгрианские знаки и символы, при создании модельной коллекции. Наиболее яркое её проявление, можно увидеть в сценических костюмах различных фольклорных ансамблях. Так, на международном фестивале современной этнической музыки «The Spirit of Tengri» прошедший в Астане 2017 году, это не только завораживающая музыка кочевников Великой Степи, но уникальные сценические костюмы исполнителей. Наиболее интересным считается фольклорный костюм ансамбля «Улы Тау» из Алматы, она по своей форме напоминает тюркскую одежду дополненная декоративными украшениями. У. Джанибеков отразил трудности декоративной отделки казахского этнического костюма. По мнению автора: «Суть районной степной одежды заключалась в её необходимости, простоте, практичности, прикрытии от позора неизвестных сил, вслед за тем стала адаптацией, оберегающей человеческий организм от резких перепада температур» [5, с.48].

Технология фото-рисунка на текстиле – это нанесение печатных изображений на определенный материал, которая была разработана относительно недавно. В ходе развития текстильного производства создавались декоративные ткани с различным рисунком. Классический метод текстильного производства начинается с эскизных разработок художественного рисунка и заканчивается выпуском продукции. В наше время этот процесс значительно упростился в связи с применением фото-текстиля. Существует огромное количество методик и технологий нанесения рисунков с фото - печати на текстиль. По мнению О.М. Ольшанской «Фото – печать на текстиле превосходит иные аналогичные формы производства, по следующим показателям: экологическая безопасность; невысокая цена по сравнению с печатью на классических материалах наподобие хлопка; легкость хранения и перевозки (изделия из ткани имеют незначительный вес, и удобны при упаковке); при длительном хранении не теряют внешнего вида; изделия легко поддаются стирке и глажке» [7, с. 86].

В связи с большим спросом на изделия легкой промышленности увеличились масштабы применения фото-технологий. Современный дизайн текстильных изделия на печатной основе приобретает все большую популярность в текстильной отрасли, находя свое место на потребительском рынке. Классический метод текстильного производства, начиная с эскизных разработок художественного рисунка и заканчивается выпуском продукции. В наше время, этот процесс значительно упростился в связи с применением фото-текстиля, существуют огромное количество методик и технологий нанесения рисунков с фото - печати на текстиле. Бесчастнова П.Н. изучая вопросы инновационных технологии в легкой промышленности Российской Федерации, отмечает основные условия для перспективного развития этой отрасли: « Использовать программные обеспечения для проектирования объемных преформ сложной пространственной конфигурации; применение математической модели для создания структуры ткани и лекала одежды в 3-D технологии; применение компьютерной томографии для оценки качества изготовленной продукции; применение

современных компьютерных технологии для создания изображений в трёхмерном измерении» [3, с. 236]. Тенгрианский стиль находит большое отражение в современных работах мастеров декоративно-прикладного искусства. В качестве примера можно назвать выставку посвящённой, 20-летию независимости Республики Казахстан. В работах Альжанова С.М. «Из наследия великих казахов», Муханова Ф. «Хан Кене», Сагынбаева Ж. «Духовный спасатель, поддерживающий героя», Садвакасовой А. «Линия души», Тюрбебаева К. «Узоры степей», Мырзагереева Т. «Кочевье», Бегимбетов «Рух» можно найти отражение данной темы. В основу композиционного решения выбраны мотивы Тенгрианской культуры: символ «Вечное Небо» изображался в виде круга; цикл жизни показывался в виде спиральной линии; крестообразная форма композиции подразумевалась как четыре стороны Света; треугольник использовался как тенгрианский знак вероучения 3-х миров, все эти знаки и символы, являются основными элементами композиционного замысла авторов. Особенностями этих произведений является то, что, тенгрианские знаки и символы интерпретируются по-новому. Авторы, в своих композициях, составляли стилизованный сюжет из тенгрианских знаков с другими элементами или её сочетание с национальным орнаментом. В качестве примера, можно привести работу Бапанова С.С. «Клад» выполненное из войлока. В этой работе, квадраты и шестиугольники составляют основу композиции, внутри неё располагается стилизованный орнамент, она дополняет композиционный замысел работы. Издавна в работах азиатских мастеров встречается данная композиция. К примеру, в Краеведческом музее Алматы, сохранились ковровые изделия, выполненные в начале XIX века, равнобедренный треугольник и квадрат выбирается в качестве основного элемента, а внутри этих фигур строится композиция орнамента. В настоящее время, авторы прибегают к таким сюжетным построениям композиций, к примеру, работа Омырзаковой Г. «Кочёвка» выполненное из войлока; панно Мухаметжанова З. «Песня свободы»; ювелирное изделия Мукажанова А. «Вечность»; работа Муканова М.Ф. «Красивая степь» и другие работы. В фольклорных костюмах наиболее яркое проявляется тенгрианский стиль, в качестве примера, на рисунках №1 и № 2, даны эскизы фольклорных костюмов, разработанные казахстанским дизайнером Девятко А.

Рис.1 – Фольклорный мужской костюм

Рис.2 – Фольклорный женский костюм

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аджиджи М. Европа. Тюрки. Великая Степь. -М.: «Мысль», 1998, с.334.
2. Береснева В.Я., Романова Н.В. Вопросы орнаментации тканей. - М.: Легкая индустрия, 1977, с. 192.
3. Бесчастнов П.Н. Художественное проектирование печатного текстильного рисунка с использованием фототехнологий: дис. канд. искусствоведения: 17.00.06 / Бесчастнов Петр Николаевич. - М., 2003. - 341 с.; Автореферат [Электронный ресурс]. – URL: http://lib.udsu.ru/a_ref/03_02_006.pdf (дата обращения: 16.10.19).
4. Гумилев Л.Н. История народа хунну. - М., СПб 1990, с.97-98.
5. Джанибеков У. Развитие этнокультурного образования в Казахстане: Теоритические основы и практика [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/razvitie-etnokulturnogo-obrazovaniya-v-kazakhstane-teoreticheskie-osnovy-i-praktika> (дата обращения: 31.10.19).
6. Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. – М.: Наука, 1968, с.207.
7. Ольшанская О.М. Компьютерные технологии основной инструмент быстрой сменяемости структуры и дизайна тканей и изделий из них [Электронный ресурс] / О.М. Ольшанская, В.А. Грищенко, Т.Е. Игнатова // Рос. хим. журнал: соврем. проблемы текстиля. химии: ч 2. - 2002. - Т. XLVI, № 2. - URL: <http://chemnet.ru/rus/jvho/2002-2/22.pdf> (дата обращения: 16.10.19).
8. Рогинская Ф.С. Советский текстиль. - М.: Художественное акционерное общество АХР, 1930, с.96.
9. Соболев Н.Н. Очерки по истории украшения тканей. - М.-Л.: Academia, 1934. - 436 с.
10. Шугаев В.М. Орнамент на ткани (теория и методика построения). - М.: Легкая индустрия, 1969, с. 88.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aji M. Yevropa. Tyurki. Velikaya Step' [Europe. Türks. Great Steppe]. – М.: "Misl", 1998, p.334. [In Russian]
2. Beresneva V.Ya., Romanova N.V. Voprosy ornamentatsii tkaney [Issues of fabric ornamentation]. – М.: Light Industry, 1977, p. 192. [In Russian]
3. Beschastnov P.N. Khudozhestvennoye proyektirovaniye pechatnogo tekstil'nogo risunka s ispol'zovaniyem fototekhnologiy: dis. kand. iskusstvovedeniya [Art design of printed textile drawing using photo technologies]: Abstract of thesis of PhD in Arts: 17.00.06 / Beschastnov Petr Nikolaevich. – М., 2003. – 341 p.; [Electronic resource]. – URL: http://lib.udsu.ru/a_ref/03_02_006.pdf (accessed: 10.16.19). [In Russian]
4. Gumilev L.N. Istoriya naroda khunnu [History of Hunnu people] – М., St. Petersburg 1990, - p. 97-98. [In Russian]

5. Janibekov U. Razvitiye etnokul'turnogo obrazovaniya v Kazakhstane: Teoriticheskiye osnovy i praktika [Development of ethnocultural education in Kazakhstan: Theoretical foundations and practice] [Electronic resource]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/razvitie-etnokulturnogo-obrazovaniya-v-kazakhstane-teoreticheskie-osnovy-i-praktika> (accessed: 10.31.19). [In Russian]
6. Kilchevskaya E.V. Ot izobrazitel'nosti k ornamentu [From graphic to ornament]. – M.: Nauka, 1968, p.207. [In Russian]
7. Olshanskaya O.M. Komp'yuternyye tekhnologii osnovnoy instrument bystroy smenyayemosti struktury i dizayna tkaney i izdeliy iz nikh [Computer technology is main tool for quick change of structure and design of fabrics and products from them] [Electronic resource] / OM Olshanskaya, V.A. Grischenkova, T.E. Ignatova // Ros. khim. zhurnal: sovrem. problemy tekstilya. khimii: ch 2 [Rus. Chem. Journal: Lying. textile problems. Chemistry: Part 2]. – 2002. – V. XLVI, No. 2. – URL: <http://chemnet.ru/rus/jvho/2002-2/22.pdf> (accessed: 10.16.19). [In Russian]
8. Roginskaya F.S. Sovetskiy tekstil' [Soviet textiles]. – M.: Art Joint-Stock Company AHR, 1930, p. 96. [In Russian]
9. Sobolev H.H. Ocherki po istorii ukrasheniya tkaney [Essays on history of fabric decoration]. – M.-L.: Academia, 1934. – 436 p. [In Russian]
10. Shugaev V.M. Ornament na tkani (teoriya i metodika postroyeniya). [Ornament on fabric (theory and construction method)]. – M.: Light Industry, 1969, p. 88. [In Russian]

**ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА ЗАПАДНЫХ АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ И ИНДИИ**

Научная статья

Самрат Рэй¹, Доссу Йедоху Леандр^{2,*}

ORCID: 0000-0001-6942-8222,

^{1,2} Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия

* Корреспондирующий автор (segnor2[at]yahoo.fr)

Аннотации

В данной статье рассматривается влияние инноваций на функционирование Экономики ЭКОВАС (Экономическое Сообщество Западноафриканских Государств) и Индии. Результаты предыдущей работы показывают, что инновации оказывают негативное влияние на экономический рост, в странах Западноафриканского Экономического и Валютного Союза (ЗАЭВС) с 2009 до 2018 года и Индии с 1996 до 2011 года. Сравнительное исследование с той же моделью и новым показателем инноваций в странах ЭКОВАС и Индии дает результат, который отражает положительное влияние инноваций на экономический рост. Наконец, были сделаны соответствующие рекомендации для стран ЭКОВАС и Индии взять на себя ответственность за содержание Глобального Инновационного Индекса (ГИИ), который послужил моделью для анализа, для обеспечения большей экономической и устойчивой эффективности.

Ключевые слова: Инновация, экономический рост, ЭКОВАС и Индии.

**IMPACT OF INNOVATION ON ECONOMIC GROWTH: A COMPARATIVE ANALYSIS
OF THE ECONOMIC COMMUNITY OF WEST AFRICAN STATES AND INDIA**

Research article

Samrat Ray¹, Dossou Yedehou Leandre^{2,*}

ORCID: 0000-0001-6942-8222,

^{1,2} PhD student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU), Economics and Trade, Russia

* Corresponding author (segnor2[at]yahoo.fr)

Abstract

This article examines the impact of innovation on the economic performance of countries in the West African Economic Communities (ECOWAS) and India. The results of previous work show that innovation has a negative impact on economic growth in the countries of the West African Economic and Monetary Union (WAEMU) from 2009 to 2018 and India from 1996 to 2011. The comparative study with the same model and new indicator of innovation of the ECOWAS countries and India gives a result which reflects the positive effect of innovation on economic growth. Finally, relevant recommendations were made for the ECOWAS countries and India to take ownership of the content of the Global Innovation Index (GII), which served as a model for analysis, for more economic and sustainable performance.

Keywords: Innovation, Economic Growth, ECOWAS and India.

Introduction

While it is clearly recognized that innovation is one of the key determinants of territorial economic development, measurement remains an important issue. In this sense, much academic work (both theoretical and empirical) has developed over the past two decades and is attempting to explain innovation through two main indicators: inputs (R&D expenditure, R&D workforce) (Mohnen and Röller, 2005) [1] and innovation outputs (patent filings, Scientific & Technical publications, etc.). While this work has significant contributions to the understanding of innovation dynamics and in particular geographic dynamics based on knowledge externalities (Autant-Bernard, 2010) [2] but, they nevertheless have certain limits. Many Russian researchers have studied the concept of innovation and economic growth, such as (Ulchenkova, 2007; Bashirova и Iskhakova, 2019) [3], [4]. Their conclusion reveals that scientific technological progress plays a fairly serious role in the Russian economy, but the net contribution of innovative factors (including institutional innovation) is too insignificant. Innovative factors have not reached such a level of utilization that allows us to move to accelerate economic growth. The basic hypothesis in this research is that innovation contributes to a positive effect on economic performance. By verifying this hypothesis, the previous work of some authors reveals a relationship of negative contribution to the performances of the WAEMU countries and also of India [5], [8]. Starting from the same model and process, let us check with a comparative study, what would be obtained for the countries of the ECOWAS zone and India.

Purpose and methodology

Research. Purpose of this article is to make relevant recommendations based on an empirical analysis model to verify the effects of innovation on economic performance. **The methodological approach** envisaged in the framework of this work is based on documentary sources, academic literary journals addressing innovation, the Global Innovation Index (GII), which is used in place of the traditional R&D indicator, known and already present in the multitudes researches. Finally, Global Innovation Index is highlighted by a simple linear regression analysis model, to account for its influence on economic performance, following the deductive and inductive method.

Literature review

There is an abundant literature on the determinants of innovation (Mairesse and Mohnen, 2010) [9] for an exhaustive review, within which two types of work can be distinguished: firstly, those that understand the dynamics of innovation across the

industrial sector and secondly, those who recognize the role of the service sector in innovation processes. Investment in R&D activities, usually measured by R&D spending, is one of the main determinants of innovation in industrial enterprises (Baldwin and Hanel, 2003) [10]. Numerous studies attest to the positive link between R&D spending and innovation, including: (Griffith, and Peters (2006); Mairesse and Mohnen, 2005) [11], [12]. The work on the determinants of innovation to economic growth in the context of developing countries is the work of the authors (Bouoiyour J., Hanchane H. and others, 2009) [13] who have shown that the determinants of innovation (attraction of foreign direct investment, R&D expenditure and human capital) positively affect economic growth in a sample of sixty-three developing countries over a period from 1960 to 2004. Specifically for India, the authors can be cited (Chandrashekar and Basvarajappa, 2001, Kumar and Subrahmanya, 2010) [14], [15] who made suggestions in order to make the governments understand their commitment, to encourage and support innovation and technological activities that would promote accelerated productivity of the Indian economy. Then, (Mishra, 2008) [2 ibidem] who has studied the relationship between innovation in the financial sector and the growth of gross domestic product and its results show that financial innovations are new financial instruments, which, with the market, make it possible to mobilize the financial surplus of savers, and the move towards more productive investment sectors for a higher level of capital, and therefore an increase in economic productivity. Finally, the research of (Shukla, 2017) [16] focuses on the growth of India's gross domestic product and the factors of innovation. These results reveal that innovation is a key factor in a country's productivity, and the financial allocation in basic research and education helps to increase and maintain long-term productivity. To achieve this, India must invest more in research and development, new and industrial techniques, education which in the near future will have exponential results of wealth production. But the result of its model results in a negative effect of innovation factors on India's gross domestic product growth.

Statistical basis of analysis

Statistical analysis of the sample for this article is based on growth of Gross Domestic Product (GDP) and the Global Innovation Index of the ECOWAS countries and India for the period 2011 to 2018. Statistical data come from the statistical database of the World Bank, International Monetary Fund and World Intellectual Property Organization. The regression model based on this data, gives the results recorded in the following tables.

Results obtained

Table 1 – Results of the linear regression analysis of India the period 2011 to 2018.

<i>Regression statistics</i>	
Multiple R	0,982449
R-Square	0,965205
Adjusted R-Square	0,798538
Standard Error	1,194811
Observations	8

ANOVA

	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Significance F</i>
<i>Regression</i>	1	237,6044	237,6044	166,43	4,98E-05
<i>Residual</i>	6	8,565441	1,427573		
Total	8	246,1698			

	<i>Coefficients</i>	<i>Standard Error</i>	<i>t-Stat</i>	<i>P-value</i>	<i>Tower 95%</i>	<i>Upper 95%</i>
Y-intercept	0	#N/D	#N/D	#N/D	#N/D	#N/D
GII	0,16865	0,013072	12,90114	1,33E-05	0,136663	0,2006

Sources : Extract from Regression Analysis Microsoft Excel 2007 (Author's calculations, 2020).

Interpretation on the obtained tables: The results of the regression analysis of a linear model without a constant have very high coefficients of determination (96,52%), this suggests that this model is statistically significant with a probability of 95 %. The significance of F for our regression model without constant is 4,98E-05, which is lower than the critical threshold set at 0.05, so our model is reliable. Coefficient innovation factor (0,16865) is positive. Therefore, l'innovation has a positive effect on Indian economic growth. For one 1-score increase in the Global Innovation Index, India's economic growth rate varies by 0, 06% (0,1366 to 0,2006). The present result obtained from the regression model for India, is contrary to the results of the negative effects of innovation on the Indian economic growth of (Shukla, 2017). The basic hypothesis of this article is then verified for the Indian economy.

Table 2 – Results of the linear regression analysis of ECOWAS the period 2011 to 2018.

Regression statistics	
Multiple R	0,967519
R-Square	0,936093
Adjusted R-Square	0,769426
Standard Error	1,339861
Observations	8

ANOVA					
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Significance F</i>
<i>Regression</i>	1	157,7751	157,7751	87,88593	0,000233
<i>Residual</i>	6	10,77136	1,795226		
<i>Total</i>	8	168,5465			

	<i>Coefficients</i>	<i>Standard Error</i>	<i>t-Stat</i>	<i>P-value</i>	<i>Tower 95%</i>	<i>Upper 95%</i>
Y-intercept	0	#N/D	#N/D	#N/D	#N/D	#N/D
GII	0,196633	0,020975	9,37475	8,36E-05	0,14531	0,2479

Sources : Extract from Regression Analysis Microsoft Excel 2007 (Author's calculations, 2020).

Interpretation on the obtained tables

The results of the regression analysis of a linear model without a constant have very high coefficients of determination (93,6%), this suggests that this model is statistically significant with a probability of 95 %. The significance of F for our regression model without constant is (0,000233), which is lower than the critical threshold set at 0.05, so our model is reliable. Coefficient innovation factor (0,196633) is positive. Therefore, l'innovation has a positive effect on ECOWAS economic growth. For one (1) score increase in the Global Innovation Index, ECOWAS economic growth rate varies by 0, 10 % (0,1453 to 0,2479). The result obtained from the regression model for ECOWAS data contradicts the results of the negative effects of innovation on economic growth for the WAEMU countries, which all is member of ECOWAS economic integration zone (see Dossou & Khavatova, 2020). The basic hypothesis of this article is then verified for the ECOWAS economy.

Discussion

The discussion in the context of this article, refers to giving a relevant scientific significance to the indicator Global innovation Index, for the fact that it can validate the evidence of the starting hypothesis. The content of Global innovation Index then validly represents the innovative factors stimulating economic growth at the expense of indicators such as: R&D expenditures, Education expenditures, Foreign Direct Investment, Patent applications, etc. took separately. Results of the impact of innovation on the economic growth of India and ECOWAS are positive but with a low growth rate. This means that, Global innovation Index is based on the sum of many sub-indices, subdivided into several sections. Some sub-indices may be low for India and ECOWAS countries. Finally, our recommendations to India and the ECOWAS country are to take ownership of representative sub-index indicators, mentioned in the content of the various sections constituting the Global Innovation Index.

Conclusion

Innovation is an essential element of economic growth validated by numerous scientific works. But allocating funds exclusively to research and development alone is not a good strategy for improving sustainable economic growth. Through this model, Global Innovation Index can be seen as a new indicator of a global benchmark in measuring the performance of an economy in terms of innovation. The Global Innovation Index then becomes a precious tool in the same way as the old indicator (R&D expenditure) to serve as a comparison in order to facilitate public-private dialogue and thanks to which decision-makers, business leaders and other stakeholders can assess progress in innovation and economic growth every year. The results of our work show the positive effect of innovation on economic growth, and then the growth of India and the ECOWAS countries is driven by innovation, that is not the case for previous work of some authors. Consequently, a question arises for decision makers in these different regions: How should we allocate our resources effectively to economic sectors, for more growth? This question opens the way to future economic research.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Мохнен П. Дополняемость в инновационной политике / П. Мохнен, Л. Роллер // *European Economic Review* 49 (6), (2005), 1431-1450.
2. Аутанг-Бернард К. Промышленная экономика за 30 лет: достижения и перспективы. Инновации и пространство внешних факторов для сетей / К. Аутанг-Бернард, П. Билланд // *Обзор индустриальной экономики* (129-130), (2010) 203-236.
3. Ульченкова В. Влияние инновационных факторов на темпы экономического роста России // диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, Москва, 2007. С 161.
4. Баширова З. А. Влияние инноваций на экономический рост в России / З. А. Баширова, Э. И. Исхакова // *Экономика. Профессия. Бизнес.* № 1 (2019), 19-23.
5. Леандр Д.И. Общая промышленная политика Западной Африки: сильные и слабые стороны / Д.И. Леандр, Т.Ю. Хватова сб. тр. науч.-практ. и учеб. конф. Ч. 2., СПб. Политех-Пресс, (2019), 369-373.
6. Мишра П. К. Финансовые инновации и экономический рост - теоретический подход (2008). Доступно по адресу <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1262658> (по состоянию на 29.03. 2020)
7. Доссу И. Анализ инновационной активности компаний в развивающихся странах на примере стран Западной Африки / И. Доссу, Т. Хватова // *Ст. Вестник Петербургского государственного политехнического университета. Экономика*, 13 (1) (2020) 79–90.
8. Доссу И. Влияние промышленного производства и инноваций на экономический рост: тематическое исследование стран Западноафриканского экономического и валютного союза (ВААМВ) / И. Доссу, Т. Хватова // *Материалы 3-й Международной научно-практической конференции «Проблемы науки В наше время»*(6-8 апреля 2020 г.). Вашингтон, США: издательство "Усилия", 2020, с. 26-31.
9. Мэрес Ж Использование инновационных исследований для эконометрического анализа, Технический отчет / Ж. Мэрес, П. Мохнен // *UNU-MERIT. Рабочий документ.* (2010),
10. Болдуин Дж. И Инновации и создание знаний в открытой экономике: канадская промышленность и международные последствия / Дж. И Болдуин, П. Ханель // *Издательство Кембриджского университета.* (2003).
11. Гриффит Р. Инновации и производительность в четырех европейских странах / Р. Гриффит, Э. Уэрго, Дж Майрес // *Оксфордский обзор экономической политики* 22, (2006), 483-498.
12. Мэрес Ж. Важность НИОКР для инноваций: переоценка с использованием данных французских исследований / Ж. Мэрес, П. Мохнен // *Journal of Technology Transfer* 30, (2005), 183-197.
13. Буаюр Ж. & Mouhoud E. Прямые иностранные инвестиции и производительность: как взаимодействуют страны Ближнего Востока и Северной Африки? / Ж. Буаюр, Х Анчан // *Экономический обзор* том. 60 (1), (2009). 109-131.
14. Чандрашекар С. Технологические инновации и экономическое развитие: выбор и проблемы для Индии / С. Чандрашекар, К Басвараджаппа // *Экономический и политический еженедельник*, вып. 36, № 34 (2001), с. 3238-3245.
15. Кумар Р. Влияние субподряда на инновации на экономические показатели МСП индийской автомобильной промышленности / Р. Кумар, М. Субрахманя // *Elsevier / Technovation* № 30, (11-12) (2010) 558-569.
16. Шукла С. Инновации и экономический рост: пример Индии // *Обзоры гуманитарных и социальных наук*, № 5 (2), (2017), 64-70.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Mohnen P. Complementarities in innovation policy / Mohnen P. Roller L. // *European Economic Review* 49(6), (2005), 1431-1450.
2. Autant-Bernard C. Industrial economics for 30 years: achievements and prospects. Innovation and space of externalities to networks / Autant-Bernard C. Billand P. // *Industrial economy review* (129-130), (2010) 203-236.
3. Ulchenkova V. Influence of innovative factors on the rate of economic growth of Russia // *dissertations for the degree of candidate of economic sciences, Moscow*, (2007), С 161.
4. Bashirova Z. A. Influence of innovations on the economic growth in Russia / Bashirova Z. A. Iskhakova E. I. // *Economy. Profession. Business.* No. 1 (2019), 19-23.
5. Dossou Y. L. Common industrial policy of Western Africa: strengths and weaknesses / Dossou Y. L., Khvatova T. Yu. // *scientific-practical and study. conf. Part 2., St. Petersburg. Polytechnic Press*, (2019), 369-373
6. Mishra, P. K., Financial Innovation and Economic Growth - A Theoretical Approach (2008). Available in <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1262658> (accessed 29.03. 2020)
7. Dossou Y. Analysis of innovative activity of companies in developing countries on the example of West African countries / Dossou Y. Khvatova T. // *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 13 (1) (2020) 79–90.
8. Dossou Y. The influence of industrial production and innovation on economic growth: case study of the West African Economic and Monetary Union countries (WAEMU) / Dossou Y. Khvatova T // *Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference «Challenges in Science of Nowadays»* (April 6-8, 2020). Washington, USA: EnDeavours Publisher, 2020, pp. 26-31. // *InterConf*, (13). Извлечено от <https://ojs.ukrlogos.in.ua/index.php/interconf/article/view/1771>
9. Mairesse J. Using innovation surveys for econometric analysis, Technical report / Mairesse J. Mohnen P. // *UNU-MERIT. Working Paper.* (2010),
10. Baldwin J. Innovation and Knowledge Creation in an Open Economy: Canadian Industry and International Implications // *Cambridge University Press.* (2003).
11. Griffith R. Innovation and productivity across four European countries / Griffith R. Huergo E. Mairesse J. // *Oxford Review of Economic Policy* 22, (2006), 483-498.
12. Mairesse J. The importance of R&D for innovation: A reassessment using french survey data / Mairesse J. Mohnen P. // *Journal of Technology Transfer* 30, (2005), 183-197.
13. Bouoiyour J. Foreign direct investment and productivity: What interactions in the case of the countries of the Middle East and North Africa? / Bouoiyour J. Hanchane H. & Mouhoud E // *Economic review* vol. 60(1), (2009). 109-131.
14. Chandrashekar S. Technological innovation and economic development: choices and challenges for India / Chandrashekar S., Basvarajappa K. // *Economic and Political Weekly* Vol. 36, No. 34 (2001), pp. 3238-3245
15. Kumar R. and Subrahmanya M. (2010) Influence of subcontracting on innovation an economic performance of SMEs Indian automobile industry // *Elsevier/Technovation* n°30, (11-12) (2010) 558-569.
16. Shukla S. (2017) Innovation and economic growth: a case of India // *Humanities & Social Science Reviews*, n°5 (2), (2017), 64-70.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.123>**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БАНКОВ В УЗБЕКИСТАНЕ**

Научная статья

Асрарова М. Б.*

ORCID: 0000-0002-4198-8858,

Ташкентский Финансовый Институт, Узбекистан, Ташкент

* Корреспондирующий автор (madinka5455[at]yandex.ru)

Аннотация

Цифровая трансформация сегодня рассматривается как новая парадигма. Изменения природы банков в ходе реализации их трансформационных преобразований смогут стать толчком развития для целых отраслей. Цифровая модернизация дает традиционным банкам новый шанс повысить степень удовлетворенности и лояльности клиентов, способствуя долгосрочной перспективе отношений. Цифровой банкинг сейчас рассматривается как будущее банковской индустрии. В данной статье рассматриваются вопросы изучения возможностей и проблем, связанных с цифровой трансформации банков Узбекистана.

Ключевые слова: Цифровизация, Цифровой банк, банкинг, трансформация**DIGITAL TRANSFORMATION OF BANKS IN UZBEKISTAN**

Research Article

Asrarova M. B.*

ORCID: 0000-0002-4198-8858,

Tashkent Financial Institute, Uzbekistan, Tashkent

* Corresponding author (madinka5455[at]yandex.ru)

Abstract

Digital transformation is considered a new paradigm nowadays. The changes in the nature of banks during the implementation of their transformational transformations will be an impetus for the development of entire industries. Digital modernization gives traditional banks a new chance to increase customer satisfaction and loyalty, contributing to a long-term relationship. Digital banking is now considered as the future of the banking industry. This article discusses the study of opportunities and challenges associated with the digital transformation of banks in Uzbekistan.

Keywords: Digitalization, Digital Bank, Banking, Transformation

Цифровые, мобильные и социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни людей во всем мире.

Роль цифровых технологий в нашей жизни достигла новых высот, и все больше людей проводят больше времени в Интернете, чем когда-либо прежде. Число людей во всем мире, использующих Интернет, выросло до 4,54 млрд., увеличившись на 7 процентов (298 млн. новых пользователей) по сравнению с январем 2019 года. Во всем мире в январе 2020 года насчитывалось 3,80 миллиарда пользователей социальных сетей, и по сравнению с прошлым годом это число увеличилось более чем на 9 процентов (321 миллион новых пользователей). А также, более 5,19 миллиарда человек пользуются мобильными телефонами в мире, а количество пользователей выросло на 124 миллиона (2,4 процента) за последний год [1].

Таблица 1 – Индикаторы цифрового роста в Узбекистане (по состоянию на январь каждого периода) [2].

	Общая численность населения		Мобильное соединения		Интернет-пользователи		Активные пользователи социальных медиа		Скорость интернет соединения
	в млн.	разница (%)	в млн.	разница (%)	в млн.	разница (%)	в млн.	разница (%)	MBPS
2018	34.14	+ 1.4	22.65	+ 6	15.45	0	1.30	+ 69	-
2019	32.59	+ 1.4	24.84	+ 6.7	15.45	0	2.00	+ 54	9.97
2020	33.23	+ 1.5	25.14	+ 0.9	18.34	+ 7.1	3.20	+ 44	9.1

Исходя из выше указанных данных можно сказать, что число интернет-пользователей в Узбекистане увеличилось на 1,2 миллиона (+ 7,1%) в период с 2019 по 2020 год. Проникновение Интернета в Узбекистане в январе 2020 года составляло 55%. Число пользователей социальных сетей в Узбекистане увеличилось на 972 тысячи (+ 44%), а количество мобильных соединений было эквивалентно 76% от общей численности населения.

Технологии помогли устранить многие финансовые барьеры, что привело к предоставлению новых услуг и созданию более доступных продуктов для клиентов на более низких стоимостях. Последние разработки в технологии создали совершенно новую концепцию обслуживания и среду, которая изменила характер покупки и продажи услуг. Очевидно, что в связи с этим организации сталкиваются с новыми проблемами, чтобы сохранить свое текущее положение на рынке и привлечь новые сегменты в процессе цифровой трансформации. Следовательно, каждая компания пытается получить конкурентное преимущество, предоставляя лучшее обслуживание клиентов. Таким

образом, банковская индустрия тоже должна быть реформирована, чтобы использовать ресурсы и технологии для развития. Одним из ключевых аспектов этого процесса является Digital Banking.

Как говорил Крис Скиннер в своей книге «Будущее банкинга» [3]: Банкинг — это цифровой рынок, основанный на виртуальных финансовых отношениях, оформленных электронными транзакциями. Поэтому банкинг — одна из тех немногих отраслей, в которых технологии не только открывают новые возможности, но и являются неотъемлемой жизненно важной составляющей — ее кровью; в этом и сила его, и слабость. Сила — в умении финансового сектора использовать, реализовывать и поддерживать технологии. Слабость кроется в проблеме перехода от устаревших операций и инфраструктур к полностью электронному бизнесу.

Цифровизация открывает новые возможности для банков, которые позволяют поместить клиента в центр процесса развития информации.

Появление цифровых банковских каналов, таких как телефонный (t-banking), интернет (e-banking) и мобильный (m-banking) банкинг, изменило способ получения услуг клиентами, бросив вызов традиционным банковским методам. Jabonov и Al-Tamami (2003) также отметили, что банкам не нужно обеспечивать большое физическое пространство для массового клиента, поскольку клиент может получать свои необходимые услуги через цифровые платформы [4].

Этот сдвиг в сторону цифрового банкинга означает, что модели банковского маркетинга и управления финансами меняются, и привлечение и удержание клиентов, и финансовые показатели больше не зависят исключительно от продаж в филиалах. Это изменение оказало влияние цифрового банкинга на качество обслуживания клиентов, удовлетворенность и лояльность, а также на то, как они способствуют финансовым показателям, критически важным для банков. Задача для банков заключается в том, как удовлетворить эти потребности клиентов и получить прибыль.

В 2018 году Термин «цифровой банк» впервые был введен в законодательство Узбекистана, в постановлении правления ЦБ, который вносит правки в порядок регистрации и лицензировании деятельности банков [5]. Согласно документу — «цифровой банк» — банк или его структурное подразделение, которое оказывает банковские услуги на расстоянии при помощи инновационных технологий (без услуг кассы). В частности, одной из главных задач ЦБ было указано усовершенствование дистанционного банковского обслуживания посредством инновационных банковских технологий.

Нужно признать, что уровень цифровизации банков в Узбекистане низкий, и что у нас в стране нет ни одного полноценного цифрового банка. В январе 2020 года Центральный Банк Республики Узбекистан выдал грузинскому TBC Bank предварительное разрешение на открытие банка в Ташкенте, а в апреле Акционерно-коммерческий TBC Bank получил лицензию на право осуществления банковской деятельности [6]. О планах грузинского TBC Bank выйти на рынок Узбекистана со своим цифровым небанком Spase стало известно в январе 2019 года. (В апреле 2019 года банк купил контрольный пакет акций платежного сервиса Payme за 5,5 млн долларов) [7]. Также, в марте 2020 года Комитетом по банковскому надзору Центрального банка принято решение о выдаче предварительного разрешения на создание цифрового банка Anor Bank в Ташкенте [8].

За удивительно короткий промежуток времени цифровизация произвела революцию в мире банковского дела. В настоящее время нет ничего необычного в том, что клиенты платят за товары одним касанием приложения или проверяют свой банковский баланс на смартфоне, находясь в пути. Передовые технологии изменили потребности клиентов, и удаленные услуги по требованию стали новым нормой.

В рамках премии Best Bank Awards 2020 деловое издание Asiamoney признало «Агробанк» «Лучшим цифровым банком в Узбекистане» [9]. После привлечения KPMG, чтобы помочь ему разработать пятилетний бизнес-план в 2019 году, банк пошел ва-банк по цифровым технологиям. Около 260000 клиентов-потребителей сейчас используют его мобильное приложение, а 52118 - его бизнес-приложение, которое позволяет им подавать заявки и получать кредиты онлайн: банк может утвердить микрокредиты в течение нескольких минут. Он начал работу над многоканальной платформой цифрового банкинга, внедрил программное обеспечение для кредитного скоринга и запустил электронную торговую платформу для своих клиентов. Впервые в Узбекистане силами отечественного Агробанка и российского Сбербанка внедрена система мгновенных денежных переводов нового поколения - при переводе российские рубли автоматически конвертируются в узбекские суммы и зачисляется получателю на пластиковую карту Агробанка [10].

Задача цифрового банка – быть с клиентом в режиме 24/7, сопровождая его финансовые потребности, желания, мечты и размышления.

Социальное дистанцирование стало новой нормой в сегодняшней мрачной ситуации. Пандемия COVID-19 затронула все рынки и отрасли промышленности, а также повседневную жизнь во всем мире. Однако в этом цифровом мире поток денег не может остановиться из-за вспышки коронавируса или блокировок. В результате внедрение решения для цифровых платежей растет быстрыми темпами.

Правительства и регулирующие органы начали препятствовать использованию денежных средств (использование наличных денег при платежах может способствовать распространению коронавируса), что заставило людей перейти на цифровые способы оплаты.

Кроме того, насущная потребность в основных продуктах продвигает цифровые платежи как быстрый и безопасный вариант. Цифровые транзакции свободны от любого контакта или физического взаимодействия. Они также обеспечивают более безопасный способ оплаты и получения денег. Это ключевые причины, по которым люди предпочитают цифровые платежные решения валютным купюрам и монетам.

Существует несколько серьезных препятствий для трансформации наших отечественных банков:

- Бюрократия и организационные структуры: стартапы обладают уровнем гибкости, которого нет у крупных финансовых учреждений.
- Длительные циклы разработки: многие банки все еще находятся в процессе изменения процессов, чтобы принять более гибкую, бережливую философию развития.
- Устаревшие системы: внедрение новых технологий является более сложным с существующими системами.
- Организационное мышление: аналогично, организационное мышление должно перейти к более активной, гибкой

и рациональной философии, чтобы банки могли идти непрерывно с изменяющимся поведением потребителей и технологическими достижениями.

- Восприятие безопасности: банкам необходимо продолжать работать над укреплением доверия с потребителями, особенно с помощью новых инноваций в мобильном банкинге и других цифровых услугах.

- Большие расходы: Банкам необходимо выделять дополнительные ресурсы для управления киберрисками и предупреждения мошенничества с использованием новых технологий.

- Для обеспечения готовности банков Узбекистана переходу к системному и поступательному внедрению новых финансовых технологий необходимо:

- Усовершенствовать бизнес – процессы. На данный момент обстоятельства диктуют особые требования к программному обеспечению, технологиям и процессам, которые применяются в банковской сфере. Уровень автоматизации должен быть доработан, что значительно сократит необходимые время и затраты, и окажет непосредственное влияние на удовлетворение клиентов, поскольку транзакции будут осуществляться быстро, безопасно и с большой степенью защищённости и контроля.

- Для реализации соответствующих проектов и внедрения современных решений банкам необходимо готовить специалистов в области информационной безопасности, системного анализа финансовых потоков, разработчиков, тестировщиков, администраторов информационных систем, инженеров и других.

- Цифровизация обслуживания. Создание мощной, надёжной и гибкой технологической платформы, способной обрабатывать большие объёмы данных за небольшой промежуток времени и оказывать весь комплекс услуг, что является ключевым проектом технологического преобразования банков Узбекистана.

- Выделять ресурсов (финансовых, человеческих, материальных) для устойчивого достижения стратегических и тактических целей, возникающих под влиянием меняющихся факторов внешней среды.

Заключение

Банки должны сосредоточиться на цифровом банкинге, направленном на улучшение качества обслуживания клиентов, так как потребности клиентов меняются. Эффект цифрового банкинга экономически важен, что делает его стратегическим оружием для сохранения конкурентоспособности, поскольку банки сталкиваются с непростыми условиями.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References:

1. Digital 2020. Global digital yearbook. Essential digital data for every country in the world. [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/global-digital-report-2020>. (дата обращения: 02.05.2020)
2. Разработана автором на основе данных «Global digital yearbook. Essential digital data for every country in the world» [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/> (дата обращения: 06.05.2020).
3. Скиннер К. Будущее банкинга / К. Скиннер. Предисловие. – 2007.
4. Jabnoun, N. Измерение воспринимаемого качества обслуживания в коммерческих банках ОАЭ // Международный журнал торговли и менеджмента, Vol. 13 № 2, с. 29-53.
5. Постановление Правления Центрального банка Республики Узбекистан. «О внесении изменений и дополнения в положение о порядке регистрации и лицензирования деятельности банков». [Зарегистрировано Министерством юстиции Республики Узбекистан 31 июля 2018 г. Регистрационный № 2014-13].
6. Грузинский TBC Bank получил лицензию на деятельность в Узбекистане. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trend.az/business/finance/3226457.html>. (дата обращения: 04.05.2020).
7. TBC Bank получил лицензию в Узбекистане. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/04/20/tbc-bank/> (дата обращения: 06.05.2020).
8. В Узбекистане появится цифровой банк. [Электронный ресурс]. URL: <https://podrobno.uz/cat/economic/v-uzbekistane-royavitsya-tsifrovoy-bank/> (дата обращения: 05.05.2020).
9. Asiamoney best bank awards 2020: Uzbekistan. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euromoney.com/article/b1kr30gs294q2w/asiamoney-best-bank-awards-2020-uzbekistan> (дата обращения: 04.05.2020).
10. Онлайн денежные переводы “Сбербанк-Агробанк” - ещё удобнее, ещё ближе! [Электронный ресурс]. URL: <https://agrobank.uz/ru/news/> (дата обращения: 03.05.2020).

Список литературы на английском языке / References in English:

1. Digital 2020. Global digital yearbook. Essential digital data for every country in the world. [Electronic resource]. URL: <https://wearesocial.com/global-digital-report-2020>. (accessed: 05/02/2020)
2. Razrabotana avtorom na osnove dannyh «Global digital yearbook. Essential digital data for every country in the world» [Done by the author based on data from the “Global digital yearbook. Essential digital data for every country in the world”] [Electronic resource]. URL: <https://wearesocial.com/> (accessed: 05/06/2020).
3. Skinner C. Budushhee bankinga [The future of banking] / C. Skinner. Predislovie [Preface]. – 2007.
4. Jabnoun, N. Izmerenie vosprinimaemogo kachestva obsluzhivaniya v kommercheskih bankah OAJe // Mezhdunarodnyj zhurnal trgovli i menedzhmenta [Measuring perceived service quality at UAE commercial banks // International Journal of Commerce and Management], Vol. 13 No. 2, pp. 29-53.
5. Postanovlenie Pravljenija Central'nogo banka Respubliki Uzbekistan. «O vnesenii izmenenij i dopolnenija v polozhenie o porjadke registracii i licenzirovaniya dejatel'nosti bankov» [Resolution of the Board of the Central Bank of the Republic of

Uzbekistan. “On Amendments and Addenda to the Regulation on the Procedure for Registration and Licensing of Banking Activities.” [Registered by the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan on July 31, 2018, Registration No. 2014-13].

6. Gruzinskij TBC Bank poluchil licenziju na dejatel'nost' v Uzbekistane [Georgian TBC Bank received a license to operate in Uzbekistan]. [Electronic resource]. URL: <https://www.trend.az/business/finance/3226457.html>. (accessed: 04/05/2020).

7. TBC Bank poluchil licenziju v Uzbekistane [TBC Bank received a license in Uzbekistan]. [Electronic resource]. URL: : <https://www.gazeta.uz/ru/2020/04/20/tbc-bank/> (accessed: 06/05/2020).

8. V Uzbekistane pojavitsja cifrovoy bank [A digital bank will appear in Uzbekistan]. [Electronic resource]. URL: <https://podrobno.uz/cat/economic/v-uzbekistane-poyavitsya-tsifrovoy-bank/> (accessed: 05/05/2020).

9. Asiamoney best bank awards 2020: Uzbekistan [Asiamoney best bank awards 2020: Uzbekistan]. [Electronic resource]. URL: <https://www.euromoney.com/article/b1kr30gs294q2w/asiamoney-best-bank-awards-2020-uzbekistan> (accessed: 04.05.2020).

10. Onlajn denezhnye perevody “Sberbank-Agrobank” - eshho udobnee, eshho blizhe! [Online money transfers “Sberbank-Agrobank” - even more convenient, even closer!] [Electronic resource]. URL: <https://agrobank.uz/ru/news/> (accessed: 04.05.2020).

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.124>

УПРАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМИ НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ ПАРИТЕТА ОБМЕНА

Научная статья

Галкина Е.В.*

ORCID: 0000-0002-5048-765X,

Орловский государственный университет экономики и торговли, г. Орел, Россия

* Корреспондирующий автор (gev578[at]mail.ru)

Аннотация

В статье обосновано применение метода оценки экономической целесообразности совершения операций обмена, в основу которого положено сопоставление условных курсов получения и передачи этих объектов. Использование метода проиллюстрировано расчетами и анализом модельных результатов. В работе продемонстрирована методика определения прямых «курсов» обмена, а также произведена модификация метода для цепочки обменных операций, когда ряд операций может привести к лучшему экономическому эффекту, чем прямой обмен. Предложены направления и условия применения методики для принятия решений об обмене.

Ключевые слова: курс, обмен, паритет, рынок, управление.

CHANGE MANAGEMENT BASED ON THE ASSESSMENT OF THE EXCHANGE PARITY

Research article

Galkina E.V.*

ORCID: 0000-0002-5048-765X,

Oryol State University of Economics and Trade, Oryol, Russia

* Correspondent author (gev578[at]mail.ru)

Abstract

The article substantiates the use of the method of assessing the economic feasibility of transactions, which is based on the comparison of the conditional rates of receipt and transfer of these objects. The use of the method is illustrated by calculations and the analysis of model results. The work demonstrates the methodology for determining direct “exchange rates” and also modifies the method for a chain of exchange transactions when a number of operations can lead to a better economic effect than direct exchange. Directions and conditions for the application of the methodology for making decisions on the exchange are proposed.

Keywords: exchange rate, exchange, parity, market, management.

Введение

Принимая управленческое решение, необходимо иметь критерии оценки его обоснованности. Любое решение основано на том, принимать или отклонять какие-либо изменения параметров текущего состояния или процесса. Для оценки целесообразности таких изменений предлагается использовать подход, заложенный в основу оценки курсов обмена валют (расчет и анализ курсов валют распространен в экономических исследованиях, например, см. [1] и поэтому не вызывает сложностей). В целях широкого применения такой подход, сущность которого представлена ниже, назван методом оценки паритета обмена. Оценка паритета (равенства) каких-либо показателей также широко используется в экономике (в частности, для оценки ВВП [2], трудовых ресурсов [3], макроэкономики [4]), а также в управлении информацией (например, [5]).

Основные результаты

Рассмотрим содержание метода паритета обмена сначала на примере курса валют – таблица 1. В таблице 1 представлено два вида валют, условно названных валюта «А» и валюта «Б», суммовые данные включены в таблицу 1 для иллюстрации расчетов.

Таблица 1 – Расчет курса обмена А

Курс покупки А за Б			Курс продажи А за Б		
Количество Б к покупке	Количество А к покупке	Курс покупки А/Б	Количество Б к продаже	Количество А к продаже	Курс продажи А/Б
1	2	$3=1/2$	4	5	$6=4/5$
500 у.е.1	100 у.е.2	$500/100 = 5$ Б за А	1100 у.е.1	200 у.е.2	$1100/200 = 5,5$ Б за А
Правила принятия решения:					
1. Если курс покупки больше курса продажи, то актив А ценен сам по себе (для текущего использования).			Рекомендуемое управленческое решение – оставлять (держат) актив А.		
2. Если курс покупки меньше курса продажи, то актив А ценен как рыночное имущество (для перепродажи). В примере реализована эта ситуация: курс покупки (5) меньше курса продажи (5,5).			Рекомендуемое управленческое решение – продавать (передавать) актив А. В примере будет дана рекомендация продавать А.		
3. Если курсы покупки и продажи А равны, то актив нейтрален (есть паритет стоимостей, курсов, способов распоряжения активом).			Рекомендуемое управленческое решение – как оставлять, так и продавать актив А (на усмотрение лица, принимающего управленческое решение, с учетом дополнительных факторов).		

Методика, отраженная в таблице 1, применима к широкому кругу управленческих задач, как в экономике, так и в других областях управления, в то числе в междисциплинарных сферах, к которым относится множество практических вопросов.

Так, в таблице 2 представлен пример использования метода оценки паритета обмена для управления организационными изменениями.

Таблица 2 – Использование метода оценки паритета обмена для управления организационными изменениями (перевод оборудования «А» и «Б»)*

Курс получения А в обмен на Б			Курс передачи А в обмен на Б		
Запрос на получение Б	Запрос на получение А	«Курс» получения А/Б	Запрос на передачу Б	Запрос на передачу А	«Курс» передачи А/Б
1	2	$3=1/2$	4	5	$6=4/5$
110 шт.	20 шт.	$110/20 = 5,5$ Б за А	50 шт.	10 шт.	$50/10 = 5$ Б за А
Правила принятия решения:					
1. Если курс получения больше курса перевода. В примере курс получения (5,5) больше курса передачи (5).			Рекомендуемое управленческое решение – оставлять в А. В примере рекомендуется оставить А.		
2. Если курс получения меньше курса передачи.			Рекомендуемое управленческое решение – передавать из А.		
3. Если курсы получения и передачи А равны.			Рекомендуемое управленческое решение – оставлять или передавать А (с учетом дополнительных факторов).		

*Примечание: * Если решение принимается в отношении сотрудников, то количество человек (равной квалификации) рассчитывается с поправкой на производительность реальных сотрудников (разность общего необходимого количества часов труда по норме и фактического количества человеко-часов, деленная на норму человеко-часов одного сотрудника, все за единый период времени).*

Если вариантов обмена несколько, то есть существует более чем два объекта, которые можно обменять, то количество вариантов увеличивается и можно их рассматривать по аналогии с кросс-курсами на рынке валют. Тогда возможен реальный или условный (формальный) промежуточный обмен или цепочка обменов, заканчивающаяся окончательным обменом на необходимые объекты. Пример такого анализа представлен в таблице 3. Цифры в таблице представлены для иллюстрации примеры и не связаны с определенной единицей измерения. Однако в практической ситуации необходимо применять единый измеритель, который позволит определить эффективность цепочки сделок в целом для достижения цели управленческого решения. В экономических решениях таким измерителем для рыночной устойчивой экономики таким измерителем будет денежный – тогда выбирается единая валюта проведения расчета, и в ней проводятся все вычисления. В случае обмена не денежного имущества итоговым целевым индикатором может быть дополнительный показатель, например, в рыночной экономике, абсолютный рост прибыли после обмена по сравнению с прибылью за сопоставимый период до обмена.

Таблица 3 – Кросс-обмен (цель – получить В в обмен на А)*

Вариант 1	«Курс» получения А/Б	«Курс» передачи А/Б	«Курс» получения Б/В	«Курс» передачи Б/В
	Сколько нужно отдать Б за А	Сколько получим Б за А	Сколько нужно отдать В за Б	Сколько получим В за Б
Курсы варианта 1	5	5,5	8	3
Вариант 2	«Курс» получения А/Г	«Курс» передачи А/Г	«Курс» получения Г/В	«Курс» передачи Г/В
	Сколько нужно отдать Г за А	Сколько получим Г за А	Сколько нужно отдать В за Г	Сколько получим В за Г
Курсы варианта 2	2	2,3	6	6,4
* Выбор варианта 2:	Отдача на единицу вложений в варианте 2 больше, чем в варианте 1	$5,5/5 < 2,3/2$ $1,1 < 1,15$	Соотношения курсов – в пользу обмена до конца цепочки варианта 2	Вариант 1 $= 5,5/5 * 3/8 = 0,4125$ Вариант 2 $= 2,3/2 * 6,4/6 = 1,2267$

Таким образом, представленная методика имеет довольно универсальный характер для ситуаций, когда требуется совершить обмен какими-либо объектами управления. Модель легко в ручном режиме приспособляется под специфику конкретной ситуации или процесса, а также может быть реализована в компьютерных программах типа электронных таблиц, что ускоряет обработку данных и принятие обосновываемых решений.

Заключение

Данный метод применим в условиях наличия полной информации о планируемых к обмену объектах. То есть лицо, принимающее решение, должно обладать достоверными данными обо всех количествах или иных параметрах, влияющих на обмен. Если проводить аналогию с рынком, то таким лицом будет, например, организатор торгов на рынке ценных бумаг, поскольку он собирает заявки от всех участников рынка и может формировать курсы обмена. Если говорить о предприятии или цепочке предприятий, то таким лицом является высшее руководство предприятия (группы предприятий), например, генеральный директор либо руководитель более низкого уровня, но распоряжающийся обмениваемыми объектами в целом по предприятию (группе). Если же объем информации ограничен, то такое лицо находится в условиях информационного риска и его выводы должны быть откорректированы на основе методик учета неопределенности при принятии управленческих решений. Различным аспектам принятия решений в условиях неопределенности и риска посвящено множество работ, в частности технологическому аспекту анализа [6], стратегическим решениям [7], проблемам анализа [8], использованию статистических и эконометрических методов [9], прогнозированию [10]. Эти методы, в свою очередь, также могут комбинироваться друг с другом.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Леденёва М.В. Валютный курс как фактор неэквивалентного обмена/ М.В. Леденёва// Финансы и кредит. - 2010. - № 47 (431). - С. 42-52.
2. Ярмоленко В.А. Инновационные подходы к компаративному анализу результативности процесса производства валового внутреннего продукта стран по паритету покупательной способности/ В.А. Ярмоленко, Н.В. Полищук// Сборник научных трудов SWorld. - 2013. - Т. 44. № 4. - С. 58-71.
3. Лихоманов О.В. Сравнительный анализ рынка трудовых ресурсов Российской Федерации и экономически развитых стран по паритету покупательной способности валют/ О.В. Лихоманов, М.С. Гринько// В сборнике: Анализ, моделирование и прогнозирование экономических процессов материалы VII Международной научно-практической Интернет-конференции. Волгоградский государственный университет; Воронежский государственный университет; Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. 2015. - С. 171-180.
4. Пересада В.П. Эффективность равновесного состояния экономики России по накоплению и по паритету покупательной способности/ В.П. Пересада// Финансы и бизнес. - 2017. - № 1. - С. 24-32.
5. Соболев В.И. О паритете динамических и статических погрешностей в информационно-измерительных системах/ В.И. Соболев// Измерительная техника. - 2014. - № 3. - С. 15-20.
6. Альберт В.А. Технологии принятия решений в условиях риска и неопределенности/ В.А. Альберт // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. - 2013. - № 12. - С. 209-213.
7. Кравченко Т.К. Принятие стратегических решений в условиях риска и неопределенности/ Т.К. Кравченко, Д.В. Исаев// Вестник Финансового университета. - 2016. - Т. 20. № 4 (94). - С. 22-31.
8. Кужанбаев Р.Т. Проблема принятия управленческого решения в условиях риска и неопределенности/ Р.Т. Кужанбаев// Аллея науки. - 2018. Т. 5. - № 11 (27). - С. 461-465.
9. Лаптева Е.А. Статистико-эконометрическая оценка риска/ Е.А. Лаптева, И.И. Безаев// Экономический анализ: теория и практика. - 2018. - Т. 17. № 2 (473). - С. 365-378.
10. Мадера А.Г. Принятие решений в условиях неопределенности при актуализации в будущем множества возможных шансов и рисков/ А.Г. Мадера// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2014. - № 4. - С. 136-140.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ledenjova M.V. Valjutnyj kurs kak faktor neekvivalentnogo obmena [Exchange rate as a factor of non-equivalent exchange]/ M.V. Ledenjova// Finansy i kredit [Finance and credit]. - 2010. - № 47 (431). - P. 42-52. [in Russian]
2. Jarmolenko V.A. Innovacionnye podhody k komparativnomu analizu rezul'tativnosti processa proizvodstva valovogo vnutrennego produkta stran po paritetu pokupatel'noj sposobnosti [Innovative approaches to comparative analysis of the effectiveness of the production process of the gross domestic product of countries by purchasing power parity]/ V.A. Jarmolenko, N.V. Polishhuk// Sbornik nauchnyh trudov SWorld [Collection of proceedings SWorld]. - 2013. - Т. 44. № 4. - P. 58-71. [in Russian]
3. Lihomanov O.V. Sravnitel'nyj analiz rynka trudovyh resursov Rossijskoj Federacii i jekonomicheski razvityh stran po paritetu pokupatel'noj sposobnosti valjut [Comparative analysis of the labor market of the Russian Federation and economically developed countries by purchasing power parity of currencies]/ O.V. Lihomanov, M.S. Grin'ko// V sbornike: Analiz, modelirovanie i prognozirovanie jekonomicheskikh processov materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj Internet-konferencii. Volgogradskij gosudarstvennyj universitet; Voronezhskij gosudarstvennyj universitet; Krymskij federal'nyj universitet im. V.I. Vernadskogo [In the collection: Analysis, modeling and forecasting of economic processes materials of the VII International scientific and practical Internet conference. Volgograd state University; Voronezh state University; V. I. Vernadsky Crimean Federal University]. 2015. - P. 171-180. [in Russian]
4. Peresada V.P. Jefferektivnost' ravnovesnogo sostojanija jekonomiki Rossii po nakopleniju i po paritetu pokupatel'noj sposobnosti [Efficiency of the equilibrium state of the Russian economy in terms of accumulation and purchasing power parity]/ V.P. Peresada// Finansy i biznes [Finance and business]. - 2017. - № 1. - P. 24-32. [in Russian]
5. Sobolev V.I. O paritete dinamicheskikh i staticheskikh pogreshnostej v informacionno-izmeritel'nyh sistemah [On the parity of dynamic and static errors in information and measurement systems]/ V.I. Sobolev// Izmeritel'naja tehnika [Measurement technology]. - 2014. - № 3. - P. 15-20. [in Russian]
6. Al'bert V.A. Tehnologii prinjatija reshenij v uslovijah riska i neopredelennosti [Decision-making technologies in

conditions of risk and uncertainty]/ V.A. Al'bert // *Jekonomika i upravlenie v XXI veke: tendencii razvitija* [Economy and management in the XXI century: development trends]. - 2013. - № 12. - P. 209-213. [in Russian]

7. Kravchenko T.K. Prinjatje strategicheskikh reshenij v uslovijah riska i neopredelennosti [Making strategic decisions under conditions of risk and uncertainty]/ T.K. Kravchenko, D.V. Isaev// *Vestnik Finansovogo universiteta* [Bulletin of the Financial University]. - 2016. - T. 20. № 4 (94). – P. 22-31. [in Russian]

8. Kuzhanbaev R.T. Problema prinjatija upravlencheskogo reshenija v uslovijah riska i neopredelennosti [The problem of making a management decision in conditions of risk and uncertainty]/ R.T. Kuzhanbaev// *Alleja nauki* [Science alley]. - 2018. T. 5. - № 11 (27). - P. 461-465. [in Russian]

9. Lapteva E.A. Statistiko-jekonometricheskaja ocenka riska [Statistical and econometric risk assessment]/ E.A. Lapteva, I.I. Bezaev// *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. - 2018. - T. 17. № 2 (473). - P. 365-378. [in Russian]

10. Madera A.G. Prinjatje reshenij v uslovijah neopredelennosti pri aktualizacii v budushhem mnozhestva vozmozhnyh shansov i riskov [Decision - making under conditions of uncertainty when updating in the future a set of possible chances and risks]/ A.G. Madera// *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij* [International journal of applied and fundamental research]. - 2014. - № 4. - P. 136-140. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.125>

О СТРУКТУРЕ КАПИТАЛЬНЫХ ВЛОЖЕНИЙ И ЭКСПЛУАТАЦИОННЫХ ЗАТРАТАХ НА СОЗДАНИЕ ПХГ С КОМБИНИРОВАННЫМИ БУФЕРНЫМ ГАЗОМ

Научная статья

Гасумов Э.Р.*

Азербайджанский государственный университет нефти и промышленности, Баку, Азербайджан

* Корреспондирующий автор (example[at]mail.ru)

Аннотация.

В статье рассмотрены структура предполагаемых капитальных вложений и варианты расчет общего объема капитальных вложений на создание подземного хранилища газа с комбинированным буферным газом, определены перечень ожидаемых эксплуатационных затрат. В статье даны капитальные вложения по двум вариантам обустройства подземного хранилища газа с комбинированным буферным газом. Рассмотрены два метода принципиальной технологической схемы наземного обустройства подземного хранилища газа, обеспечивающих сбор дымовых газов, улавливание и закачку в пласт. Изложена перечень оборудования и энергетические затраты на обслуживание оборудования необходимого для сбора, улавливание и закачку в пласт дымового газа. Даны оценочный расчет по опытному участку по варианту с получением углекислого газа методом предварительного охлаждения и последующего его компримирования и улавливания абсорбционным методом.

Ключевые слова: капитальные вложения, эксплуатационные затраты, подземное хранилище газ, буферный газ, углекислый газ, дымовой газ, закачка, пласт-коллектор, промышленные объекты, природный метановый газ, технико-экономическая оценка.

ON STRUCTURE OF CAPITAL INVESTMENTS AND OPERATIONAL COSTS FOR CREATING UGSF WITH COMBINED BUFFER GAS

Research Article

Gasumov E.R.*

Azerbaijan State Oil and Industry University, Baku, Azerbaijan

* Corresponding author (example[at]mail.ru)

Abstract

The paper discusses the structure of estimated capital investments and options for calculating the total volume of capital investments for the creation of underground gas storage with combined buffer gas and defines the list of expected operating costs. The author provides the estimation of capital investments for two options for arranging an underground gas storage with combined buffer gas. Two methods of the basic technological scheme of ground-based arrangement of an underground gas storage facility are considered in this work. They ensure the collection of flue gases, capture and injection into the reservoir. The list of equipment and energy costs for the maintenance of equipment necessary for the collection, capture and injection of flue gas into the reservoir are presented as well. The author provides the estimated calculation for the experimental plot according to the option with the production of carbon dioxide by pre-cooling and its subsequent compression and capture by the absorption method.

Keywords: capital investments, operating costs, underground gas storage, buffer gas, carbon dioxide, flue gas, injection, reservoir, field facilities, natural methane gas, feasibility study.

Введение.

Одна из приоритетных задач при создании и эксплуатации подземного хранилища газа (ПХГ) на современном этапе, является сокращение объемов буферного газа (БГ). Одним из возможных направлений решения данной задачи может быть, замена части буферного природного метанового газа на неуглеводородный более дешевый газ, например, углекислый газ (УГ). Использование в качестве буферного газа CO₂ весьма перспективно, поскольку, находясь в состоянии близком к критическому, он претерпевает большие изменения своей плотности.

При сооружении и эксплуатации ПХГ на долю БГ, входящего в структуру общих капитальных вложений, в зависимости от цены на газ может приходиться до тридцати, а в отдельных случаях и более процентов.

В связи с этим сокращение инвестиционных и эксплуатационных затрат на создание и поддержание буферного объема газа в пласте является актуальной проблемой в общей задаче повышения эффективности сооружения и циклической эксплуатации ПХГ.

Важным является для реализации данного проекта необходимость оценки капитальные вложения и эксплуатационные затраты: при опытной закачке УГ в подземный резервуар; частичной замене буферного метанового газа на углекислый газ в продуктивном горизонте.

Возможны две принципиальные технологические схемы наземного обустройства ПХГ, обеспечивающих сбор, улавливание и закачку УГ (дымowego газа) в пласт: путем компримирования и путем эжектирования.

Для каждого варианта необходимо выполнить оценка необходимого технологического оборудования. Замена метанового газа на диоксид углерода рассматриваемого ПХГ подлежит 10 % буферного газа.

Замена БГ позволит решить не только проблемы ресурсосбережения, но и глобальные проблемы экологии, связанные с парниковым эффектом и потеплением на планете, с получением экономической выгоды, поскольку, по Киотскому протоколу для стран-участниц вводятся квоты и выплаты за сокращение выбросов парниковых газов. Для ПХГ экономическая выгода от сокращения выбросов CO₂ в атмосферу может быть существенной.

Основные результаты

Основной задачей является определение структуры инвестиционных затрат при выборе того или иного варианта на основании технико-экономических расчетов показателей создания и эксплуатации ПХГ с частичной заменой БГ природного метанового газа на УГ.

Однако, учитывая отсутствие достаточных промысловых данных и в связи с этим погрешность по результатам прогнозных технологических расчетов по конвективно-диффузионному смешиванию газов в пласте, а так же ограниченность информации по приемистости нагнетательных скважин по УГ целесообразно о проведении работ на пробном участке. В качестве опытного участка для пробного закачивания УГ рассмотрим техногенная залежь природного метанового газа в ПХГ.

Рассмотрим два метода принципиальной технологической схемы наземного обустройства ПХГ, обеспечивающих сбор дымовых газов (ДГ), улавливание и закачку в пласт:

1. Сбор ДГ путем предварительного охлаждения и последующего компримирования и улавливание углекислого газа абсорбционным методом;

2. Одновременный сбор и охлаждение ДГ путем эжектирования сжатым воздухом и улавливание углекислого газа мембранным методом.

Методика оценки капитальных вложений на стадии прединвестиционных исследований базируется на следующих основных принципах [1]:

- определение инвестиционной привлекательности проекта для инвестора;
- преемственность оценки экономической эффективности проектов на всех стадиях проработки;
- расчеты, производимые на последующих стадиях, должны детализировать технико-экономические показатели, определенные на предыдущих стадиях или актуализировать их с учетом изменения технических решений и других показателей проекта;
- учет фактора времени;
- отнесение на проект только тех доходов и расходов, которые вызваны реализацией данного проекта.

Капитальные вложения в рамках данной статье рассматриваются как предполагаемые инвестиции в основной капитал, том числе затраты на новое строительство, реконструкцию, дооборудование и техническое перевооружение основных фондов ПХГ. Затраты на капитальные вложения были рассчитаны укрупнено на основании данных опубликованных в открытой печати и на сайтах.

Капитальные вложения предусматривает: на бурение новой скважины и на прокладку внутрипромыслового коллектора.

Все нагнетательные скважины и дожимные компрессорные станции (ДКС) соединяется общим коллектором. В связи с коррозионной активностью углекислого газа все рассматриваемое оборудование должно иметь повышенную коррозионную стойкость. В рассматриваемом варианте подключается только одна ДКС с приемистость скважины 50 тыс. м³/сутки. В свою очередь вариант может иметь несколько подвариантов, основным отличием которых является место расположения нагнетательных скважин на площади и интервалы вскрытия пласта. В зависимости от расхода углекислого газа изменяется комплектация необходимого оборудования, а процесс осуществления сбора дымовых газов путем предварительного охлаждения, последующего компримирования и улавливания УГ абсорбционным методом подробно освещено в литературе [2], [3].

Оборудование необходимое для выработки и закачки УГ в продуктивные отложения в объеме 50 тыс. м³/сутки на одну скважину необходимо: абсорберы, десорберы, сепараторы, АВО (охлаждение ДГ после ГПА и охлаждения СО₂ перед закачкой в пласт, ступени МК), вентилятор подачи (ДГ в абсорбер, СО₂ на осушку), насосы подачи (регенерированного абсорбента, регенерированного ДЭГ, насыщенного абсорбента, насыщенного ДЭГ, флегмы, холодной воды в холодильники), ребойлер, теплообменник, водяной холодильник (АВО охлаждения СО₂ перед закачкой в пласт), конденсатор-холодильник, емкость, печь-регенератор, компрессор для сжатия СО₂ перед закачкой в пласт с 4 ступенями сжатия (МК).

Перечень оборудования и энергозатраты на обслуживание оборудования необходимого для сбора дымового газа с одного ГПА с двигателем НК-14СТ, улавливания и закачки СО₂ включает в себе: вентиляторы на АВО (охлаждение ДГ после ГПА; подачи ДГ в абсорбер, подачи СО₂ на осушку); насосы (подачи регенерированного абсорбента, подачи насыщенного абсорбента; подачи флегмы; подачи охлаждающей воды); компрессоры (для сжатия СО₂ перед закачкой в пласт, на промежуточное охлаждение СО₂ при компримировании); вентиляторы (АВО охлаждения СО₂ перед закачкой в пласт); топливный газ (на получение электроэнергии; на нагрев раствора ДЭА в ребойлере; на получение пара; на регенерацию ДЭГ).

Таким образом, для реализации с производством УГ для рассматриваемого варианта его последующей закачки в техногенную залежь абсорбционным методом структура капитальных вложений при реализации рассматриваемого варианта, при приемистость одной скважины 50 тыс. м³/сут, включает в себе: бурение нагнетательных скважин; бурение эксплуатационных скважин; строительство нагнетательного коллектора; строительство сборного коллектора; технологическое оборудование.

Процесс одновременного сбора, охлаждения ДГ путем эжектирования сжатым воздухом и улавливание УГ мембранным методом подробно описан в литературе [2], [3].

Перечень оборудования и энергозатраты (материалоемкость) на его обслуживание для сбора ДГ мембранным методом с одного ГПА с двигателем НК-14СТ, улавливания и закачки СО₂: эжекторная установка - состоящая из двух идентичных эжекторов с общей массой; воздушный компрессор для подачи сжатого газа с мощностью; мембранная установка для управления и осушки УГ с площадью поверхности мембраны; компрессор для сжатия СО₂ перед закачкой в пласт; на промежуточное охлаждение СО₂ при компримировании; ентилятор АВО охлаждения СО₂ перед закачкой в пласт.

Инвестиции в форме капитальных вложений не рассматриваются в связи с тем, что эксплуатация участка является опытной и в первую очередь преследует цели решения технологических задач [4], [5].

Следует отметить, что выхлопные газы с ДКС могут быть получены только в период закачки (время работы ГПА), поэтому необходима дополнительная эмиссия CO_2 со другого источника (объект владеющий выбросами ДГ). Для этого нужны инвестиции в строительство промышленного коллектора и строительство ДКС, расположенной вблизи источников дополнительной эмиссии УГ.

Вариант рассматривает нагнетание CO_2 в существующих скважин. Закачка производится в подкровельную часть коллектора, где темп закачки составляет 1 млн м^3 /сутки, а расчетный период 5,5 лет. К концу рассматриваемого периода закачивается более 2 млрд м^3 CO_2 . Капитальные вложения предусматриваются только в оборудование по производству и поставке CO_2 , расположенное в районе ДКС, строительство новой ДКС и промышленного коллектора, соединяющего данную ДКС с действующим ДКС.

При темпе закачки CO_2 1 млн м^3 /сутки необходима работа ДКС и дополнительная эмиссия углекислого газа. Оценка капитальных вложений для осуществления данного варианта была выполнена, укрупнена.

Процесс предполагается осуществлять следующим образом. Сжатый воздух из воздушного компрессора с давлением 0,09 МПа (10 атм) и температурой 60 °С поступает на эжекторный блок в качестве активного потока. Дымовой газ с температурой 497 °С при атмосферном давлении подается на эжекторный блок в качестве пассивного потока. Охлажденная в эжекторном блоке воздушная смесь с давлением 0,39 МПа (4 атм) подается на установку мембранного газоразделения, где происходит осушка и улавливание углекислого газа. Отработавший пермеат (очищенный от углекислого газа воздух) выбрасывается в атмосферу. Готовый к применению углекислый газ компримируется и подается на ГРП.

Можно предположить, что при увеличении объема закачиваемого CO_2 в два раза затраты на переоборудование ДКС увеличатся как минимум на 50 %. Так же потребуются инвестиции в оборудование и прокладку промышленных коллекторов для дополнительной эмиссии необходимого объема CO_2 .

Текущие издержки, связанные с процессом закачки/отбора и хранения газа, рассчитаны в соответствии с Методикой оценки экономической эффективности инвестиционных проектов в форме капитальных вложений [4], [6] и включает в себя следующие элементы затрат: материалы на производственные нужды (сырье и основные материалы, вспомогательные материалы); газ на собственные нужды; энергия на технологические нужды (электроэнергия, теплоэнергия, прочая энергия); затраты на оплату труда персонала основного производства; страховые взносы во внебюджетные фонды; амортизация внеоборотных активов производственного назначения; налоги и иные обязательные платежи, связанные с производством; затраты по договорам страхования (за исключением пенсионного и добровольного медицинского страхования); капитальный ремонт основных средств производственного назначения; прочие услуги производственного назначения (услуги транспорта, диагностика, пусконаладочные работы, услуги связи, обеспечение пожарной безопасности, охрана труда и техника безопасности, подготовка кадров, услуги по программному обеспечению, расходы на командировки, коммунальные услуги и т.д.).

Материальные расходы на производство CO_2 приведены в расчете на 1000 м^3 . Затраты на закачку и отбор газа были приняты как удельный показатель в расчете на 1000 м^3 газа.

Расходы на оплату труда производственного персонала включают все начисления работникам в денежной или натуральной формах, стимулирующие выплаты и надбавки, связанные с режимом работы или условиями труда, премии и единовременные поощрения, расходы, связанные с содержанием работников, предусмотренные нормами законодательства Российской Федерации, трудовым или коллективным договорами.

Величина взносов во внебюджетные фонды, начисляемых на фонд оплаты труда, выплаты социального характера и прочие выплаты в пользу работников определяется в соответствии действующими законодательными актами.

Расчет амортизационных отчислений осуществлялся исходя из стоимости капитальных вложений и срока полезного использования основных фондов. Амортизируемое имущество распределяется по амортизационным группам согласно срокам его полезного использования. Срок полезного использования определяется в соответствии с Классификацией основных фондов.

Амортизация начислялась отдельно по каждому объекту амортизируемого имущества. Применен линейный метод начисления амортизации.

К налогам и выплатам, включаемым в себестоимость услуг по закачке/отбору и хранению газа, относятся страховые взносы во внебюджетные фонды, регулярные платежи за пользование недрами, плата за загрязнение окружающей среды, налог на имущество и другие налоги.

К налогам, не относящимся на себестоимость услуг, относятся налог на добавленную стоимость, налог на прибыль. Расчет и взимание конкретных налогов выполнен в соответствии с Налоговым Кодексом Российской Федерации, другими действующими федеральными региональными законами.

Налоговые платежи и отчисления, которые учитываются как в себестоимости услуг, так и в финансовых результатах.

Затраты на капитальный ремонт объектов производства и производственной инфраструктуры рассчитаны в процентном выражении от их начальной стоимости.

В структуру прочих производственных затрат включены затраты на техническое обслуживание, текущий ремонт, диагностику, страхование, транспорт, пожарную безопасность, связь и т.д. Затраты планировались в процентном выражении от суммы производственных расходов.

Стоимостная оценка затрат проводилась в текущих ценах и остается неизменной весь расчетный период.

Действующие в настоящий момент факторы социально-политической и макроэкономической нестабильности негативно влияют на инвестиционный климат. В связи с этим при проведении расчетов сделаны следующие допущения: сохраняется налоговый режим на весь расчетный период; все расчеты выполнены в постоянных ценах, т.е. не учитываются инфляционные колебания.

Был выполнен оценочный расчет по опытному участку по варианту с получением углекислого газа методом предварительного охлаждения и последующего компримирования и улавливания углекислого газа абсорбционным методом (при условии, что объем закачки CO₂ будет составлять 50 тыс. м³/сут на одну скважину).

Структура текущих расходов в разрезе основных статей затрат: затраты на закачку газа; затраты на отбор газа; материальные затраты на производство CO₂; расходы на оплату труда производственному персоналу; амортизационные отчисления начисления на заработную плату; капитальный ремонт; прочие затраты по производству CO₂; налог на имущество.

Заключение

1. Замена природного метанового газа в техногенной залежи углекислым газом позволит обезопасить эксплуатацию ПХГ от негативных явлений и обеспечить его более надежную эксплуатацию.

2. Оценка капитальных вложений и эксплуатационных затрат при закачке CO₂ в техногенную залежь показал, что при изменении закачки CO₂ с минимального (приемистость одной скважины 50 тыс. м³/сут) до максимального (приемистость одной скважины 100 тыс. м³/сут) если капитальные вложения ориентировочно увеличивается на 1,32 раза, то рост эксплуатационных затрат составляет 1,45 раз.

3. Для оценки экономической эффективности инвестиционных проектов в форме капитальных вложений рекомендуется:

- рассмотреть период коммерческой эксплуатации проекта равный сроку полезного использования наиболее капиталоемкого объекта;
- в случае, когда горизонт планирования меньше срока полезного использования капитальных вложений отнести суммы не амортизированного имущества к оттокам денежных средств;
- так как при оценке экономической эффективности отсутствует возможность точно определить будущие параметры реализации проекта для снижения неопределенностей и рисков, которые могут возникнуть в процессе реализации проекта рекомендуется выполнить анализ чувствительности.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared

Список литературы / References

1. Методика оценки экономической эффективности инвестиционных проектов в форме капитальных вложений. – М.: ОАО «Газпром», 2009.
2. Проведение теоретических и экспериментальных исследований по возможности использования углекислого газа для частичной замены буферного природного метанового газа на ПХГ: – М.: ООО «Газпром ВНИИГАЗ», 2011.
3. Проведение теоретических и экспериментальных исследований по возможности использования углекислого газа для частичной замены буферного природного метанового газа на ПХГ: – М.: ООО «Газпром ВНИИГАЗ», 2011.
4. Методические рекомендации по планированию и калькулированию себестоимости подземного хранения газа (с учетом изменений и дополнений): – М.: ОАО «Газпром», 2008.
5. Оценка и анализ риска инвестиционных вложений при разработке газовых месторождений. / Гасумов Э.Р. // Ежемесячный научный журнал. Евразийский союз ученых (ЕСУ). М.: № 2(71) / 2020. 5 часть. С. 30-34. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.5.71.
6. Управления и оценки рисков внедрения инноваций при проведении ГТМ по фонду газовых скважин. / Гасумов Э.Р. // Булатовские чтения: материалы II Международной научно-практической конференции (31 марта 2019 г.) в 7 т. – Краснодар: Издательский Дом – Юг. -2019. Т. 2. Ч. 1. С.163-171.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Metodika ocenki jekonomicheskoj jeffektivnosti investicionnyh proektov v forme kapital'nyh vlozhenij. [Methodology for assessing the economic efficiency of investment projects in the form of capital investments]. - М.: ОАО Gazprom, 2009.
2. Provedenie teoreticheskikh i jeksperimental'nyh issledovanij po vozmozhnosti ispol'zovanija uglekislogo gaza dlja chastichnoj zameny buferного prirodnogo metanovogo gaza na PHG [Conducting theoretical and experimental studies on the possibility of using carbonic acid gas for the partial replacement of buffer natural methane gas with underground gas storage facilities]: - М.: ООО Gazprom VNI-IGAZ, 2011.
3. Provedenie teoreticheskikh i jeksperimental'nyh issledovanij po vozmozhnosti ispol'zovanija uglekislogo gaza dlja chastichnoj zameny buferного prirodnogo metanovogo gaza na PHG [Conducting theoretical and experimental studies on the possibility of using carbonic acid gas for the partial replacement of buffer natural methane gas with underground gas storage facilities]: - М.: Gazprom VNIIGAZ LLC, 2011.
4. Metodicheskie rekomendacii po planirovaniju i kal'kulirovaniju sebestoimosti podzemnogo hranenija gaza (s uchedom izmenenij i dopolnenij) [Methodological recommendations for planning and calculating the cost of underground gas storage (subject to changes and additions)]: - М.: ОАО Gazprom, 2008.
5. Ocenka i analiz riska investicionnyh vlozhenij pri razrabotke gazovyh mestorozhdenij [Evaluation and analysis of risks when investing in the development of gas fields]. / Gasumov E. // Ezhemesjachnyj nauchnyj zhurnal. Evrazijskij sojuz uchenyh (ESU). [Monthly scientific journal. Eurasian Union of Scientists (ESU)]. М.: No. 2 (71) / 2020. 5 part. P. 30-34. DOI: 10.31618 / ESU.2413-9335.2020.5.71.
6. Upravlenija i ocenki riskov vnedrenija innovacij pri provedenii GTM po fondu gazovyh skvazhin. [Managing and assessment of innovative risks during geological and technical measures for the stock of gas wells] / Gasumov E. // Readings of A.I. Bulatov : Bulatovskie chtenija: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (31 marta 2019 g.) [Materials of III International scientific and practical conference (On March 31, 2019)] : in 5v.: Conference bulletin: Publishing House – South. ECONOMIC SCIENCES. Vol. 5: Technical and technological developments. Electric equipment in oil and gas branch. -P.163-171. -Humanity. – 2019. – 200 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.126>

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АГЕНТСКОГО БИЗНЕСА DIGITAL-УСЛУГ

Научная статья

Иванченко О.В.^{1,*}, Писарева Е.В.²

¹ ORCID: 0000-0003-1242-2756;

^{1,2} Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

* Корреспондирующий автор (iovkmr[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассмотрены тенденции развития агентского рынка digital-услуг с учетом негативных факторов маркетинговой среды. Digital-агентства функционируют в настоящее время в условиях экономического кризиса, усиления конкуренции и роста in-house маркетинга. Выделены отраслевые тенденции продвижения брендов с помощью digital-коммуникаций по типам контента. Представлена динамика спроса на digital-услуги, а также проведена оценка общих трендов цифровых коммуникаций на основе современных Интернет-платформ и сервисов, что позволяет определить актуальные инструменты омниканальной стратегии продвижения.

Ключевые слова: digital-агентства, digital-услуги, коммуникации, маркетинг, рынок.

DEVELOPMENT TRENDS OF DIGITAL SERVICE AGENCY BUSINESS

Research Article

Ivanchenko O.V.^{1,*}, Pisareva E.V.²

¹ ORCID: 0000-0003-1242-2756;

^{1,2} PhD in Economics, Associate Professor, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia;

* Corresponding author (iovkmr[at]mail.ru)

Abstract

The paper considers the development trends of the digital services agent market, considering the negative factors of the marketing environment. Digital agencies are currently operating in the context of the economic crisis, increased competition, and the growth of in-house marketing. The authors highlighted industry trends of brand promotion with digital communications by content types. They presented the dynamics of demand for digital services, as well as an assessment of the general trends of digital communications based on modern Internet platforms and services. This allows us to determine the current tools for an omnichannel promotion strategy.

Keywords: digital-agencies, digital-services, communications, marketing, market.

Введение

Стремительное развитие и прогрессивность digital-технологий, популяризация онлайн-среды привлекает широкое внимание как академических кругов [3], [7], [11] так и бизнеса, поскольку маркетологи все чаще используют цифровые каналы взаимодействия с клиентом в рамках формирования омниканальной стратегии продвижения [9, с.150].

В настоящее время основными средствами коммуникации компании с потребителями являются цифровые устройства, сеть Интернет, что особенно проявилось в условиях мировой пандемии, одним из результатов которой, стал повсеместный переход бизнес коммуникаций в онлайн-среду. Для того, чтобы следовать данной тенденции, многие компании обращаются в digital-агентства для разработки стратегии продвижения. Успех бренда на рынке в большой степени зависит от профессионального и комплексного подхода при выборе цифровых инструментов и каналов продвижения. В свою очередь, сфера digital-коммуникаций является довольно обширной, и далеко не каждый производитель товаров или услуг имеет представление о том, из каких компонентов она состоит. Этот факт стимулирует компании к привлечению digital-агентств, которые способны адекватно реагировать на перемены в отрасли, прогнозировать ситуации, быть в курсе последних модернизаций и трендов.

Основные результаты

По итогам 2019 года отраслевые тенденции продвижения брендов с помощью digital-коммуникаций сводились к росту рынка и увеличению конкуренции. Это подтверждается данными Ассоциации Коммуникационных Агентств России (АКАР), которая провела оценку объема рекламы за 2019г., в том числе по видео-, аудио- и издательскому контенту как в традиционных средах продвижения, так и в digital-среде (см. рисунок 1).

Из рисунка 1 видно, что продвижение с использованием онлайн-видео в 2019 году увеличилось на 23% по сравнению с 2018 годом, digital-audio показало взрывной рост на 83%, издательский контент в формате digital увеличился на 10%, интернет-сервисы выросли на 21%. Традиционные средства продвижения показали при этом отрицательную или нулевую динамику [8].

СЕКТОРЫ	2019 год, млрд Р	ДИНАМИКА, %
ВИДЕОКОНТЕНТ	190.7	-5%
в т.ч.: традиционное телевидение	175.0	-6%
кинотеатры (т.н. «экранная реклама»)	1.0	-6%
онлайн-видео (stream+VOD)	14.7	23%
АУДИОКОНТЕНТ	16.7	-3%
в т.ч.: эфирное радио (FM/AM)	16.0	-5%
digital-audio	0.7	83%
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ КОНТЕНТ	30.5	-5%
в т.ч.: принт	15.1	-16%
digital	15.4	10%
OUT OF HOME	42.8	0%
ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСЫ	213.2	21%
ИТОГО	494	5%

Рис. 1 – Объем российского рекламного рынка по типам контента в 2019 г.

По оценкам Рейтингового агентства Ruward, почти половина российских digital-агентств находится в Москве и Санкт-Петербурге. При этом, каждая четвертая компания на рынке — небольшое агентство с оборотом от миллиона рублей до двух в месяц. Крупных агентств, через которые за год проходит более 130 миллионов рублей, меньше — каждое шестое. Один из пяти игроков рынка — мелкая компания с оборотом около 400 тысяч в месяц. В связи с этим можно выделить 2 тенденции: большие агентства запускают свои производственные мощности в регионах, а успешные региональные компании открывают представительства в Москве и Санкт-Петербурге, чтобы выйти на федеральный уровень и, соответственно, получать более крупные заказы от местных клиентов [10].

Большинство агентств, функционирующих в настоящее время на российском рынке, были созданы в течение последних десяти лет. Та часть компаний, работающих 20 лет и более, составляет около 5%. Открытие новых агентств в последние 3 года стало редким явлением, что, по мнению экспертов, связано с популяризацией и ростом различных сервисов, которые помогают предприятиям заниматься digital-продвижением самостоятельно (in-house маркетинг) [4]. Также открытию новых компаний препятствуют digital-специалисты, занимающиеся фрилансом, которые работают вне агентств. Как правило, цена на их услуги меньше, и, за счет этого, они представляются для агентств существенным конкурентом.

Digital-отрасль практически полностью состоит из предприятий малого бизнеса. 65% агентств со штатом 10-20 сотрудников, 5% - до 5 сотрудников, меньше 3% - свыше 150 сотрудников. [10].

Самые популярные услуги digital-агентств в России: разработка сайтов, контекстная реклама, и веб-аналитика (см. рисунок 2).

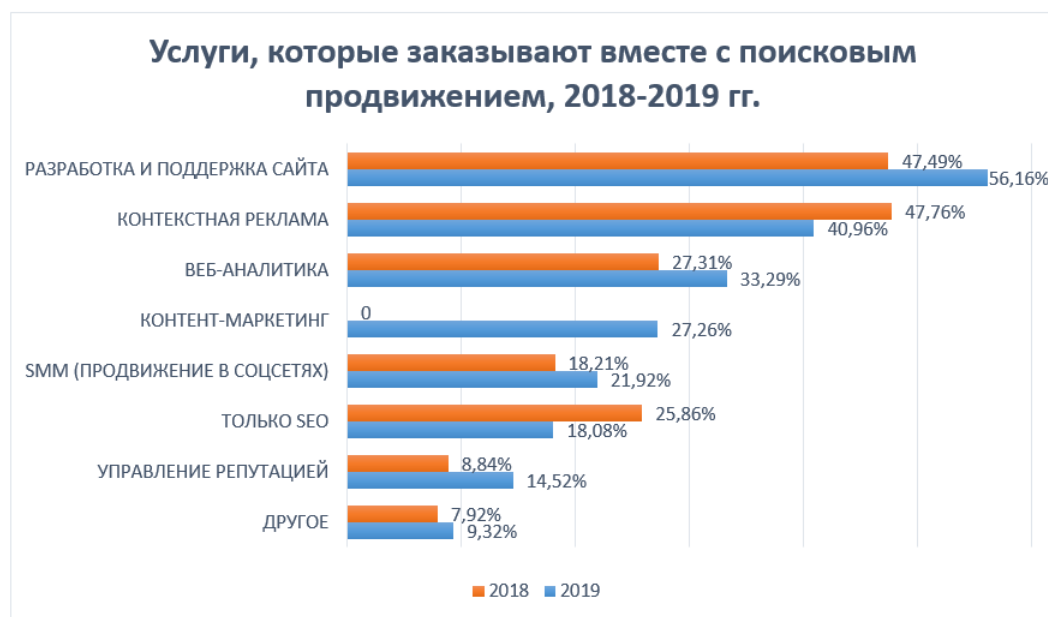

Рис. 2 – Динамика спроса на digital-услуги в 2018-2019гг.

По данным рейтинга «SEO глазами клиентов» клиенты digital-агентств в 2019 году чаще всего заказывали услуги по разработке и поддержке сайта. Спрос на эту услугу увеличился в 1,2 раза по сравнению с 2018 годом. Также в 1,2 раза увеличилось количество клиентов, которые покупают веб-аналитику. А контекстную рекламу, напротив, в 2019 году заказывали на 7% реже, чем в 2018-ом. Услуга «контент-маркетинг» на рынке рекламы обладает постоянно растущим спросом: больше четверти клиентов (27%) заказывают контент-маркетинг у подрядчиков в 2019 году. Самый существенный прирост спроса в 2019 году у услуги «Управление репутацией» – в 1,6 раза. Только SEO заказывают у подрядчиков 18% опрошенных клиентов, что на 8% меньше показателя 2018 года – клиенты все чаще выбирают комплексный подход в продвижении своих проектов [6].

Самые желаемые заказчики для digital-агентств: предприятия из сферы e-commerce, недвижимости, финансов, медицины, а также стартапы. Они составляют третью часть всех рыночных компаний. Меньше всего агентства заинтересованы во взаимодействии с заказчиками из сферы искусства, развлечений, товаров для детей.

Обсуждение

Анализ тенденций развития агентского рынка digital-услуг необходимо проводить совместно с общей оценкой трендов digital-коммуникаций, что позволяет выявить актуальные цифровые инструменты продвижения брендов в Интернет, социальных медиа.

По мнению экспертов, клиенты digital-агентств стали принимать гораздо более взвешенные решения, поскольку уже есть практика заказа услуг у агентств и сервисов, результаты экспериментов и проверенных гипотез по использованию технологий. Поэтому развитие Интернет-сервисов, технологий и площадок с серьезной сервисной поддержкой (например, Яндекс с многочисленными предложениями для разных сфер) — одна из причин возможного кризиса спроса у агентств [2]. Последствия экономического кризиса и падения экономики также являются негативными факторами, влияющими на развитие рынка digital-услуг в 2020 году. В этой связи агентства должны уметь пользоваться современными сервисами и технологиями, создавать свои сервисы и разрабатывать новые технологии, а также учитывать тренды развития digital-коммуникаций.

Короткие видео. Сегодня один из важнейших ресурсов для человека – это время. Пользователи, в большинстве случаев, дорожат каждой минутой, проведенной в социальных сетях. Широкое развитие получило такое направление как тайм-менеджмент, в соответствии с которым у современного пользователя расписан каждый час. Компаниям нужно стремиться к тому, чтобы отвечать запросам потребителей. Поэтому нужно делать ключевые послы максимально короткими. Использование короткого формата видеороликов касается всех сетей, кроме YouTube.

Чат-боты. Данные сервисы предназначены для онлайн-взаимодействия и обратной связи с клиентами. Через этот инструмент потребитель получает ответ на интересующий его вопрос. Он оптимизирует затраты предприятия на персонал и на маркетинг. Важно создать интересную и интерактивную коммуникацию через чат-бот, в таком случае потребители через него будут совершать покупки.

Голосовой поиск. Еще один тренд, связанный с ценностями современных пользователей. Данный инструмент с течением времени будет обладать все большим и большим спросом. Люди все чаще будут прибегать к голосовому поиску. Важный момент – результаты голосовых запросов отличаются от обычных, поэтому SEO-оптимизацию для голосового варианта поиска необходимо настраивать отдельно.

Видеомаркетинг. Доминирующий источник получения информации, поскольку нынешняя аудитория склонна к визуальному восприятию и просмотру роликов, нежели к прочтению длинных текстов. Главная задача для компаний – понять, как коммуницировать с потребителями через видео, определиться с форматом и содержанием сообщения. При том, чтобы контакт был качественным и эффективным.

Контент-маркетинг. Сегодня потребители не любят навязчивую прямую рекламу, но их привлекает и вовлекает полезный, интересный, вдохновляющий контент. Поэтому главная задача, стоящая перед компаниями, продвигающимися через интернет, – создать такой контент, чтобы потребители делились им друг с другом. Ее можно решить различными способами, например, с помощью нативной рекламы.

Связь 24/7. Пользователи постоянно сидят в сети и коммуницируют с заинтересовавшими их компаниями, они хотят получить быструю поддержку. Для этого компаниям нужно продумать, как давать пользователям обратную связь в любое время. Любой отзыв, комментарий, сообщение нельзя оставить без внимания, реагировать на них, помогать решать аудитории возникающие вопросы. Такой подход вызывает доверие к компании со стороны потребителей, повышает уровень лояльности к ней, выделяет среди конкурентов [5, с.103].

Микро-лидеры мнений (микро-блогеры). Сейчас замечена тенденция, что коллаборация, сотрудничество с крупными блогерами, медиа не всегда эффективны, потому что их аудитория становится мало вовлеченной. В то время как существуют блоги с меньшей, но активной, аудиторией с высокими показателями охвата и вовлеченности. Плюс к этому рекламу у небольшого блогера выгодно приобретать с точки зрения стоимости, т. к. она гораздо ниже, чем у имеющего несколько сотен и выше подписчиков.

Перечисленные тренды, в большинстве своем, относятся к онлайн digital-коммуникациям, поскольку сейчас они имеют большую популярность при продвижении, чем офлайн-инструменты.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, укажем, что функционирование агентского бизнеса digital-услуг связано с решением множества проблем. Это и последствия экономического кризиса, вызванного мировой пандемией, и ужесточение конкуренции, появление новых digital-каналов, а также трудности в контроле и обработке большого объема цифровых данных [1, с.177]. Однако сейчас нельзя недооценивать важность цифрового маркетинга. Высокая значимость цифровых носителей для бизнеса определяется тем, что любая информация может быть доступна потребителям в любое время и в любом месте. Digital-коммуникации способствуют общению с потребителем, когда он наиболее восприимчив и склонен к контакту. Digital-агентства интегрируют представление о предпочтениях и ожиданиях потребителей и оказывают воздействие в каждом канале: web, мобильные и социальные медиа, direct mail, контекстная реклама и т.д. Маркетологи могут использовать эту информацию с целью формирования и прогнозирования определенного опыта

клиента, который будет трансформироваться в процесс покупки от цикла к циклу. Чем глубиннее представления о поведении потребителя и его предпочтениях, тем выше вероятность выгодного долгосрочного сотрудничества.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References*

1. Ivanchenko O.V. Marketing Relations and Communication Infrastructure Development in the Banking Sector Based on Big Data Mining / O.V. Ivanchenko, O.N. Mirgorodskaya, E.V. Baraulya // International Journal of Economics and Business Administration, VII (2), 176-184
2. Агентский бизнес в digital. Тренды 2019-го [Электронный ресурс]. – URL: <https://vc.ru/future/58907-agentskiy-biznes-v-digital-trendy-2019-go> (дата обращения 20.04.2020).
3. Годин В. В. Цифровая реклама как инструмент продвижения товара или услуги. Опыт реализации проектов / В. В. Годин, А. Е. Терехова // E-Management. 2019. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-reklama-kak-instrument-prodvizheniya-tovara-ili-uslugi-opyt-realizatsii-proektov> (дата обращения: 25.04.2020).
4. Жохов Д. In-house маркетинг 2019: конец эпохи digital-агентств? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.business.ru/article/1777-in-house-marketing-2019-konets-epohi-digital-agentstv> (дата обращения: 20.04.2020).
5. Иванченко О.В. К вопросу об актуальности технологий искусственного интеллекта в маркетинге // В сборнике: Экономика. Наука. Инноватика Материалы I Республиканской научно-практической конференции. Отв. ред. А.В. Ярошенко. г. Донецк, 2020. С. 101-103.
6. Исследование SEOnews: самые популярные digital-услуги в 2019 году [Электронный ресурс]. – URL: https://m.seonews.ru/events/rejting-seo-glazami-klientov-2019-registratsiya-startovala/?utm_source=news&utm_campaign=rating_SGK_2019 (дата обращения: 20.04.2020).
7. Колесник О. Цифровые маркетинговые технологии как коммуникационный ресурс продвижения организации (на примере SocialMediaMarketing в ПАО "МТС Банк") // Коммуникология: электронный научный журнал. 2018. №4. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-marketingovye-tehnologii-kak-kommunikatsionnyy-resurs-prodvizheniya-organizatsii-na-primere-socialmediamarketing-vpao-mts> (дата обращения: 20.04.2020).
8. Объем рекламы по типам контента в 2019 году [Электронный ресурс]. – URL: http://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id9112 (дата обращения: 20.04.2020).
9. Писарева Е.В. Применение алгоритмических моделей в маркетинговой деятельности компаний / Е.В. Писарева, О.В. Иванченко // В сборнике: Технологические инициативы в достижении целей устойчивого развития Материалы международной научно-практической конференции. XV Южно-Российский логистический форум. 2019. С. 150-153.
10. Сирвида-Льорентс С. Итоги digital 2018: ситуация в отрасли [Электронный ресурс]. – URL: https://geekbrains.ru/posts/digital_2018_resume (дата обращения: 20.04.2020).
11. Шевченко Д.А. Рынок диджитал коммуникаций в России: ситуация и основные тренды // Системные технологии. 2018. №1 (26). [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-didzhital-kommunikatsiy-v-rossii-situatsiya-i-osnovnye-trendy> (дата обращения: 20.04.2020).

Список литературы на английском языке / References in English*

1. Ivanchenko O.V. Marketing Relations and Communication Infrastructure Development in the Banking Sector Based on Big Data Mining / O.V. Ivanchenko, O.N. Mirgorodskaya, E.V. Baraulya // International Journal of Economics and Business Administration, VII (2), 176-184
2. Agentskiy biznes v digital. Trendy 2019-go [Agency business in digital. Trends of 2019] [Electronic resource]. – URL: <https://vc.ru/future/58907-agentskiy-biznes-v-digital-trendy-2019-go> (accessed: 20.04.2020).
3. Godin V. V. Cifrovaya reklama kak instrument prodvizheniya tovara ili uslugi. Opyt realizatsii projektov [Digital advertising as a tool for promoting a product or service. Experience in implementing projects] / Godin V. V., Terekhova A. E. // E-Management. 2019. №3. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-reklama-kak-instrument-prodvizheniya-tovara-ili-uslugi-opyt-realizatsii-proektov> (accessed: 25.04.2020).
4. Zhohov D. In-house marketing 2019: konec epohi digital-agentstv? [In-house marketing 2019: the end of the era of digital agencies?] [Electronic resource]. – URL: <https://www.business.ru/article/1777-in-house-marketing-2019-konets-epohi-digital-agentstv> (accessed: 20.04.2020).
5. Ivanchenko O.V. K voprosu ob aktual'nosti tekhnologij iskusstvennogo intellekta v marketinge [On the question of the relevance of artificial intelligence technologies in marketing] // V sbornike: Ekonomika. Nauka. Innovatika Materialy I Respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Отв. ред. А.В. Ярошенко. г. Донецк, 2020. С. 101-103.
6. Issledovanie SEOnews: samye populyarnye digital-uslugi v 2019 godu [Seonews Research: the most popular digital services in 2019] [Electronic resource]. – URL: https://m.seonews.ru/events/rejting-seo-glazami-klientov-2019-registratsiya-startovala/?utm_source=news&utm_campaign=rating_SGK_2019 (accessed: 20.04.2020).
7. Kolesnik O. Cifrovye marketingovye tekhnologii kak kommunikatsionnyy resurs prodvizheniya organizatsii (na primere SocialMediaMarketing v PAO "MTS Bank") [Digital marketing technologies as a communication resource for organization promotion (on the example of SocialMediaMarketing of MTS Bank JSC)] // Kommunikologiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal. 2018. №4. [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-marketingovye-tehnologii-kak-kommunikatsionnyy-resurs-prodvizheniya-organizatsii-na-primere-socialmediamarketing-vpao-mts> (accessed: 20.04.2020).
8. Ob"em reklamy po tipam kontenta v 2019 godu [The Volume of advertising by content types in 2019] [Electronic resource]. – URL: http://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id9112 (accessed: 20.04.2020).
9. Pisareva E.V. Primenenie algoritmicheskikh modelej v marketingovoy deyatelnosti kompanij [Application of algorithmic models in marketing activities of companies] / Pisareva E.V., Ivanchenko O.V. // V sbornike: Tekhnologicheskie iniciativy v

dostizhenii celej ustojchivogo razvitiya Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. XV YUzhno-Rossijskij logisticheskij forum. 2019. S. 150-153.

10. Sirvida-L'orente S. Itogi digital 2018: situaciya v otrasli [Results of digital 2018: situation in the industry] [Electronic resource]. – URL: https://geekbrains.ru/posts/digital_2018_resume (accessed: 20.04.2020).

11. Shevchenko D.A. Rynok didzhital kommunikacij v Rossii: situaciya i osnovnye trendy [Digital communications Market in Russia: situation and main trends] // Sistemnye tekhnologii. 2018. №1 (26). [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-didzhital-kommunikatsiy-v-rossii-situatsiya-i-osnovnye-trendy> (accessed: 20.04.2020).

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.127>

**АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ
ГОРНОДОБЫВАЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ МАГАДАНСКОГО ФИЛИАЛА АО «ПОЛИМЕТАЛЛ УК»)**

Научная статья

Карташова Н. А.*

ORCID: 0000-0001-5416-6741,

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, Россия

* Корреспондирующий автор (nakartashova[at]mail.ru)

Аннотация

В статье анализируется эффективность системы управления персоналом горнодобывающего предприятия северного региона. Изучены показатели кадровых процессов, принципы кадровой политики, результаты реализации основных кадровых технологий. Выявлены недостатки существующей системы управления персоналом и обоснованы направления, требующие совершенствования.

Ключевые слова: персонал, управление персоналом, горнодобывающее предприятие, Северо-восток России.

**ANALYSIS OF THE EFFICIENCY OF PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEM
OF THE MINING COMPANY IN THE NORTHERN REGION
(ON THE EXAMPLE OF MAGADAN BRANCH OF POLYMETAL UK STOCK COMPANY)**

Research article

Kartashova N.A.*

ORCID: 0000-0001-5416-6741,

North-East State University, Magadan, Russia

* Corresponding author (nakartashova[at]mail.ru)

Abstract

The article analyzes the efficiency of the personnel management system of a mining enterprise in the northern region. The indicators of personnel processes, principles of personnel policy, and the results of the implementation of basic personnel technologies were studied. Deficiencies of the existing personnel management system are identified, and areas requiring improvement are substantiated.

Keywords: personnel, personnel management, mining, Northeast Russia.

Одним из важнейших направлений современного менеджмента является решение задачи совершенствования управления персоналом. Успех любой организации невозможен без слаженной работы персонала, без заинтересованности каждого отдельно взятого работника в своей работе, в выполнении своих конкретных задач на высоком уровне.

Ключевое место этой области менеджмента занимает проведение всестороннего анализа составляющих системы управления персоналом, поскольку на основе его результатов возможно выявление существующих проблем, определение способов повышения производительности и результативности труда, поиск путей роста творческой инициативы, а также стимулирования работников на достижение высоких производственных результатов [2].

Особой актуальностью проблема является для предприятий горнодобывающей отрасли северного региона, поскольку производственная деятельность предприятий осуществляется в суровых климатических условиях, при дефиците квалифицированных кадров инженерных специальностей на региональном рынке руда, сезонном характере производства и особенностях регулирования труда в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Именно поэтому проблема изучения эффективности системы управления персоналом является актуальной и требует всестороннего исследования.

Исследование проведено на примере АО «Полиметалл» - крупного горнодобывающего предприятия, которое самостоятельно осуществляет весь комплекс работ по освоению рудных месторождений – от проведения геологоразведочных работ до эксплуатации. Магаданская область – ключевой регион «Полиметалла», работу в котором он ведет с 1999 года [4]. Основными видами деятельности предприятия являются:

- маркшейдерские работы, проектные и строительно-монтажные работы;
- выполнение инженерно-геологических и геоэкологических исследований;
- выполнение научно-исследовательских работ в области геологии, геотехнологии, горных работ и обогащения руд, металлургии;
- проектирование горных производств и другие;

В городе Магадане расположен филиал управляющей компании, который обеспечивает административно – представительские функции. На рисунке 1 представлена организационная структура предприятия.

При формировании состава и структуры персонала, а также в целях управления численностью, компания руководствуется следующими принципами [4]:

- ориентация на показатели производительности конкурентов и западных аналоговых групп;
- внедрение оптимальных, эффективных технологий и автоматизации;
- привлечение подрядных организаций на непрофильные работы.

Проанализируем динамику численности персонала Магаданского филиала АО «Полиметалл УК» за 2017, 2018, 2019 годы (табл. 1).

Таблица 1 – Численность персонала Магаданского филиала АО «Полиметалл УК»

Показатель	Величина показателя, человек			Удельный вес персонала по категориям, проценты		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Всего работников: том числе:	102	101	104	100	100	100
Административно- управленческий персонал	27	26	29	26,5	25,8	27,9
Специалисты и ИТР	63	65	62	61,8	64,4	59,7
Обслуживающий персонал	12	10	13	11,7	9,8	12,4

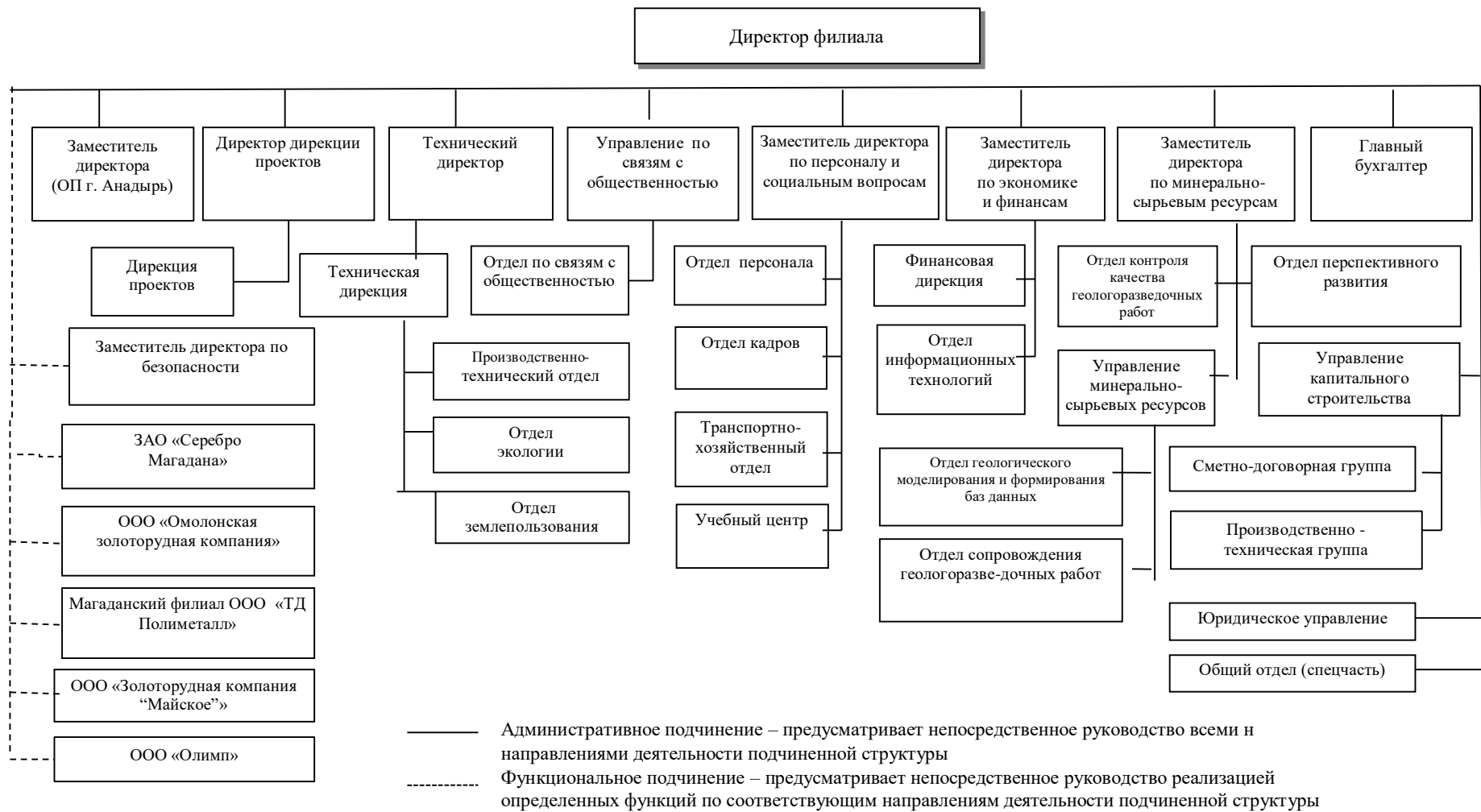

Рис. 1 - Организационная структура Магаданского филиала АО «Полиметалл УК»

Анализ кадровых процессов показал, что общая численность работников предприятия на окончание 2019 года составила 104 человека, из них: административно-управленческий персонал – 29, специалисты и ИТР – 63, обслуживающий персонал – 13 человек. В течение всего анализируемого периода наибольший удельный вес в численности персонала занимает категория специалистов и инженерно-технических работников (ИТР), доля которой изменялась от 59,7 % до 64,4 %.

Структура персонала по возрасту также является относительно постоянной. В АО «Полиметалл УК» работают в основном сотрудники в возрасте от 25 до 45 лет. Однако в группе до 25 лет в 2018 году прирост составил 1 человек, а в 2019 году – 2 человека, таким образом можно сделать вывод, что компания является привлекательной для молодых и амбициозных сотрудников.

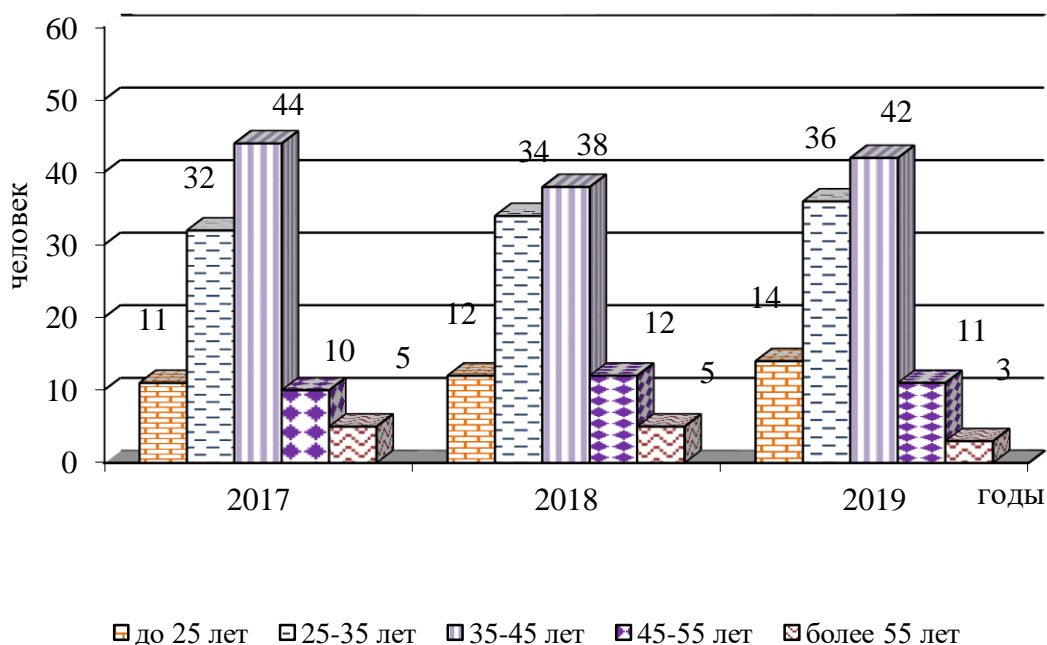

Рис. 2 – Структура персонала Магаданского филиала АО «Полиметалл УК» по возрасту

Из анализа структуры кадров по уровню образования можно сделать вывод, что большая часть работников компании имеет высшее образование, их доля в структуре за исследуемый период составляла порядка 73%. Доля работников, имеющих среднее образование, довольно немногочисленна – не более 2-3%, в основном это работники, относящиеся к группе обслуживающего персонала (рис. 3).

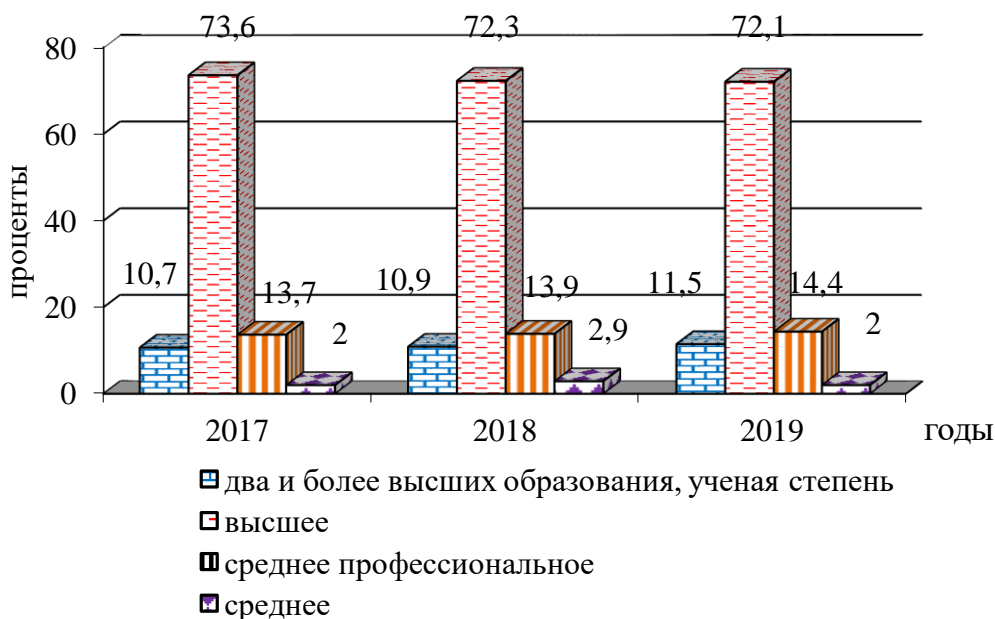

Рис. 3 – Структура персонала Магаданского филиала АО «Полиметалл УК» по уровню образования

Для анализа текучести кадров были изучены документы по движению персонала и рассчитаны коэффициенты оборота рабочей силы по приему, по выбытию, общего оборота и текучести кадров [2]. Коэффициент оборота рабочей силы по приему имеет тенденцию к росту с 9,81 до 11,5 %. Коэффициент оборота по выбытию – к снижению.

Превышение коэффициента по приему над коэффициентом по выбытию говорит о том, что предприятие осуществляет политику найма персонала в связи с расширением деятельности в регионе. Коэффициент текучести кадров был на низком уровне (около 2-3 %) в течение всего анализируемого периода, то есть в компании сложился стабильный коллектив, а работники демонстрируют высокий уровень лояльности и приверженности своей организации (рис. 4).

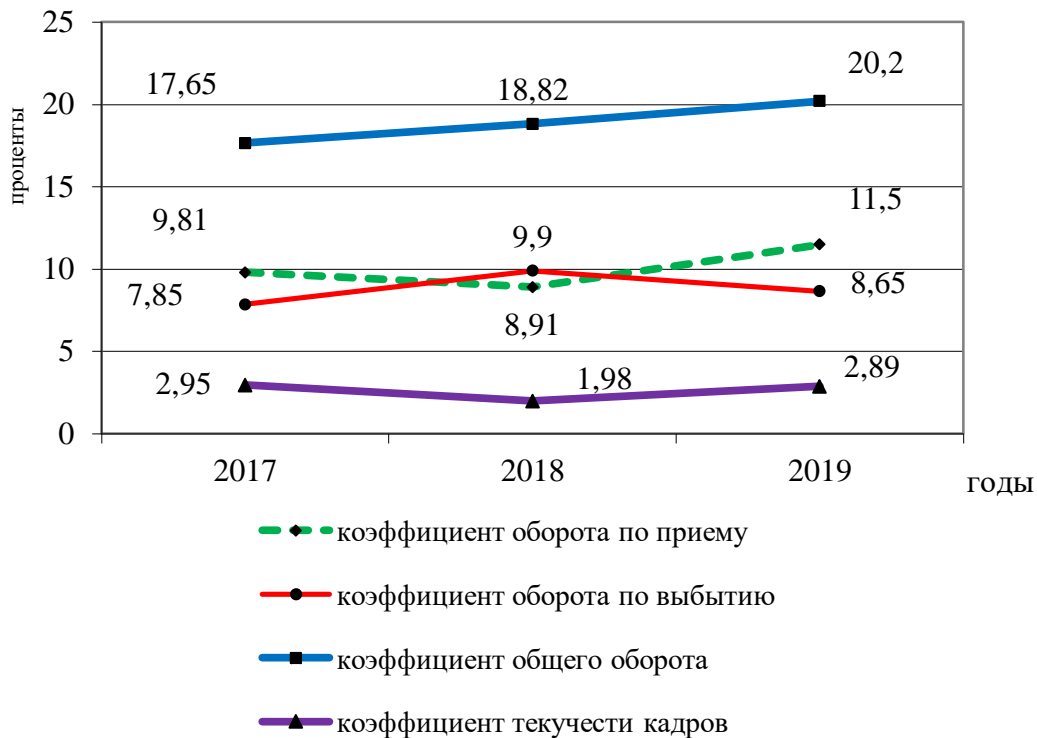

Рис. 4 – Коэффициенты движения персонала Магаданского филиала АО «Полиметалл УК»

Трудовые отношения с сотрудниками компания строит в полном соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации [1], социальными стандартами и Коллективным договором [4]. Взаимодействие и социальный диалог с трудовым коллективом осуществляется на уровне Совета трудового коллектива. Осуществляется трехступенчатая система адаптации персонала. Основные принципы кадровой политики и регулирования трудовых отношений в Магаданском филиале АО «Полиметалл УК» представлены на рисунке 5.

«Полиметалл» стремится стать компанией, в которой захотят работать молодые, хорошо образованные и амбициозные профессионалы. Поэтому в компании предлагается широкий спектр возможностей для карьерного роста. На предприятии реализуется программа «Молодость. Профессионализм. Карьера» [4], в рамках которой проходит ежегодная научно-производственная конференция молодых специалистов, в которой приняли участие начиная с 2011 года 64 участника.

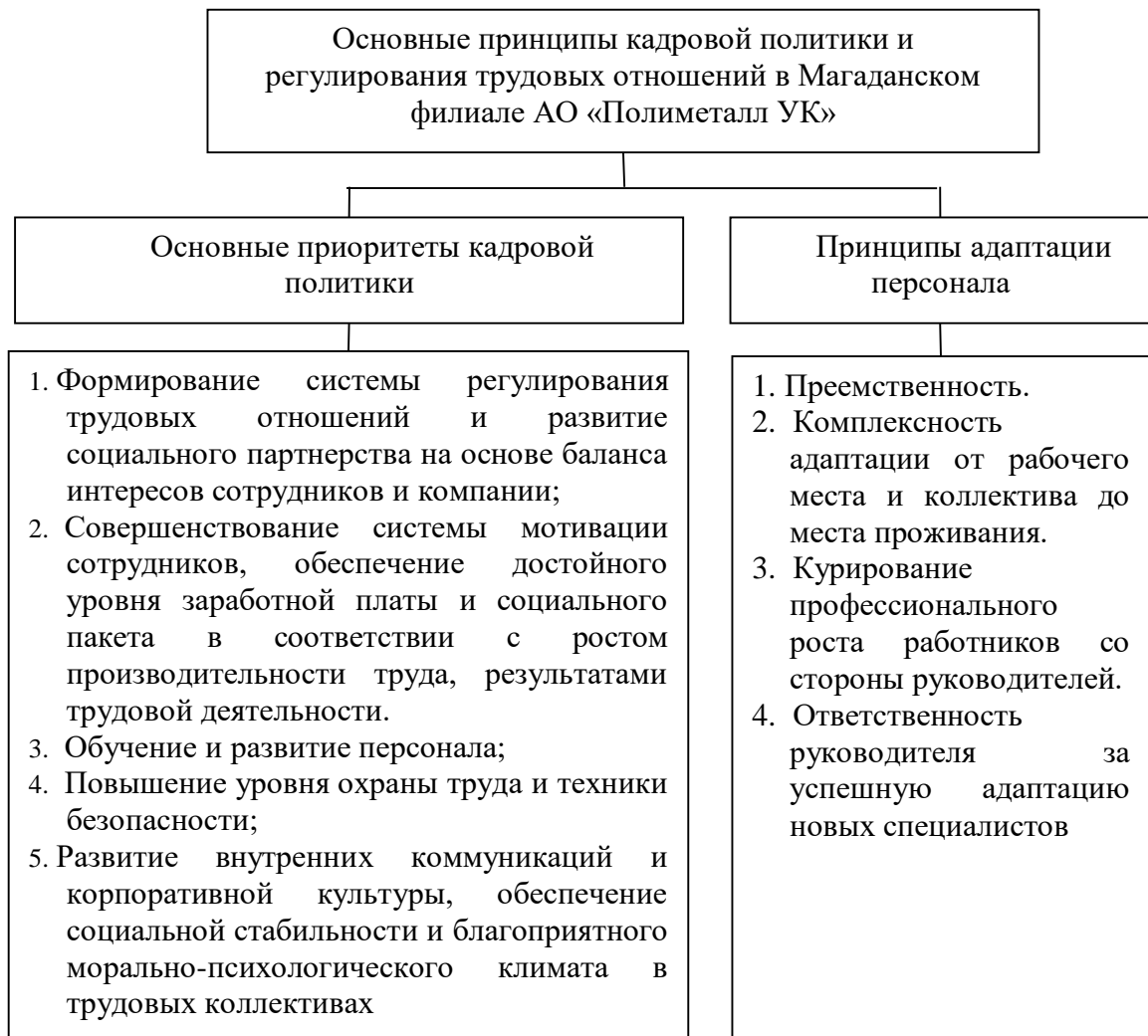

Рис 5 – Основные принципы кадровой политики и регулирования трудовых отношений в Магаданском филиале АО «Полиметалл УК»

В таблице 2 представлены основные этапы программы и направления ее реализации.

Компания стремится к созданию корпоративной культуры, ориентированной на открытые коммуникации, помогающие коллективу своевременно получать информацию об изменениях в компании и за счет наличия обратной связи обеспечивать участие сотрудников в управлении и решении насущных проблем. Важнейшим инструментом внутренних коммуникаций и объединения коллективов предприятий «Полиметалла» является корпоративная газета «Северная широта» [4].

Таблица 2 - Направления программы «Молодость – Профессионализм – Карьера»

<u>ЭТАПЫ ПРОГРАММЫ</u>	<u>НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ</u>
<u>ПРОГРАММА ДЛЯ СТУДЕНТОВ ПРОФИЛЬНЫХ ВУЗОВ УПРАВЛЯЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КОМПАНИЕЙ</u>	
<u>ПЕРВЫЙ ЭТАП:</u> <u>ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА</u>	<p>Компенсационный пакет студента-практиканта:</p> <ul style="list-style-type: none"> – наставничество ведущих специалистов компании; – оплата проезда до места практики и обратно; – обеспечение жильем в вахтовых поселках и общежитиях; – рекомендации тем для курсовых и дипломных работ; – заработная плата по результатам работы.
<u>ВТОРОЙ ЭТАП:</u> <u>ПРЕДИДИПЛОМНАЯ ПРАКТИКА</u>	<p>Компенсационный пакет студента-практиканта:</p> <ul style="list-style-type: none"> – наставничество ведущих специалистов компании; – оплата проезда до места практики и обратно; – обеспечение жильем в вахтовых поселках и общежитиях; – заработная плата по результатам работы; – назначение от Компании руководителя дипломной работы; – заключение срочных трудовых договоров со студентами, проходящими стажировки в управляющей Компании.
<u>ПРОГРАММА ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ УПРАВЛЯЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КОМПАНИИ</u>	
<p>Производственная адаптация <u>Первый год работы:</u> Цель - Закрепление на предприятии молодых специалистов путем успешной адаптации, развития необходимых знаний и навыков, предоставления возможностей карьерного роста, также формирование кадрового резерва компании на главные и ведущие должности. Становление и развитие. <u>Второй и третий год работы.</u> ЦЕЛЬ - НАЗНАЧЕНИЕ НА ДОЛЖНОСТИ СРЕДНЕГО УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ЗВЕНА. СТАЖИРОВКИ, СЕМИНАРЫ, ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ. ПРОДВИЖЕНИЕ. НАЗНАЧЕНИЕ НА ВЫШЕСТОЯЩИЕ ДОЛЖНОСТИ.</p>	<p>Корпоративные льготы сотрудника Компании:</p> <ul style="list-style-type: none"> – присвоение почетных званий Компании; – награждение корпоративными наградами; – обучение, повышение квалификации, переподготовка на условиях заключенных с работодателем договоров; – дополнительные оплачиваемые отпуска по семейным обстоятельствам; – предоставление сотрудникам, не имеющим в данном регионе жилья, ведомственной жилой площади; – частичная компенсация летнего отдыха детей; – новогодние подарки детям сотрудников Компании; – организация корпоративных праздников; – предоставление медицинских услуг; – обеспечение корпоративной одеждой; – аренда спортивных и оздоровительных комплексов, организация занятий спортом.

Образование и интеллектуальный потенциал своих сотрудников компания рассматривает как необходимое условие обеспечения эффективности своей деятельности.

В условиях острого дефицита кадров в регионе компания «Полиметалл» осознает возрастающую роль работодателей в части реализации системной и эффективной деятельности по подготовке профессиональных кадров и активно работает по направлению развития собственных сотрудников, привлечению и обучению молодых специалистов, а также на создание условий для обучения специалистов и возможностей получения профессии в регионе.

Компания использует все ресурсы для профессионального обучения своих работников, реализует систему наставничества, открыт собственный Учебный центр. «Полиметалл» сотрудничает с магаданскими вузами, приглашает на практику с последующим трудоустройством студентов. Представители компании регулярно участвуют во встречах с молодежью и студентами вузов с целью профориентации и информировании о горных специальностях и карьерных возможностях в компании. «Полиметалл» и Северо-Восточный государственный университет связывают продолжительное и плодотворное сотрудничество в области подготовки высококвалифицированных кадров. Договоры о сотрудничестве заключены также с Дальневосточным Федеральным университетом и Иркутским государственным техническим университетом [5].

Так, количество сотрудников, прошедших обучение, за весь период растет. Всего по предприятию в 2017 году прошли обучение и повышение квалификации 27 человек, в 2018 году – 29 человек, а в 2019 году – уже 36 человек. Большинство сотрудников проходили обучение по программам обязательного обучения. Из всего списочного состава предприятия в 2019 году 9 человек прошли обучение в форме повышения квалификации и 3 было оплачено обучение в ВУЗах. Наибольшее количество работников, повышавших свою квалификацию, находятся в группе специалисты и инженерно-технические работники (табл. 3).

Таблица 3 – Количество сотрудников Магаданского филиала АО «Полиметалл УК», прошедших обучение и повышение квалификации

Показатель	Количество сотрудников, прошедших обучение, человек			Темпы роста (цепные), проценты	
	2017	2018	2019	2018	2019
Всего:	27	29	36	+7,41	+24,14
в том числе Административно- управленческий персонал	7	8	13	+14,29	+62,50
Специалисты и ИТР	18	20	21	+11,12	+5,00
Обслуживающий персонал	2	1	2	-50,00	+100,00

Уровень оплаты труда в компании характеризуется высоким уровнем конкурентоспособности (на 3-30 % выше по сравнению с другими горнодобывающими компаниями региона) и превышает средний уровень по Магаданской области [3, С.20], [6]. Проанализировав среднюю заработную плату работников Магаданского филиала АО «Полиметалл УК» за трехлетний период можно сделать вывод, что уровень заработной платы имеет тенденцию роста для всех категорий работников, и темпы роста средней заработной платы больше, чем в целом по Магаданской области.

За три года она выросла с 113398,56 руб. до 151982,08 руб. Наибольший рост заработной платы наблюдался в группе обслуживающего персонала (на и 15,01 % и 17,45 % в 2018 и 2019 годах), и составляет 53854 руб. на окончание 2019 года. В группе специалистов и инженерно-технических работников размер средней заработной платы составлял по годам 102349 руб., 119252 руб. и 136356 руб. соответственно (средние темпы роста – 14-16 %). Темпы роста средней заработной платы были в категории административно-управленческого персонала в среднем составляли 15 % в год, и на окончание 2019 года составляет 229378 рублей. Динамика среднемесячной базовой заработной платы работников Магаданского филиала АО «Полиметалл УК» представлена на рисунке 6.

Также компания предоставляет сотрудникам полный пакет социальных льгот, гарантированных российским законодательством.

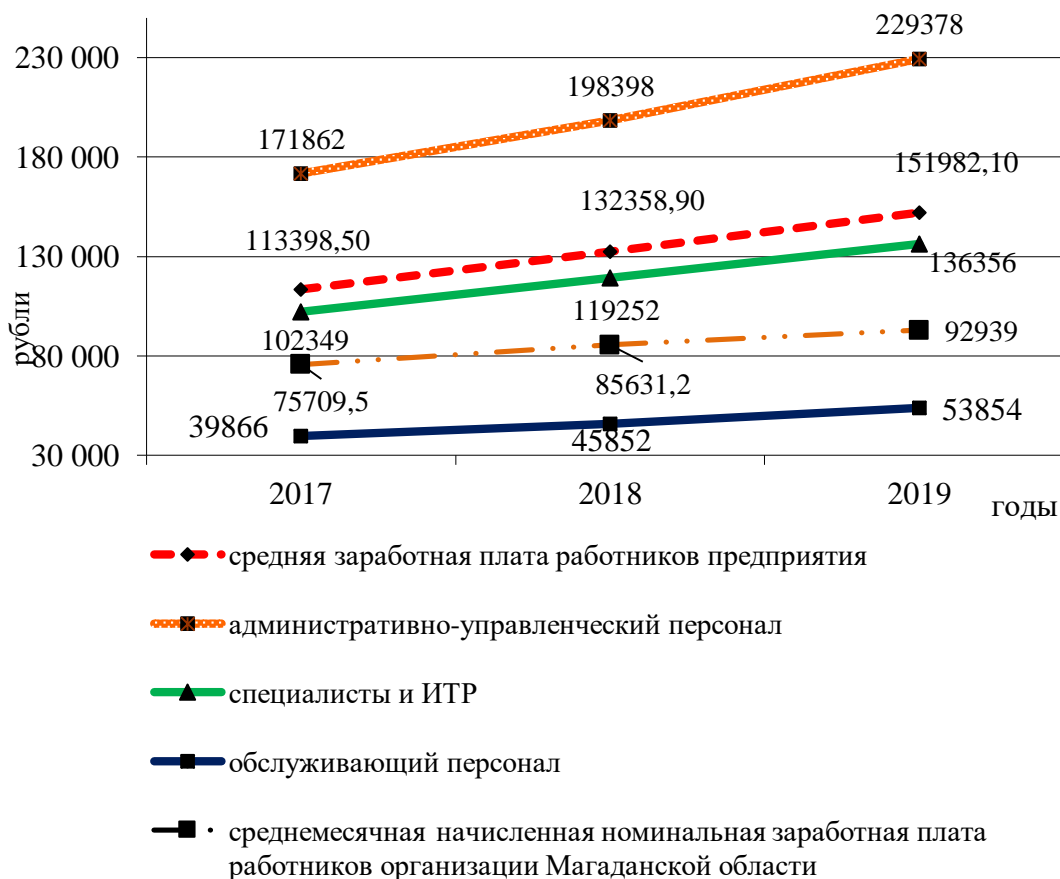

Рис. 6 – Динамика средней заработной платы работников Магаданского филиала АО «Полиметалл УК»

С целью определения степени удовлетворенности работников отдельными элементами системы управления персоналом в Магаданском филиале АО «Полиметалл УК» было проведено исследование с помощью анкеты. Результаты опроса приведены на рисунке 7.

Рис. 7 – Оценка степени удовлетворенности элементами системы управления персоналом работниками Магаданского филиала АО «Полиметалл УК»

В результате анализа можно прийти к следующим выводам.

1. Политикой социальных льгот, качеством компенсационного пакета полностью удовлетворены 68,5 % опрошенных, еще 25,3% удовлетворены в большей степени, для 5,5% респондентов удовлетворенность превосходит ожидания.

2. Предоставляемыми в компании возможностями для обучения и развития, возможностями профессионального роста полностью удовлетворены 56,5% респондентов, в большей степени удовлетворены 25,3%, для 2,5% удовлетворенность превосходит ожидания. Вариант ответа «полностью не удовлетворен» не выбрал ни один респондент.

3. Условиями труда и созданием эффективной системы обеспечения производственной безопасности полностью удовлетворены 72,1%, в большей степени удовлетворены 13,4%.

4. Размером постоянной части оплаты труда не удовлетворены 12,5% опрошенных, а еще 58,2 удовлетворены частично. Полностью удовлетворены только 3,6% респондентов.

5. Размером переменной части оплаты труда, политикой установления доплат и надбавок, критериями их установления, условиями назначения и выплат полностью не удовлетворен 78,2% опрошенных, 25,8% удовлетворены частично.

6. Качеством нормативно-методического обеспечения деятельности по управлению персоналом большая часть опрошенных (57,5%) полностью удовлетворена, еще 28,5 в большей степени удовлетворены, вариант ответа «полностью не удовлетворен» не выбрал ни один респондент.

7. Также полностью удовлетворены большая часть опрошенных такими элементами системы управления персоналом, как эффективность коммуникаций, уровень информированности работников (67,3%) и применяемыми методами и стилем руководства (54,2%).

По результатам исследования можно сделать вывод, что действующая система управления персоналом в Мпгаданском филиале ОА «Полиметалл УК» в целом эффективна. В наименьшей степени работников удовлетворяет возможность увязки оплаты труда с результатами деятельности конкретного сотрудника, качеством его работы, непрозрачная система установления и выплаты доплат и надбавок, а также критериев их назначения. Это приводит к снижению эффективности деятельности сотрудников, поскольку они не ощущают прямой взаимосвязи между результатами своего труда и вознаграждением, что требует разработки предложений по корректировке этих составляющих системы управления персоналом организации.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы/ References

1. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.12.2001) (принят ГД ФС РФ 21.12.2001) (ред. от 28.02.2011) // Российская газета. – 2012. – № 256.
2. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации: Учеб. / А.Я. Кибанов. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 512 с.
3. Магаданская область: Стат. ежегодник. / Хабаровскстат – X 147 г. Магадан, 2019. – 244 с. (стр. 20).
4. Портал «Полиметалл» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polymetal.ru> (дата обращения: 21.04.2020).
5. Северо-Восточный государственный университет. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.svgu.ru> (дата обращения: 21.04.2020).
6. Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. Официальный сайт. Пресс-выпуск «Основные показатели развития экономики Магаданской области в 2019 году» [Электронный ресурс]. – URL: <https://habstat.gks.ru> (дата обращения: 20.04.2020).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Trudovoi kodeks RF ot 30.12.2001 № 197-FZ (prinyat GD FS RF 21.12.2001) (prinyat GD FS RF 21.12.2001) (red. ot 28.02.2011) [The Labour Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 No. 197-FZ (adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on December 21, 2001) (adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on December 21, 2001) (as amended on February 28, 2011)] // Russian Newspaper. – 2012. – No. 256. [In Russian]
2. Kibanov A.Ya. Upravlenie personalom organizatsii: Ucheb. [Organization of the Personnel Management: Textbook] / A.Ya. Kibanov. – M.: INFRA-M, 2012. – 512 p. [In Russian]
3. Magadanskaya oblast: Stat. ezhegodnik. [Magadan Region: Stat. Yearbook] / Khabarovskstat - X 147 Magadan, 2019. – 244 p. (p. 20). [In Russian]
4. Portal «Polimetal» [Portal “Polymetal”] [Electronic resource]. – URL: <http://www.polymetal.ru> (accessed: 21.04.2020). [In Russian]
5. Severo-Vostochnyi gosudarstvennyi universitet. Ofitsialnyi sait [North-East State University. Official Website] [Electronic resource]. – URL: <http://www.svgu.ru> (accessed: 21.04.2020). [In Russian]
6. Upravlenie Federalnoi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Khabarovskomu krayu, Magadanskoj oblasti, Evreiskoj avtonomnoj oblasti i Chukotskomu avtonomnomu okrugu [Office of the Federal State Statistics Service for the Khabarovsk Territory, Magadan Region, Jewish Autonomous Region and Chukotka Autonomous Region]. Official Website. Press Release “Key Indicators of Economic Development of the Magadan Region in 2019” [Electronic resource]. – URL: <https://habstat.gks.ru> (accessed: 20.04.2020). [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.128>

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ ЕАЭС

Научная статья

Кирпичев В.В.^{1,*}, Лучкин А. Г.²

¹ ORCID: 0000-0003-0567-8163;

^{1,2} Филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Смоленск, Россия

* Корреспондирующий автор (vikvas2009[at]rambler.ru)

Аннотация

В статье рассматривается развитие процессов естественного движения и внешних миграций населения в странах – членах Евразийского экономического союза, которые обуславливают изменения в них трудового потенциала. Показывается влияния на демографическую ситуацию разных компонент движения населения. Отмечается, что тренды естественного движения и миграций населения на территории ЕАЭС динамично трансформируются, что приводит к формированию отличающихся по странам союза типам демографической динамики. Формулируется вывод о том, что нынешнем этапе развития ЕАЭС значительный прирост населения в Казахстане и Кыргызстане позволяет поддерживать его общую численность, на фоне складывающейся убыли в России, Беларуси и Армении. Делается заключение, что замещение одних государств – членов ЕАЭС другими, в отношении численности населения, является проявлением системных свойств интеграционного объединения.

Ключевые слова: демографический, миграции, население, естественное, интеграционная, система

CURRENT DEMOGRAPHIC TRENDS OF EAEU

Research article

Kirpichev V.V.^{1,*}, Luchkin A. G.²

¹ ORCID: 0000-0003-0567-8163;

^{1,2} Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Smolensk, Russia

* Corresponding author (vikvas2009[at]rambler.ru)

Abstract

The article discusses the development of the processes of natural movement and external migration in the member states of the Eurasian Economic Union, which determine the changes in their labour potential. It shows the impact on the demographic situation of different components of population movement. It is noted that the trends in natural movement and population migration on the territory of the EAEU are dynamically transforming, which leads to the formation of types of demographic dynamics that differ in the countries of the union. The conclusion is drawn that at the current stage of development of the EAEU, there is significant population growth in Kazakhstan and Kyrgyzstan, which allows maintaining the total number of the population against the backdrop of the emerging decline in Russia, Belarus, and Armenia. It is concluded that the replacement of some EAEU member states by others in terms of population is a manifestation of the systemic properties of an integration association.

Keywords: demographic, migration, population, natural, integration, system.

Важнейшим событием в экономической жизни новой России стало создание Евразийского экономического союза пяти государств (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России), который начал функционировать в 2015 году. В качестве одной из главных целей образования ЕАЭС определено стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов [1].

Как известно, основополагающими факторами формирования трудового потенциала являются процессы рождаемости и смертности, влияющие на численность населения и трудовых ресурсов внутри страны, а также трансграничные миграции, приводящие к его перераспределению между государствами.

Вопросы влияния численности населения на развитие стран, территорий и межгосударственных союзов исследовали многие зарубежные и отечественные специалисты. Так канадские ученые Ф. Дентон и Б. Спенсер на основании модели показывают, что система народонаселения влияет на экономическое развитие государства [2]. Особенности демографической динамики в новой России освещены в научных трудах А.Г. Вишневого [3]. Ж.А. Зайончковской во многих работах описывает теоретические основы современных миграций [4]. В.Т. Сакаев приводит свое видение возможного перспективного развития демографической системы ЕАЭС [5]. А.Г. Злотников, А.К. Смалюга рассматривают направленность и наполняемость миграционных потоков в современной Беларуси [6]. В исследованиях А.И. Кузьмина и Д.В. Соваленко прослеживаются особенности изменений демографического потенциала нового объединения пяти государств [7].

Однако, по нашему мнению, многие аспекты развития систем народонаселения в странах, а также в межгосударственных интеграционных объединениях, в том числе – в Евразийском экономическом союзе, на сегодня в достаточной степени не изучены и не раскрыты. Поэтому целью настоящей работы является исследования современной демографической динамики в ЕАЭС. Это важно для понимания исследователями, а также органами управления ЕАЭС того, как создание и функционирование союза может способствовать преодолению демографических вызовов сегодняшнего дня.

В качестве основных задач, решаемых в работе, были поставлены такие как:

- проведение анализа изменений численности населения в странах – членах ЕАЭС по компонентам за 2018-2019 гг. на основании статистических данных;
- классификация государств – членов союза по типам демографической динамики;

- установление наличия (или отсутствия) проявления системных свойств в рассматриваемом интеграционном объединении относительно численности населения;

Настоящая работа опирается на существующую научную базу, анализ статистических данных по РФ и в целом по ЕАЭС, а также на результаты ранее проведенных авторами исследований [8]; [9].

Численность населения, по нашему мнению, является достаточно значимым фактором устойчивого функционирования ЕАЭС. К тому же, для любой страны, входящей в новое интеграционное объединение, население - базис национальной самоидентификации и источник трудовых ресурсов, основной элемент в системе обеспечения социального и экономического развития.

Проведенный нами анализ трансформации демографической ситуации в странах - членах ЕАЭС, позволил выявить степень влияние на нее естественного движения и внешних миграционных перемещений населения. Рассмотрение статистических и расчетных данных, показывает, что у государств, входящих в союз, сложились разные типы демографической динамики, что наглядно проиллюстрировано диаграммой и графиком приведенным на рисунке.

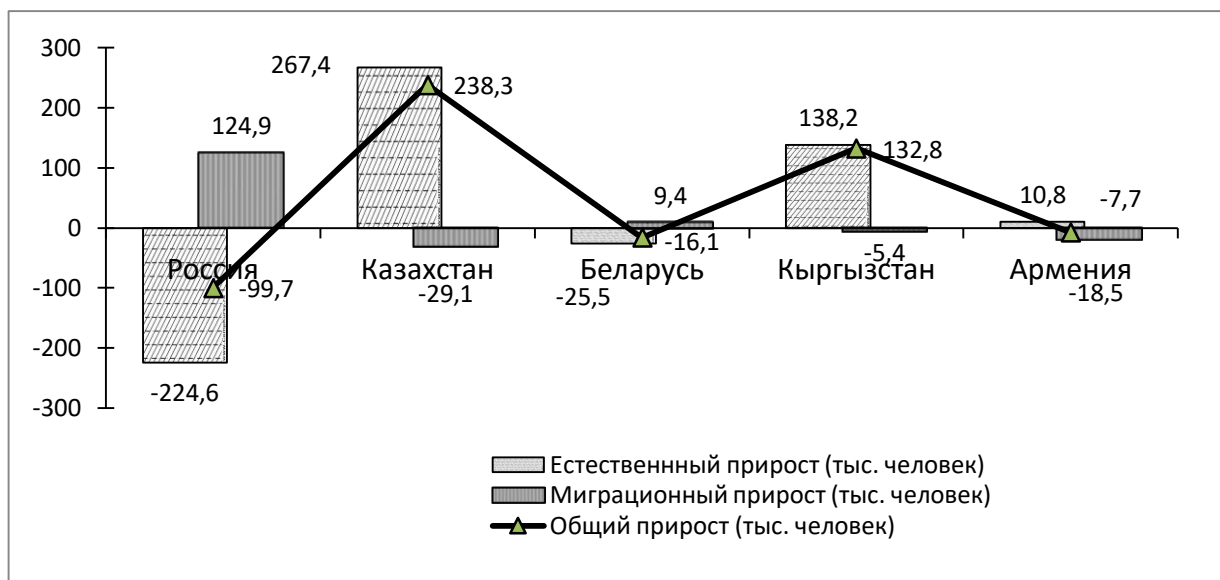

Рис. 1 – Движение населения в странах – членах ЕАЭС по компонентам (2018 г.)

Источник данных: [10]; [11]

Как показано на рис., в России и Беларуси в 2018 году наблюдалась естественная убыль населения. В этих государствах имело место существенное превышение числа выбывшего по причине смерти населения над количеством родившихся (соответственно: -224,6 и -25,5 тыс. человек). Значения положительного миграционного сальдо (124,9 тыс. человек в РФ и 9,4 тыс. человек в РБ) не позволили компенсировать убыль населения по естественным причинам, что обуславливало общее сокращение его численности, как в РФ, так и в РБ. Причем скорость указанных депопуляционных процессов в Беларуси была гораздо выше, чем в Российской Федерации (в РБ - 2,7%; в РФ – 1,5% за год).

А вот население Казахстана и Кыргызстана в 2018 году динамично прирастало за счет превышения количества новорожденных над числом умерших. Имевший место миграционный отток в Казахстане, который составил - 29,1 тыс. человек, был намного меньше естественного прироста (267,4 тыс. человек). И это предопределило увеличение численности населения РК (интенсивность годового прироста – 1,3%). В Кыргызстане отрицательное миграционное сальдо составило 5,4 тыс. человек. Но оно также не могло существенно повлиять на направленность популяционных процессов. Население этой страны увеличивалось высокими темпами и за год прибавилось на 2,1%.

Промежуточное положение в характере демографической динамики в ЕАЭС занимала Армения, в которой особенно быстро протекали процессы депопуляции (со скоростью 2,6% в год). Снижение численности населения данной страны в 2018 году было обусловлено превышением миграционного оттока над естественным приростом (соответственно; - 18,5 и 10,8 тыс. человек).

Миграции населения в современных условиях, относительно стабильной экономической и политической ситуации на территории ЕАЭС, уже не относятся к числу вынужденных, а в основной массе имеют форму трудовых (экономически обоснованных) перемещений. Миграционные потоки внутри ЕАЭС в 2018 году характеризовались следующими значениями - таблица 1.

Таблица 1 – Внутрисоюзные межгосударственные перемещения населения в ЕАЭС (за 2018 год, относительно РФ)

Государство, входящее в ЕАЭС	Прибыло из России (человек)	Выбыло в Россию (человек)	Миграционный прирост в РФ (человек)
Армения	32084	46442	14358
Беларусь	11854	19045	7191
Казахстан	45625	72141	26516
Кыргызстан	35430	44408	8978

Источник: [12]

Согласно данным, приведенным в табл.1, вектор миграций населения стран, входящих в ЕАЭС, в 2018 году был направлен в сторону российской территории. Положительное сальдо внешней миграции у России сложилось со всеми 4 государствами. За рассматриваемый период только за счет государств - членов союза население РФ пополнилось на 57043 человек, что составило 45,6% от общего миграционный прироста. Причем наибольшая интенсивность миграций наблюдалась с Арменией, а самый многочисленный входящий поток мигрантов в Россию был из Казахстана.

Учитывая, что согласно данным статистики более 70% мигрантов, прибывших за рассматриваемый период в РФ из других стран-членов ЕАЭС, имеют трудоспособный возраст (18-59 лет), правомерно рассматривать их въезд как пополнение трудового потенциала России.

В истекшем 2019 году характер демографической динамики в странах - членах ЕАЭС, как это подтверждается данными, приведенными в таблице 2, заметным образом не изменился.

Таблица 2 –Динамика естественного и миграционного движения населения стран-членов ЕАЭС (за 2019 г.)

Государство, входящее в ЕАЭС	Среднегодовая численность населения (млн. человек)	Естественный прирост населения (тыс. человек)	Миграционный прирост населения (тыс. человек),	Общий прирост населения (тыс. человек).
Армения	3,0	9,9	-16,0	-6,1
Беларусь	9,5	-33,1	13,9	-19,2
Казахстан	17,9	269,6	-33,0	236,6
Кыргызстан	6,4	140,2	-6,2	134,0
Россия	146,7	-316,2	285,8	-30,4

Источник данных: [13]; [14;]

Так в Российской Федерации в 2019 году количество умерших превышало численность родившихся на 316,2 тыс. человек, а величина миграционного прироста составила 285,8 тыс. человек. Это предопределило снижение общей численности населения нашей страны на 30,4 тыс. человек (коэф. общей убыли - 0,2‰).

В Беларуси в истекшем году также сохранялась естественная убыль населения (-33,1 тыс. человек), которая на фоне внешнего миграционного прироста (13,9 тыс. человек) обусловила общее сокращение численности населения РБ примерно на 19,2 тыс. человек (коэф.общей убыли - 2‰).

В Казахстане в 2019 году отмечался самый большой по величине естественный прирост населения в ЕАЭС (269,6 тыс. человек). И, несмотря на то, что в это время имел место значительный миграционный отток (33,0 тыс. человек), численность жителей РК прибавилась на 236,6 тыс. человек (коэф. общего прироста - 13‰). Самыми высокими в ЕАЭС были темпы роста населения Кыргызстана (коэф. общего прироста - 21‰), которое за рассматриваемый период увеличилось на 134,0 тыс. человек (140,2 тыс. человек – естественный прирост; 6,2 тыс. человек – миграционный отток).

Характер демографической динамики в Армении за год не претерпел значительных изменений. В этой стране миграционный отток населения по-прежнему превышал его небольшой естественный прирост, что предопределило сохранение нисходящего популяционного тренда (- 6,1 тыс. человек за год). Население республики продолжало снижаться с самой высокой в ЕАЭС скоростью (коэф. общей убыли - 20 ‰).

По результатам проведенного исследования правомерно сформулировать вывод о том, что за последние 2 года значительный прирост населения Казахстана (238,1 тыс. человек в 2018 г. и 236,6 тыс. человек в 2019 г.) и Кыргызстана (132,8 тыс. человек в 2018 г. и 134,0 тыс. человек в 2019 г.), позволил перекрыть его убыль в России (99,7 тыс. человек в 2018 г. и 30,4 тыс. человек в 2019 г.), Беларуси (16,1 тыс. человек в 2018 г. и 19,2 тыс. человек в 2019 г.) и Армении (7,7 тыс. человек в 2018 г. и 6,1тыс. человек в 2019 г.).

Установленное общее увеличение численности населения ЕАЭС (247,4 тыс. человек в 2018 г. и 314, тыс. человек в 2019 г.), по нашему мнению, следует оценивать как позитивный факт, обусловленный объединением пяти государств в единую союзную систему. Можно предположить, что полученный результат является проявлением синергетического эффекта в системе народонаселения стран, входящих в ЕАЭС.

Однако, в связи негативной демографической динамикой в нынешней России, в Беларуси (да и в Армении), вполне возможно, что вызовы депопуляции для ЕАЭС не удастся преодолеть посредством реализации рассматриваемого интеграционного проекта на достаточно длительном отрезке времени. Согласно прогнозу ООН (и Росстата), снижение численности населения по среднему варианту только в РФ будет наблюдаться темпами более 330 тыс. человек в год (на горизонте до 2035 года) [15]. А это, при нарастании процессов депопуляции в Беларуси и Армении (и сохранении сегодняшних высоких темпов прироста в Казахстане и Кыргызстане), в обозримой перспективе может привести к снижению общей численности населения ЕАЭС.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Договор о Евразийском экономическом союзе // [Электронный ресурс]. - URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328ebef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=361> (дата обращения - 05.04.2020).

2. Denton Frank T., Spencer Byron G., Population Change and Economic Growth: The long Term Outlook // Sedap RP. 2003. № 102.
3. Вишневский А.Г. «Социальные реальности и социальные перспективы» Россия: демографические итоги двух десятилетий // Мир России. 2012. № 34. 4. Зайончковская, Ж.А. Миграция в современной России / Рос. совет по междунар. делам [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1714#top-content (дата обращения: 25.02.2020).
5. Сакаев, В.Т. Евразийский экономический союз: политико-демографические аспекты / В.Т. Сакаев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. — 2017. — Т. 12, № 2 (164). — С. 141-153.
6. Злотников, А.Г. Белорусская миграция в евразийском отражении / А.Г. Злотников, А.К. Смалюга // Демографический потенциал стран ЕАЭС : VIII Уральский демографический форум: Международная научная конференция: сборник статей / Институт экономики УрО РАН. – Екатеринбург, 2017. – Т. 2. – С. 281–287.
7. Кузьмин, А.И. Особенности демографического потенциала ЕАЭС / А.И. Кузьмин, Д.В. Савеленко // Демографический потенциал стран ЕАЭС : VIII Уральский демографический форум. Том I. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. — С. 6-12.
8. Кирпичев, В.В. Демографическая детерминанта развития Евразийского экономического союза. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Общество и экономическая мысль в XXI в.: Пути развития и инновации. Воронеж. 2019. С. 912-915.
9. Кирпичев, В.В. Моделирования демоэкономических связей в системе «население – экономика» / В.В. Кирпичев // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 329 – 331.
10. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2019. – 438 с.
11. Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2019. – 58 с
12. Демографический ежегодник России. 2019: Стат.сб./ Д 31 Росстат. - М., 2019. – 252 с.
13. О демографической ситуации в Евразийском экономическом союзе. [Электронный ресурс] — URL: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Express_Demography/expressde (дата обращения: 30.03.2020).
14. Население России на 2020 год. [Электронный ресурс] — URL: <https://v-2020.org/naselenie-rossii-na-2020-god> (дата обращения: 22.02.2020).
15. ООН оценила демографические перспективы хуже Росстата. [Электронный ресурс] — URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/06/2019/5d0b43749a794718129aa169> (дата обращения: 25.02.2020).

Список литературы на английском языке / References in English

1. The Treaty on the Eurasian Economic Union // [Electronic resource]. - URL: <https://docs.eaeunion.org/en-us/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-9bf8-aaf5d6e0d169 & EntityID = 361> (accessed date 04/05/2020).
2. Denton Frank T., Spencer Byron G., Population Change and Economic Growth: The long Term Outlook // Sedap RP. 2003. No. 102.
3. Vishnevsky, A.G. “Social realities and social prospects” Russia: demographic results of two decades // World of Russia. 2012. No. 34. 4. Zayonchkovskaya, J.A. Migration in modern Russia / Ros. international council Affairs [Electronic resource]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1714#top-content (accessed: 02.25.2020).
5. Sakaev, V.T. Eurasian Economic Union: Political and Demographic Aspects / V.T. Sakaev // Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 3, Social Sciences. - 2017.- Т. 12, No. 2 (164). - S. 141-153.
6. Zlotnikov, A.G. Belarusian migration in the Eurasian reflection / A.G. Zlotnikov, A.K. Smalyuga // Demographic Potential of the EAEU Countries: VSh Ural Demographic Forum: International Scientific Conference: collection of articles / Institute of Economics, Ural Branch of RAS. - Yekaterinburg, 2017. - Т. 2. - S. 281–287.
7. Kuzmin, A.I. Features of the demographic potential of the EAEU / A.I. Kuzmin, D.V. Savelenko // Demographic Potential of the EAEU Countries: VIII Ural Demographic Forum. Volume I. - Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017. - P. 6-12.
8. Kirpichev, V.V. The demographic determinant of the development of the Eurasian Economic Union. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Society and Economic Thought in the 21st Century: Ways of Development and Innovation. Voronezh. 2019.S. 912-915.
9. Kirpichev, V.V. Modeling demo-economic relations in the system “population - economy” / V.V. Kirpichev // Theory and practice of social development. - 2012. - No. 4. - C. 329 - 331.
10. Statistical Yearbook of the Eurasian Economic Union; Eurasian Economic Commission. - Moscow: 2019. -- 438 p.
11. Demographics in numbers. Statistics of the Eurasian Economic Union. Eurasian Economic Commission. - Moscow, 2019. -- 58 s
12. The demographic yearbook of Russia. 2019: Stat.sb. / D 31 Rosstat. - M., 2019. -- 252 c.
13. On the demographic situation in the Eurasian Economic Union. [Electronic resource] - URL: http://eec.eaeunion.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Express_Demography/expressde (accessed March 30, 2020).
14. The population of Russia in 2020. [Electronic resource] - URL: <https://v-2020.org/naselenie-rossii-na-2020-god> (accessed: 02.22.2020).
15. UN estimated demographic prospects worse than Rosstat. [Electronic resource] - URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/06/2019/5d0b43749a794718129aa169> (accessed: 02.25.2020)

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.129>

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ИХ ПРИНЯТИЯ

Научная статья

Морозова И. А.^{1,*}, Глазова М. В.²

¹ Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия;

² ООО «ЛУКОЙЛ-ЭНЕРГОСЕРВИС», Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (morozovaira[at]list.ru)

Аннотация

В настоящей статье автором описаны основные виды управленческих решений. Выявлены характерные особенности управленческих решений, оказывающие влияние на процедуру их принятия. Проанализированы различные условия, в которых принимаются различные виды управленческих решений и предложены авторские алгоритмы процедур принятия этих решений.

Ключевые слова: управленческие решения, виды управленческих решений, лицо принимающее решения, алгоритм принятия управленческих решений, процесс принятия управленческих решений, классификация управленческих решений.

BASIC TYPES OF MANAGERIAL DECISIONS AND FEATURES OF THE PROCESS OF THEIR ADOPTION

Research article

Morozova I.A.^{1,*}, Glazova M.V.²

¹ Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia;

² LLC «LUKOIL-ENERGOSERVICE», Moscow, Russia

* Correspondent author (morozovaira[at]list.ru)

Abstract

The author describes the main types of managerial decisions in the article. Characteristic features of managerial decisions that affect the procedure for their adoption are identified. Various conditions are analyzed under which various types of managerial decisions are made, and the author's algorithms for making decisions are proposed.

Keywords: managerial decisions, types of managerial decisions, decision-maker, the algorithm for making managerial decisions, the process of making managerial decisions, classification of managerial decisions.

Введение

В настоящее время у руководителя любого предприятия создаются такие ситуации, когда ему приходится принимать управленческие решения, которые основываются в основном только на его опыте, знаниях, суждениях, и интуиции, это связано с тем, что получение необходимой, для принятия эффективного решения, информации занимает слишком много времени.

Нарастание объемов информационных потоков и скорость их изменения имеет очень высокие темпы, что не позволяет в короткие сроки выбрать те важные моменты, которые послужат обоснованием для принятия того или иного решения. Кроме того, увеличение объемов информации оказывает отрицательное влияние на уровень ее достоверности, как правило, он снижается, что делает информацию непригодной для использования в качестве базы для процесса принятия решений, либо способствует принятию неэффективных, а в некоторых случаях фатальных решений.

Основные результаты

Однако не все управленческие решения принимаются в кратчайшие сроки, временной интервал зависит от поставленной задачи или возникшего события. Задачи и события бывают как запланированными, так и экстренными и внезапными, именно от их характера и зависит скорость и сроки принятия управленческих решений.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить три вида управленческих решений (рисунок 1).

Рис. 1 – Виды управленческих решений.

Первый вид решений, наиболее часто встречающийся это оперативные или повседневные решения. Это решение принимается в очень короткие сроки и в большинстве случаев основанием для принятия такого решения служат знания, уровень квалификации, опыт и компетентность ЛПР (лицо принимающее решение), поскольку на извлечение знаний и данных из большого объема информации не хватает времени, а в некоторых случаях инструментальных и программных средств. Одной из основных проблем процесса принятия оперативных решений является отсутствие его специального информационного сопровождения, а также систем осуществляющих поддержку процесса принятия решений, которые позволяют в короткие сроки обработать огромные объемы информации и извлечь из них только наиболее актуальные данные.

Такие решения принимаются к исполнению сразу после их принятия, однако это не означает мгновенное получение результата, возможна ситуация, когда после принятия оперативного решения мгновенно предприятие получает только промежуточный результат, а основной через определенный период. Например, при внезапном выходе из строя одного или нескольких модулей в автоматической поточной линии, при принятии управленческого решения об остановке неисправного оборудования и аренде производственной линии у другого производителя, в качестве промежуточного эффекта предприятие получает отсутствие простоя и спада производства, а в качестве основного – сохранение устойчивых конкурентных позиций, за счет контроля выпуска некачественной продукции.

Второй вид управленческих решений - это тактические решения. Это решения основанные на текущей информации об уровне и поведении основных показателей предприятия, на результатах повседневного контроля хозяйственной деятельности компании. В процессе принятия такого рода решения принимает участие не только ЛПР, но и руководящий состав компании, в зависимости от организационной структуры и глубины поставленной задачи это могут быть: начальники отделов, заместители директоров или исполнительные директора (финансовый директор, HR-директор и т.п.). Тактическое решение помимо информационного сопровождения принимается исходя из уровня компетентности руководящего состава, который изучает текущие данные компании и высказывает свои суждения об эффективности ее деятельности. Тактические решения принимаются в умеренные сроки, поскольку не носят стремительного характера. Исполняются такие решения в течение короткого периода времени, поскольку они должны оказывать управляющее воздействие на результаты текущей деятельности компании. Осложняется процесс принятия управленческих решений, как и в случае принятия оперативных управленческих решений, отсутствием инструментального сопровождения.

Третий вид управленческих решений – стратегический. Данные решения нацелены на перспективу в будущем, они обеспечивают эффективное развитие компании в долгосрочном периоде. Такие решения носят взвешенный обдуманный характер, в них отсутствует элемент спонтанности. Стратегические решения базируются на данных о динамике показателей компании в прошлые периоды, на анализе результатов принятых и принимаемых решений, на сравнении уровней показателей в прошлых периодах и в текущем. Для принятия стратегических решений используются, выявленные закономерности развития предприятия в тех или иных условиях ведения хозяйственной деятельности, а также причинно-следственные связи между принятыми управленческими решениями и полученными результатами. В процессе принятия стратегических управленческих решений используется прогнозируемая динамика основных показателей предприятия.

Стратегические управленческие решения основываются не только на опыте, знаниях, квалификации и компетентности ЛПР и руководящего состава организации, но и на мнениях компетентных независимых экспертов. Стратегические решения разрабатываются и принимаются в достаточно длительные по сравнению с оперативными и тактическими решениями, сроки и принимаются к исполнению в период более года. Как правило, стратегическое решение разбивается на несколько решений в соответствии с временной хронологией их выполнения.

Каждое из этих видов управленческих решений имеет высокую значимость для предприятия и каждое формирует свою процедуру процесса принятия решений.

Обобщенный алгоритм процесса принятия управленческих решений представлен на рисунке 2.

Рис. 2 – Общий алгоритм процесса принятия управленческих решений.

Данный алгоритм процесса принятия решений полностью применяется при принятии тактических и стратегических решений, так как у ЛПР достаточно времени на проведение всех этапов, а именно:

1 этап – Анализ ситуации, включает в себя анализ текущего уровня контрольных показателей предприятия и определения эффективности его деятельности.

2 этап – На основании текущих данных ЛПР и руководящий состав, а также независимые эксперты выявляют основные проблемы, требующие решения.

3 этап – На основании перечня выявленных проблем разрабатываются альтернативные варианты их решения. Для определения наиболее эффективного варианта проводится оценка альтернатив, для чего определяется группа критериев оценки.

4 этап – Определение критериев оценки, разработанных альтернативных вариантов управленческих решений выявленных проблем. Критерии оценки должны отражать внешние внутренние условия, оказывающие влияние на эффективность управленческого решения в случае его принятия.

5 этап – Проведение оценки эффективности разработанных альтернативных вариантов управленческих решений. На этом этапе проводится количественная и качественная оценка предполагаемого результата, полученного в случае принятия одного из разработанных альтернативных управленческих решений. Причем оценивается результат каждого предложенного решения. Эффективность самого решения напрямую зависит от эффективности полученного результата. Затем осуществляется выбор наилучшего варианта управленческого решения.

6 этап – Согласование выбранного альтернативного варианта управленческого решения. На этом этапе производится согласование мнений ЛПР, руководящего состава предприятия и независимых экспертов о сделанном выборе. Повторно рассматриваются все достоинства и недостатки выбранного варианта решения, а также возможные последствия: преимущества и негативные события. Также на этом этапе исполнение решения разбивается на более мелкие этапы с детализацией согласно организационной структуре предприятия. В случае расхождения мнений этапы повторяются с момента оценки эффективности альтернативных вариантов.

7 этап – Контроль за исполнением управленческого решения. На этом этапе определяются контрольные показатели оценки эффективности полученных результатов от принятого управленческого решения, устанавливается плановый уровень значений, достижение которого будет свидетельствовать от эффективности исполнения либо об эффективности самого управленческого решения. Этот этап можно разбить на два под этапа: первый – контроль за эффективностью исполнения управленческого решения и второй контроль эффективности самого управленческого решения. Это связано с тем, что в результате оценки и анализа данных может быть принято эффективное управленческое решение, а халатное его исполнение может явиться причиной неэффективности результата.

8 этап – Оценка и анализ полученных результатов. На этом этапе сравниваются фактически полученные значения показателей после исполнения управленческого решения и установленного их уровня в процессе принятия этого решения. В случае, когда фактический уровень показателей ниже запланированного выявляются причины снижения эффективности результатов, в случае превышения фактического уровня, проводится детальный анализ обстоятельств, способствовавших его достижению, для дальнейшего их использования в последующих управленческих решениях.

Заключение

Обобщая результаты проведенного анализа видов управленческих решений и особенностей процесса их принятия, можно сделать вывод, что в настоящее время управленческие решения являются важным инструментом эффективного развития компании, а процесс их принятия сложен и многогранен и требует тщательной проработки каждого этапа.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-010-00072 «Формирование креативных центров пространственного развития как механизм повышения качества жизни населения сельских территорий»

Конфликт интересов

Не указан.

Funding

The work was carried out with financial support from the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-010-00072 "Formation of creative centers for spatial development as a mechanism for improving the quality of life in rural areas".

Conflict of Interest

None declared

Список литературы / References

1. Баранова И.В. Информатизация производственной деятельности как инструмент повышения достоверности принимаемых управленческих решений / И.В. Баранова, С.В. Майоров // Вопросы инновационной экономики. – 2018. – Том 8. – № 1. – с. 15-24.
2. Ибатулин М.Ю. Разработка экономико-математической модели поддержки принятия решений в контексте информационно-вероятностного подхода // Креативная экономика. – 2017. – Том 11. – № 4. – с. 489-496.
3. Левина Е.В. Принятие и реализация управленческих решений в организациях разного типа // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – №09(63) – с. 69-72.
4. Логинов, В.Н. Методы принятия управленческих решений: Учебное пособие / В.Н. Логинов. - М.: КноРус, 2018. - 309 с.
5. Лукичёва Л. И. Управленческие решения: учебник по специальности «Менеджмент организации» / Л. И. Лукичёва, Д. Н. Егорычев, Ю. П. Анискина— 4-е изд., стер. — М.: Издательство «Омега-Л». — 383 с.: табл. — (Высшая школа менеджмента). 2009 г.
6. Методы принятия управленческих решений: количественный подход (для бакалавров) / Под ред. Кочкарова А. А.. - М.: КноРус, 2017. - 368 с.
7. Орлов, А.И. Методы принятия управленческих решений (для бакалавров) / А.И. Орлов. - М.: КноРус, 2018. - 317 с.
8. Потоцкий О.В. О жизненном цикле предприятий малого и среднего бизнеса и различных механизмах реализации управленческих решений на его этапах // Российское предпринимательство. – 2016. – Том 17. – № 1. – с. 47-70.
9. Ховаев С.Ю. Особенности принятия управленческих решений в малом бизнесе / С.Ю. Ховаев, А.С. Рыбак // Российское предпринимательство. – 2017. – Том 18. – № 20. – с. 2951-2964.
10. Черняк, В.З. Методы принятия управленческих решений: Учебник / В.З. Черняк. - М.: Academia, 2019. - 296 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baranova I.V. Informatizatsiya proizvodstvennoi deyatel'nosti kak instrument povysheniya dostovernosti prinimaemykh upravlencheskikh reshenii [Informatization of Industrial Activity as a Tool to Increase the Reliability of Managerial Decisions] / Baranova I.V., Mayorov S.V. // Voprosy Innovatsionnoy Ekonomiki [Issues of Innovative Economics]. – 2018. – Volume 8. – No.1. – p. 15-24. [In Russian]
2. Ibatulin M.Yu. Razrabotka ekonomiko-matematicheskoi modeli podderzhki prinyatiya reshenii v kontekste informatsionno-veroyatnostnogo podkhoda [Development of an Economic-Mathematical Model of Decision Support in the

Context of Information-Probabilistic Approach] // Kreativnaya ekonomika [Creative Economy]. – 2017. – Volume 11. – No.4. – p. 489-496. [In Russian]

3. Levina E.V. Prinyatie i realizatsiya upravlencheskikh reshenii v organizatsiyakh raznogo tipa [Adoption and Implementation of Managerial Decisions in Organizations of Various Types] // Mezhdunarodnyy issledovatel'skiy zhurnal [International Research Journal]. – 2017. – No. 09 (63) – p. 69-72. [In Russian]

4. Loginov, V.N. Metody prinyatiya upravlencheskikh reshenii: Uchebnoe posobie [Management Decision Making Methods: Study Guide] / V.N. Loginov. – M.: KnoRus, 2018. – 309 p. [In Russian]

5. Lukichyova L. I. Upravlencheskie resheniya: uchebnik po spetsialnosti «Menedzhment organizatsii» — 4-e izd., ster. [Managerial Decisions: Textbook in the Specialty "Organization Management" - 4th ed.] / Lukichyova L. I., Egorychev D. N., Aniskina Yu. P — M.: Publishing House "Omega-L." – 383 p.: Tab. – (Graduate School of Management). 2009 [In Russian]

6. Metody prinyatiya upravlencheskikh reshenii: kolichestvennyi podkhod (dlya bakalavrov) [Management Decision Making Methods: Quantitative Approach (for Bachelors)] / Ed. by Kochkarov A.A. – M.: KnoRus, 2017. – 368 p. [In Russian]

7. Orlov, A.I. Metody prinyatiya upravlencheskikh reshenii (dlya bakalavrov) [Management Decision Making Methods (for Bachelors)] / A.I. Orlov. – M.: KnoRus, 2018. – 317 p. [In Russian]

8. Pototskii O.V. O zhiznennom tsikle predpriyatii malogo i srednego biznesa i razlichnykh mekhanizмах realizatsii upravlencheskikh reshenii na ego etapakh [On the Life Cycle of Small and Medium-Sized Enterprises and Various Mechanisms for the Implementation of Managerial Decisions at its Stages] // Russian Business. – 2016. – Volume 17. – No.1. – p. 47-70. [In Russian]

9. Khovaev S.Yu. Osobennosti prinyatiya upravlencheskikh reshenii v malom biznese [Features of Making Managerial Decisions in Small Business] / Khovaev S.Yu., Rybak A.S. // Russian Business. – 2017. – Volume 18. – No.20. – p. 2951-2964. [In Russian]

10. Chernyak, V.Z. Metody prinyatiya upravlencheskikh reshenii: Uchebnik [Management Decision Making Methods: Textbook] / V.Z. Chernyak. – M.: Academia, 2019. – 296 p. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.130>

ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Обзорная статья

Морозова О.И.¹, Семенихина А.В.^{2,*}

¹ ORCID: 0000-0002-5294-7656;

² ORCID: 0000-0002-5349-2657;

^{1,2} Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орёл, Россия

* Корреспондирующий автор (av-sem1509[at]mail.ru)

Аннотация

Сегодня мировое сообщество в условиях глобализации, всемирной пандемии и мирового кризиса вступило на этап стремительного цифрового преобразования и трансформации общества. Основой глобальных преобразований, которые радикальным образом меняют модели социально-экономического развития, является цифровая экономика или экономика знаний. Интеллектуальный капитал, состоящий из знаний, умений и навыков сотрудников составляет фундамент конкурентоспособности современных организаций как внутри страны, так и на мировой арене.

В связи с выделенной актуальностью, в данной статье исследованы проблемы дефицита квалифицированных специалистов, способных заниматься созданием продуктов для цифровой экономики. Проанализированы причины возникшего кадрового голода, в первую очередь в сфере IT и ключевые ограничения, не позволяющие системе образования в России восполнить недостающие кадровые ресурсы.

Ключевые слова: цифровая экономика, кадровый голод, кадровый потенциал, человеческий капитал, цифровизация, IT-специалисты, кадры, образование.

PROBLEMS OF STAFF SHORTAGE UNDER CONDITIONS OF DIGITAL ECONOMY

Review article

Morozova O.I.¹, Semikhina A.V.^{2,*}

¹ORCID: 0000-0002-5294-7656;

²ORCID: 0000-0002-5349-2657;

^{1,2} Turgenev Oryol State University, Oryol, Russia

* Corresponding author (av-sem1509[at]mail.ru)

Abstract

The international community, under the context of globalization, the global pandemic, and the global crisis, has entered the stage of rapid digital transformation and transformation of society today. The digital economy or the economy of knowledge is the basis of global transformations that radically change patterns of socio-economic development. Intellectual capital, consisting of experience, skills of employees, is the foundation of the competitiveness of modern organizations both on domestic and on the world-wide stage.

Due to the highlighted relevance, this article explores the problems of the shortage of qualified specialists that can create products for this digital economy. It analyzes the causes of the staff shortage that has appeared, primarily in the IT sector and the fundamental limitations that do not allow the education system in Russia to fill in the missing human resources.

Keywords: digital economy, staff shortage, human resources, human capital, digitalization, IT-specialists, personnel, education.

Введение

В последние десятилетия для большинства стран главным фактором экономического роста стало применение цифровых технологий и элементов цифровизации, например, технологии интернет-вещей широко внедряются в США, Германии, Китае. Предполагалось, что следующие десять лет этот процесс будет активно переходить в фазу массовой цифровизации отраслей.

Однако, в настоящее время ситуация на мировой арене выстроилась таким образом, что реализация концепции цифровой экономики вместе с ростом цифровых технологий вступило на стремительно динамичный путь своего развития, а главным образом практического внедрения. Возможности цифровых технологий сегодня уже вышли за рамки электронной торговли и ныне направлены на ведение бизнеса, поддержание коммуникаций и предоставление услуг во всех сферах жизнедеятельности общества, включая производство, транспорт, финансовые услуги, образование, здравоохранение, предпринимательскую деятельность в сфере торговли и услуг, средства массовой информации и индустрию развлечений [1].

Несмотря на то, что об этом в последние годы очень много писали и говорили учёные, эксперты, политики, общество, да и страна в целом оказались не готовы к переходу на новый экономический уклад, к новым технологическим возможностям, направленным на переработку большого количества информационных массивов данных, их сбора и хранения.

Независимо от того, насколько активно Россия пойдёт таким путём, ей всё равно придётся конкурировать в данной сфере и столкнуться с определёнными проблемами, влияющими на формирование человеческого капитала и развитие кадрового потенциала. Сегодня деятельность отдельного хозяйствующего субъекта в цифровой экономике и его конкурентоспособность обеспечивается наличием у кадров определённых компетенций, связанных с реалиями действий в условиях цифровой экономики [2].

По прогнозам специалистов дефицит кадров цифровой экономики составляет 1 млн. человек, и далее эта цифра будет только расти [3]. Встаёт вопрос, где брать специалистов «цифрового будущего», какими они должны быть, кто и как должен их готовить с точки зрения идеологического и коммерческого подходов.

В связи с тем, что кадровые проблемы достаточно широко освещаются в сети Internet и в научной литературе,

исследование причин нехватки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики базируется на научных статьях в ведущих журналах и прикладных разработках отечественных и зарубежных экономистов, а также ряда исследователей в области цифровизации экономики, кадрового обновления и реформирования образовательной среды [4].

При выявлении причин возникшего кадрового голода в сфере IT и ограничений, не позволяющих системе образования России восполнить данный дефицит, будут использованы общенаучные методы: анализа и синтеза, системного подхода. Инструментом количественного анализа выступают статистические методы, способы наблюдения, сводки и группировки обобщающих показателей, методы сравнительного анализа и графического представления информации.

Основная часть

До марта 2020 года мы часто слышали: «исчезнет более 5% профессий в рамках трансформации современного уклада экономики, и появятся новые профессии, обеспечивающие работы различных секторов Цифровой экономики» [5]. Однако все мы сегодня понимаем, что эта цифра очень мала в сравнении с тем, что нас ждёт в будущем. И пока эксперты боятся даже предположить процент трансформации, ожидаемый на рынке труда.

Сегодня Россия сталкивается с очередными вызовами цифровизации, которые радикально меняют требования к работающему населению, его квалификации, навыкам и профессиям. Главенствующая роль отводится современной молодёжи и тем трендам, оказывающим сегодня существенное влияние на деловую среду. Требования к человеческому капиталу России подвергаются влиянию трёх ключевых факторов (см. рисунок 1).

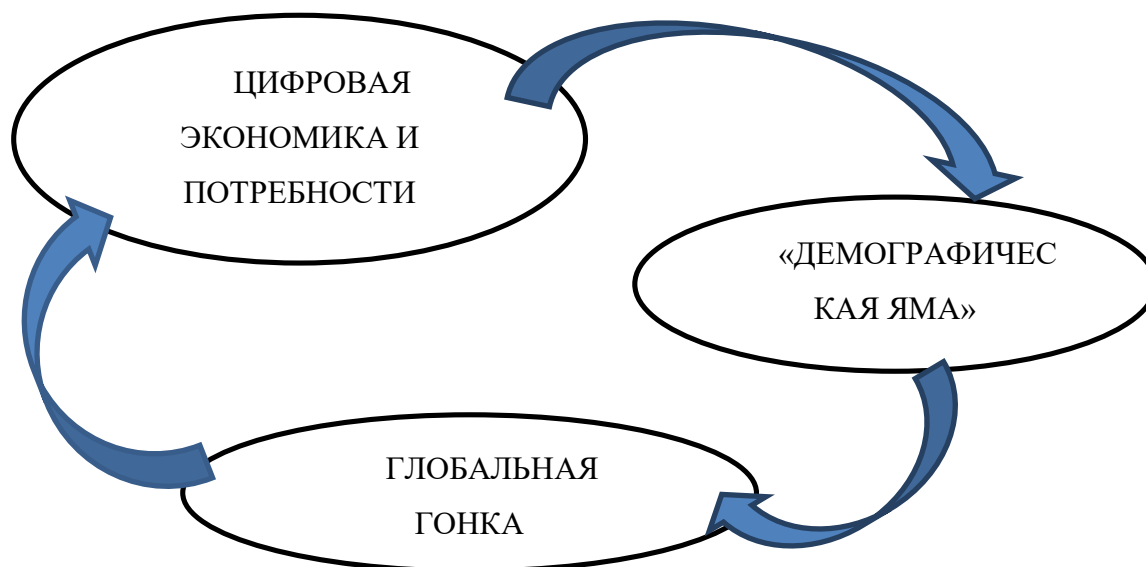

Рис. 1 – Факторы, воздействующие на развитие человеческого капитала в России

Далее, проанализируем, каким образом факторы, представленные на рисунке 1, влияют на развитие человеческого капитала России.

1. Неизбежно растёт потребность в специалистах – IT. В национальной программе «Цифровая экономика» предусмотрено, что данная кадровая аудитория в России должна сравняться с другими странами. Аналитика свидетельствует, что доля IT-специалистов в США составляет 4,2%, тогда как в России в два раза меньше (2,4%). Процесс массового обучения кадров в течение 10 лет должен затронуть до 3,8 млн. человек. На обучение и повышение квалификации нацпроектом «Цифровая экономика» предусмотрено 138,6 млрд. рублей [3].

Динамика изменения занятости в стране и исследования в области потенциала автоматизации рабочих мест свидетельствуют о значительном снижении востребованности труда низкой квалификации. Прогнозируется, что в течение ближайшего десятилетия в России могут быть сокращены до 7 млн. рабочих мест. В зону риска попадают профессии рутинного труда (банковские работники, бухгалтеры, аналитики, операторы колл-центров, таксисты и т.п.).

2. Казалось бы, последствия «демографической ямы» позади, но они ещё окажут серьёзное влияние на структуру человеческого капитала страны. Доля экономически активного населения в возрасте от 20-до 30 лет снизится, и к 2028 году составит 7,8 млн. человек (почти на 30%). Что ещё больше создаст проблемы дефицита кадров в России [6].

3. Глобализация сегодня меняет не только производственную и рыночную структуру, но и усиливает гонку стран (в лице компаний) за «талантами». Для восполнения человеческого капитала большинство транснациональных корпораций занимается всемирным поиском, отбором и привлечением необходимых специалистов. По данным Росстата отток специалистов из России не высок (40 тысяч человек в год), но не имеет восполнения. При этом 38% иммигрирующих из страны имеют высшее образование, тогда как пребывают лишь 14% иммигрантов с соответствующим уровнем подготовки [6].

Однако мы постоянно слышим о том, что: «цифровая экономика – это не отдельная новая отрасль, а уклад жизни, основанный на развитии социально-экономической системы, бизнеса, системы государственного управления и общества в целом. Это вопрос формирования национальной независимости и безопасности страны, а также конкурентоспособности России на мировых рынках» [5].

И хотя перевод экономики страны на новые рельсы цифрового уклада предполагает создание новых бизнес-моделей с изменёнными форматами торговли, образования, здравоохранения, производства, говорить об успешности развития новой государственно-экономической парадигмы и развитии всего общества, достаточно преждевременно [7].

Многие учёные из РАН отмечают: «что возможность глубоких и серьёзных изменений ведёт к серьёзной опасности безработицы, связанной с массовой ликвидацией профессий путём роботозамещения» [8]. Вытеснения централизованной валюты и развитие крипто рынков создаст серьёзные проблемы в финансовом секторе. Банки, как инвесторы и как посредники финансовых платежей, исчезнут. Главным ресурсом станут не природные богатства и человек, а информация о нём [7]. Возникает вопрос: Готово ли общество видеть за рулём автомобиля робота? Готов ли человек поделиться со всем миром информацией о себе, вживить чипы и прочие пугающие вещи? А главное, готов ли лишиться «эмоциональной компетенции» в развитии своего человеческого потенциала? Насколько такой виртуальный мир вызывает боязнь и опасность у многих людей? [9].

Основным преимуществом цифровой экономики является возможность постоянного обучения и повышения своей квалификации с минимальными временными затратами. В связи с этим, считаем важным продолжить уделять внимание подготовке кадров для цифровой экономики, в первую очередь, инженеров и IT-специалистов. Первоочередными задачами должны стать мероприятия по разработке и внедрению базовых стандартов знаний в данной области. Необходимо продумать комплексы сертифицированных программ по повышению квалификации сотрудников компаний, задействованных в реализации «национальной программы цифрового будущего» России.

В настоящее время рынок образовательных услуг перегружен различного рода курсами и программами, в названии которых присутствует слово «цифровой» [8].

Проблема состоит в том, что во всех этих программах и курсах отсутствуют чётко сформированные требования к обучению и к преподавателям, реализующим данные направления. Следовательно, данные образовательные продукты не способны решать проблему качественной подготовки специалистов для цифровой экономики. Менталитет нашей страны таков, что немаловажную роль в развитии цифровизации, особенно касаясь сферы образования, играют бюрократические механизмы, тормозящие разработку профстандартов по таким профессиям, как системный программист, дизайнеры графических и пользовательских интерфейсов и т.п. [7]. Зашлакованность системы управления липовыми планами и отчётами снижают возможности образовательных организаций творчески и плодотворно работать над развитием общего цифрового будущего.

Структура кадрового дефицита IT-специалистов с учётом тенденций текущего рынка труда выглядит следующим образом (см. рисунок 2).

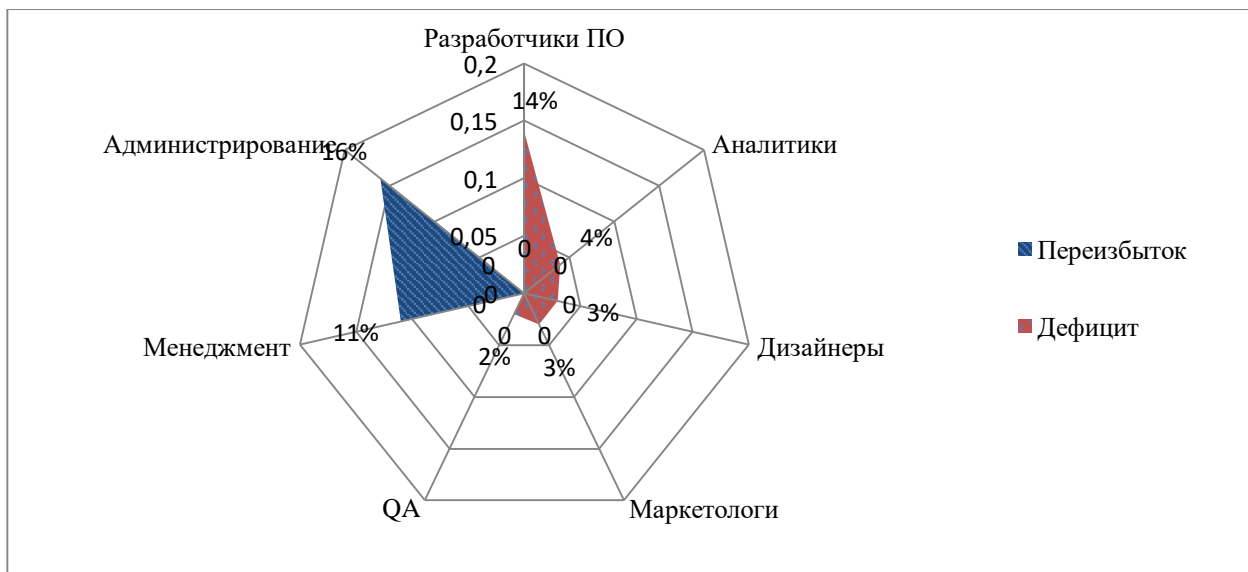

Рис. 2 – Структурная динамика дефицита IT-специалистов на текущем рынке труда в России [3]

По прогнозам аналитиков для того, чтобы достигнуть уровня развития других стран, в течение ближайших десяти лет доля IT-специалистов должна возрасти до 2,05 млн. человек в расчёте от всего занятого населения страны. Это значит, что на плечи российской образовательной среды ложится подготовка 186 тысяч специалистов в год. Сегодня эта цифра составляет около 60 тысяч человек, окончивших среднее специальное и высшее учебное заведение и трудоустроенных по специальности [3].

Кризис, в который мы вступили сегодня, чётко показал, что отставание российского цифрового развития на мировой арене связано не только с кадровым дефицитом, существуют и другие немаловажные проблемы:

- пробелы в нормативно-правовой базе цифровой экономики;
- отставание в развитии информационно-коммуникационного оборудования, программного обеспечения и национального производства в целом;
- инновационная бизнес-среда недостаточно благоприятна для ведения бизнеса в России [6].

Следовательно, для решения проблем, препятствующих цифровому, экономическому развитию, необходимы комплексы мер, охватывающих нормативное регулирование кадрового развития, информационной инфраструктуры и безопасности.

Сегодня активно обсуждаются вопросы финансово-правовой грамотности населения и подготовки кадров для цифровой экономики. Ведутся комплексные работы в данном направлении в школах, колледжах, ВУЗах, существуют комплексные программы для различных социально-возрастных групп населения. С 2018 года разработана программа мероприятий «Кадры и образование», включающая и разработку новых форм образования, и поддержку технических

образовательных процессов. Много говорится о работе с «большими данными», которые должны позволить выстроить индивидуальные образовательные траектории, создать новые методики обучения.

Необходимо сформировать образовательные площадки, где можно переквалифицироваться или получить новую профессию, но для этого надо усилить образование в направлении информационных технологий, сосредоточившись на подготовке специалистов, востребованных рынком и обеспечить условия для их работы в нашей стране, устранив отток подготовленных кадров за рубеж. Но решить эти проблемы путём массового перехода на дистанционные формы обучения, невозможно.

Реализация задач, предусмотренных в приоритетном национальном проекте «Современная цифровая образовательная среда в РФ», направлена на развитие цифрового образовательного пространства, расширение возможностей и повышение качества непрерывного образования для всех категорий граждан нашей страны. Предполагается, что к концу 2025 года численность освоивших онлайн-курсы достигнет 11 млн. человек [5].

На наш взгляд, данный проект подвергается большим рискам. Из огромного количества онлайн-курсов, реализуемых сегодня на разных образовательных площадках, качество освоения предлагаемых программ и аттестация обучающихся (результаты которых могут быть зачтены при обучении по основным общеобразовательным и профессиональным программам) оставляют желать лучшего, и зачастую носят формальный характер, направленный на получение соответствующего документа - «корочки».

Заключение

Специфика цифровой экономики требует уже не просто определённых знаний, а конкретных компетенций. Современная система образования только начала переходить к новым технологиям обучения, направленным на формирование соответствующих компетенций. Понимая, что цифровая экономика, прежде всего, основана на инновационной деятельности, необходимо, чтобы главным конкурентным преимуществом в формировании стратегии инновационного развития страны стало развитие и реализация человеческого потенциала, а эффективное применение новых знаний, умений людей должно быть фундаментом для совершенствования технологий и повышения экономических результатов жизни и общества в целом [10].

Таким образом, считаем, что для устранения кадрового дефицита и повышения уровня кадрового развития в условиях цифровой экономики необходимо использование системного подхода, в котором должны принимать совместное участие представители бизнес-среды, науки и образования, государство, сферы социальных отраслей, гражданское общество и население в целом. Необходимо найти такую золотую середину при выборе форм подготовки будущих кадров, чтобы внедрение массового дистанционного обучения не снизило уровень знаний населения нашей страны. Системный подход и соблюдение баланса «офлайн» и «онлайн» технологий в образовательной среде должны стимулировать качественное развитие кадров для цифровой экономики.

А главнейшую роль в борьбе за кадровый потенциал и креативные человеческие ресурсы необходимо вести государству на уровне социально-экономической политики, направленной на обеспечение занятости выпускников российских вузов и стимулирование трудоустройства молодых учёных в отечественных научных центрах, федеральных и региональных университетах и российских компаниях.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Современные проблемы менеджмента в условиях научно-технологической трансформации: монография / под ред. С.А. Никитина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. – 260 с.
2. Образование в России и мире: исторический опыт и перспективы развития: монография / под ред. И.Н. Шапкина. – М.: РУСАЙНС, 2019. – 252 с.
3. Индикаторы цифровой экономики: 2018 : статистический сборник [Электронный ресурс] / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Г.Л. Волкова, Л.М. Гохберг и др. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 268 с. - URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ice2018> (дата обращения: 20.05.2020).
4. Краснопецева И. В. Совершенствование методов оценки качества рабочей силы промышленных предприятий как инструмента управления производительностью труда (по материалам машиностроительных предприятий самарской области) : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 : защищена 06.10.06 / Краснопецева Ирина Васильевна. - Самара, 2006. - 192 с.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. №1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - URL: <https://base.garant.ru/71734878/> (дата обращения: 20.05.2020).
6. Россия 2025: от кадров к талантам [Электронный ресурс] / The Boston Consulting Group, 2017. - URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf (дата обращения: 20.05.2020).
7. Зарайская О. А. Роль государства в формировании инновационной экономики России / О. А. Зарайская // Государственное управление. Электронный вестник. - 2018. - №68. - С. 465–478.
8. Скоблякова И.В. Роль государства в формировании инновационных кадров для цифровой экономики [Электронный ресурс] / И.В. Скоблякова, О.И. Морозова // Государство и бизнес в современной экономике : материалы Международной науч.-практ. конф. 20 февраля 2020 г., Воронеж. - Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. – 130 с. – С. 96 – 99. - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42437265> (дата обращения: 20.05.2020).
9. Фадель Ч. Четырёхмерное образование: Компетенции, необходимые для успеха / Ч. Фадель, М. Бялик, Б. Трилинг. - М.: Издательская группа «Точка», 2018. - 240 с.
10. Ковалева С. А. Угрозы финансовой безопасности РФ в современной геополитической ситуации / С.А. Ковалева // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. - 2015. - №3 (8). – С. 78–83.

Список литературы на английском языке/References in English

1. Modern problems of management in the conditions of scientific and technological transformation: monograph / ed. S.A. Nikitin. - SPb.: Izd-vo Politehn. un-ta, 2017. – 260 p. [in Russian]
2. Education in Russia and the World: Historical Experience and Development Prospects: monograph / ed. I.N. Shapkin. - M.: RUSAJNS, 2019. – 252 p. [in Russian]
3. Digital Economy Indicators: 2018: Statistical Digest [Electronic resource] / G. I. Abdrahmanova, K. O. Vishnevskij, G. L. Volkova, L. M. Gohberg and others / Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». – M.: NIU VShJe, 2018. – 268 p. - URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ice2018> (accessed: 20.05.2020). [in Russian]
4. Krasnopevceva I. V. Improving methods for assessing the quality of the labor force of industrial enterprises as a tool for managing labor productivity (based on materials from engineering enterprises in the Samara region): dis. ... PhD in Economics : 08.00.05 : defense of the thesis 06.10.06 / Krasnopevceva Irina Vasil'evna. – Samara, 2006. – 192 p. [in Russian]
5. Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-R «On approval of the program «Digital economy of the Russian Federation» [Electronic resource]. - URL: <https://base.garant.ru/71734878/> (accessed: 20.05.2020). [in Russian]
6. Russia 2025: from cadres to talents [Electronic resource] / the Boston Consulting Group, 2017. - URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf (accessed: 20.05.2020). [in Russian]
7. Zарајskaja O. A. The role of the state in the formation of the innovative economy of Russia / O. A. Zарајskaja // Public administration. Electronic messenger. - 2018. - №68. – P. 465–478. [in Russian]
8. Skoblyakova I.V. The role of the state in the formation of innovative personnel for the digital economy [Electronic resource] / I.V. Skoblyakova, O.I. Morozova // State and business in the modern economy: Materials of the International scientific and practical conference 20 February 2020, Voronezh. - Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaja kniga», 2020. - 130 p. - P. 96 - 99. - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42437265> (accessed: 20.05.2020). [in Russian]
9. Fadel' Ch. Four-dimensional education: Competencies required for success / Ch. Fadel', M. Bjalik, B. Trilling. - M.: Izdatel'skaja gruppa «Tochka», 2018. - 240 s. [in Russian]
10. Kovaleva S. A. Threats to the financial security of the Russian Federation in the current geopolitical situation / S. A. Kovaleva // Innovative Economics: prospects for development and improvement. - - 2015. - №3 (8). – P. 78–83. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.131>

ОСОБЕННОСТИ МОНИТОРИНГА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Научная статья

Смыслова О.Ю.^{1,*}, Башлыков Т.В.², Осипова И.В.³, Лаконова Д.В.⁴

¹ ORCID: 0000-0001-7008-5319;

^{1, 2, 3, 4} Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ, г. Липецк, Россия

* Корреспондирующий автор (savenkova-olga[at]mail.ru)

Аннотация

Цель работы. В статье обосновывается целесообразность применения современных геоинформационных систем сбора, обработки и анализа первичной информации по показателям социально-экономического положения территорий России при проведении мониторинга их состояния с учетом природно-ресурсной и экономической специфики развития. В качестве объекта исследования выступает мониторинг пространственного развития России. Предметом исследования являются организационно-экономические отношения, возникающие в процессе управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов страны на основе применения геоинформационных систем. Метод или методология проведения работы. Исследование основывается на общенаучной методологии, которая предусматривает применение системного подхода к решению проблем. В работе использованы методы эмпирического исследования (наблюдение, сравнение, сбор и изучение информации), текущего и перспективного анализа и синтеза теоретического и практического материала. Основой для проведения исследования послужили труды ученых по проблемам применения современных ГИС-технологий для моделирования стратегического развития регионов. Результаты работы. Проведенный анализ показал, что геоинформационные системы давно зарекомендовали себя с положительной стороны и используются повсеместно: в органах власти – для поддержки принятия решений, в территориальном планировании – для составления генеральных планов развития территорий, в картографо-атласном обеспечении – для изготовления различной картографической продукции и во многих других направлениях. В этой связи в работе делается аргументированный вывод о том, что внедрение современных геоинформационных систем при мониторинге показателей социально-экономического состояния территорий следует рассматривать в качестве эффективного инструмента исследования и прогнозирования вариантов их развития, и как следствие - инструмента повышения их устойчивости социально-экономического развития. В работе предложены основные блоки разрабатываемой системы мониторинга пространственного развития регионов на основе применения ГИС-технологий. В результате внедрения системы будет обеспечено повышение устойчивости развития региона за счет целостности понимания состояния и текущей ситуации развития региональных процессов, обеспечения рационального потребления региональных ресурсов и факторов производства, определения точек роста и приоритетов регионального развития с учетом индивидуальных особенностей территории, а также снижения управленческих рисков при принятии стратегических решений. Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы для развития концептуальных, методологических и практических подходов по совершенствованию системы мониторинга пространственного развития регионов с учетом их индивидуальных особенностей на основе применения современных геоинформационных систем анализа и моделирования. Выводы. Применение ГИС-технологий при разработке мер по повышению устойчивого социально-экономического развития региона способствует улучшению качества анализа состояния сложной системы, решению практических задачи по размещению ресурсов или анализу эффективности их размещения, реализации принципов стратегического планирования в автоматизированном интерактивном режиме и обеспечению своевременности принимаемых решений в исследуемой сфере.

Ключевые слова: мониторинг, регион, пространственное развитие, ГИС-технологии, анализ данных, устойчивое развитие

MONITORING FEATURES OF THE SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA USING GEOINFORMATION SYSTEMS

Research article

Smyslova O.Y.^{1,*}, Bashlykov T.V.², Osipova I.V.³, Lakomova D.V.⁴

¹ ORCID: 0000-0001-7008-5319;

^{1, 2, 3, 4} Lipetsk branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk, Russia

* Corresponding author (savenkova-olga[at]mail.ru)

Abstract

Purpose: The study aims to prove the feasibility of the geoinformation systems' implementation designed for the collection, processing, and analysis of primary information on indicators of the social and economic situation of the Russian Federation territories while monitoring status, taking into account the natural resources and economic features of development. The monitoring of the spatial development in Russia stands as the research object. Likewise, organizational and economic relations, emerging in the process of managing the sustainable socio-economic development of the country's regions through the basis of geoinformation systems application, are the subject of our research. Methods: Research is based on the general-scientific methodology that presumes a systematic approach towards the defined problem-solving. Methods of empirical investigation (examination, comparison, data collection and investigation) are implemented together with current and prospective analysis, the synthesis of theory and practice are used. The basis of the study is the papers of scientists on problems of application of modern GIS technologies for modeling strategic development of regions. Results: The conducted analysis showed that geoinformation systems have long been successful and widely used to support decision-making in the authorities, to draw up

general plans for territorial development in territorial planning, manufacture of various cartographic products in cartographic and atlas services and many other spheres. Due to it, the study concludes that the introduction of the modern geoinformation systems should be considered as an effective tool for research and forecasting of GIS development in monitoring the indicators of socio-economic territory condition. Consequently, this introduction could be the enhancing tool for the social and economic sustainability of territories development. In this paper, we proposed the main blocks of the underdevelopment monitoring system of spatial development using GIS-technologies. As a result of the system introduction, the improvement of sustainable development of the region will be ensured by a holistic understanding of the condition and current situation of development for the regional processes. On the other hand, it will be achieved by sustainable consumption of regional and economic resources, identifying growth points and priorities for region development taking into account individual features of the territory, as well as reducing management risks in strategic decision-making. Application results: The research-based results can be used to develop conceptual, methodological, and practical approaches to improve the system for monitoring the spatial development of regions, taking into account their features through the application of modern geoinformation systems for analysis and modeling. Conclusions: The application of GIS technologies in working out of measures to improve the sustainable socio-economic development of the region contributes to the enhancement of the analysis of the complex system state, the practical task of locating resources or the effectiveness analysis of their deployment, and also the establishment of the strategic planning principles in an automated online mode and ensuring up-to-date decision-making in the research area.

Keywords: monitoring, region, spatial development, GIS technologies, data analysis, sustainable development

Introduction

The vector for the sustainable spatial development of the Russian territories, set by the President of the Russian Federation, in a message to the Federal Assembly of the Russian Federation [13], defined a range of tasks. The accomplishment of these tasks requires the detailed discussion of mechanisms implementation, a description of the interrelated elements and processes in structure, as well as a definition of the tools for effective government regulation. At the same time, the use of modern quantitative analysis methods, including economic and mathematical modeling tools, is of particular significance and value in this mechanism and advanced geoinformation systems and databases of the objects under study. On the other hand, it is possible, on the basis of numerous parameters of analysis, to offer a variety of solutions for the tasks of the regional leaders and to select the most appropriate options, which meet the strategic and sustainable development purposes of the territory, by obtaining in an operational format the quantitative values of the examined variables. Due to it, the application-specifics of geoinformation systems for the collection, processing, and analysis information on indicators of the social and economic development of the regions and carrying out of appropriate monitoring kindle interest from scientific and practical points.

On the one hand, the conducted analysis of numerous studies, on issues of the sustainable spatial development in Russia [1], [5], [8], confirms the fact that nowadays the design of practical instruments and frameworks for the sustainable and holistic development of regional and economic systems attracts heightened and academic interest. On the other hand, this analysis allowed identifying some controversial weaknesses in the considered problem of our study, such as a particular emphasis is that the introduction of monitoring based on geoinformation systems for the collection, processing, and information analysis on indicators of the socio-economic development of the regions involves a defined group of problems and the most significant are:

- The complexity of the compatible market regulation and spatial planning;
- The need to neutralize and minimize crisis-generating factors in the region's spatial and temporal continuum;
- The unevenness of development between territories and their resource potential, which requires a differentiated approach to working out of spatial development strategies;
- The increasing complexity of regional economic systems integrating with social, technical, environmental and institutional systems in certain territories;
- Lack of uniform methods for planning and forecasting the sustainable socio-economic development of the territories;
- The undeveloped legal and regulatory framework for monitoring and the geoinformation processing of data on the spatial and territorial development of the regions;
- The need to look for optimal solutions to the distribution and interaction of the territories resources to integrate them into a common global economic space.

With this background, we can conclude the immediacy of the problem for the necessary level achievement of the sustainable economic development in regions, due to the recent changes in the economic nature of the Russian regions in the transformation to an innovative economy and digitization, drive a need to develop an appropriate mechanism for managing this process through the application of modern geoinformation systems.

Research methods

In regional systems, with their structure, functions, links to the external environment, under various external economic influences, economic and social processes are continually taking place, causing qualitative changes in the state of the regional economic space and, therefore, at the level of socio-economic development of the regions. As a result, the structure of the regional economic space is qualitatively heterogeneous.

Heterogeneity is a fundamental feature of economic space. It represents the differentiation, which has arisen under the impact of many factors and conditions that affect objects are the structural elements of space. [6] The heterogeneity is due to the process of the qualitative space transformation and its transition from one state to another. Consequently, the socio-economic conditions of certain territories are always affected by external and internal influences that are able adversely to affect the continued functioning of the system and alter its development trajectory.

The concept of sustainability is one of the basic notions of cybernetics and the general theory of systems closely related to the idea of invariance. According to P.M. Vlasov, invariance could be interpreted as «object property does not change at the change of conditions in which it exists». [1] In our investigation, we will understand the sustainable socio-economic development of the region as the complex of various long-term and interlinked processes of conditions maintenance for the reproduction of territory potential (it's social, natural resource, ecological, economic and other parts) in the regime balance and social orientation

(assessments of the impact of the vector and the quantitative variables of regional situations, first of all, how they affect the standard of living and the quality of life) [4], leading to problem-solving of the population at the regional level and improving their living conditions and activities.

Sustainable development can be achieved through a governance mechanism based on a balance of the state interests, business and society, ensuring the unlimited growth of opportunities for satisfying the needs of modern and future generations of territories and preserving the environment.

To give a complete picture of the conditions and ways for ensuring the sustainable socio-economic development of the region, we consider that attention should be paid to the substantive aspect of the region concept. In this context, we will mean an entire territorial socio-economic system consisting of many subsystems and inter-linkages related by common development objectives.

Within this system, it is traditional to identify a set of extended interconnected blocks-components: institutional, economic, environmental, social and domestic [12].

The social and domestic block consists of a set of industries, enterprises and organizations directly linked to and finding the way and standard of living, people's well-being and consumption.

The natural resource block is considered to be the material basis for economic activity in the region, significantly determining the state and sustainable development of the economy.

The economic block provides vital activity in a certain territory.

The institutional block contains a complex of institutional environments (institutions) that shape the interests, values of economic entities and the population living in the area and is often contrasted to sectoral and territorial interests.

We believe that an effective and well-structured organization of the economic processes in the region while reconciling the various interests of commercial agents should ensure integrated and sustainable development of the region's territory and the further growth of opportunities, conceded as the use of new material financial and information resources. This aspect emphasizes looking for stabilization instruments and resilience-building mechanisms that will ensure dynamic growth, as well as the development of the resource potential of the territories to ensure their sustainable development.

Our previous research-based results on the GIS application in the organization of a monitoring system and modeling of the territories spatial development in the system of macroeconomic and spatial regulation of the Russian sustainable development [5], [7], [10], [11] showed that geoinformation systems have long been beneficial and now are widely used to support decision-making in the authorities, to formulate general plans for territorial development in territorial planning, to manufacture of various cartographic products in cartographic and atlas services and many other areas.

Application in the practice of macroeconomic and spatial regulation of the development of a comprehensive system of economic and mathematical modeling of processes, recent events, situations, mechanisms, and procedures for the behavior of commercial agents have been observed as a useful tool for investigating and forecasting of the growth. Therefore, we believe that the GIS application in modeling the spatial development of different regional systems should be comprehended as a useful tool for enhancing sustainability in socio-economic development.

Research results

The managing system of the process for improving the sustainability of socio-economic development in the region should be anthropocentric and take into account the interests and needs of present and future generations. Due to it, we propose to include into the system for improving the sustainability of the socio-economic development of the region using GIS analysis three following conceptual blocks:

1. Establishment and performance of a regional GIS center with continuous database and operating system updates;
2. Carrying out analysis of macroeconomic and spatial development data by Geographic Information System;
3. Modeling of regional development, taking into account the individual features of the territory and aims for sustainable socio-economic development.

The proposed system is aimed to improve the sustainability of regions' development through the following main benefits:

1. A holistic understanding of the state and current development of regional processes through the rapid collection and processing of information from various data sources;
2. Sustainable consumption of regional resources and factors of production;
3. Identification of growth points and priorities for regional development, taking into account the individual characteristics of the territory;
4. Reducing management risks in strategic decision-making.

Moreover, the GIS application in the monitoring and modeling of the region's spatial development will contribute to the integration of disparate data presented in different formats, to a single system, visualization of information to improve data perception, rapid display of information through automation of data processing, presentation of the current situation dynamics when comparing to indicators of previous periods. Likewise, we should mention the simulation of the events development and indicators forecasting, taking into account the impact of external factors, reviewing information on the objects being analyzed in a graphic form, obtaining and displaying information on the status and development of different facilities, settlements and surrounding areas in 3d space. Besides, we can include here the creation of multimedia presentations, step-by-step modeling and presentation of research results, the efficiency of accomplishment and control of assigned tasks in rapid data exchange and automation of results display processes [10].

As noted above, the need to introduce geoinformation systems for the collection, processing and information analysis on indicators of the socio-economic development of the regions is related to a variety of problems. Their solution can be reached through the establishment and effective functioning of a regional GIS centre aimed at collecting, processing and providing a large amount of the necessary primary information on indicators of socio-economic development in certain territories, in comparison with the given parameters and requirements of systems analysis.

The data source for the information base is a statistician from the periodical papers «Information for monitoring of the socio-economic situation in the constituent entities of the Russian Federation» and «Socio-economic situation of the regions in Russia»

have been publishing on the site of Rosstat gks.ru. The data in the releases contain monthly (or quarterly) statistics for the regions of the Russian Federation.

To accomplish our objectives at the present stage, we propose to use the GIS information system developed previously by the staff of the Centre for Regional Economics and Inter-Budgetary Relations of Finuniversity within the State assignment of the Finance University under the Government of the Russian Federation and based on the AnyLogic simulation environment, highly integrated platform of simulation models with GIS. This GIS platform is focused on the possibility of GIS deployment that makes maximum use of existing GIS products, which may become an additional module of a GIS-based platform of the system or replace one of its standard modules with a core set of platform programmes [9].

The GIS information system based on the AnyLogic simulation environment is presented a more advanced system that taking into account the GIS weaknesses of previous periods. In this case, the input and output data of the model are specified; then the model is loaded into secure cloud storage. AnyLogic Cloud is a cloud-based service. This technology is allows us to start several experiments simultaneously and accelerate the execution of models. [14]

The key, invisible block for the entire system and the process management as a whole, is the regional development modeling, which provides a display of statistics, end-user interaction, and visualization. The general principle for its work is the conservation in memory of the GIS past state, which is the selected display, year, quarter, and indicator. That makes it possible to carry out a comprehensive analysis of the country's regional development.

Conclusions

Overall, the proposed monitoring system of the spatial development of the region using GIS analysis have some unique features that lie in the opportunities for making decisions and proposals, identifying locations automatically, that requiring management intervention, as well as developing strategic planning documents based on a current situation, statistics, derived indicators, and past trends. The application of submitted in this research geoinformation systems in the development of measures enhancing the sustainable socio-economic development of the region will contribute to the improvement of the analysis of the complex system state, problem-solving relating to the location of resources or analysis of their placement efficiency, implementation of the strategic planning principles in an automated online mode, and will ensure to the timeliness of decision-making in the research area.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках исследования по общеуниверситетской комплексной теме Финансового университета при Правительстве РФ «Новая парадигма общественного развития в условиях цифровой экономики» на период 2018-2020 гг.

Funding

The article was prepared as part of a study on the University-wide complex topic of the Financial University under the Government of the Russian Federation "a New paradigm of social development in the digital economy" for the period 2018-2020.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Власов П.М. Оптимальное управление экономическими системами: учебное пособие / П.М. Власов, П.Д. Шимко. – М.: ИНФРА-М, 2018. 312с.
2. Зубаревич Н. В. Территориальный ракурс модернизации. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации. Григорьев Л. М., Зубаревич Н. В., Хасаев Г. Р., ред. М.: Теис; 2011:119–135.
3. Кузьменкова В.Д. Устойчивое развитие регионов России. Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2016;(2):257–261.
4. Лексин В.Н., Шевцов А.Н. Государство и регионы: Тория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2007. - 368 с
5. Меренкова И.Н. Организация системы мониторинга и моделирования пространственного развития территорий с учетом влияния миграционных процессов на основе гис-технологий / Меренкова И.Н., Нестерова Н.Н., Савенкова О.Ю. // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1-1. С. 202-213.
6. Миргородская Е.О. Неоднородность регионального экономического пространства: концептуальные подходы и методика идентификации / Миргородская Е.О., Сухинин С.А. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2017. Т. 19. № 3. С. 143-154.
7. Мониторинг пространственного развития России с учетом миграционных процессов: использование гис-технологий: монография / Строев П.В., Шманев С.В., Симагин Ю.А., Кадышева О.В., Низамутдинов М.М., Нестерова Н.Н., Савенкова О.Ю., Меренкова И.Н., Орешников В.В., Фаттахов М.Р. / Под редакцией Р.В. Фаттахова. Орел, 2017.;
8. Невейкина Н.В. Управление устойчивым развитием регионов: методология, теория, инструментарий. Дис. ... док. экон. наук. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т; 2014. 332 с.
9. Отчет от НИР «Модели и методы макроэкономического и пространственного регулирования устойчивого развития России на базе геoinформационной системы. Руководитель Строев П.В., выполненный в рамках бюджетного финансирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на 2017г. Регистрационный номер АААА-А17-117060110155-6
10. Смылова О.Ю. ГИС-моделирование в системе макроэкономического и пространственного регулирования устойчивого развития России / О.Ю. Смылова, Н.Н.Нестерова, И.Н.Меренкова, П.В. Строев / Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 3-1. С. 69-80.
11. Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В. Методические аспекты разработки базы данных для ГИС мониторинга пространственного развития России // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 3. С. 177-188.

12. Шедько Ю.Н. Комплексный подход к устойчивому развитию региона / Ю.Н. Шедько // Управленческие науки в современном мире. 2016. Т.2. №2. С.402-404

13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 1 марта 2018г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 24.03.2020)

14. ГИС карта [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2AIO0iJ> (дата обращения 24.02.2020).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vlasov P.M., SHimko P.D Optimal'noe upravlenie ekonomicheskimi sistemami: uchebnoe posobie [Optimal management of economic systems: a study guide] / P.M. Vlasov, P.D. SHimko – Moscow: INFRA-M, 2018. [in Russian]

2. Zubarevich N. V. Territorial'nyi rakurs modernizatsii. Rossiiskie regiony: ekonomicheskii krizis i problemy modernizatsii. [Territorial perspective of modernization. Russian regions: economic crisis and problems of modernization.] / Grigor'ev L. M., Zubarevich N. V., Xasaev G. R. – М.:Teis,– 2011, pp.119–135. [in Russian]

3. Kuz'menkova V.D. Ustoichivoe razvitiye regionov Rossii. [Sustainable development of Russian regions.] Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii [Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technology] – 2016, N. (2), pp. 257–261. [in Russian]

4. Leksin V.N., SHEvtsov A.N. Gosudarstvo i regiony: Toriia i praktika gosudarstvennogo regulirovaniia territorial'nogo razvitiia [State and regions: Thorium and practice of state regulation of territorial development.] – Moscow: LKI/URSS – 2007. [in Russian]

5. Merenkova I.N. Organizatsiia sistemy monitoringa i modelirovaniia prostranstvennogo razvitiia territorii s uchetoм vliianiia migratsionnykh protsessov na osnove gis-tekhnologii [Organization of a monitoring and modeling system for the spatial development of territories, taking into account the impact of migration processes based on GIS technologies] / Merenkova I.N., Nesterova N.N., Savenkova O.Y. // Izvestiya Tula State University. Economics and Law. – 2017, N. 1-1, pp. 202-213. [in Russian]

6. Mirgorodskaiа E.O. Neodnorodnost' regional'nogo ekonomicheskogo prostranstva: kontseptual'nye podkhody i metodika identifikatsii. [Inhomogeneity of the regional economic space: conceptual approaches and identification methodology] / Mirgorodskaiа E.O., Sukhinin S.A. // Journal of Volgograd State University. Economics. Ecology – 2017, V. 19, N. 3, pp. 143-154. [in Russian]

7. Stroev P.V. Monitoring prostranstvennogo razvitiia Rossii s uchetoм migratsionnykh protsessov: ispol'zovanie gis-tekhnologii: monografiia. [Monitoring of the spatial development of Russia taking into account migration processes: the use of GIS technologies: monograph] / Stroev P.V., SHmanev S.V., Simagin Y.A., Kadysheva O.V., Nizamutdinov M.M., Nesterova N.N., Savenkova O.Y., Merenkova I.N., Oreshnikov V.V. edited by – Fattakhov M.R. – Orel, 2017. [in Russian]

8. Neveikina N.V. Upravlenie ustoichivym razvitiem regionov: metodologiya, teoriia, instrumentarii. [Management of sustainable development of regions: methodology, theory, tools]: dis. ... of Ph in Econ. Kursk: South-West. state un-t – 2014. – 332 p. [in Russian]

9. Stroev P.V. Otchet ot NIR «Modeli i metody makroekonomicheskogo i prostranstvennogo regulirovaniia ustoichivogo razvitiia Rossii na baze geoinformatsionnoi sistemy. [Report from the research project “Models and methods of macroeconomic and spatial regulation of sustainable development of Russia on the basis of a geographic information system], made in the framework of budget funding of the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2017. Registration number AAAA-A17-117060110155-6 [in Russian]

10. Smyslova O.Y. GIS-modelirovanie v sisteme makroekonomicheskogo i prostranstvennogo regulirovaniia ustoichivogo razvitiia Rossii [GIS modeling in the system of macroeconomic and spatial regulation of sustainable development of Russia]/ Smyslova O.Y., Nesterova N.N., Merenkova I.N., Stroev P.V. // Izvestiya Tula State University. Economics and Law – 2017, N. 3-1, pp. 69-80. [in Russian]

11. Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. Metodicheskie aspekty razrabotki bazy dannykh dlia GIS monitoringa prostranstvennogo razvitiia Rossii. [Methodological aspects of developing the database for GIS monitoring of spatial development of Russia] // Finance: theory and practice – 2017, V. 21, N. 3, pp. 177-188. [in Russian]

12. SHed'ko Y.N. Kompleksnyi podkhod k ustoichivomu razvitiuu regiona. [The combined approach to the sustainable development of the region] // Management sciences in the modern world – 2016, V.2, N.2, pp.402-404. [in Russian]

13. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniuu, 1 marta 2018g. [Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly, March 1, 2018.]–URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed: 24.03.2020) [in Russian]

14. GIS karta. [GIS map] [Electronic resource].–URL: <https://bit.ly/2AIO0iJ> (accessed: 24.02.2020). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.132>

НАЛОГ С ПРОДАЖ: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРАКТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (ОПЫТ РОССИИ)

Научная статья

Троянская М.А.^{1,*}, Тюрина Ю.Г.²

¹ ORCID: 0000-0003-4545-3786;

² ORCID: 0000-0002-5279-4901;

¹ Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия;

² Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (m_troyanskaya[at]mail.ru)

Аннотация

В статье представлена краткая характеристика системы налогообложения Советского Союза, выделены причины, потребовавшие ее реформирования. Сгруппированы основные виды налога с продаж, применяемые в налоговых системах различных государств. Сделан акцент на этапах введения в действие и существовании налога с продаж и причинах его окончательной отмены в 2004 г. Сгруппированы и представлены аргументы «за» и «против» введения налога с продаж в современную налоговую систему России.

Ключевые слова: налог с продаж, виды налога с продаж, косвенные налоги, налоги на потребление, налоговая реформа.

SALES TAX: MAKINGS OF ORIGIN AND FUNCTIONING PRACTICE (RUSSIAN EXPERIENCE)

Research Article

Troyanskaya M.A.^{1,*}, Tyurina Yu.G.²

¹ ORCID: 0000-0003-4545-3786

² ORCID: 0000-0002-5279-4901

¹ Orenburg State University, Orenburg, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

* Corresponding author (m_troyanskaya[at]mail.ru)

Abstract

The paper provides a brief description of the taxation system of the Soviet Union and identifies the reasons that required its reforming. The author groups the main types of sales taxes used in the tax systems of various states. The emphasis is made on the stages of the introduction and existence of the sales tax and the reasons for its final cancellation in 2004. The pros and cons of the introduction of sales tax in the modern tax system of Russia are grouped and presented as well.

Keywords: sales tax, types of sales tax, indirect taxes, consumption taxes, tax reform.

Введение

За прошедшие два десятилетия произошла модификация Налогового кодекса Российской Федерации. Значительными изменениями можно считать введение отдельных налогов и их дальнейшую отмену через определенное время. В то же время была достаточно парадоксальная ситуация – ни в одной стране мира, кроме России, одновременно не взимались и не взимаются НДС и налог с продаж.

Обзор периодических изданий по теоретическим и практическим вопросам существования и применения налога с продаж в «позднем» СССР и в современной России показал, что они посвящены определению положительных и отрицательных сторон налога (Н.Е. Барбашова, Г.В. Курляндская [1]; Е.В. Власова, Е.В. Игнатьева [2]). В то же время большинство работ, в которых исследуются проблемы, касающиеся налога с продаж, отражают все положения в непосредственном сравнении его с налогом на добавленную стоимость (С.А. Бухарова, К.Д. Калмышова [3]; Ш.А. Магомадов, Ш.Ш. Джанаралиев [4]; В.Г. Пансков [5]). Однако, предпосылки возникновения налога с продаж и опыт его функционирования в России в литературе в настоящий момент не рассматриваются, хотя являются перспективным направлением для научных изысканий в свете многочисленных дискуссий по третьему этапу введения налога с продаж в практику налогообложения.

Основные результаты

Все основные вехи развития российской системы налогообложения: от налогов в допетровскую эпоху, налоговых реформ Петра I, изменений в дореволюционной России, налогов эпохи «военного коммунизма», НЭПа, налоговых реформ в СССР и до становления современной налоговой системы России характеризовались самобытностью и не совпадали с основными этапами развития зарубежного налогообложения. Особый интерес вызывает система налогообложения СССР, представляющего собой, по словам современных экспертов, социальный эксперимент, не имеющий аналогов в мире.

Действительно, СССР традиционно воспринимается как совершенно новая социальная система, где провозглашен курс на полное отрицание товарно-денежных отношений. Советский Союз, начавший в 1920-е гг. строить корпоративное государство и утверждать жесткие методы управления народным хозяйством, дольше любой другой страны сохранял ориентацию на внеэкономические способы принуждения и на систему нерыночного распределения ресурсов [6].

Экономика СССР строилась в соответствии с основным экономическим законом социализма – обеспечить благосостояние и всестороннее развитие всех членов общества за счет наибольшего удовлетворения их потребностей (материальных и культурных), которые имеют тенденцию к постоянному росту, достигаемому посредством непрерывного увеличения и совершенствования общественного производства, базирующегося на научно-техническом

прогрессе. Упомянутый закон свидетельствует о коренных преимуществах экономики советского социализма над экономикой капитализма, целью которой является извлечение наибольшей прибыли. Социалистическая собственность на средства производства давала простор развитию производительных сил, так как основанные на ней социалистические производственные отношения полностью соответствовали их характеру. Экономика социализма, в отличие от экономики капитализма идет по пути планомерного безкризисного развития, что позволяет обеспечить устойчивый и высокий уровень роста всего народного хозяйства. Социалистическая экономика обладает неограниченными рамками, позволяющими частной собственности концентрировать производство и углублять разделение общественного труда путем специализации и кооперации, что направлено на обеспечение быстрого роста производительности – главного условия победы нового общественного строя над старым [7].

Налоговая система в советское время обладала своими особенностями, отличающимися как от современной российской налоговой системы, так и от налоговых систем зарубежных стран. Так, например, с 1930 по 1980 гг. в СССР отсутствовали акцизы, роль которых выполнял налог с оборота. Отчисления свободного остатка от прибыли применялись вместо налога на прибыль (в современном понимании). Подоходный налог с населения и его прогрессивная ставка просуществовали с 1943 г. до 1991 г., претерпев всего четыре незначительных изменения в 80-е гг.

Имеется суждение, что в Советском Союзе налоговая система не была полноценной, по причине того, что налоги, которые поступали в казну от организаций, нельзя было именовать налогами, так как эти организации принадлежали государству. Это же касается и налогов с населения, поскольку налоги уплачивались с доходов, выплачиваемых государством. Тем не менее, налоговая система в СССР существовала.

К началу 1980-х гг. система налогообложения СССР представляла собой комплекс налоговых платежей, имеющих существенные отличия от общих направлений, по которым развивалась мировая налоговая практика. Именно в 1980-е гг. в большинстве государств мира, и, прежде всего, в государствах, имеющих развитую рыночную экономику, произошло формирование единой концептуальной и методологической основы построения налоговых систем, активизация проявления принципов унификации начисления основных видов налогов.

В советское время формирование доходов бюджета происходило за счет 3-х основных групп налоговых отчислений: налога с оборота, налогов с населения и отчислений от свободного остатка от прибыли.

Перестройка, начавшаяся в СССР в 1985 г., попала в историю как процесс, который подготовил крушение коммунистической тоталитарной системы. К этому времени действующая в стране экономическая политика требовала проведения реформ. Такая потребность была обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, несмотря на объявленное в начале 1970-х гг. движение на интенсификацию, экономика продолжила свое развитие с помощью экстенсивных методов. К 1989 г. насчитывалось более 300 тысяч сооружающихся объектов, имеющих производственное назначение. Капиталовложения расплылись, не принося положительного результата.

Во-вторых, оказались безуспешными многократные попытки создания действенного механизма внедрения научно-технического прогресса в промышленность и во все народное хозяйство.

В-третьих, чрезмерное развитие военно-промышленного комплекса, на который работало около 70 % всей промышленности государства, ложилось тяжким грузом на экономику. При этом истинные объемы расходов, идущие на военные цели, до общества не доводились.

В-четвертых, аграрный сектор, несмотря на сельскохозяйственную реформу 1965 г., в целом оставался нерентабельным, поглощая значительные объемы бюджетных дотаций. В стране насчитывалось лишь 30 % рентабельных колхозов и совхозов.

С 1987 г. началось реформирование платежей предприятий в бюджет, поскольку налоги перестали выполнять распределительную функцию, которая была заменена административными методами. 30.06.1987 г. был принят Закон «О государственном предприятии (объединении)», призванный повысить значение именно экономических методов управления, создать действенный механизм хозрасчета и самофинансирования предприятий при сохранении централизованного планового руководства народным хозяйством.

В этот период существующие ранее платежи в бюджет по сути постепенно заменялись налоговой системой. Это прослеживалось во введении нормативного метода распределения прибыли. Его суть заключалась в следующем: до начала отчетного периода для каждой организации устанавливался норматив, который определял часть прибыли, необходимую к перечислению в бюджет, часть, перечисляемую в отраслевые централизованные фонды, и часть, остающуюся в ее распоряжении. Данный метод должен был вызвать интерес у предприятий в росте общего объема прибыли, а также исключить возможности необоснованного административного вмешательства в их деятельность.

Другой попыткой при приостановлении финансового кризиса и стимулировании повышения эффективности производства была идея введения ресурсных платежей. Платежи за основные производственные фонды были по своему содержанию близки к налогу на имущество предприятий [8].

Также увеличить доходы бюджета планировалось за счет вводимого с 1991 г. налога с продаж. В начале 1990-х гг. налог с продаж действовал во многих странах мира и в некоторых из них продолжает действовать до сих пор.

Налог с продаж, в отличие от налога с оборота, взимается один раз. Это происходит на стадии производства, оптовой или розничной торговли. Он не дает возможности государству оказывать воздействие на все стадии движения товара от производителя к конечному потребителю. По налогу с продаж может быть установлена либо единая стандартная ставка, либо система ставок. В налоговой теории существует следующая классификация видов налога с продаж:

- одноступенчатый налог с продаж производителя (взимается однократно, при этом базой для налогообложения служит стоимость реализованной продукции производителем оптовому продавцу);
- налог с оптовых продаж (подлежит взиманию однократно со стоимости реализованной продукции оптовым продавцом розничному продавцу);
- некаскадный налог с розничных продаж (подлежит уплате зарегистрированными плательщиками со стоимости конечной реализации продукции потребителю. Он охватывает реализацию продукции конечным потребителям и не

взимается, если она реализуется для производственных целей);

- каскадный налог с продаж (взимается по единой ставке со стоимости любой реализации продукции любыми экономическими агентами) [9].

Налог с продаж начал взиматься на территории СССР с 1991 г. и получил название «горбачевский». Его введение сопровождалось нешуточным раздражением населения. Советский налог с продаж отдельно выделялся в цене при розничных продажах. Доходы от налога распределялись между союзным и республиканскими бюджетами. Однако уже в конце 1991 г. одновременно с распадом СССР началась череда кардинальных изменений в российском законодательстве о налогах и сборах. Новая система налогов и сборов, введенная законом «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» с 01.01.1992 г., не имела в своем составе налог с продаж, который был заменен на налог на добавленную стоимость.

Второй раз налог с продаж был введен в России в 1998 г. в качестве регионального налога. Важно отметить, что после введения в действие региональными органами власти на своей территории налога с продаж одновременно переставал взиматься региональный сбор на нужды образовательных учреждений, а также ряд местных налогов и сборов [10]. Но, даже, несмотря на потерю возможности взимания большей части местных налогов и сборов, налог с продаж был введен в 1999 – 2000 гг. всеми субъектами Российской Федерации.

В начале 2004 г. данный налог был снова отменен. Причиной отмены было одновременное действие налога с продаж и НДС, создававшее проблемы для налогоплательщиков. Помимо этого, параллельное взимание этих налогов привело к значительному росту издержек, связанных с администрированием, без оказания положительного действия на общий размер налоговых поступлений. Данный налог был признан низкоэффективным: поступления налога с продаж значительно уступали НДС: в 2003 г. было собрано всего 56 млрд руб. налога с продаж против 882 млрд руб. налога на добавленную стоимость.

С 2015 г. (спустя более чем 10 лет) российские власти вновь вернулись к обсуждению возможности введения в налоговую систему налога с продаж. Многие чиновники высказывали предположение, что такой шаг может стать альтернативой повышению ставки НДС (с 18 до 20 % с 2019 г.), а с повсеместным введением новой контрольно-кассовой техники его станет легко администрировать.

Существует точка зрения, что введение налога с продаж окажет содействие в решении ряда проблемных вопросов. Считается, что в первую очередь при введении данного налога произойдет перераспределение бюджетных доходов, так как налог с продаж будет как и раньше региональным налогом, что приведет к поступлению дополнительных средств в бюджеты субъектов.

Чиновниками рассматривается вопрос о возможном предоставлении региональным органам власти права вводить налог с продаж со ставкой до 3 %. Сейчас, как известно, все поступления налога на добавленную стоимость идут в федеральный бюджет, а с введением регионального налога с продаж каждый субъект федерации будет иметь дополнительный источник при формировании собственного бюджета.

Однако, большинство исследователей высказывают аргументы против введения налога с продаж наряду с сохранением НДС:

- нарушение основополагающих принципов налогообложения – наличие 2-х налогов с одинаковой налоговой базой в одной налоговой системе;

- потребность в дополнительных издержках, связанных с администрированием нового налога, как со стороны налоговых служб, так и налогоплательщиков. Процесс администрирования налога с продаж, как свидетельствует опыт его существования, гораздо сложнее и затратнее, по сравнению с администрированием любого другого российского налога.

В случае введения данного налога произойдет значительное увеличение числа налогоплательщиков, ведь уплачивать его будет необходимо всем торговым точкам, в частности, каждому ларьку и каждой торговой палатке. В настоящее время процесс контроля за соблюдением ими законодательства о налогах и сборах существенно упрощен, по причине их работы на основе патента или уплаты единого налога. С другой стороны, это приведет к увеличению налогоплательщиками числа сотрудников, которые занимаются администрированием налога. В то же время фискальная эффективность этого налога будет невысокой. Как свидетельствует пятилетний опыт его существования в российской налоговой системе, значения по уровню его собираемости колебались, по оценкам разных экспертных комиссий, в пределах от 60 % до 70 %.

Как известно, налог с продаж применяется, по большей части, в розничной торговле. В тоже время согласно официальной статистике не менее 15 % продовольственных и около 25 % непродовольственных товаров в России до сих пор продается на рынках. Очень большое количество проблем связано с высоким уровнем несетевой розничной торговли в южных регионах и регионах Северного Кавказа нашей страны. По информации Росстата, на торговлю через сетевые магазины в этих субъектах РФ приходится только 18,4 % оборота розничной торговли.

Поэтому появится необходимость в создании особой системы налогового администрирования, ведь налоговым органам необходимо будет осуществлять контроль за огромным количеством торговых точек. При этих обстоятельствах в полной мере учесть всю выручку, получаемую до сих пор по большей части наличными деньгами, практически невозможно. И повсеместное введение онлайн-касс не имеет должного эффекта в местностях, где преобладает рыночная торговля.

Помимо этого, уровень собираемости данного налога будет иметь значительную разницу между регионами вследствие сильного различия в величине розничного товарооборота. Расчеты ученых Института Гайдара показывают, что 20 субъектов РФ с наибольшим розничным товарооборотом получили бы 63 % всех сборов налога с продаж, в том числе Москва – 15,6 % всех поступлений, Московская область – 6,3 %, Краснодарский край и Санкт-Петербург – по 4,2 % [11]. Иными словами, в основном регионы-доноры, которые и сейчас не ощущают серьезных проблем при исполнении бюджета, получают дополнительные финансовые ресурсы от введения налога с продаж. А в бюджеты субъектов РФ, которые исполняются с дефицитом в течении многих лет, почти ничего не поступит. Налог с продаж (вне

зависимости от формы его введения) может оказать существенное влияние на социальную обстановку в государстве, изменить налоговое бремя граждан по причине неизбежного роста потребительских цен. В случае реализации продукции организациям, которые получают финансирование из бюджета, встает вопрос о возмещении им дополнительных расходов. По этой причине на полученную сумму налога необходимо увеличение финансирования расходов на здравоохранение, просвещение, оборону, правоохранительные органы и так далее.

Заключение

Подводя итог, важно отметить, что налог с продаж впервые был введен на территории нашей страны в эпоху «позднего» СССР в 1991 г. и просуществовал всего лишь один год, будучи замененным с распадом СССР на налог на добавленную стоимость. За короткий срок своего существования «горбачевский» налог с продаж не успел как-либо реформироваться, а механизм его исчисления и взимания так и не был отлажен. Второй раз налог с продаж был введен в России в 1998 г. в качестве регионального налога и просуществовал уже пять лет. Отмена налога в 2004 г. объяснялась параллельным взиманием налога с продаж и НДС, что создало ряд проблем для налогоплательщиков, кроме того, налог с продаж был признан низкоэффективным. В последние годы российские власти вновь вернулись к обсуждению возможности введения в налоговую систему налога с продаж: по некоторым мнениям такой шаг должен решить проблему дефицита региональных бюджетов. Однако, большинство исследователей высказывают аргументы против введения налога с продаж наряду с сохранением НДС. Принимая во внимание все возможные последствия введения данного налога, необходимо заключить, что такой шаг может привести к дестабилизации экономики страны.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Барбашова Н.Е. Налог с продаж: за и против / Н.Е. Барбашова, Г.В. Курляндская // Финансы. - 2014. - № 9. - С. 31-34.
2. Власова Е.В. Налог с продаж: положительные и отрицательные стороны / Е.В. Власова, Е.В. Игнатъева // Научно-методический электронный журнал Концепт. - 2014. - № Т26. - С. 121-125.
3. Бухарова С.А. Сравнительный анализ достоинств и недостатков двух основных моделей на потребление: НДС и налога с продаж / С.А. Бухарова, К.Д. Калмышова // Приднепровский научный вестник. - 2017. - Т. 2. - № 4. - С. 6-8.
4. Магоматов Ш.А. Налог на добавленную стоимость: особенности и отличия от налога с продаж / Ш.А. Магоматов, Ш.Ш. Джанаралиев // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2019. - № 4-3. - С. 74-77.
5. Пансков В.Г. Налог с продаж или НДС: что эффективнее? / В.Г. Пансков // Финансы. - 2012. - № 7. - С. 43-47.
6. Иноземцев В.Н. Консервативный эксперимент: почему СССР был не тем, чем казался [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/25/12/2017/5a40f6799a79473d753775a4> (дата обращения: 10.02.2020).
7. СССР. Общая характеристика экономики [Электронный ресурс] // URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/106/984.htm> (дата обращения: 10.02.2020).
8. Теория и история налогообложения / И.А. Майбууров, Н.В. Ушак, М.Е. Косов. - М., Юнити-Дана, 2010. - 424 с.
9. Проблемы налоговой системы России: теория, опыт, реформа. Научные труды под ред. М. Алексева, С. Синельникова. - М., 2000. - 503 с.
10. О внесении изменений и дополнений в статью 20 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации». Федеральный закон от 31.07.1998 № 150-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.02.2020).
11. Пансков В.Г. О приоритетах в налоговой политике ближайшего будущего / В.Г. Пансков // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. - 2017. - № 2. - С. 54-65.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Barbashova N.E. Nalog s prodazh: za i protiv [Sales tax: pros and cons] / N.E. Barbashova, G.V. Kurlyandskaya // Finansy [Finance]. - 2014. - No 9. - P. 31-34. [in Russian]
2. Vlasova E.V. Nalog s prodazh: polozhitel'nye i otricatel'nye storony [Sales tax: positive and negative aspects] / E.V. Vlasova, E.V. Ignat'eva // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal Koncept [Scientific and methodological electronic magazine Concept]. - 2014. - No 26. - P. 121-125. [in Russian]
3. Buharova S.A. Sravnitel'nyj analiz dostoinstv i nedostatkov dvuh osnovnyh modelej na potreblenie: NDS i naloga s prodazh [Comparative analysis of the advantages and disadvantages of the two main consumption models: VAT and sales tax] / S.A. Buharova, K.D. Kalmyshova // Pridneprovskij nauchnyj vestnik [Pridneprovskiy scientific Bulletin]. - 2017. - Vol. 2. - No 4. - P. 6-8. [in Russian]
4. Magomadov SH.A. Nalog na dobavlennyuyu stoimost': osobennosti i otlichiya ot naloga s prodazh [Value added tax: features and differences from sales tax] / SH.A. Magomadov, SH.SH. Dzhhanaraliev // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Economics and business: theory and practice]. - 2019. - No 4-3. - P. 74-77. [in Russian]
5. Panskov V.G. Nalog s prodazh ili NDS: chto effektivnee? [Sales tax or VAT: which is more effective?] / V.G. Panskov // Finansy [Finance]. - 2012. - No 7. - P. 43-47. [in Russian]
6. Inozemcev V.N. Konservativnyj eksperiment: pochemu SSSR byl ne tem, chem kazalsya [Conservative experiment: why the USSR was not what it seemed] [Electronic resource] // URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/25/12/2017/5a40f6799a79473d753775a4> (date of request: 10.02.2020). [in Russian]
7. SSSR. Obshchaya harakteristika ekonomiki [USSR. General characteristics of the economy] [Electronic resource] // URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/106/984.htm> (date of request: 10.02.2020). [in Russian]
8. Teoriya i istoriya nalogooblozheniya [Theory and history of taxation] / I.A. Majbuurov, N.V. Ushak, M.E. Kosov. - M., YUniti-Dana, 2010. - 424 p. [in Russian]
9. Problemy nalogovoj sistemy Rossii: teoriya, opyt, reforma. Nauchnye trudy pod red. M. Alekseeva, S. Sinel'nikova.

[Problems of the Russian tax system: theory, experience, reform. Scientific papers under the editorship of M. Alekseeva, S. Sinelnikov] – М., 2000. – 503 p. [in Russian]

10. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v stat'yu 20 Zakona Rossijskoj Federacii «Ob osnovah nalogovoj sistemy v Rossijskoj Federacii». Federal'nyj zakon ot 31.07.1998 № 150-FZ [On amendments and additions to article 20 of the Law of the Russian Federation "on the basics of the tax system in the Russian Federation". Federal law No. 150-FZ of 31.07.1998] [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date of request: 10.02.2020). [in Russian]

11. Panskov V.G. O prioritetaх v nalogovoj politike blizhajshego budushchego [About priorities in the tax policy of the near future] / V.G. Panskov // ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika [STAGE: economic theory, analysis, practice]. - 2017. - No 2. - P. 54-65. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.133>

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СТРАХОВОГО РЫНКА

Научная статья

Спицина Д.В.¹, Цыденова Д.Б.^{2,*}, Орусова О.В.³

¹ ORCID: 0000-0003-1850-7582;

³ ORCID: 0000-0002-5489-931X;

^{1, 2, 3} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (danzana[at]list.ru)

Аннотация

В статье рассмотрены основные тенденции мирового страхового рынка по сегментам страхования жизни и «нежизни» в мировом ВВП, а также по группам стран в соответствии с классификацией МВФ (на примере развитых, развивающихся и новых индустриальных стран); проанализированы доли страховых премий в ВВП на душу населения в Топ-10 странах по состоянию на 2017 год и выявлены прогнозные значения в развитии страхования жизни и имущественного страхования по вышперечисленным группам стран в период с 2020 по 2025 гг.

Ключевые слова: страхование, мировой рынок страхования, страхование жизни, страхование «не жизни».

TRENDS IN WORLD INSURANCE MARKET DEVELOPMENT

Research article

Spitsina D.V.¹, Tsydenova D.B.^{2,*}, Orusova O.V.³

¹ ORCID: 0000-0003-1850-7582;

³ ORCID: 0000-0002-5489-931X;

^{1, 2, 3} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

* Corresponding author (danzana[at]list.ru)

Abstract

The article discusses the main trends of the world insurance market by life insurance and non-life insurance segments in world GDP, as well as by groups of countries in accordance with the IMF classification (for example, developed, developing and newly industrialized countries); we analyzed the share of insurance premiums in GDP per capita in the Top 10 countries as of 2017 and identified predicted values in the development of life insurance and property insurance for the above groups of countries in the period from 2020 to 2025.

Keywords: insurance, global insurance market, life insurance, non-life insurance.

Введение

Мировой страховой рынок находится перед лицом глобальных вызовов. Экономическая нестабильность, усиление регуляторных требований, природные риски и снижение окупаемости инвестиций – вот лишь некоторые факторы, выявленные Eсonomic Intelligence Unit в результате опроса 322 руководителей страховых посреднических компаний из Северной Америки, Европы и Азии о перспективах развития отрасли вплоть до 2030 года [5].

Реакцией на грядущие вызовы становится изменение архитектуры мирового страхового рынка. Углубление специализации, переход традиционных видов страхования на цифровые платформы, создание новых кросс-секторальных продуктов определяют расстановку сил стран-участников в глобальном масштабе.

Целью работы является изучение текущей ситуации на рынке страхования и выявление основных тенденций развития мирового рынка страхования в ближайшие 5 лет.

Объектом анализа является мировой страховой рынок, предметом анализа - перспективы развития мирового страхового рынка в период с 2020 по 2025 гг.

Методы и принципы исследования

При проведении исследования применялись общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения и прогнозирования, а также статистические методы анализа данных, табличного и графического представления результатов исследования. Информационной базой исследования послужили данные международных аналитических агентств, а также данные официальных сайтов Федеральной резервной системы, Международного Валютного Фонда, Организации экономического сотрудничества и развития.

В целях количественной оценки трансформации страхового рынка на различных ступенях развития используют спектр показателей, характеризующих состояние мирового страхового рынка – при сравнении пропорций различных видов страхования в мировом ВВП; международного страхового рынка – при региональном сопоставлении по различным критериям; национального страхового рынка – при оценке позиций стран-лидеров.

При сравнении данных видов страхования, можно отметить, что страхование жизни в глобальном масштабе подвержено более сильным колебаниям и на протяжении последних лет демонстрирует ярко выраженную тенденцию к росту (см. рис. 1). В 2015 году было отмечено увеличение доли страхования жизни более чем на 50%. За указанный период страхование «не жизни» возросло примерно на 4%. Рассматриваемый разрыв может быть связан с увеличением осведомленности населения, развитием индивидуальных предложений страховых продуктов, развитием цифровых предложений. Кроме того, страхование жизни традиционно включает в себя меньше направлений, что также может быть причиной преобладания страхования «не жизни» на протяжении всего рассматриваемого периода.

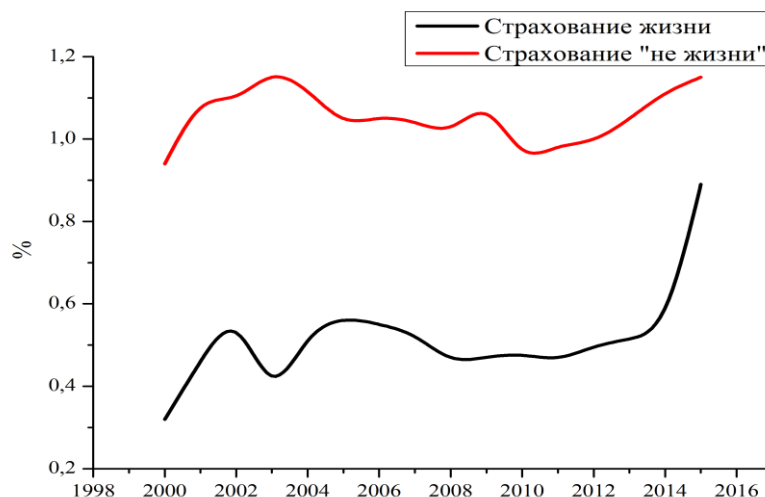

Рисунок 1 – Доля страхования жизни и страхования «не жизни» в мировом ВВП

Примечание: составлен авторами по данным официального сайта Федеральной резервной системы [10]

Переходя от общей тенденции к составным элементам, необходимо отметить, что при анализе развития страхования жизни и страхования «не жизни» в зависимости от степени детализации, можно выделять различные регионы. Так, при наиболее общем подходе единицами для сравнения являются развитые и развивающиеся страны. Термин «развитые страны» традиционно используется Международным валютным фондом для определения территорий с высоким уровнем ВВП на душу населения, степенью индустриализации и индексом человеческого развития. К странам с развитой экономикой относят, прежде всего, США, страны-члены Еврзоны, Японию, Великобританию, Канаду. Однако в настоящее время в большинстве развитых стран наблюдается период рецессии, проявляющийся в серьезном замедлении темпов экономического роста, по сравнению с 1990-ми годами, что ведет к снижению темпов прироста мирового ВВП.

В рамках передовых экономик выделяют также группу новых индустриальных стран (Newly Industrialized Asian Economies), куда включают Гонконг, Южную Корею, Сингапур и Тайвань [8]. Основой для образования данной группы стал особый путь трансформации экономик указанных стран на рубеже XX и XIX вв. – от сельскохозяйственной ориентации к быстрому промышленному росту. По темпам экономического роста страны из рассматриваемой категории существенно опережают развивающиеся страны и многие из развитых стран. Новые индустриальные страны участвуют в торговых блоках и проводят активную политику по привлечению инвестиций из развитых стран, что приводит к увеличению взаимозависимости экономик, в том числе и в сфере страхового рынка.

Развитые страны традиционно занимают лидирующие позиции на мировом страховом рынке, как по страхованию «жизни», так и по страхованию «не жизни» (см. рис.2). Наиболее сбалансированная пропорция с незначительным преобладанием страхования «не жизни» наблюдается у США (USA) (58,68%) и Канады (CAN) (56,36%). Кроме того, страхование «не жизни» является доминирующим направлением Германии (DEU). В Китае (CHN) отмечена обратная ситуация: более распространенным направлением является страхование жизни (56,34%). Среди стран, специализирующихся на страховании «жизни», также стоит отметить Великобританию (GBR), Францию (FRA), Италию (ITA), Японию (JPN), Тайвань (TWN) и Республику Корею (KOR).

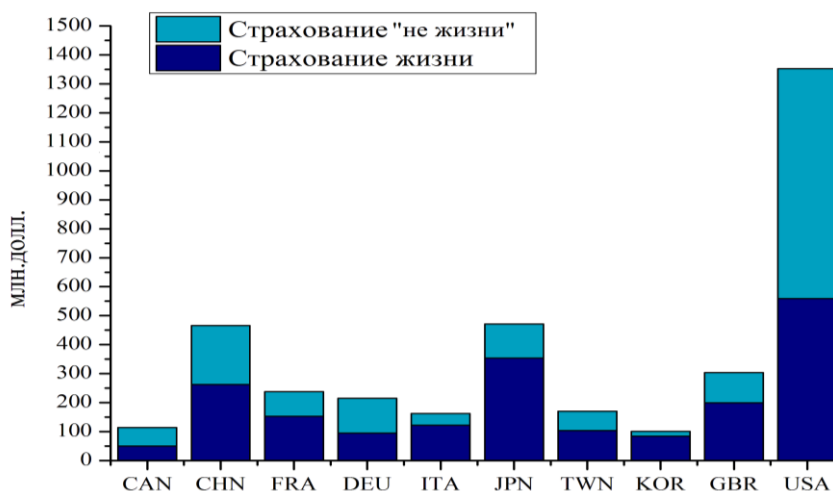

Рисунок 2 – Топ-10 стран по страхованию жизни и страхованию «не жизни», 2017 год

Примечание: составлен авторами по данным официального сайта Организации экономического сотрудничества и развития [3]

Традиционно доля страхования жизни в ВВП на уровне 10% в странах с развитой рыночной экономикой (major advanced economies) – в США и странах Европейского союза (ЕС). Однако в настоящее время традиционных лидеров вытесняют Тайвань (TWN), Каймановы острова (CYM) и Гонконг (HKG), где доля страховых премий в ВВП составляет около 20%. К следующей за ними группе стран, значение рассматриваемого показателя в которых превышает 10%, относятся Южно-Африканская республика (ЮАР, ZAF), Республика Корея (KOR) и Финляндия (FIN). Далее приблизительно равные значения наблюдаются в Дании (DNK), Великобритании (GBR), Нидерландах (NLD) и Франции (FRA).

Не менее значимым относительным показателем, позволяющим оценивать значимость страховых услуг в различных регионах, является распределение страховых премий на душу населения (см. рис.3). Доминирующим регионом по результатам 2017 года становятся Каймановы острова (CYM) со значением данного показателя, примерно в 2 раза превышающим уровень Гонконга (HKG) – 8 долл. США. В замыкающей группе стран – Люксембурге (LUX), Тайване (TWN), Сингапуре (SGP), Финляндии (FIN), Ирландии (IRL) и Нидерландах (NLD) – на душу населения в среднем приходится 5 долл. США

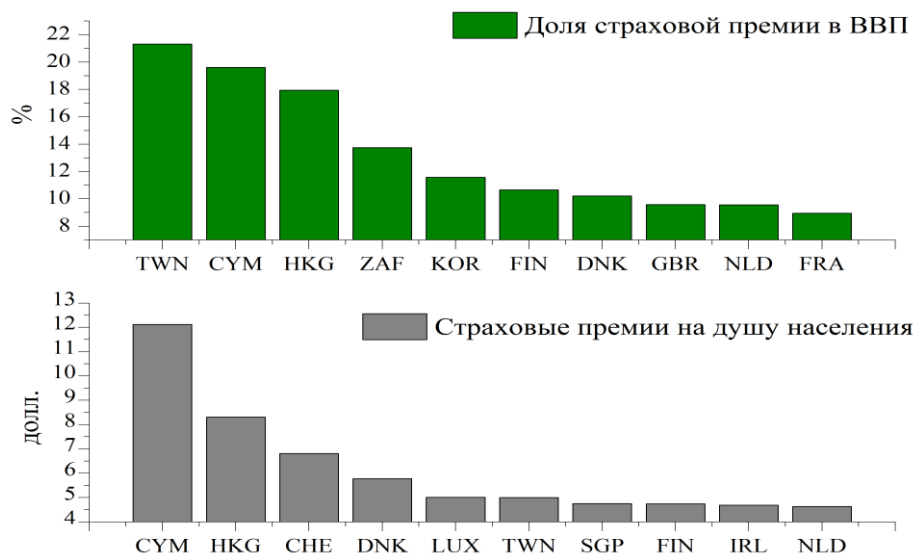

Рисунок 3 – Топ-10 стран по доле страховой премии в ВВП и страховым премиям на душу населения, 2017 год

Примечание: составлен авторами по данным официального сайта Организации экономического сотрудничества и развития [9]

Основой для выделения развивающихся государств служит низкий уровень дохода, высокая волатильность рынка, восприимчивость к колебаниям доллара. Группу развивающихся стран образуют страны Центральной и Восточной Европы; Содружество Независимых государств (СНГ), включая Грузию и Монголию; Развивающуюся Азию; Латинскую Америку и Карибский бассейн; Ближний Восток и Северную Африку и Суб-Сахарскую Африку. Например, По поводу причисления страны к группе развивающихся стран не существует единого мнения. МВФ, Morgan Stanley Capital International (MSCI), международное рейтинговое агентство Standard and Poor'S (S&P) составляют различные списки развивающихся стран.

При сопоставлении позиций развитых стран и стран с переходной экономикой в сфере страхования жизни и страхования «не жизни» необходимо отметить, что сектор страхования жизни в развивающихся странах в 2017-2025гг. увеличится на 128 млрд. долл. [6]. В развитых странах будет наблюдаться обратная ситуация. Замедление темпов роста будет наблюдаться, как в сегменте страхования жизни (на 632 млрд. долл.), так и в сфере страхования «не жизни» (на 769 млрд. долл.). Менее значительное снижение темпов роста страхования «не жизни» будет происходить в развивающихся странах и составит 2 млрд. долл.

В области страхования жизни рост премий в развивающихся странах обусловлен развитием рынков Азии и Латинской Америки (см. рис. 4).

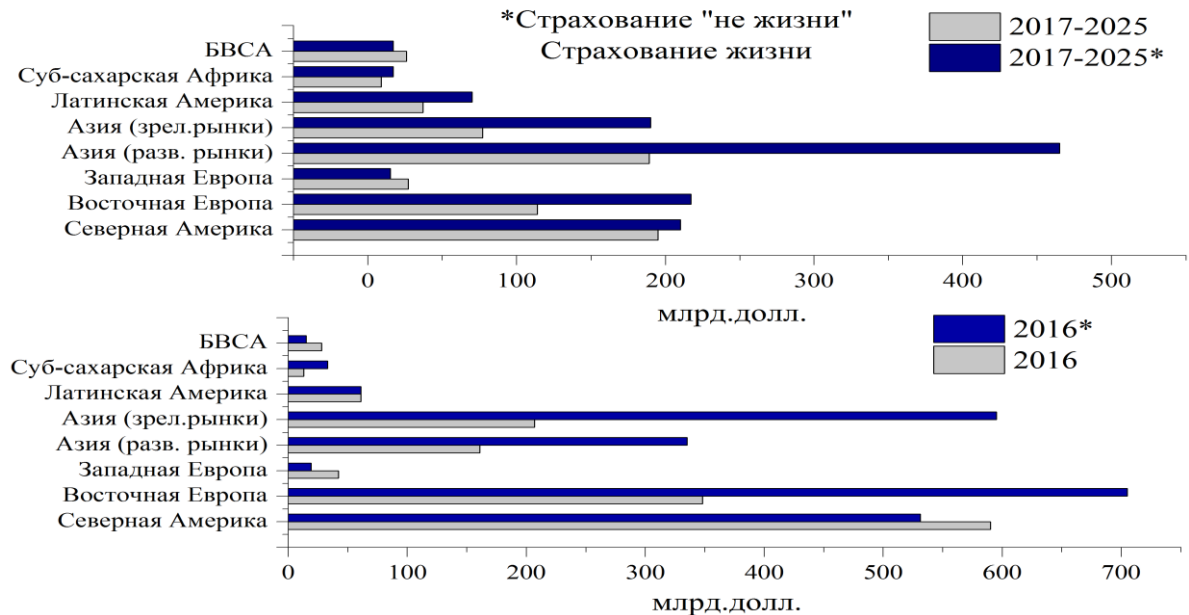

Рисунок 4 – Прирост прямых страховых премий по страхованию «не жизни» и страхованию жизни: наблюдаемые и прогнозные значения

Примечание: составлен авторами по данным *Insurance Market Outlook for 2017/2018* [6]

Развивающиеся рынки останутся двигателем роста мировой экономики и страховой индустрии в течение следующего десятилетия. Объем развивающихся рынков Азии в сфере страхования жизни в 2017-2025 гг. увеличится на 28 млрд. долл., в сегменте страхования «не жизни» – на 130 млрд. долл.

Восходящая тенденция будет также отмечена в области страхования жизни в Латинской Америке и на Ближнем Востоке и Северной Африке (БВСА): рост премий за указанный промежуток составит соответственно 9 млрд. долл. и 2 млрд. долл. В других регионах будет отмечено замедление темпов роста страхового рынка. Наибольшее сокращение переживает страховой рынок стран Восточной Европы: в 2017-2025 гг. в секторе страхования жизни отрицательное значение прироста будет эквивалентно 234 млрд. долл.

Заключение

Таким образом, уже сегодня американские и европейские страховщики неуклонно теряют позиции перед азиатскими компаниями вследствие замедления роста развитых стран и активизацией развивающихся рынков. Как американские, так и европейские компании выходят на рынки развивающихся стран, но сталкиваются с возросшей конкуренцией со стороны местных страховщиков. Китай и развивающиеся страны Азии по-прежнему остаются драйверами роста мирового страхового рынка. Согласно прогнозам, доля развивающихся рынков в глобальных премиях увеличится примерно на 50% в течение следующих 10 лет, чему будут способствовать такие факторы, как регуляторное воздействие, внедрение технологий, продолжающаяся урбанизация и стремление к финансовой интеграции.

Изменение расстановки сил в глобальной страховой отрасли происходит по ряду направлений, ведущим из которых является страхование жизни. В сегменте страхования жизни двигателем развития развивающихся рынков Азии станет Китай. Однако темпы роста китайского рынка страхования жизни будут показывать более заметную нисходящую тенденцию, чем индийский рынок страхования жизни. В целом, темпы роста развивающихся рынков Азии будут превосходить Латинскую Америку и Африку по страхованию «жизни» и страхованию «не жизни» вплоть до 2025 года.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Arena, M. Does Insurance Market Activity Promote Economic Growth? A Cross-Country Study for Industrialized and Developing Countries [Text] / M. Arena // *Journal of Risk & Insurance*. – 2008. – Vol. 75. – No. 4. – P. 9.
2. Ching, K.S. Causal relation between life insurance funds and economic growth: evidence from Malaysia [Text] / K.S. Ching, M. Kogid, F. Furuoka // *ASEAN Economic Bulletin*. – 2010. – P. 185.
3. Hadhek, Z. Insurance and Economic Growth [Text] / Z. Hadhek // *Journal of Economics and Sustainable Development*. – 2014. – No. 5. – P. 112.
4. Lee, Chien-Chiang. The link between life insurance activities and economic growth: Some new evidence [Text] / Chien-Chiang Lee, Chi-Chuan Lee, Yi-Bin Chiu // *Journal of International Money and Finance*. – 2013. — No. 32. – P. 47.
5. The Economist Intelligence Unit. Digital Adoption in the Insurance Sector from Ambition to Reality? [Text] // EIU. – 2015. – P.3. *Insurance Market Outlook for 2017/2018*.
6. Munich Re Group // [electronic resource] URL: <https://www.munichre.com/topics-online/en/economy/global-outlook-2017-2018.html> (date of request 25.04.2020).

7. What are Insurance Linked Securities (ILS), and Why Should they be Considered? // Swiss re Capital Markets. – 2012. – [electronic resource] URL: <https://www.casact.org/community/affiliates/CANE/0912/Cat-Bond.pdf> (дата обращения 08.02.2020).

8. Official website of International Monetary Fund // [electronic resource] URL: <https://www.imf.org/external/index.htm> (date of request 06.04.2020).

9. Official website of Organization of Economic Cooperation and development / [electronic resource] URL: <https://data.oecd.org/searchresults/?q=insurance> (date of request 06.04.2020).

10. Official website of Federal Reserve System // [electronic resource] URL: <https://fred.stlouisfed.org/search/?st=usa%20insurance> (date of request 08.01.2020).

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.134>

ВИЗУАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ЦЕЛЯМ В ФОРМАТЕ SQDCME

Научная статья

Чистникова И.В.*

ORCID: 0000-0002-9653-9929,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

* Корреспондирующий автор (chistnikova[at]bsu.edu.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию современной системы управления, складывающейся на основе симбиоза управления по целям и бережливых технологий. Рассматриваются методические аспекты процесса управления на основе целей и ключевых показателей, модернизированного согласно концепции бережливого производства. Дается характеристика элементов процесса визуального управления по целям в формате SQDCME (безопасность, качество, исполнение заказа, затраты, компаративная культура, экология). Обобщаются положительные эффекты метода визуального управления по целям в формате SQDCME.

Ключевые слова: управление по целям, визуальное управление, SQDCME, бережливое управление

VISUAL MANAGEMENT BASED ON GOALS IN THE SQDCME MODEL

Research article

Chistnikova I.V.*

ORCID: 0000-0002-9653-9929,

National Research University "Belgorod State University," Belgorod, Russia

* Correspondent author (chistnikova[at]bsu.edu.ru)

Abstract

The article is devoted to the study of the modern management system emerging due to the symbiosis of management based on goals and lean production. Methodological aspects of the management based on goals and key indicators, modernized by the concept of lean manufacturing, are considered. The characteristic of the elements of the visual control process based on goals in the SQDCME model (safety, quality, delivery, cost, morale, and environment) is given. The positive effects of the visual goal management method in SQDCME model are summarized.

Keywords: goal management, visual management, SQDCME, lean management.

Введение

Научно-практическая значимость вопросов совершенствования процессов управления и повышения эффективности деятельности бизнес-структур и органов власти не теряет своей актуальности. Одними из наиболее перспективных методов управления экономикой организации в настоящее время можно назвать управление по целям и бережливое управление. Практическое применение данных управленческих подходов в симбиозе позволяет существенно увеличить результативность работы организаций без существенных расходов.

Другими словами, использование целевой модели SQDCME из научно-практического подхода бережливого производства в классическом управлении по целям открывает компаниям новые возможности роста. При этом важным элементом такого управленческого процесса должна стать визуализация целевых ориентиров и ключевых показателей.

Не смотря на широкое применение концепций бережливого (lean) производства во многих организациях методики использования lean- инструментария не достаточно проработаны, имеется потребность в их развитии.

Основные результаты

Управление по целям является популярным комплексным системным инструментом менеджмента. Особенность метода состоит в формировании руководителем набора целей для всех сотрудников и подразделений организации. [10, С. 21] Цели деятельности организации в процессе управления представляют собой направления контроля результативности. [2, С. 2]; [5, С. 12]; [8, С. 27]

Следовательно, сообразно целям определяется комплекс индикаторов (показателей) для измерения достижимости целевого ориентира.

Целесообразно в хозяйственной практике сочетать управление на основе целей с концепцией бережливого производства. Так как бережливые технологии как явление в менеджменте являются эффективными в разных сферах и отраслях.

В рамках применения бережливого производства подход управления организацией на основе целеполагания следует реализовывать в формате SQDCME. Модель SQDCME считается стандартным методом lean-технологий, позволяющим показать руководителям разного уровня связь их операционной деятельности с производственными показателями.

Назначение системы операционного менеджмента в формате SQDCME заключается в постоянном обеспечении эффективности основных процессов, снижении потерь в процессах за счет улучшения операций, достижении высокого качества продукции и услуг, визуализации успеха. [2, С. 2]; [6, С. 318]

Модель управления SQDCME включает следующие целевые составляющие [1, С. 1]; [7, С. 6]:

S – безопасность;

Q – качество;

D – исполнение заказа;

C – затраты;

M – корпоративная культура;

Е – экология.

Таким образом, следует отметить, что при управлении по целям в формате SQDCME организации не определяют для себя индивидуальные целевые направления, а адаптируют к своей деятельности единый комплекс целей как сбалансированную по lean-принципам систему, способствующую максимальной рационализации менеджмента.

Управление по целям формате модели SQDCME дает возможность обобщать стратегические, тактические и операционные показатели организаций, мониторинг которых позволяет оценить степень достижения целей.

Преимуществом использования единой модели целевых направлений SQDCME в компании можно назвать решение вопроса рассогласованности в целях внутри организации между руководством и сотрудниками.

Для планирования, организации, мотивации и контроля согласно целям SQDCME необходим комплекс показателей, значения которых позволят делать выводы об уровне достижения целей.

Примерный комплекс показателей модели управления SQDCME представлен на рисунке 1. По каждому целевому направлению должно быть определено не менее двух показателей.

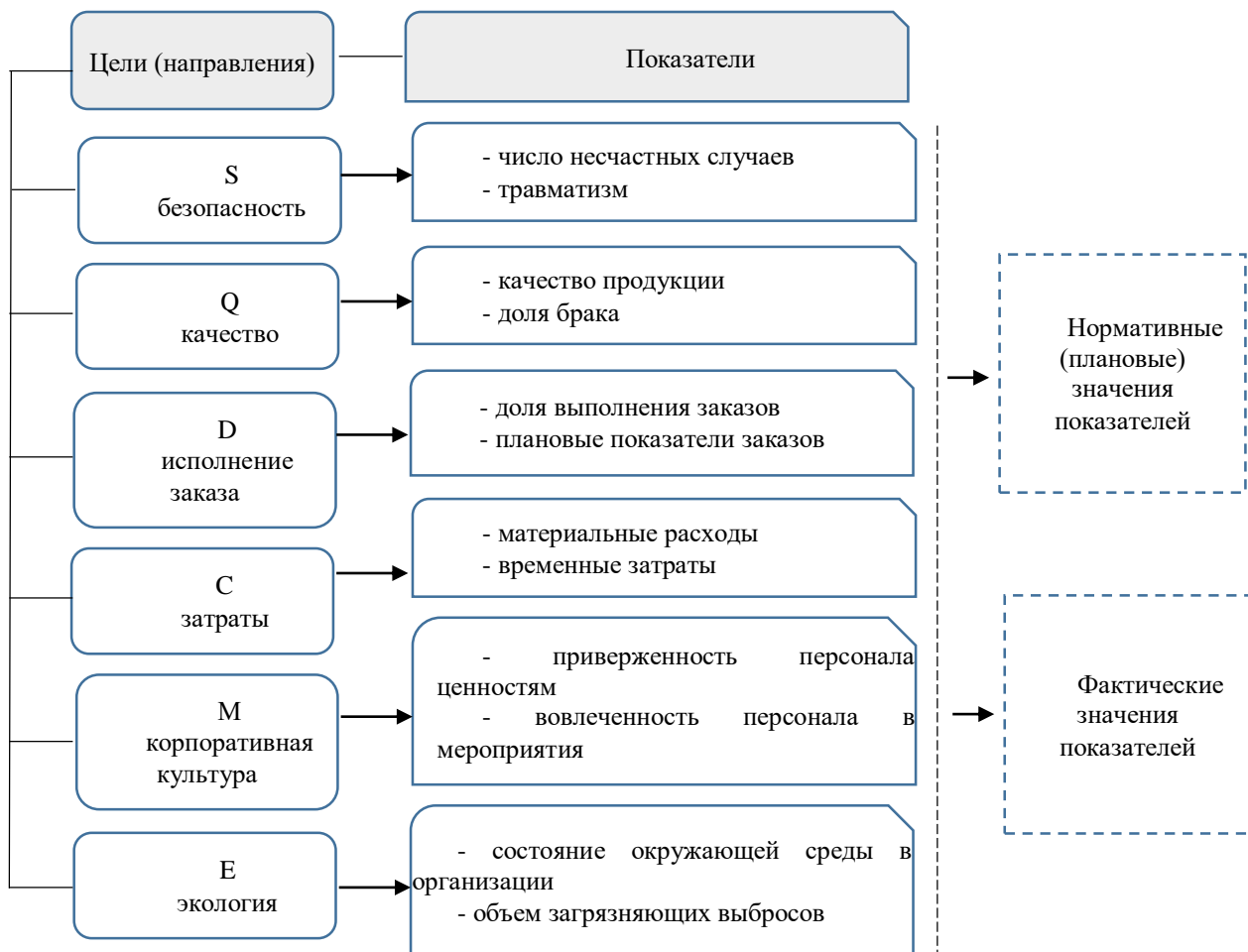

Рис.1 – Примерный комплекс показателей модели управления SQDCME

Представленные на рисунке 1 показатели можно назвать индикаторами эффективности деятельности разных подразделений организации с учетом обеспечения конкурентоспособности.

Как видно из рисунка 1, в процессе управления в формате модели целевых направлений SQDCME следует предварительно установить нормативные или плановые величины ключевых показателей, а также периодичность контроля фактически достигнутых результатов.

По нашему мнению, наилучшим способом контроля результативности по ключевым направлениям является мониторинг показателей по каждой цели SQDCME. Под мониторингом в данном контексте подразумевается периодический (например, ежедневный) контроль, постоянная оценка параметров целевого направления с целью оперативного управления его состоянием.

Так как одним из основополагающих принципов бережливого производства считается визуальное управление, то данный инструмент несомненно должен применяться и в менеджмент по целям и ключевым направлениям обеспечения эффективности.

Визуальное управление – это «система наглядных элементов (табло, схем, указателей, разметки, информации на дисплеях), управляющих действиями людей». [3, С. 72-73]

Визуализация в процессе управления подразумевает систематическое представление значений ключевых показателей на стенде в помещении для проведения совещаний преимущественно в графической или табличной форме.

При этом особое значение в управлении имеет визуализация мониторинга как средство наглядного представления взаимосвязи процесса деятельности и результатов работы.

Визуальный менеджмент в режиме мониторинга способствует пониманию руководителем успехов и проблемных зон организации, обеспечивает работников информацией для самооценки своих действий.

Визуальное управление по целям в рамках lean-концепции предполагает наличие следующих этапов внедрения:

- адаптация целей SQDCME к видам и сферам деятельности организации;
- выбор не менее двух ключевых показателей для каждой цели;
- утверждение периодичности мониторинга ключевых показателей для каждой цели;
- закрепление ответственных за достижение ключевых показателей для каждой цели;
- установление нормативных или плановых значений для ключевых показателей.

Менеджеры, применяющие визуальное управление в формате SQDCM на практике во всех подразделениях организации, формулирую следующие положительные эффекты данного инструмента [4, С. 7-8]; [9, С. 150]:

- своевременное информирование всех участников хозяйственного процесса о результатах и целях деятельности, прозрачность и оперативность данных;
- мониторинг всех этапов и параметров хозяйственного (производственного) цикла производства продукции (работ, услуг);
- экономия временных затрат на проведение совещаний и планерок;
- не только отслеживание результатов во время процесса работы, но и контроль качества, соблюдение требований охраны труда, обслуживания оборудования и культуры производства на ежедневной основе;
- более правильную и корректную расстановку приоритетов в производстве на день;
- решение проблем взаимодействия между технологическими и производственными службами.

Заключение

В современных условиях нарастания конкуренции и научно-технического развития компании ищут пути модернизации систем управления.

В хозяйственной практике многих предприятий и органов власти широкое распространение получил подход на основе управления по целям, который основан на закреплении целевых ориентиров в деятельности организации. Эффективность работы организации при управлении по целям обеспечивается и контролируется посредством ключевых показателей.

Так как в предпринимательской среде многих стран мира, в том числе и в России, в настоящее время повсеместно используется инструментальный бережливое производство, то подход управления по целям также модифицируется согласно lean-идеологии.

В рамках применения концепций бережливого производства управление осуществляется по следующим целевым направлениям: обеспечение безопасности всех потребителей и работников организации (S), достижение высокого качества продукции и социально-трудовых отношений с коллективом организации (Q), выполнение условий заказов клиентов (D), контроль затрат (C), развитие корпоративной культуры (M), соблюдение экологических норм (E).

Наибольшая эффективность в управлении достигается за счет инструмента визуализации, который может применяться повсеместно и, в том числе, при управлении по целям в модели SQDCME.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Баев Г.О. Использование простых инструментов бережливого производства для достижения целей [Электронный ресурс] / Г.О. Баев // Центр управления производством. – Режим доступа: <http://cup-russia.ru/2019/03/volgaero/>
2. Белов А. Управление по целям и его автоматизация / А. Белов // Электронный журнал: Управляем предприятием. – 2012. – № 12 (23). – С. 1-8.
3. Денисова В.Г. Визуальный менеджмент как инструмент управления // Стандарты и качество. – 2019. – № 9. – С. 70-74.
4. Жемчугов А. М. Управление по целям. Система показателей / А. М. Жемчугов, М. К. Жемчугов // Проблемы экономики и менеджмента. – 2014. – № 04 (32). – С. 4–15.
5. Кузьмин А.М. Управления по целям / А.М. Кузьмин, Е.А. Высоковская // Методы менеджмента качества. – 2012. – № 3. – С. 11-12.
6. Лапаев П.Ю. Применение ключевых показателей эффективности в управлении по целям / П.Ю. Лапаев // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. – 2015. – № 1 (3). – С. 318-319.
7. Лукашевич Д.И. Технологии «бережливого производства» в управлении предприятием / Д.И. Лукашевич // Уральский научный вестник. – 2018. – Т. 5. – №4. – С. 6-8.
8. Семенюк, Е. В. Управление по целям в менеджменте социально-экономической системы / Е. В. Семенюк. // Вопросы экономики и управления. – 2017. – № 3 (10). – С. 27-29.
9. Сетина И.И. Применение бережливых технологий в управлении организацией / И.И. Сетина // XX Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета: сборник статей. – 2018. – С. 149-152.
10. Черняков М.К. Применение метода «управление по целям» к системе управления организацией / М.К. Черняков, В.М. Черняков // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. – 2015. – № 3 (14). – С. 19-22.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bayev G.O. The use of simple tools of lean manufacturing to achieve goals [Electronic resource] / G.O. Bayev // Center for Production Management. - Access mode: <http://cup-russia.ru/2019/03/volgaero/> [in Russian]
2. Belov A. Management by goals and its automation / A. Belov // Electronic journal: We manage the enterprise. - 2012. - No. 12 (23). - S. 1-8.
3. Denisova V.G. Visual management as a management tool // Standards and quality. - 2019. - No. 9. - P. 70-74. [in Russian]

4. Zhemchugov A. M. Management by objectives. Scorecard / A. M. Zhemchugov, M. K. Zhemchugov // Problems of Economics and Management. - 2014. - No. 04 (32). - P. 4–15. [in Russian]
5. Kuzmin A.M. Office for goals / A.M. Kuzin, E.A. Vysokovskaya // Methods of quality management. - 2012. - No. 3. - P. 11-12. [in Russian]
6. Lapaev P.Yu. The use of key performance indicators in management by goals / P.Yu. Lapaev // Actual directions of scientific research: from theory to practice. - 2015. - No. 1 (3). - P. 318-319. [in Russian]
7. Lukashevich D.I. Technologies of “lean manufacturing” in enterprise management / D.I. Lukashevich // Ural Scientific Herald. - 2018. - T. 5. - No. 4. - P. 6-8. [in Russian]
8. Semenyuk, E. V. Management of goals in the management of the socio-economic system / E. V. Semenyuk. // Issues of economics and management. - 2017. - No. 3 (10). - P. 27-29. [in Russian]
9. Setina I.I. Application of Lean Technologies in Organization Management / I.I. Setina // XX All-Russian Student Scientific and Practical Conference of the Nizhnevartovsk State University: collection of articles. - 2018 .-- P. 149-152. [in Russian]
10. Chernyakov M.K. Application of the “management by goals” method to the organization’s management system / M.K. Chernyakov, V.M. Chernyakov // Bulletin of the Siberian University of Consumer Cooperatives. - 2015. - No. 3 (14). - P. 19-22. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.135>

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ АГРАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Научная статья

Шалдохина С.Ю.^{1,*}, Немченко А.В.², Семик С.В.³

¹ ORCID: 0000-0001-5130-4993;

² ORCID: 0000-0001-7168-2465;

^{1, 2, 3} Волгоградский ГАУ, Волгоград, Россия

* Корреспондирующий автор (Shaldohina[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматривается понятие финансовой устойчивости в целом, а также с учетом особенностей ведения успешной деятельности аграрных предприятий. Представлены внутренние и внешние факторы устойчивого развития, освещены условия, влияющие на успешное функционирование предприятий аграрной сферы. Определены показатели оценки финансовой устойчивости аграрных предприятий. Проведен анализ показателей устойчивости финансового развития на примере аграрного предприятия Саратовского региона.

Ключевые слова: финансовая устойчивость, показатели финансовой устойчивости, аграрные предприятия, оборотные средства.

ASSESSMENT OF FINANCIAL STABILITY OF AGRICULTURAL ENTERPRISES

Research article

Shaldokhina S.Yu.^{1,*}, Nemchenko A.V.², Semik S.V.³

¹ ORCID: 0000-0001-5130-4993;

² ORCID: 0000-0001-7168-2465;

^{1, 2, 3} Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russia

* Correspondent author (Shaldohina[at]mail.ru)

Abstract

This article discusses the general concept of financial stability, as well as the characteristics of the successful operation of agricultural enterprises. Both internal and external factors of sustainable development are presented; the conditions affecting the successful functioning of agricultural enterprises are highlighted. The indicators for assessing the financial stability of agricultural enterprises are determined. The analysis of indicators of the sustainability of financial development is conducted on the example of an agricultural enterprise of the Saratov region.

Keywords: financial stability, indicators of financial stability, agricultural enterprises, circulating assets.

Введение

Финансовая стабильность или устойчивость в современных условиях хозяйствования выступает главной характеристикой финансово-хозяйственной деятельности аграрного бизнеса. Параметры устойчивого развития отображают степень безопасности средств, вложенных в предприятие. Финансовая устойчивость определяет экономическое положение субъекта хозяйствования в целом, обладает признаками системности и комплексности, выражающихся в единстве экономического, политического и организационного подходов. [1, с. 223].

В оценке устойчивого функционирования субъектов хозяйствования имеется значительное число подходов. Например, согласно суждению Колчиной Н.В., представителя Московской научно-финансовой школы, устойчивое финансовое развитие характеризуется состоянием финансовых ресурсов, их перераспределением и использованием, при котором воспроизводство обеспечивается за счет собственной прибыли, а также сохраняется его платежеспособность и кредитоспособность в условиях допустимого финансового риска» [2, с. 284]. По ее мнению, предприятие можно назвать платежеспособным если оно способно по требованию погашать свои краткосрочные обязательства.

А.В. Грачев обозначил финансовую устойчивость как «экономическую категорию, создающую систему экономических взаимодействий, когда субъект хозяйствования способен создавать платежеспособный спрос, обеспечивать баланс использования привлеченных заемных источников и собственных средств, при этом осуществлять активное инвестирование и гарантированный прирост используемых средств, создавать экономические запасы, вести расчеты с бюджетом» [3, с. 184].

Основная часть

Предприятия аграрной сферы от других секторов экономики отличает несколько условий, влияющих на успешное их функционирование, среди которых:

- повышенный уровень риска;
- сезонность производства;
- природные условия и климат.

В связи с особенностью жизнедеятельности аграрных предприятий, устойчивость финансового состояния – это умение бизнеса результативно и безотказно функционировать, невзирая на отрицательное воздействие внешних факторов, обеспечивая при этом платежеспособность и инвестиционную активность, гарантированный объем резервов экономических средств и материальных ресурсов для осуществления деятельности и финансовой стабильности [4, с. 6]. Обеспечение финансовой устойчивости предприятий аграрной направленности и их результативного функционирования должно сопровождаться не только наличием финансовых запасов, но и резервов в натуральном виде (корма, семена). Финансовая устойчивость предприятия подвергается воздействию нескольких факторов (рис. 1).

Следовательно, для успешной деятельности предприятия важным аспектом выступает не только анализ финансовой устойчивости, но и обобщенный анализ всех факторов, влияющих на стабильность финансового положения в целом.

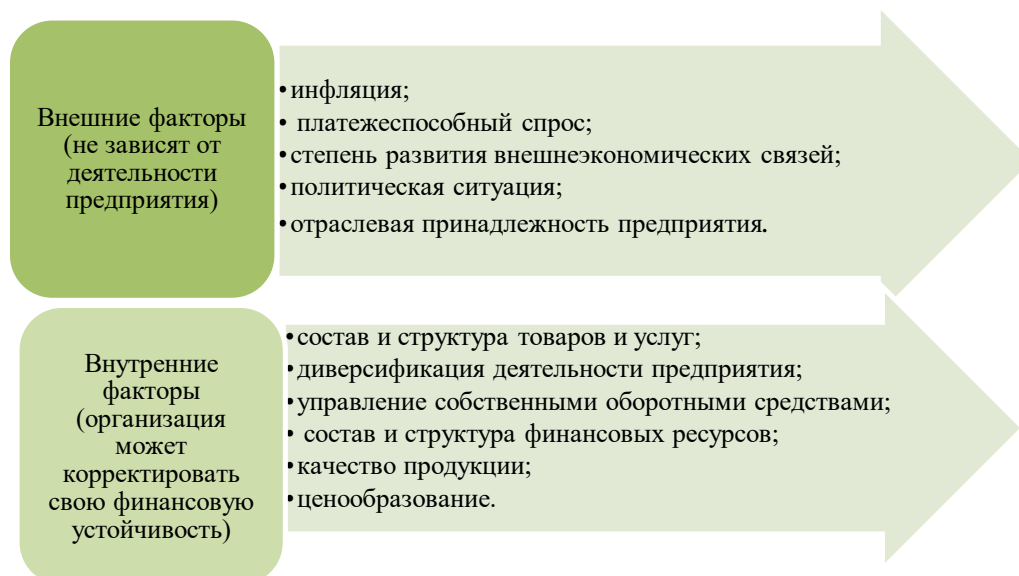

Рис.1. – Факторы, влияющие на устойчивость финансового развития

В целях устойчивого продуцирования предприятию следует создать оптимальную структуру капитала, обеспечить его движение таким образом, чтобы доходы превышали расходы, это позволит сохранить платежеспособность и обеспечить условия воспроизводства. При установлении финансовой устойчивости агропредприятий весомое значение имеют абсолютные оценочные индикаторы, определяющие присутствие собственных оборотных средств для обеспечения запасов. [5, с. 60].

Оборотные средства занимают огромное значение в расчете параметров финансовой устойчивости. Вместе с этим, достаточное их количество способно обеспечивать постоянный воспроизводственный процесс на предприятиях аграрной сферы. Как показывает практика недостаток сырья, органических и минеральных удобрений резко снижает темпы производства сельскохозяйственной продукции. В будущем это окажет отрицательное влияние на выполнение очередного этапа работ, что может все последующие производственные сроки привести к смещению, которое может коснуться и поставок готовой продукции [6, с. 2].

Диагностика устойчивого финансового положения аграрных предприятий осуществляется исходя из расчета абсолютных и относительных индикаторов, отраженных в таблице 1. Устойчивость финансового развития обуславливается первыми тремя показателями таблицы 1. Если значения всех трех показателей > 0 , финансовая устойчивость абсолютная, один из трех показателей < 0 , а два других > 0 , нормальная финансовая устойчивость, если два показателя < 0 , а один > 0 , неустойчивость финансового состояния и если все три показателя < 0 , финансовое состояние диагностируется как кризисное [7, с. 94].

Таблица 1 – Индикаторы финансовой устойчивости

Расчетный индикатор	Методика	Нормативный параметр
Собственные оборотные средства	СК – ВА, СК – собственный капитал; ВА – внеоборотные активы	> 0
Собственные и долгосрочные заемные средства	СК+ ДО-ВА , ДО – долгосрочные обязательства	> 0
Совокупная величина источников формирования запасов	СК+ДО+КО-ВА, КО – краткосрочные обязательства	> 0
Индикатор автономии	СК/ВБ	$\geq 0,45$
Индикатор финансовой стабильности	(СК+ДО) / ВВ, ВБ – валюта баланса	$\geq 0,7$
Индикатор маневренности собственных средств	(СК – ВА) / СК	0,2 – 0,5
Индикатор соотношения заемных и собственных средств	(ДО+КО) / СК	$< 0,7$
Индикатор обеспеченности запасов своими средствами	(СК+ДО-ВА)/3 , 3 – запасы	0,6 – 0,8
Индикатор абсолютной ликвидности	(ДС+КФВ) / КО, ДС – денежные средства; КФВ – краткосрочные финансовые вложения	$\geq 0,2$
Индикатор текущей ликвидности	ОА / КО, ОА – оборотные активы	$\geq 1,2$

Расчет вышеуказанных параметров проведем на примере аграрного предприятия Саратовского региона (АО «Совхоз «Весна»), занимающееся выращиванием овощей (открытый грунт). В таблице 2 представлено значение показателей для расчета оценки финансовой устойчивости за 2018 г., а также проведен расчет показателей финансовой устойчивости АО «Совхоз «Весна» за 2018 г. Величина собственных оборотных средств отрицательная, это означает дефицит собственных средств для полного обеспечения внеоборотных активов. Положительная величина собственных и долгосрочных кредитных источников позволяет покрыть запасы с привлечением долгих займов. Общая величина основных источников формирования материальных запасов положительна, что свидетельствует об эффективности использования источников формирования запасов.

Таблица 2 – Анализ финансовой устойчивости АО «Совхоз «Весна»

Показатель	Значение (2018 г.)	Нормативное значение	Соответствие/ не соответствие
Внеоборотные активы, тыс. руб.	1 133 571	x	x
Запасы, тыс. руб.	124 533	x	x
Оборотные активы, тыс. руб.	269 438	x	x
Собственный капитал, тыс. руб.	1 110 023	x	x
Долгосрочные обязательства, тыс. руб.	249 464	x	x
Денежные средства, тыс. руб.	32 122	x	x
Краткосрочные финансовые вложения, тыс. руб.	90 200	x	x
Краткосрочные обязательства, тыс. руб.	43 522	x	x
Валюта баланса, тыс. руб.	1 403 009	x	x
Расчет параметров финансовой устойчивости			
Наличие собственных оборотных средств (тыс. руб.)	-23548	>0	-
Наличие собственных и долгосрочных заемных средств (тыс. руб.)	225916	>0	+
Общая величина источников формирования запасов (тыс. руб.)	269 438	>0	+
Индикатор автономии	0,97	$\geq 0,7$	+
Индикатор финансовой стабильности	0,26	< 0,7	+
Индикатор маневренности собственных средств	-0,02	0,2 – 0,5	-
Индикатор соотношения заемных и собственных средств	0,79	$\geq 0,45$	+
Индикатор обеспеченности запасов своими средствами	1,81	0,6 – 0,8	+
Индикатор абсолютной ликвидности	2,8	$\geq 0,2$	+
Индикатор текущей ликвидности	6,19	$\geq 1,2$	+

Один из трех показателей, устанавливающих тип устойчивого финансового развития, имеет отрицательное значение, остальные положительное, а значит АО «Совхоз «Весна» имеет нормальную устойчивость финансового развития, что гарантирует выполнение финансовых обязательств предприятия перед контрагентами, а покрытие запасов происходит не только за счет собственных оборотных средств, но и за счет длинных кредитов. Такое состояние для предприятий аграрной сферы является наиболее оптимальным.

Индикатор автономии находится выше нормы, все обязательства предприятия покрываются его собственными средствами. Индикатор финансовой стабильности соответствует норме, это говорит о финансовой независимости от внешнего финансирования и гарантирует платежеспособность в достаточно долгом периоде. Отрицательное значение индикатора маневренности показывает, что мобильные активы обеспечены заемными источниками, собственных средств хватило только для обеспечения немобильной части актива. Эти обстоятельства говорят о снижении финансовой устойчивости. Высокие значения индикаторов ликвидности (текущей и абсолютной), свидетельствует о платежеспособности АО «Совхоз «Весна».

Заключение

В настоящий момент вопросы диагностики финансовой устойчивости приобретают особую важность, т.к. оставаться платежеспособным и независимым от внешнего воздействия является основной задачей любого хозяйствующего субъекта. Предприятиям аграрного сектора помимо этого приходится учитывать специфические условия функционирования. Таким образом, полная картина состояния финансовой стабильности аграрных предприятий возможна при характеристике индикаторов устойчивости, рассчитанными общепринятыми методиками в совокупности с особенностями осуществления деятельности связанной с сельским хозяйством. Проведенная оценка финансовой устойчивости диагностирует нормальную устойчивость финансового развития. По результатам оценки основных индикаторов можно дать следующую характеристику параметрам функционирования: у предприятия отсутствует угроза банкротства, его деятельность стабильна, имеется свой капитал в достаточных размерах, а имеющиеся заемные средства, эффективно используются для его развития.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Абраменко И.А. Методика оценки финансовой устойчивости сельскохозяйственного предприятия / И.А. Абраменко // Молодой ученый. - 2016. - №25. – С. 223-227
2. Колчина Н.В. Финансы организаций (предприятий): Учебник / Н.В. Колчина и др. –4-е изд., перераб. и доп. – М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 383 с.
3. Грачев А.В. Анализ и управление финансовой устойчивостью предприятия: Учебно-практическое пособие / А.В. Грачев. — М.: Финпресс, 2002. — 208 с.
4. Ухина О.И. Методическое обеспечение экспертной оценки финансовой устойчивости предприятий АПК / О.И. Ухина, А.А. Белоконова // Финансовый вестник. Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I. - 2018. - № 2(41). – С. 5-16.
5. Шалдохина, С.Ю. Методики анализа финансовой устойчивости, возможности их адаптации к условиям сельскохозяйственного производства. / С.Ю. Шалдохина // Международный научно-исследовательский журнал. - 2018. - № 9-2 (75). - С. 59-62.
6. Клячина Н. А. Проблемы повышения эффективности использования оборотных активов в сельском хозяйстве России / Н. А. Клячина, Д. А. Зайцев // Экономика. - 2016. - № 3 (11). – с. 1–16.
7. Торженова Т. В. Оценка финансовой устойчивости предприятий АПК Рязанской области / Т. В. Торженова, М. А. Чихман, А. Ю. Гусев // Вестник ФГБОУ ВПО РГАТУ. - 2017. - № 2. – с. 93–96.
8. Немченко. А.В. Модель финансового анализа как способ определения готовности сельскохозяйственных предприятий к модернизации производства / А.В. Немченко, Т.А. Дугина, Е.А. Лихолетов // Международный научно-исследовательский журнал. - 2019. - № 4-2 (82). - С. 31-33

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abramenko I.A. The methodology of evaluation of the financial of agricultural enterprise / I.A. Abramenko // Molodoiuchenyi. – 2016. -№25. – P. 223-227. [in Russian]
2. Kolchina N.V. Financiorganizatsyi (predpriyatii): Uchebnik / N.V.Kolchina and others–4thed., revised and expanded – М.:UNITY-DANA, 2009. – 383 p. [in Russian]
3. Grachev A.V. Analisupravleniefinansovoiustoichivostiyupredpriyatiya: Uchebno-prakticheskoeposobie / A.V. Grachev. – М.: Finpress, 2002. — 208 p. [in Russian]
4. Ukhina O.I. Methodical support of expert evaluation of financial stability of AIC enterprises / O.I. Ukhina, A.A. Belokonova // Finansovyvestnik. Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great. - 2018. - № 2(41). – P. 5-16. [in Russian]
5. Shaldokhina S.U. Methods of analysis of financial stability, possibility of its adaptation to conditions of agricultural production. / S.U. Shaldokhina // Mezhdunarodnyinauchno-issledovatelskiy zhurnal. - 2018. - № 9-2 (75). - P. 59-62. [in Russian]
6. Klyachina N.A. Problems of increase of efficiency of use of circulating assets in agriculture of Russia/ N.A. Klyachina, D.A. Zaitsev// Aekonomika.- 2016. - № 3 (11). – P. 1–16. [in Russian]
7. Torzhenova T.V. Business solvency evaluation at agrarian enterprises of Ryazan oblast/ T.V.Torzhenova, M.A. Chikhman, A.U. Gusev // VestnikFGBOU VPO RGATU. - 2017. - № 2. – P. 93–96. [in Russian]
8. Nemchenko A.V. Model of financial analysis as a method of determining the readiness of agricultural enterprises to production modernization / A.V. Nemchenko, T.A. Dugina, E.A. Likholetoy // Mezhdunarodnyinauchno-issledovatelskiy zhurnal. - 2019. - № 4-2 (82). – P. 31-33. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.136>

ИНДИКАТОРЫ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В МЕТОДОЛОГИИ МИРОВЫХ РЕЙТИНГОВ УНИВЕРСИТЕТОВ

Обзорная статья

Ярушкина Н.А. *

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

* Корреспондирующий автор (natali1598[at]rambler.ru)

Аннотация

В статье проведен сравнительный анализ методологических подходов к составлению ряда ведущих мировых рейтингов, показаны наличие и вес направлений/индикаторов инновационной активности образовательных организаций в итоговой рейтинговой оценке ВУЗов. Цель представленного исследования – на основании сопоставления методологии различных рейтингов высших учебных заведений продемонстрировать значимость инновационной составляющей, реализуемой через широкий спектр индикаторов. Результаты проведенного исследования могут служить информационной основой для определения траекторий инновационной активности университетов.

Ключевые слова: рейтинг, методология, индикатор, инновационная активность

INDICATORS OF INNOVATIVE ACTIVITY IN THE METHODOLOGY OF WORLD UNIVERSITY RATINGS

Review article

Yarushkina N.A. *

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

* Correspondent author (natali1598[at]rambler.ru)

Abstract

The article provides a comparative analysis of methodological approaches to compiling a number of leading world ratings, shows the presence and weight of directions/indicators of innovative activity of educational organizations in the final rating assessment of universities. The purpose of the study is to demonstrate the importance of the innovative component implemented through a wide range of indicators by means of comparing the methodology of various ratings of higher education institutions. The results of the study can serve as an information basis for determining the paths of innovative activity of universities.

Keywords: rating, methodology, indicator, innovative activity.

Введение

В последние годы активное развитие получили мировые рейтинги университетов, ставшие отражением академической и исследовательской реальности [1]. Показатели ведущих рейтингов позволяют обратить внимание как на качество образования, так и на результаты инновационной деятельности образовательных организаций. Определенная позиция в рейтинге – это не только возможность позиционирования ВУЗов на рынке образовательных услуг, но и отражение реального положения дел в образовательной организации.

Основная часть

Так, например, мировой рейтинг университетов Times Higher Education World University Rankings (THE) был впервые опубликован в ноябре 2004 г. под объединенным брендом THE-QS. С 2010 г. рейтинги THE и QS издаются независимо. При этом используемая на начальном этапе методология THE-QS перешла к рейтингу QS, в то время как рейтинг THE с 2010 г. издается на основе принципиально новой методологии. При составлении рейтинга THE [2] используются нормированные показатели для обеспечения наиболее полных и сбалансированных сравнений. Методология расчета рейтингов ВУЗов предусматривает проведение исследований в следующих направлениях:

– обучение: 30% (в т.ч. академическая репутация в сфере образования – 15%, соотношение персонала и студентов – 4,5%, соотношение выпускников с PhD и выпускников бакалавриата – 2,25%, соотношение числа присужденных докторских степеней и числа сотрудников университета – 6%, доход университета – 2,25%);

– исследования: 30% (в т.ч. исследовательская репутация – 18%, доход от исследований – 6%, производительность исследований – 6%)

– цитирование (распространение знаний): 30%;

– международное взаимодействие: 7,5% (в т.ч. доля иностранного персонала – 2,5%, доля иностранных студентов – 2,5%, международное сотрудничество (доля научных публикаций, написанных в соавторстве с иностранными учеными) – 2,5%);

– отраслевые доходы – доходы от инноваций (эффективность трансфера технологий [3]): 2,5%

Переход от ряда частных индикаторов к общему баллу учреждения в рейтинге требует сопоставления значений, представляющих принципиально разные данные. Для этого проводится стандартизация каждого частного индикатора, а затем их значения объединяются в указанных выше пропорциях.

В мировой рейтинг Academic Ranking of World Universities (ARWU) [4], [7], составляемый азиатским агентством ShanghaiRanking Consultancy и сфокусированный на научной и академической деятельности вузов, включены университеты, имеющие в числе выпускников и научно-педагогических работников Нобелевских лауреатов, лауреатов медали Филдса, высоко цитируемых исследователей или статьи, опубликованные в Nature&Science. Кроме того, сюда же включены университеты со значительным количеством статей, индексируемых в базах SCIE (расширенный индекс научного цитирования) и SSCI (индекс социального научного цитирования).

Университеты ранжируются по следующим индикаторам академической или исследовательской деятельности:

– качество образования: 10% (численность выпускников учебного заведения – лауреатов Нобелевских премий и медалей Филдса);

– качество профессорско-преподавательского состава ВУЗа: 40% (в т.ч. число выпускников учебного заведения – лауреатов Нобелевских премий и медалей Филдса – 20%, число высоко цитируемых исследователей – 20%);

– результаты научных исследований: 40% (в т.ч. количество статей, опубликованных в Nature&Science (для учреждений, специализирующихся на гуманитарных и социальных науках, H&C не учитывается, и вес H&C переносится на другие показатели) – 20%, количество статей, индексируемых в базах SCIE и SSCI – 20%);

– успеваемость: 10% (академическая успеваемость учебного заведения в расчете на душу населения).

Рейтинг QS World University Rankings ежегодно публикуется Quacquarelli Symonds (QS), британской компанией, специализирующейся на образовании и обучении за рубежом (компания была основана в 1990 году). Международный рейтинг университетов QS World University Rankings (QS) впервые опубликован в ноябре 2004 года под объединенным брендом THE-QS. С 2010 года рейтинг QS издается независимо. QS перенял методологию совместного рейтинга THE-QS. QS для получения необходимой информации при составлении рейтинга сотрудничает с компанией Elsevier и, соответственно, с базой данных Scopus. Международный рейтинг университетов QS World University Rankings – один из наиболее авторитетных университетских рейтингов.

На основе шести индикаторов рейтинг оценивает университеты в четырех направлениях: исследование, преподавание, трудоустройство и интернационализация. Каждый из шести индикаторов имеет различный вес при расчете общего балла университета, его позиции в рейтинге. Четыре индикатора основаны на объективных количественных данных, два – на глобальных опросах ученых и работодателей. Методология расчета рейтинговой оценки (QS оценивает 1000 лучших университетов мира) в World University Rankings QS предусматривает использование таких индикаторов, как [5], [8]:

– академическая репутация (40%);

– репутация среди работодателей (10%);

– соотношение научно-педагогического состава и студентов (20%);

– количество цитирований, приходящихся на одного научно-педагогического работника (в базе данных Scopus) (20%);

– соотношение иностранных сотрудников и иностранных студентов (10%).

QS Stars University Rankings – это рейтинговая система, представляющая подробный обзор учебного заведения, позволяя определить, какие университеты являются лучшими по конкретным темам.

Следующие критерии, лежащие в основе рейтингов QS Stars, были выбраны в качестве ключевых столпов того, что делает университет ВУЗом мирового класса, принимая во внимание ряд факторов, которые часто упускаются из виду в университетских рейтингах и других оценках [9], [10]:

– исследования (рассматриваемые здесь индикаторы включают оценку качества научных исследований среди ученых, количество опубликованных работ), цитируемость и награды (например, Нобелевские премии или медали Филдса));

– обучение (типичными индикаторами оценки качества обучения являются отзывы студентов, удельный вес студентов продолжающих дальнейшее обучение в университете, соотношение студентов и преподавателей);

– академическое развитие (эта категория является альтернативой категории «исследования», рассматривая усилия учреждений по улучшению опыта внеаудиторного обучения студентов; в этой категории учитывается наличие академических учебных центров для студентов, а также возможности преподавания и научного ассистентства);

– трудоустройство (индикаторами в этой области являются опросы работодателей, показатели трудоустройства выпускников и поддержка карьерного роста);

– интернационализация (индикаторы – доля иностранных студентов и сотрудников, число прибывающих и выбывающих студентов по обмену, число национальностей, представленных в студенческом сообществе, число и сила международных партнерств с другими университетами и наличие религиозных объектов);

– инфраструктура (индикаторами выступают: наличие спортивных сооружений, информационных технологий, библиотек, медицинских учреждений, количество студенческих сообществ);

– онлайн/дистанционное обучение (эта категория рассматривает такие индикаторы, как студенческие услуги и технологии, записи курсов, вовлеченность студентов в деятельность ВУЗа, взаимодействие студентов, ориентация на онлайн сервисы и репутация университета);

– социальная ответственность (измеряет, насколько серьезно университет относится к своим обязательствам перед обществом, инвестируя в местное сообщество, а также в благотворительную деятельность и помощь в случае стихийных бедствий, развитие человеческого капитала и экологическая осведомленность);

– инновации (индикаторы – инновации, результаты деятельности университетов и их результаты для экономики, общества и культуры);

– искусство и культура (показателями являются количество концертов и выставок, организованных учреждением, количество культурных премий, а также культурные инвестиции);

– инклюзивность (категория рассматривает доступность университета для студентов, в частности стипендии и гранты, доступность для инвалидов, гендерный баланс и охват населения с низкими доходами);

– специализация (эта категория рассматривает аккредитацию и рейтинг дисциплин). Исторически университеты играли решающую роль в развитии реального сектора экономики посредством инноваций, и особенно в тех областях, где такие научно-технические связи с неакадемическим миром остаются центральными для их миссии. В области инноваций QS Stars баллы присваиваются с учетом следующих индикаторов:

– патенты – 20 баллов (одним из важных способов влияния работы университета за пределами академического сообщества является внедрение инноваций с практическими применениями, которые могут варьироваться от научных и промышленных областей до повседневной жизни; способ измерить это – количество патентов, зарегистрированных в национальных и международных патентных ведомствах);

– созданные компании – 10 баллов (большая часть работы, проделанной в университетах, легко реализуется на рынке, и поэтому для создания этих уникальных активов характерно создание независимых дочерних компаний, что указывает на выполнение ВУЗами работы, которая востребована в мире за пределами их собственных стен);

– промышленные исследования – 20 баллов (ВУЗы и независимые корпорации имеют взаимовыгодные отношения – первые могут предоставить свои уникальные знания, вторые – капитал).

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что методология всех рассмотренных выше рейтингов предусматривает учет одного или нескольких индикаторов инновационной активности организаций высшего образования (табл. 1).

Таблица 1 – Индикаторы инновационной активности образовательных организаций

Рейтинг	Направления/индикаторы
The Times Higher Education World University Rankings	исследования, цитирования, отраслевые доходы
Academic Ranking of World Universities	качество образования, качество профессорско-преподавательского состава ВУЗа, результаты научных исследований
QS World University Rankings	количество цитирований, приходящихся на одного научно-педагогического работника
QS Stars University Rankings	исследования, академическое развитие, онлайн/дистанционное обучение, инновации

Участие российских ВУЗов в рейтингах образовательных организаций, учитывающих при формировании интегральной рейтинговой оценки показатели, отражающие инновационную активность, свидетельствует об их несомненной ориентированности на инновационное развитие, в противном случае университеты могут быть исключены из рейтингов, что снижает их академическую и исследовательскую репутацию.

Конфликт интересов

Не указан

Conflict of Interest

None declared

Список литературы/ References

1. Полихина Н.А. Рейтинги университетов: тенденции развития, методология, изменения / Н.А. Полихина, И.Б. Тростянская / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М: ФГАНУ «Социоцентр», 2018. – 189 с.
2. THE World University Rankings 2020: methodology [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/world-university-rankings-2020-methodology> (дата обращения 28.04.2020).
3. Мониторинг эффективности инновационной деятельности университетов России [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/596/universities_monitor.pdf (дата обращения 11.05.2020).
4. Academic Ranking of World Universities: Methodology [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.shanghai ranking.com/ARWU-Methodology-2019.html> (дата обращения 24.04.2020).
5. Москалёва О.В. Рейтинги университетов: правила составления и система оценок / О.В. Москалёва // Университетская книга. – 2014. – №4. – С. 20–25.
6. Фролов А.В. Рейтинговая оценка мировых университетов. Новые тенденции в условиях глобальной экономики / А.В. Фролов // Экономика образования. – 2012. – №2. – С. 80–86.
7. Шагабаев И.А. Анализ международных и российских рейтинговых систем оценки деятельности университетов / И.А. Шагабаев, И.П. Василюк // Интерактивная наука. – 2017. – №11 (21). – С. 94–97.
8. QS World University Rankings: Methodology [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings/methodology> (дата обращения 12.05.2020).
9. QS Stars: Methodology [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.topuniversities.com/qs-stars/qs-stars-methodology> (дата обращения 10.05.2020).
10. Методика QS Stars University Rankings / Перевод И.Б. Тростянская [Электронный ресурс]. – URL: https://www.5top100.ru/upload/iblock/792/QS-Stars-University-Ratings_metodika.pdf (дата обращения 10.05.2020).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Polihina N.A. Rejtingi universitetov: tendencii razvitiya, metodologija, izmenenija [University rankings: development trends, methodology, changes] / N.A. Polihina, I.B. Trostjanskaja / Ministerstvo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii [Ministry of education and science of the Russian Federation. – М: FGANU "Sociocentric"]. – М: FGANU «Sociocentr», 2018. – 189 p. [in Russian]
2. THE World University Rankings 2020: methodology. – URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/world-university-rankings-2020-methodology> (accessed: 28.04.2020).
3. Мониторинг эффективности инновационной деятельности университетов России [Monitoring the effectiveness of innovation activities of Russian universities]. – URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/596/universities_monitor.pdf (accessed: 11.05.2020). [in Russian]

4. Academic Ranking of World Universities: Methodology. – URL: <http://www.shanghairanking.com/ARWU-Methodology-2019.html> (accessed: 24.04.2020).
5. Moskaljova O.V. Rejtingi universitetov: pravila sostavlenija i sistema ocenok [University rankings: rules for compiling and rating system] / O.V. Moskaljova // Universitetskaja kniga [University book]. – 2014. – №4. – P. 20–25. [in Russian]
6. Frolov A.V. Rejtingovaja ocenka mirovyh universitetov. Novye tendencii v uslovijah global'noj jekonomiki [Rating assessment of world universities. New trends in the global economy] / A.V. Frolov // Jekonomika obrazovanija [Economics of education]. – 2012. – №2. – P. 80–86. [in Russian]
7. Shagabaev I.A. Analiz mezhdunarodnyh i rossijskih rejtingovyh sistem ocenki dejatel'nosti universitetov [Analysis of Russian and international rating systems for evaluating the activities of universities] / I.A. Shagabaev, I.P. Vasiljuk // Interaktivnaja nauka [Interactive science]. – 2017. – №11 (21). – P. 94–97. [in Russian]
8. QS World University Rankings: Methodology. – URL: <https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings/methodology> (accessed: 12.05.2020).
9. QS Stars: Methodology. – URL: <https://www.topuniversities.com/qs-stars/qs-stars-methodology> (accessed: 10.05.2020).
10. Metodika QS Stars University Rankings [Method QS Stars University Rankings] / Perevod I.B. Trostjanskaja. – URL: https://www.5top100.ru/upload/iblock/792/QS-Stars-University-Ratings_metodika.pdf (accessed: 10.05.2020). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.137>

ИННОВАЦИИ КАК ОСНОВА СОТРУДНИЧЕСТВА БРЕНДОВ В ИНДУСТРИИ МОДЫ

Обзор

Каюмова Р.Ф.*

ORCID: 0000-0001-9028-223X,

Уфимский государственный нефтяной технический университет

* Корреспондирующий автор (karuf1[at]yandex.ru)

Аннотация

Приведены результаты исследования современных направлений сотрудничества брендов, объединяющего индустрию моды и инновационные технологии. Конкуренция брендов в области индустрии моды всегда была динамичной и жёсткой. Чтобы сохранить лояльность потребителей к брендам, необходимо искать новые подходы к продвижению брендов. На рынок выходят новые компании, продвигающие свои бренды с уникальными характеристиками, либо изготовленные из уникального сырья. Известные и новые бренды одежды находят новые способы сотрудничества для получения конкурентных преимуществ. Наиболее активно развивается сотрудничество брендов в направлении FashionTech, объединяющего все инновации в области индустрии моды на всех этапах проектирования и производства модного продукта.

Ключевые слова: бренды, индустрия моды, инновации, информационные технологии, FashionTech, виртуализация моды, переработанные и экологически чистые материалы.

INNOVATION AS THE BASIS OF BRAND COOPERATION IN THE FASHION INDUSTRY

Review

Kayumova R.F.*

ORCID: 0000-0001-9028-223X,

Ufa State Petroleum Technological University

* Corresponding author (karuf1[at]yandex.ru)

Abstract

The results of the study of modern areas of collaboration between brands combining the fashion industry and innovative technologies are presented in the article. The competition of brands in the fashion industry has always been dynamic and fierce. To keep customer loyalty to brands, it is necessary to look for new approaches to brand promotion. New companies enter the market, promoting their brands with unique characteristics, or made from unique basic materials. Famous and new clothing brands find new ways to collaborate to gain a competitive advantage. The most active cooperation between brands is in the direction of FashionTech, as it combines all innovations in the field of the fashion industry at all stages of design and manufacture of a fashionable product.

Keywords: brands, fashion industry, innovation, information technology, FashionTech, fashion virtualization, recycled, and environmentally friendly materials.

Введение

Как известно, за последние полвека индустрия моды пережила несколько кризисов. Нынешнее положение индустрии моды в условиях кризисных явлений в экономике большинства стран, усугубляется тем, что потребители стали больше экономить на одежде. Как показало исследование Nielsen и Conference Board, в 3 квартале 2019 года сэкономили на одежде 56% россиян [1], а во многих европейских странах при сравнительно высоких доходах считается хорошим тоном экономить на одежде и не менять гардероб без особой необходимости [2]. При этом велика вероятность потери популярности известных брендов. Чтобы удовлетворить падающий спрос на одежду, необходимо придать продукции необычные свойства, но это становится возможным только при сотрудничестве с компаниями, разрабатывающими инновации. Кроме того, модный рынок сейчас ориентируется прежде всего на молодых потребителей, быстро подхватывающих любые инновации.

Основная часть

Индустрия моды с оборотом \$3 трлн в настоящее время является полигоном для испытаний и внедрения инноваций, прежде всего в сфере цифровых технологий. В таблице 1 рассмотрены некоторые характеристики цифровых технологий, активно используемых сейчас в области индустрии моды [3].

Таблица 1 – Характеристика цифровых технологий

Признаки	VR (Virtual Reality) Виртуальная реальность	AR (Augmented Reality) Дополненная реальность	MR (Mixed Reality) Смешанная реальность
Сущность (определение)	Полностью виртуальная реальность, созданную компьютером и воспроизводящую совершенно отличное от реального окружение.	Цифровые объекты, отображаемые на носимых устройствах, при этом никак не меняющие внешний мир.	Окружение, которое создано с привязкой к положению в реальном мире. Сосуществование реальных и виртуальных объектов.
Перспектива (ракурс)	Виртуальные объекты меняют свои позиции и размеры в соответствии с положением пользователя в виртуальном мире	Виртуальные объекты ведут себя на основании на основании положения пользователя в реальном мире	
Присутствие	Чувство переноса в другую реальность без ощущения присутствия в реальном мире	Чувство присутствия в реальном мире, но с новыми наложенными элементами и объектами	
Восприятие	Идеально создаваемый виртуальный объект нельзя отличить от реального	Виртуальные объекты можно распознать, основываясь на их качествах и поведении, например, текст, который перемещается вслед за пользователем.	Идеально создаваемый виртуальный объект нельзя отличить от реального
Устройства визуализации	Гарнитуры или специальные очки	Гарнитуры не нужны. Используют голо дисплеи и голографические очки.	

Каждая из названных информационных технологий находит своё применение в индустрии моды. Рассмотрим конкретные примеры.

Технология **Virtual Reality (VR)** нашла своё применение при создании и появлении в сети виртуальных проводников моды, а точнее, конкретных брендов одежды и аксессуаров. В 2015 году появилась виртуальная модель – японская школьница Сайя, она снимается в кино и была в списке участниц одного из конкурсов красоты. Благодаря IT-технологиям получилось разработать не существующую в реальности девушку, красавицу негритянку Шуду Грем. В 2017 году появился азиатский фешн-аватар с именем Noopouri- (Нюнори), девушка с мультяшной внешностью (см. рис. 1). Компания Balmain решила создать «своих» аватаров, так появились подруги Марго и Чжи. Далее модели зажили своей жизнью, стали вести свой аккаунт, пропагандируют здоровый образ жизни. Но главная их роль – реклама известных брендов одежды и моды в целом. Дизайнеры известных брендов, таких как **Louis Vuitton, Givenchy, Versace, Tom Ford** и Chanel, активно продвигают свои модели через таких модных инфлюенсеров [4]. Далее появились виртуальные мужские модели (см. рис. 2) и недалеко то время, когда появятся подобные возрастным моделям 60+. Многие торговые сети, в частности TopShop, разработали виртуальные версии своих коллекций, которые можно посмотреть с помощью VR-очков. Наконец, виртуальные примерочные находят всё более широкое применение, так в 2017 году на Лондонской неделе моды посетители могли «примерить» любые вещи из коллекций при помощи такой виртуальной примерочной [5].

Рис. 1 – Виртуальная модель Нюнори

Рис. 2 – Мужская виртуальная модель

Дополненная реальность, которая представляет собой реальную среду с виртуальными цифровыми объектами, воплощается в уникальных шоу с AR-эффектами на подиумах, что поднимает их на более высокий уровень восприятия. Всё больше становится AR –стендов, которые работают как интерактивные зеркала, с помощью которых потребители могут наглядно посмотреть, как выглядит то или иное изделие или косметика. Примером AR-технологий являются предметы одежды, обуви и аксессуаров с интегрированными LED-панелями, на которые выводятся меняющиеся изображения. Разработанная в России программа под названием Sarafan Technology используется за рубежом для

распознавания фигуры конкретного человека и помощи в выборе одежды [5]. Неделя моды Mercedes-Benz Fashion Week в России в режиме самоизоляции прошла в формате виртуальной презентации с использованием AR-технологий [6].

MR – реальная среда с виртуальными объектами, с которыми можно взаимодействовать. В настоящее время элементы смешанной реальности (MR) активно используются в торговых центрах для рекламы и продвижения разнообразных товаров индустрии моды.

Для того, чтобы привлечь молодых и известных дизайнеров к изучению и использованию в своей деятельности инноваций в области новых материалов и технологий, был разработан совместный проект консалтингового агентства Accenture с Советом модельеров США. В рамках проекта ведётся переподготовка работников индустрии моды с учетом новейших технологий. Для дизайнеров функционирует программа «погружения» в специально созданное магазина-лаборатории Retail Lab. В сотрудничестве с H&M Foundation дизайнеры изучают возможности применения конкретных передовых разработок в области производства тканей, представленных на конкурсе Global Change Awards [5].

Не менее важным направлением Fashion-Tech является характеристика и моделирование поведения покупателей. Анализ поведения покупателей включает оценки их действий, намерений купить тот или иной бренд, характеристику времени для принятия решений, а также позволяет выявить и оценить их удовлетворённость покупкой. В основе такого анализа лежит сбор и хранение массива данных. Идентифицировать потенциальных покупателей становится всё сложнее с каждым годом, так как они демонстрируют разное покупательское отношение и поведение в зависимости от ситуации, в которой они находятся в настоящее время. Помочь оперативно собрать такие данные могут помочь виртуальные примерочные и «умные» зеркала. А для установления контакта с потребителями разработаны интерактивные манекены, которые выдают информацию о демонстрируемом изделии и вступают online -общение с потребителями. Ежегодно проводится саммит CFDA по образованию в сфере моды, в первую очередь молодых модельеров. Агентство Accenture и Fjord помогают модельерам понять поведение потребителей и использовать эти знания для продвижения своих брендов в различных каналах продаж. Для этого в течение 3 месяцев группе дизайнеров позволяют управлять магазином. При том организуются пилотные проекты по использованию искусственного интеллекта при обслуживании клиентов [5].

Индустрия моды вовлекает в работу дизайнеров, байеров, поставщиков тканей, портных, закройщиков, маркетологов, специалистов по поставкам, продавцов и т.д. Дизайн и производство изделий подчас разделено территориально по разным странам. Необходимо поддерживать тесную взаимосвязь между ними. Смена модных тенденций, сезонность и глубокая дифференциация по размерам и моделям усложняют прогнозирование и планирование в отрасли. Кроме того, жизненный цикл отдельных видов одежды сокращается до нескольких недель. Поэтому очень важным представляется оптимизация логистики и управления цепями поставок. Одним из важнейших направлений Fashion-Tech является развитие технологий, формирующих информационные потоки между потребителями, производителями и посредниками в индустрии моды [7, С. 94]. Результатом исследований явилось внедрение сортировочных модулей для ускорения сортировки и распределения и доставки товаров. Не менее важной инновацией в этой области стало повсеместное использование RFID-меток для радиочастотной идентификации товаров. RFID- технология ускоряет инвентаризацию товаров, а также позволяет уточнить покупателям наличие товара в магазине. Использование RFID-меток также является примером инновации в направлении защиты товаров индустрии моды от фальсификации. Метка не может быть подделана или скопирована, с её помощью можно подтвердить подлинность изделия и найти всю интересующую информацию о товаре [8, С. 38].

Следующим важным направлением научных исследований в индустрии моды является использование новых текстильных материалов для одежды, разработанных с на основе новейших технологий с учётом насущных потребностей. Индустрия моды выпускает ежегодно около 1, 4 млн единиц одежды и аксессуаров. При этом перерабатывается менее 1 % вещей. Было подсчитано, что каждую секунду в мире выбрасывается одежда, для транспортировки которой нужен целый грузовик [2, С. 43]. В связи с этим многие бренды одежды пересматривают свои бизнес-модели в сторону безотходного производства и использования экологически чистого возобновляемого сырья. Когда доходы компании Inditex, владелицы марки H&M, стали падать, была принята новая бизнес-модель –переход на малотходное, а в будущем и на безотходное производство. Начало было положено путём установки во всех магазинах сети специальных контейнеров для сборки бывших в употреблении вещей, которые затем отправлялись на переработку. Со временем переработанные отходы стали использовать для набивки мягкой мебели. В настоящее время отходы хлопчатобумажных изделий перерабатывают в полноценную ткань и трикотажное полотно. К 2030 году H&M планирует 100% своей продукции выпускать из переработанных или экологически чистых материалов, сейчас эта доля составляет 35%. Также с 2015 года компания является спонсором конкурса пилотных проектов по защите окружающей среды от последствий деятельности индустрии моды. Проекты рассматриваются в следующих направлениях:

- использование переработанных материалов (рефибры);
- использование экологически чистого органического хлопка;
- разработка новых материалов из возобновляемого сырья.

Была запущена новая марка одежды линейка одежды Join Life, которая воплощает в себе все три направления исследований. Компания Inditex является спонсором производителей одежды из материала на основе апельсиновой кожуры и аксессуаров, изготовленных из переработанных виноградных листьев [5]. По-прежнему велик интерес дизайнеров к использованию разнородных композиционных материалов для изготовления как бытовой [9], так и специальной одежды [10, С. 51]. Кроме того, компанией Smart Stitch разработана технология оптимизации процесса сортировки вещей, сданных в переработку. Также ведётся работа по отделению натуральных волокон от химических в процессе переработки. Новому материалу из нетрадиционного возобновляемого, подчас экзотического сырья присваивается новая торговая марка, а фирма, первая оформившая патент на способ производства, начинает раскручивать новый бренд. Так, известная компания SegrsSegra выпускает куртки и футболки из переработанных велосипедных камер, итальянская компания Orange Fiber производит одежду из апельсиновой кожуры, а новый бренд

одежды Kombucha «выращивает» материал из ферментированного раствора на основе чайного гриба. Разрабатываются технологии производства изделий из побочных продуктов деревопереработки с помощью 3D-печати [5].

Заключение

Таким образом, исследования показывают, что в настоящее время конкурентное преимущество получают те компании и бренды, которые сотрудничают с разработчиками новых продуктов и технологий, активно внедряют инновации, в том числе в рамках направления Fashion Tech, используют элементы цифровизации и виртуализации производства и презентации товаров, переходят на безотходную технологию, используют экологически чистое сырьё. Популярность на рынке индустрии моды завоёвывают небольшие малоизвестные компании, разрабатывающие уникальные продукты и технологии.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Россияне стали реже покупать одежду и обувь [Электронный ресурс] URL: <https://newizv.ru/news/economy/10-01-2020/rossiyane-stali-rezhe-pokupat-odezhdu-i-obuv> (дата обращения: 20.02.2020)
2. Safia Minney. Naked Fashion: New Fustainable fashion Revolution / Safia Minney, Lucy Siegle, Livia Firth - New Internationalist: 2012. - 176 p. [Electronic resource] // URL: <https://clck.ru/P32Fn> (accessed: 16.08.2019)
3. В чём разница между AR, VR и MR? [Электронный ресурс] // URL: <https://ar-conf.ru/ru/news/v-chem-raznitsa-megdu-vr-ar-i-mr-67080> (дата обращения 19.04.2020)
4. Виртуальные фэшн-модели [Электронный ресурс] // URL: <https://22century.ru/computer-it/70103> (дата обращения 8.04.2020)
5. Индустрия моды как поле для внедрения инноваций. [Электронный ресурс] <https://www.rbc.ru/trends/innovation/5d67bd449a7947c7fce725a1> (дата обращения 10.04.2020)
6. Мода самоизоляции: Fashion Week 2020 только с виртуальными моделями [Электронный ресурс] // URL: https://yandex.ru/efir?from=efir&from_block=ya_organic_results&stream_id=4bccb67911ae5d4ea0422bad2807c9fd (дата обращения 7.04.2020)
7. Ларин О.Н. Вопросы трансформации рынка транспортно логистических услуг в условиях цифровизации / О.Н. Ларин, В.П. Куприяновский // International Journal Of Open Information Technologies. – 2018. - № 6. – С. 92-107.
8. Kupriyanovski, V. Industries transformation in the digital economy-the ecosystem and life cycle // International Journal Of Open Information Technologies. - 2017. - Т.5. - № 1. - P. 34-49.
9. Пат. 49153 Российская Федерация, МПК А 41D 1 /22. Платье-композит / Каюмова Р.Ф., Гафурова А.Ф., Гирфанова Г.П.; заявитель и патентообладатель Уфимский технол. ин-т сервиса. - № 98501456, заявл. 22.12.1998; опубл. 16.08.2001, бюл. № . 4. – 3 с.
10. Каюмова Р.Ф. Анализ комфортности и удобства специальной одежды для нефтяников / Р.Ф. Каюмова, О.Н. Будеева // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 5-3 (59). - С. 50-52.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Rossiyane stali rezhe pokupat odezhd i obv [Russians have become less likely to buy clothes and shoes] [Electronic resource] // URL:<https://newizv.ru/news/economy/10-01-2020/rossiyane-stali-rezhe-pokupat-odezhdu-i-obuv> (accessed: 20.02.2020) [in Russian]
2. Safia Minney. Naked Fashion: New Fustainable Fashion Revolution / Safia Minney, Lucy Siegle, Livia Firth - New Internationalist: 2012. - 176 p. [Electronic resource] // URL: <https://clck.ru/P32Fn> (accessed: 16.04.2020)
3. V chem raznitsa mezhd AR. VR i MR? [What is the difference between AR, VR and MR?] [Electronic resource] // URL:<https://ar-conf.ru/ru/news/v-chem-raznitsa-megdu-vr-ar-i-mr-67080> (accessed: 19.04.2020) [in Russian]
4. Virtualnyye feshn-modeli [Virtual fashion models] [Electronic resource] // URL: <https://22century.ru/computer-it/70103> (accessed: 8.04.2020) [in Russian]
5. Industriya mody kak pole dlya vnedreniya innovatsiy [Fashion industry as a field for innovation] [Electronic resource// URL: <https://www.rbc.ru/trends/innovation/5d67bd449a7947c7fce725a1> (accessed: 10.04.2020) [in Russian]
6. Moda samoizolyatsii: Fashion Week 2020 tolko s virtualnymi modelyami [Self-isolation fashion: Fashion Week 2020 with virtual models only] [Electronic resource] // URL: https://yandex.ru/efir?from=efir&from_block=ya_organic_results&stream_id=4bccb67911ae5d4ea0422bad2807c9fd (accessed: 7.04.2020) [in Russian]
7. Larin O.N. Voprosy transformatsii rynka transportno logisticheskikh uslug v usloviyakh tsifrovizatsii [Issues of transformation of the transport and logistics services market in the conditions of digitalization] // O. N. Larin, V. P. Chuprinsky // International Journal Of Open Information Technologies. – 2018. - № 6. – P. 92-107.
8. Kupriyanovski, V. Industries transformation in the digital economy-the ecosystem and life cycle // International Journal Of Open Information Technologies. - 2017. - Т.5. - № 1. - P.34-49.
9. Pat. 49153 Russian Federation, MPK A 41D 1 /22. A 41D 1 /22. Platye-kompozit [Dress-composite] / Kayumova R.F., Gafurova A.F., Girfanova G.P.; / the applicant and the patentee Ufa technological Institute of service. - № 98501456, appl. 22.12.1998; publ.16.08.2001, Bul. Number 4. - 3 p. [in Russian]
10. Kayumova R.F. Analiz komfortnosti i udobstva spetsialnoy odezhd dlya neftyanikov [Comfort and convenience analysis special clothing for oil workers] / R. F. Kayumova, O. N. Budeyeva // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International research journal] - 2017. - № 5-3 (59). - P. 50-52. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.138>

**СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ
ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ**

Научная статья

Афанасьев П.Б.*

Юридический институт Российского университета транспорта, г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (afanasevaor[at]yandex.ru)

Аннотация

Деятельность по противодействию преступности должна основываться на результатах анализа официальных статистических показателей и данных отдельных криминологических исследований, отражающих реальные масштабы познаваемого криминального явления. В статье авторы анализируют официальные статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России», характеризующие динамику количества фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, числа лиц, выявленных за их совершение и пострадавших от преступлений. Авторы делают вывод о латентности данного вида преступления и приводят соответствующие доводы.

Ключевые слова: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, уровень преступности, криминальная активность населения, потерпевшие, преступность, латентность преступности.

**STATE AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF VOLUNTARY INFLICTION
OF GROVEOUS BODILY HARM**

Research article

Afanasyev P.B.*

Law Institute of the Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (afanasevaor[at]yandex.ru)

Abstract

Crime prevention activities should be based on the results of the analysis of official statistical indicators and the data of individual criminological studies, reflecting the real scope of the criminal phenomenon under study. In the article, the authors analyze official statistical data of the Federal State Institution "Main Information and Analysis Centre of the Ministry of Internal Affairs of Russia," which characterizes the dynamics of the number of facts of voluntary infliction of grievous bodily harm, the number of persons identified for committing them and victims of the crime. The authors conclude that this type of crime is latent and give appropriate arguments.

Keywords: voluntary infliction of grievous bodily harm, crime rate, criminal activity of the population, victims, crime, latency of crime.

Введение

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью зачастую признается репрезентантом насильственной преступности против личности, ее «статистическим лицом», поскольку наиболее полно отражает ее форму, сущность и состояние, что и предопределяет выбор умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в качестве объекта криминологического познания.

Целью данной статьи не является полномасштабный анализ всех статистических подробностей умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. В рамках исследования осуществляется исключительно оценка масштабов данного криминального явления и определение его общих криминологических характеристик, поскольку без них невозможно формирование стратегии и тактики борьбы с преступностью.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью исследователями рассматривается как репрезентант насильственной преступности против личности и ее «статистическое лицо» по той причине, что наиболее полно отражает ее форму, сущность и состояние.

Согласно действующему уголовному законодательству уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью как за единичное преступление предусмотрена следующими статьями: ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; ст. 113 УК РФ «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта»; ст. 114 УК РФ «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление».

Согласно статистическим данным ФКУ «ГИАЦ МВД России» в России в 2018 г. было зарегистрировано 24 051 случай умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, предусмотренный ст. 111, 113, 114 УК РФ, что ниже показателя 2017 г. на 5,6%, при общем уменьшении количества всех зарегистрированных преступлений в России на 3,3% (рис. 1.). Доля анализируемых преступлений в структуре преступлений против жизни и здоровья в 2018 г. составила 12,4%.

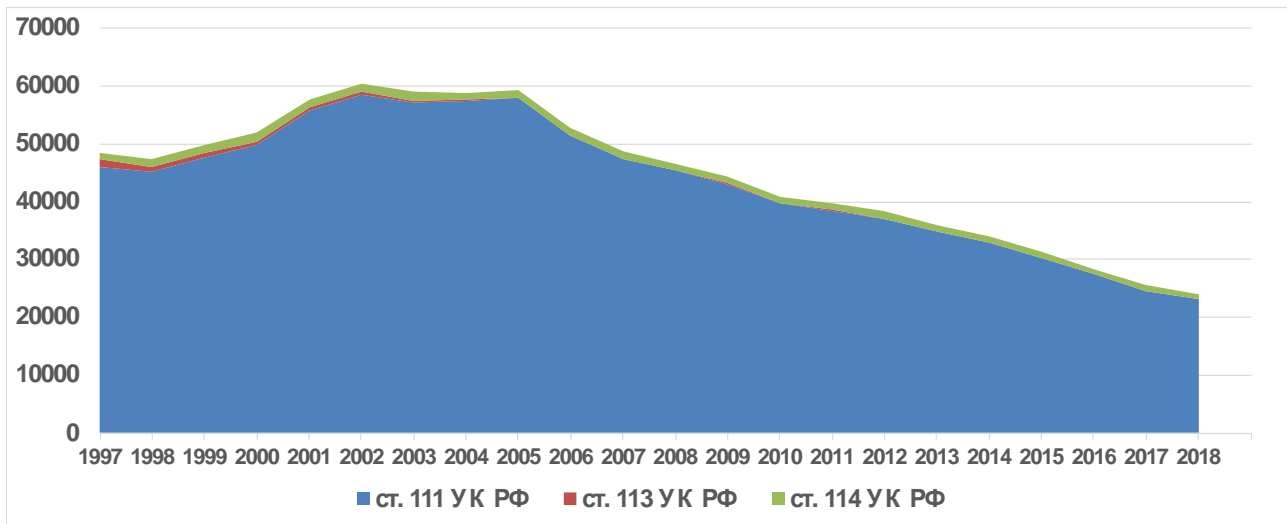

Рис. 1 – Динамика регистрации умышенного причинения тяжкого вреда здоровью в Российской Федерации за период с 1997 по 2018 гг.

Снизилось и значение числа выявленных лиц, совершивших умышенное причинение тяжкого вреда здоровью, и в 2018 г. составило 22 664. Значение данного показателя на 7,4% меньше, чем в 2017 г. (рис. 2).

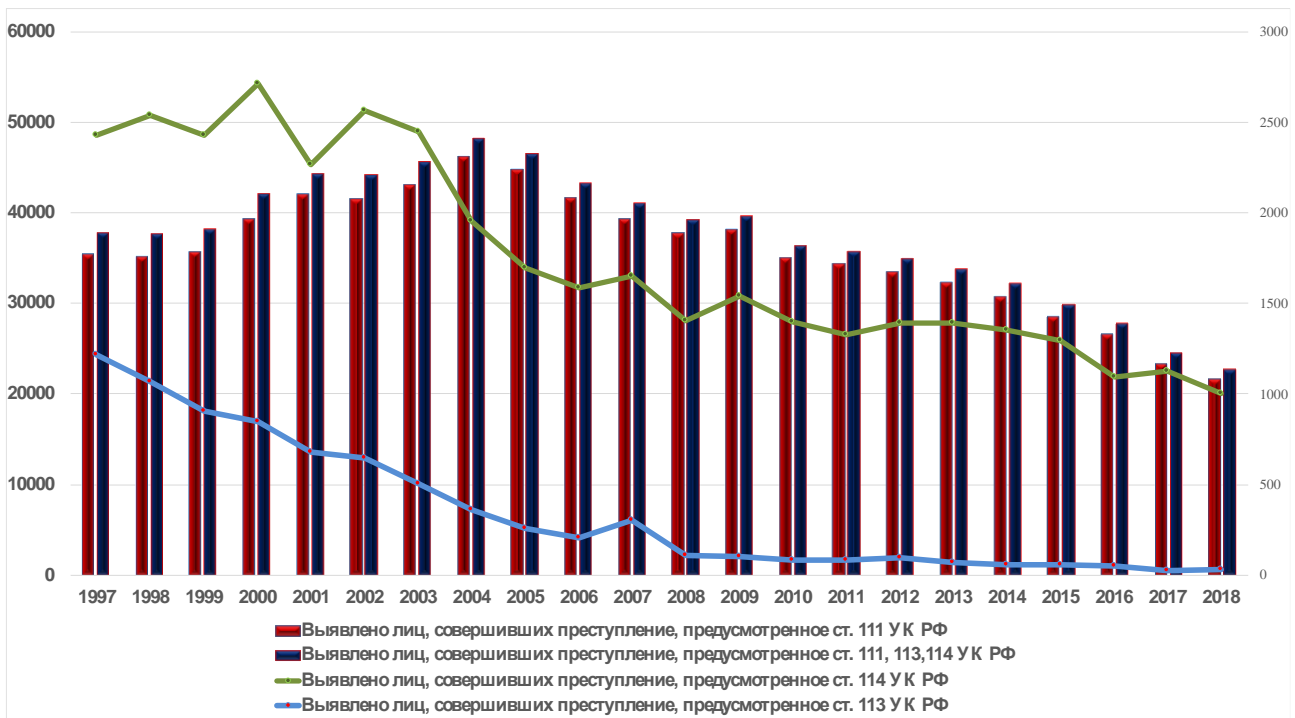

Рис. 2 – Динамика числа лиц, выявленных за совершение умышенного причинения тяжкого вреда здоровью в Российской Федерации за период с 1997 по 2018 гг.

Снижение абсолютных показателей повлекло уменьшение значения и относительных показателей. Так, уменьшился уровень преступности с 41,47 преступлений на 100 тыс. населения в 2002 г. до 16,37 преступлений на 100 тыс. населения в 2018 г. (– 60,51%), а коэффициент криминальной активности в 2018 г. составил 18,5 выявленных лиц, совершивших преступления, на 100 тыс. взрослого населения (в 2017 г. – 20,0; в 2016 г. – 22,5; 2015 г. – 24,2).

Что касается распространенности данного вида преступления на территории Российской Федерации, то в 2018 г. в шести из восьми федеральных округов Российской Федерации зафиксировано снижение количества зарегистрированных фактов умышенного причинения вреда здоровью. В Южном и Дальневосточном Федеральных округах, напротив, увеличилось количество зарегистрированных преступлений на 0,7% и на 41,5%, соответственно (табл. 1.). При этом, наибольшее количество фактов умышенных причинений тяжкого вреда здоровью в 2018 г. было зарегистрировано в Центральном, Приволжском и Сибирском федеральных округах, на них приходится основная зарегистрированная часть (57,9%) анализируемых видов преступлений.

Таблица 1 – Динамика зарегистрированных фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111, 113, 114 УК РФ) в Федеральных округах РФ в 2008-2018 гг.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Центральный ФО	8410	8014	7404	7358	7029	6355	5995	5516	5128	4637	4338
Северо-Западный ФО	3904	3668	3283	3314	3202	2804	2781	2628	2377	2135	2028
Южный ФО	2930	2840	2754	2615	2497	2355	2421	2343	2224	1981	1994
Приволжский ФО	8966	8564	8017	7916	7651	7333	6636	6183	5623	4861	4422
Уральский ФО	5271	5157	4700	4526	4481	4340	4218	3616	3269	2914	2613
Сибирский ФО	11842	11227	10262	9670	9373	8877	8414	7739	6845	6266	5166
Дальневосточный ФО	3749	3389	3264	3208	3069	2952	2651	2418	2206	1974	2794
Северо-Кавказский ФО	1014	971	989	884	822	778	781	679	599	602	577

Отмеченная тенденция снижения регистрируемой преступности отмечается не только в России, но и во многих зарубежных странах [2, С. 36-40], что объясняется как повышением эффективности реализуемых профилактических мероприятий [5, С. 30; 6], секьюритизацией населения, увеличением латентности преступности [8, С. 14]; [1]; [6], так и усиливающейся виртуализацией социальной жизни [2, С.36-40]; [3]; [4].

Это подтверждается и полученными результатами анализа статистических данных, характеризующих потерпевших от преступлений. Во-первых, наблюдается динамика снижения количества зарегистрированных потерпевших при практически неизменном значении удельного веса потерпевших от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в общем числе всех зарегистрированных потерпевших (рис. 3). Во-вторых, при ежегодной динамике снижения числа потерпевших от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью наблюдается значительное увеличение доли лиц, погибших и получивших тяжкий вред здоровью, что свидетельствует о регистрации трудноскрываемых оконченных преступлений. Данная выявленная закономерность может быть признана негативным качественным изменением анализируемого вида преступности (рис. 4). Отмеченные тенденции свидетельствуют о негативных качественных преобразованиях умышленного причинения тяжкого вреда здоровью.

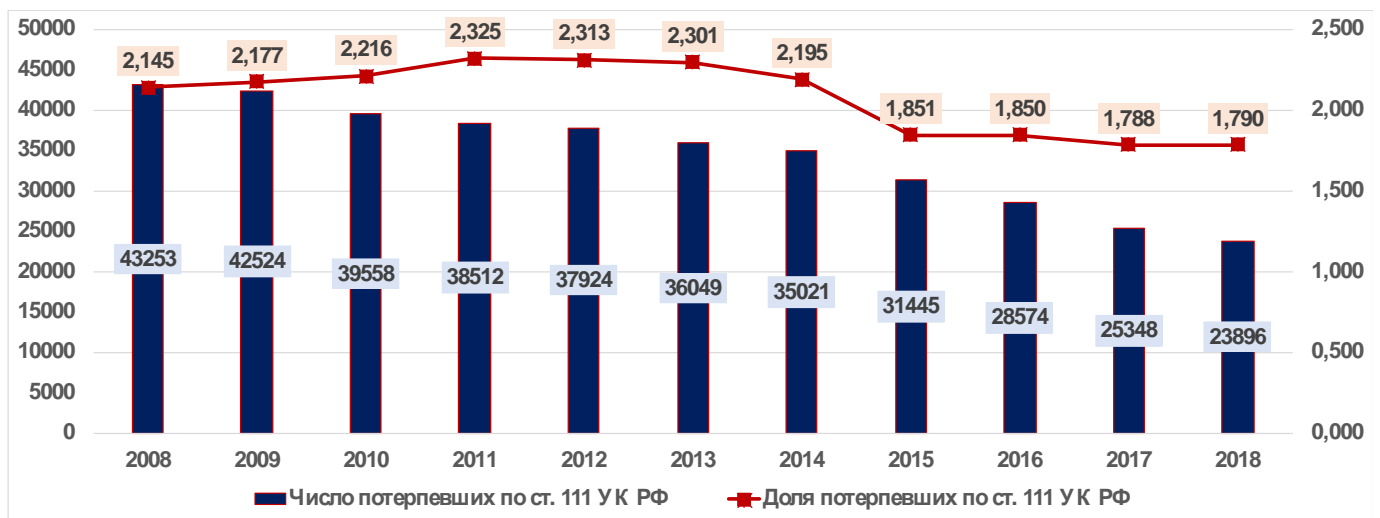

Рис. 3 – Динамика числа зарегистрированных потерпевших по ст. 111 УК РФ и доля потерпевших в общем числе потерпевших от всех преступлений в Российской Федерации в 2008-2018 гг [7].

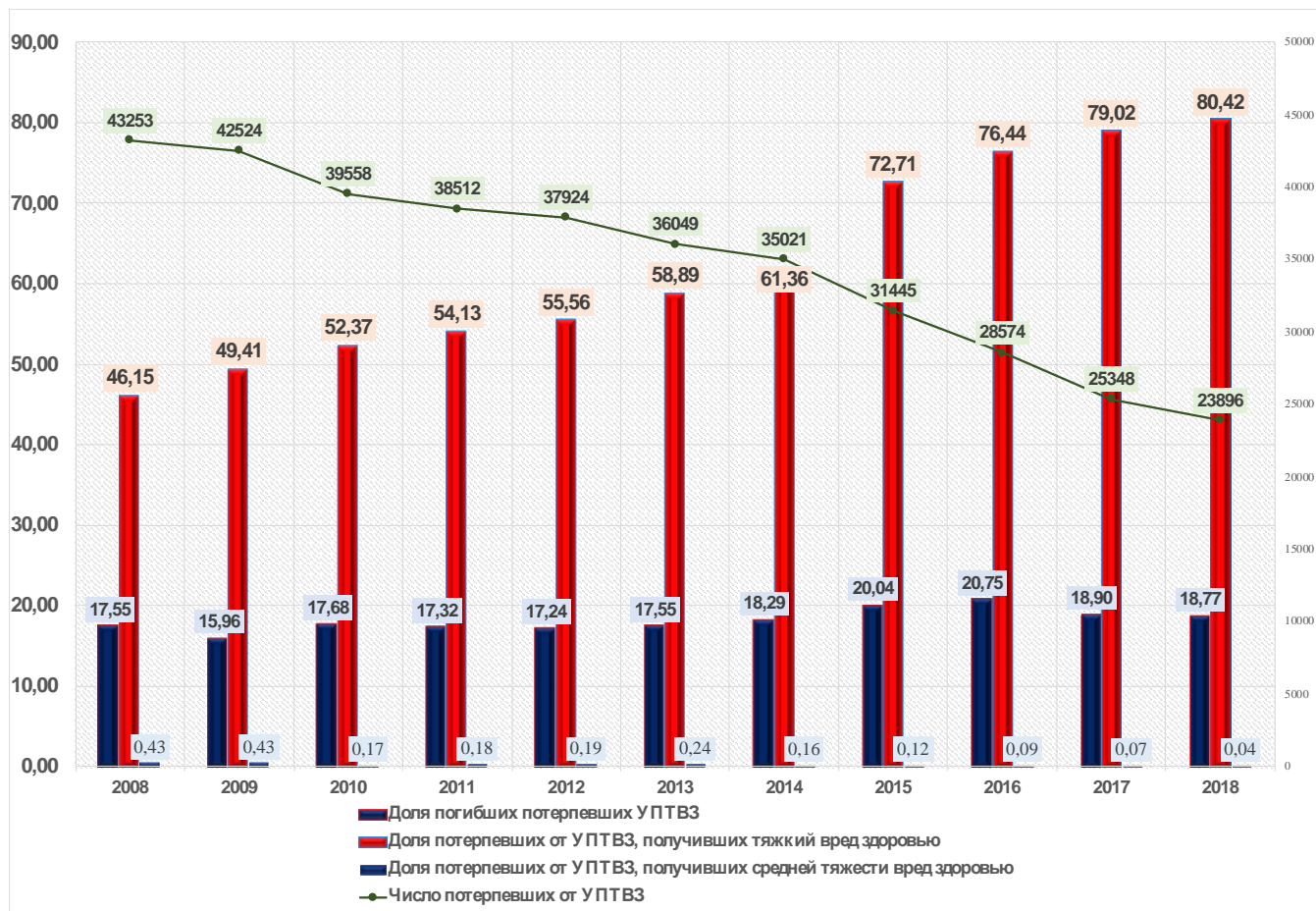

Рис. 4 – Динамика числа зарегистрированных потерпевших по ст. 111 УК РФ и доля потерпевших по ст. 111 УК РФ погибших, получивших тяжкий и средней тяжести вред здоровью в Российской Федерации в 2008-2018 гг.

Кроме того, ежегодное стабильное снижение регистрации умышленных причинений тяжкого вреда здоровью не привело к улучшению значений данных, характеризующих последствия анализируемого преступления. Так, на фоне снижения числа выявленных потерпевших с 2008 по 2018 гг. с 43 253 до 23 896 потерпевших, наблюдается увеличение доли лиц, получивших в результате совершения преступления тяжкий вред здоровью с 46,15% до 80,42% человек.

В научной литературе качестве новой тенденции отмечается тренд увеличения общего количества умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, между тем анализ статистических данных и карточек первичного учета подобные высказывания не подтверждают.

Заключение

В этой связи, можно сделать вывод, что поскольку действие основных детерминант преступности не претерпело существенных изменений, то возможно предположить, что наблюдаемая тенденция снижения регистрации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью не в полной мере отражает современную криминальную ситуацию. Следовательно, наблюдаемая динамика состояния преступности не может признаваться единственным основанием определения состояния защищенности граждан, формирования уголовной политики и деятельности по противодействию преступности.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

- Афанасьев П.Б. Криминологическая характеристика лиц, совершающих умышленное причинение тяжкого вреда здоровью / П.Б. Афанасьев // В сб.: Личность преступника и ее криминологическое изучение / Под ред. А.И. Долговой. – М., 2018. – С. 125-129.
- Афанасьева, О.Р. Теоретические основы криминологического исследования и минимизации социальных последствий насильственной преступности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук./ 12.00.08/ Афанасьева Ольга Романовна. – М., 2014. – 57 с.
- Гишинский Я.И. Преступность в обществе постмодерна [Электронный ресурс] / И.Я. Гишинский. – Режим доступа: <http://www.crimpravo.ru/my/gilinski/> дата обращения 20.02.2019.
- Гишинский, Я. Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна. Тезисы к размышлению/ И.Я. Гишинский // Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна. Материалы Международной научно-практической конференции. СПб: Алет-Пресс, 2014. – С.36-40.
- Как игры влияют на преступность //URL: <https://hronika.info/igry/33627-kak-igry-vliyayut-na-prestupnost/> (дата обращения: 17.03.2020).

6. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2018 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / М. В. Гончарова, В.И. Шиян и др. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2019.

7. Криминология: учебник и практикум / О.Р. Афанасьева, М.В. Гончарова, В.И. Шиян. М.: Юрайт, 2019. – 360 с.

8. Решетников А.Ю., Афанасьева О.Р. Криминология: краткий курс лекций / А.Ю. Решетников, О.Р. Афанасьева. – М., 2014. – 166 с.

9. Сводный отчет по России Ф. 493 кн. 4 «Сведения о количестве потерпевших» за период с 2008 по 2018 гг.

10. Шиханов В.Н. Достоверность уголовной статистики в системе контроля преступности (по материалам Иркутской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.08/ Шиханов Владимир Николаевич. М., 2006.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Afanasyev P.B. Kriminologicheskaya kharakteristika lits, sovershayushchikh umyshlennoe prichinenie tyazhкого вреда zdorovyyu [Criminological Characteristics of Persons Inflicting Voluntary Grievous Bodily Harm] / P. B. Afanasyev // V sbornike: In the collection: Lichnost' prestupnika i yego kriminologicheskoye issledovaniye [Identity of the Criminal and its Criminological Study] / Ed. by A.I. Dolgova. – M., 2018. – P. 125-129. [In Russian]

2. Afanasyeva, O.R. Teoreticheskie osnovy kriminologicheskogo issledovaniya i minimizatsii sotsialnykh posledstviy nasilstvennoi prestupnosti: Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. [Theoretical Foundations of Criminological Research and Minimization of the Social Consequences of Violent Crime: Thesis Abstract of PhD in Jur.] / 12.00.08 / Afanasyeva Olga Romanovna. – M., 2014. -- 57 p. [In Russian]

3. Gilinskii Ya.I. Prestupnost v obshchestve postmoderna [Crime in Postmodern Society] [Electronic resource] / I.Ya. Gilinsky. – Access mode: <http://www.crimpravo.ru/my/gilinski/> Accessed: 20.02.2019. [In Russian]

4. Gilinskiy, Ya. Prestupnost, deviantnost i sotsialnyi kontrol v epokhu postmoderna. Tezisy k razmyshleniyu [Crime, Deviance and Social Control in the Postmodern Era. Theses for Speculation] / I.Ya. Gilinsky // Prestupnost', deviantnost' i obshchestvennyy kontrol' v epokhu postmoderna. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Crime, Deviance and Social Control in the Postmodern Era. Materials of the International Science-to-Practical Conference]. St. Petersburg: Alef-Press, 2014. – P.36-40. [In Russian]

5. Kak igry vliyayut na prestupnost [How Games Affect Crime] //URL: <https://hronika.info/igry/33627-kak-igry-vliyayut-na-prestupnost/> (Accessed: 17.03.2020). [In Russian]

6. Kompleksnyi analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii po itogam 2018 goda i ozhidaemye tendentsii ee razvitiya: analiticheskii obzor [Comprehensive Analysis of the State of Crime in the Russian Federation Following the Results of 2018 and Expected Trends in its Development: Analytical Review] / M.V. Goncharova, V.I. Shiyani et al. – M.: FSKU Research and Development Centre MIA of Russia, 2019. [In Russian]

7. Kriminologiya: uchebnik i praktikum [Criminology: Textbook and Workshop] / O.R. Afanasyeva, M.V. Goncharova, V.I. Shiyani. M.: Yurait, 2019. – 360 p. [In Russian]

8. Reshetnikov A.Yu., Afanasyeva O.R. Kriminologiya: kratkii kurs lektsii [Criminology: Short Course of Lectures] / A.Yu. Reshetnikov, O.R. Afanasyev. – M., 2014. – 166 p. [In Russian]

9. Svodnyi otchet po Rossii F. 493 kn. 4 «Svedeniya o kolichestve poterpevshikh» za period s 2008 po 2018 gg. [Summary Report on Russia F. 493 kn. 4 “Information on the Number of Victims” for the Period from 2008 to 2018] [In Russian]

10. Shikhanov V.N. Dostovernost ugolovnoi statistiki v sisteme kontrolya prestupnosti (po materialam Irkutskoi oblasti): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Reliability of Criminal Statistics in Crime Control System (based on materials from the Irkutsk region): Thesis Abstract of PhD In Jurisprudence] / 12.00.08/ Shikhanov Vladimir Nikolaevich. M., 2006. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.139>

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Научная статья

Афанасьева О.Р.*

ORCID: 0000-0002-4819-8111,

Юридический институт Российского университета транспорта, г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (afanasevaor[at]yandex.ru)

Аннотация

Последствия, наступающие в результате совершения преступлений, ни раз становились предметом научного исследования представителями различных юридических и иных общественных наук. В связи с чем, объектом исследования становились различные элементы и характеристики преступного результата. Однако, до сих пор ни в уголовном праве, ни в криминологической науке нет единства мнений о сходствах и различиях таких категорий как «последствие преступления» и «социальное последствие преступности». В статье излагается краткий сравнительный анализ последствий преступления и социальных последствий преступности на основании имеющихся теоретических разработок таких наук как уголовное право и криминология.

Ключевые слова: последствия преступления, социальные последствия преступности, вред, ущерб, преступление.

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF SOCIAL CONSEQUENCES OF CRIMINALITY AND CRIME

Research article

Afanasyeva O.R.*

ORCID: 0000-0002-4819-8111,

Law Institute of the Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (afanasevaor[at]yandex.ru)

Abstract

Consequences resulting from committing crimes have repeatedly become the subject of scientific research among the representatives of various legal and other social sciences. In this connection, various elements and characteristics of the criminal result have become the object of research. However, until now neither the criminal law, nor the criminological science has reached a consensus concerning the similarities and differences of such categories as “the consequence of a crime” and “the social consequence of a crime.” The article provides a brief comparative analysis of the consequences of crime and social consequences of crime based on the existing theoretical developments in such sciences as Criminal Law and Criminology.

Keywords: consequences of crime, social consequences of crime, harm, damage, crime.

Введение

Формирование эффективной, научно-обоснованной и экономически оправданной уголовно-правовой политики предполагает учет множества критериев. В качестве одного из ключевых критериев рассматриваются социальные последствия преступности в целом и последствия конкретных преступлений.

Значимость разработок в этой области трудно переоценить, поскольку последствия преступления «делают» преступление, а социальные последствия «определяют» преступность. Следовательно, социальные последствия преступности следует рассматривать как «овеществленное» проявление преступности. Между тем в криминологической науке отсутствует единство взглядов как на содержание последствий преступления, так и социальных последствий преступности, нет единства взглядов в методике их оценки.

Сказанное свидетельствует об актуальности изучения рассматриваемой проблематики и необходимости продолжения актуальных исследований, посвященных разработке общих теоретических положений последствий преступления и преступности, так и частных теорий, раскрывающих особенности последствий конкретных преступлений и социальных последствий отдельных видов преступности.

Вопрос соотношения и взаимосвязи социальных последствий преступности и последствий преступления относится к числу тех, который иллюстрирует тесную связь таких самостоятельных наук как уголовное право и криминология.

Сравнительный анализ содержания и характеристик анализируемых категорий позволил нам установить не только их сходство и различие, но и, позаимствовав отдельные положения уголовно-правовой науки, обогатить криминологическую теорию о социальных последствиях преступности в целом и отдельных видов преступности.

Бесспорен тот факт, что учение о последствиях преступления выполняет роль исходных положений, на которых базируется анализируемая криминологическая теория. Между тем, полагаем ошибочным ставить знак равенства между последствиями преступления и последствиями преступности, их характеристиками и свойствами. Несмотря на действительно имеющееся некоторое сходство между социальными последствиями преступности и последствиями преступлений отметим характеристики, позволяющие их разграничивать [6, С. 68], [4].

Во-первых, определяя последствия преступления как «негативный результат, наступающий в результате противоправного поведения (деяния) субъекта преступления, воздействующего на объект преступления, т.е. общественные отношения, охраняемые уголовным законодательством» [5, С. 12], [6], [7], необходимо акцентировать внимание на том, что круг уголовно-охраняемых общественных отношений ограничен перечнем, закрепленным в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации, не подлежащим расширительному толкованию. Представленный в уголовном законодательстве перечень объектов уголовно-правовой охраны ограничен и включает только наиболее существенные и важные ценности нашего общества.

Отсутствуют ограничения в перечне объектов посягательства, которые могут быть нарушены преступностью и, соответственно, влекущих негативные изменения, образующие социальные последствия преступности. Следовательно, социальные последствия преступности масштабнее, разнообразнее и намного превышают объемы того, что уголовное право оценивает как последствия преступления. В этой связи степень их тяжести превосходит негативные изменения, образуемые последствиями преступления.

Во-вторых, последствия конкретного преступления - это исключительно определенный уголовным законодательством вред.

Содержание социальных последствий преступности представляет собой совокупный обобщенный негативный результат, образуемый в результате совершения множества конкретных преступлений [10]. При совершении конкретного преступления нередко причиняется вред нескольким видам смежных общественных отношений, поскольку каждое из них тесно связано с другими отношениями в той же или в смежных областях жизни и в результате возникают многочисленные последствия, которые не являются признаками объективной стороны преступления и не подлежат учету при решении вопроса об уголовной ответственности и наказании. В этой связи, социальные последствия преступности - это не механическая совокупность прямых и косвенных результатов воздействия преступности на личность, общество и государство, образующих качественно иное негативное образование.

Следовательно, последствия преступности масштабнее, разнообразнее и более социально опасны, нежели последствия конкретного преступления.

В-третьих, последствия преступления в диспозициях уголовно-правовых норм выражаются посредством конкретных и исчисляемых величин. Конечно, в действующем уголовном законодательстве используются при описании преступных последствий такие оценочные понятия как «тяжкие последствия», «существенный вред», но это исключения, без использования которых при описании ряда составов преступлений нельзя обойтись. Социальные последствия преступности как социально-правовое явление помимо конкретных величин характеризуются такими криминологическими показателями как состояние, структура, динамика, степень распространенности и др [3]. Данные показатели позволяют не только раскрыть содержание последствий преступности, определить их современное состояние, выявить тенденции и закономерности количественных и качественных изменений, осуществить сопоставительный анализ с последствиями иных негативных социальных явлений (аморальных, противоправных), но и осуществить криминологическое прогнозирование последствий преступности как составную часть общего криминологического прогнозирования и предпосылку научного управления процессами борьбы с преступностью и профилактики преступного поведения [1], [2], [8].

Между тем, в науке и практической деятельности наличествует проблема оценки и исчисления последствий преступности, особенно если они носят нематериальный характер.

В-четвертых, в процессе квалификации преступления учитывается только прямой, непосредственный вред (ущерб), охватываемый сознанием виновного, в то время как содержание социальных последствий преступности включает любой вред, в том числе находящийся за пределами непосредственных результатов преступного поведения и не охватываемый предвидением субъекта преступления. В данном случае подразумеваются негативные явления, которые в криминологии называются как последствия последствий, последствия второго, третьего и последующих уровней.

В-пятых, последствия преступлений характеризуются вариативностью по степени вредности, что позволяет разграничивать и классифицировать составы преступлений по степени тяжести последствий на простые (основные), квалифицированные и особо квалифицированные [5, С. 17].

Отсутствует подобная закономерность при криминологической классификации последствий преступности, поскольку объем социальных последствий, причиняемых конкретным видом преступности, не влечет изменение его вида [5, С. 19].

В-шестых, в уголовном праве при квалификации преступления обязательно установление наличия объективно существующей связи между предшествующем деянием и последствиями преступления, которые признаются единственно возможным результатом противоправных деяний. К социальным последствиям преступности может быть отнесен причинно связанный с преступностью вред, который находился за пределами непосредственных результатов преступного поведения.

В-седьмых, в науке уголовного права и криминологии выделяются различные признаки отмеченных категорий.

Так, возможно выделить следующие признаки последствий преступления – это исключительно правовая категория; характеризующаяся противоправностью; рассматриваемая как заключительный этап преступного акта; тесно взаимосвязаны с непосредственным объектом преступления; это изменения, наступающие в одном или нескольких элементах объекта преступления; они неоднородны и множественны; являются результатом осознанной и волимой преступной деятельности.

Социальные последствия преступности – это:

- правовое явление;
- социальное явление;
- исторически-изменчивое явление;
- общественно-опасный вред;
- неустрашимый вред;
- неоднородные, множественные и многообъектные изменения;
- совокупность расходов, издержек, потерь личности, общества и государства, связанных с реализацией мер, направленных на противодействие преступности.

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ исследуемых категорий позволил нам не только установить различия, но и содержательное сходство социальных последствий преступности и последствий преступлений. Последствия

преступления представляют собой ограниченный круг закрепленных в уголовном законодательстве, как правило, конкретных и определенных негативных изменений общественных отношений.

Социальные последствия преступности — это социально-правовое, исторически-изменчивое явление, представляющее собой неустранимый совокупный реальный вред, причиняемый преступностью в связи с совершением преступлений и организацией противодействия преступности личностью, обществом и государством.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление: учебное пособие / Г.А. Аванесов – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1975. – 423 с.
2. Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования / Г.А. Аванесов. – М.: Юрид. лит., 1972. – 334 с.
3. Афанасьев П.Б. Криминологическое измерение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в российской федерации / П.Б. Афанасьев // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2017. – № 4. – С. 41-45.
4. Афанасьева О.Р. Сравнительный анализ социальных последствий насильственной преступности и последствий насильственных преступлений / О.Р. Афанасьева // Российский следователь. – 2013. – № 9. – С. 19-21.
5. Бабаев М.М. Социальные последствия преступности: учебное пособие / М.М. Бабаев. – М., 1982. – 82 с.
6. Бабаев М.М., Афанасьева О.Р. Социальные последствия преступности: Монография / М.М. Бабаев, О.Р. Афанасьева – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012. – 126 с.
7. Гончарова М.В. Социальные последствия рецидива корыстных преступлений // Общество и право. – 2012. – № 4 (41). – С. 190-194.
8. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. О структуре индивидуального преступного поведения / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит., 1968. – 176 с.
9. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. / Н.Ф. Кузнецова – М.: Госюриздат, 1958. – 219 с.
10. Шиян В.И. Общественно опасные последствия этнических конфликтов / В.И. Шиян // Юридический мир. – 2014. – № 7. – С. 36-39.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Avanesov G. A. Kriminologiya. Prognostika. Upravlenie: uchebnoe posobie [Criminology. Forecast Management: Study Guide] / G.A. Avanesov – Gorky: Publishing House of the General Staff of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1975. – 423 p. [In Russian]
2. Avanesov G. A. Teoriya i metodologiya kriminologicheskogo prognozirovaniya [Theory and Methodology of Criminological Forecasting] / G.A. Avanesov. – M.: Yurid. lit., 1972. – 334 p. [In Russian]
3. Afanasyev P.B. Kriminologicheskoe izmerenie umyshlennogo prichineniya tyazhkoego vreda zdorovyu v rossiiskoi federatsii [Criminological Dimension of Intentional Grievous Bodily Harm in the Russian Federation] / P. B. Afanasyev // Aktualniye voprosy bor'by s prestupnostiyu [Topical Issues of Fighting Crimes]. – 2017. – No. 4. – P. 41-45. [In Russian]
4. Afanasyeva O.R. Sravnitelnyi analiz sotsialnykh posledstviy nasilstvennoi prestupnosti i posledstviy nasilstvennykh prestuplenii [Comparative Analysis of the Social Consequences of Violent Crime and the Consequences of Violent Crime] / O.R. Afanasyeva // Russkiy sledovatel' [Russian Investigator]. 2013. – No.9. – P. 19-21. [In Russian]
5. Babaev M.M. Sotsialnye posledstviya prestupnosti: uchebnoe posobie [Social Consequences of Crime: Study Guide] / M.M. Babaev. – M., 1982. – 82 p. [In Russian]
6. Babaev M.M., Afanasyeva O.R. Sotsialnye posledstviya prestupnosti: Monografiya [Social Consequences of Crime: Monograph] / M.M. Babaev, O.R. Afanasyeva - M.: FSI Research and Development Centre MIA of Russia, 2012. – 126 p. [In Russian]
7. Goncharova M.V. Sotsialnye posledstviya retsidiva korystnykh prestuplenii [Social Consequences of Recidivism in Self-Serving Crimes] // Obshchestvo i zakon [Society and Law]. – 2012. – No. 4 (41). – P. 190-194. [In Russian]
8. Kudryavtsev V. N. Prichinnost v kriminologii. O strukture individualnogo prestupnogo povedeniya [Causality in Criminology. On the Structure of Individual Criminal Behavior] / V.N. Kudryavtsev. – M.: Yurid. Lit., 1968. – 176 p. [In Russian]
9. Kuznetsova N.F. Znachenie prestupnykh posledstviy dlya ugovnoy otvetstvennosti. [Importance of Criminal Consequences for Criminal Liability] / N.F. Kuznetsova – M.: Gosyurizdat, 1958. – 219 p. [In Russian]
10. Shiyan V.I. Obshchestvenno opasnye posledstviya etnicheskikh konfliktov [Socially Dangerous Consequences of Ethnic Conflicts] / V.I. Shiyan // Pravovoy mir [Legal World]. – 2014. – No. 7. – P. 36-39. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.140>

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ КАК ОСНОВНОЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ

Научная статья

Зубарева К. В.¹, Бадуртдинов А. А.², Васильев А. М.^{3,*}

^{1, 2, 3} Восточно-Сибирский институт МВД Российской Федерации, Иркутск, Россия

* Корреспондирующий автор (alexey771977[at]mail.ru)

Актуальность

В настоящем исследовании были рассмотрены актуальные на наш взгляд вопросы такого латентного характера как домашнее насилие, которое сегодня замаскировано под другие квалифицирующие признаки предусмотренные нормами уголовного законодательства. Критике подвергаются не только факты понимания домашнего насилия, но и не правильной квалификации содеянного со стороны правоохранительных органов. В рамках изученных вопросов мы пришли к выводу, что необходимо диспозицию ст. 116.1 УК РФ предложенную законодателем в ФЗ от 03.07.2016 № 323-ФЗ изложить в другом контексте.

Ключевые слова: несовершеннолетний; массовый характер; семейно-бытовые отношения; сексуальное насилие; жертва.

FAMILY VIOLENCE AS THE PRINCIPAL INDICATOR FOR QUALIFICATIONS

Research article

Zubareva K. V.¹, Badurtdinov A. A.², Vasiliev A. M.^{3,*}

^{1, 2, 3} East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

* Corresponding author (alexey771977[at]mail.ru)

Abstract

In this paper, we considered relevant issues of the latent nature and namely – family violence. Today it is often disguised as other qualifying features stipulated by the criminal law. We criticize not only the way family violence is understood, but also incorrect qualifications of the deed by the law enforcement agencies. We came to the conclusion that the disposition of Art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation proposed by the legislator in the Federal Law of 03.03.2016 No. 323-FZ must be set forth in another context within the framework of the questions under study.

Keywords: minor; mass character; family and domestic relations; sexual abuse; victim.

На данном этапе развития нашего общества имеются нерешенные проблемы, которые, казалось бы на первый взгляд, не носят массовый характер. Однако, в последнее время, выявляется деформация такого социально – значимого института как семья. Базисом такого искажения является, в основном, домашнее насилие, которое стало практически нормой.

На первый взгляд, не такая уж это и значительная проблема. Однако, исходя из статистики за период с января по сентябрь 2019 года в России совершено 15 381 преступлений в отношении женщин в сфере семейно-бытовых отношений. За весь период 2018 года эти показатели составили 21 390 преступлений. Как сообщает Всемирная организация здравоохранения, каждая третья женщина за всю свою жизнь подвергается физическому, психическому или сексуальному насилию со стороны партнера. При этом они обращаются в полицию не при первом случае насилия, а в среднем на седьмой раз применения в отношении потерпевшего определенного противоправного характера [1. С.67].

Прежде чем перейти к самому понятию «домашнее насилие», следует изучить ее истоки. Они берут свое начало в биосоциальной природе человека. Побегайло Э.Ф. [2. С.41-57] в своей работе «Криминологическая характеристика личности насильственных преступников и детерминация насильственных преступлений» выразил своё мнение на этот счет. Как он утверждает насилие еще с ранних времен служит средством борьбы за выживание и все большую популярность приобретает в роли средства удовлетворения надбиологических социальных потребностей. Насилие характерно для всех слоев общества и социальных групп и наблюдается практически во всех сферах жизнедеятельности [3. С. 2226-2233].

Скандал в семейных отношениях, который может причинить определенную боль, теперь повод не только для рисунка в сознании членов семьи положительных эмоций, но и судебного решения в виде судимости. Пример тому может послужить очередной непропорциональный акт, который произошел с одним из членов семьи из Твери. Изучение материалов следственно – судебной практики, показало следующее, один из членов семьи по решению суда был осужден к обязательным работам на 60 часов – исходя из приговора, это была мать несовершеннолетнего лица, которая сгоряча ударила ребенка в область грудной клетки, в результате чего ее сын упал и заплакал. Ребенок был взволнован из-за большого объема полученной информации от матери, которую он должен был выполнить, соответственно мать получив определенные негативные эмоции со стороны ребенка не сдержалась и толкнула его. Повседневная история превратилась в дело об административном правонарушении, и это первый шаг в будущем к мерам по применению норм уголовного законодательства [4. С. 2-3].

На юридическом языке данный пример показывает следующее, что женщина из-за накопления стрессовой ситуации полученной в результате плохого поведения со стороны ее не воспитанного ребенка и послужило причиной, которая позволила матери распустить руки, толкнув несовершеннолетнего сына ударом в грудную клетку, от чего последний испытал физическую боль, упал и заплакал. Заволжский районный суд Твери выяснив обстоятельства дела, изучив доказательства признал женщину виновной в совершении административного правонарушения по статье 116.1 УК России «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию». Как выяснилось данная женщина, не впервые совершает противоправные действия в отношении своих членов семьи.

Поэтому и встает вопрос о возбуждении уголовного дела по отношению к таким членам семьи, которые проявляют неуважение к другим лицам, входящим в семейные отношения. Конечно, поднимать руку на ребенка очень плохо, родитель должен уметь сдерживать свое эмоциональное состояние по отношению к своим членам семьи, потому что здесь мы можем с уверенностью говорить, что семья - это пара «мать - ребенок» - где присутствует понимание зрелого, взрослого человека. Но нет идеальных людей, и их нет и в сфере семейных отношений между супругами и их детьми. Поэтому в случае чрезвычайной ситуации в семье часто случается, что взрослый, как мы видим из примера, очень сильно ошибается. Здесь всегда актуален вопрос: что делать? Что же такое домашнее насилие?

Многие авторы, в области уголовного законодательства раскрывая противоправные признаки понятия домашнего насилия ссылаются на следующее, что это:

— причинение физического страдания или психическое подавление одного человека по отношению к другому, совершаемое в семейных форматах (брак, сожительство), при этом насилие может быть вызвано со стороны неправомерных или неконтролируемых действий интимных отношений при этом часто наблюдается основная цель — это обретение контроля над потерпевшим;

— насилие в домашних условиях, протекающее непосредственно в семье может быть выражено в виде применения противоправных действий по отношению к детям, родителям, а также к пожилым лицам находящимся в данных семьях. Противоправные элементы могут быть сконцентрированы в форме физического, вербального, религиозного, репродуктивного, психологического, экономического насилия. Бытовые увечья могут быть выражены в угрозе убийства, в причинении вреда здоровью, а также выражено и в причинении побоев [5. С. 38-39].

Встречающиеся случаи в следственно – судебной практике и правовое понятие «побои» подразумевает собой насилие между людьми, которые находятся в каких-либо отношениях, зачастую это супруги или сожители. Однако, надо различать разовый конфликт в семье от постоянного насилия, который довольно-таки часто воспринимается правоохранителями неправильно. По нашему мнению, насилие – это постоянно повторяющиеся действия насильственного характера или систематически подавляющие действия потерпевшего на правоммерные элементы, которые все чаще прослеживаются по отношению к потерпевшим. Исходя из этого, можно сказать, что насилие – это как минимум несколько эпизодов возникающих конфликтов, а именно это:

— семейный конфликт должен правоохранительными органами отличаться от домашнего насилия тем, что конфликт возникает на основе какой-либо проблемы, а насилие уже непосредственно является результатом поведения одного лица в отношении другого, основой которого является власть и контроль [6. С. 55-58].

— насилие не имеет никакой конкретной причины, оно происходит из-за определенного соперничества, где один из партнеров пытается морально или физически подавить другое лицо, с целью контроля его поведения и чувств на различных уровнях жизнедеятельности.

Соответственно исходя из выше изложенных фрагментов домашнее насилие очень схоже с рукоприкладством, а поэтому сразу же возникает вопрос — можно ли использовать при изложенных обстоятельствах в полном объеме диспозицию ст.116.1 УК России предложенную законодателем. На лицо именно те изложенные факты, которые будут характеризовать применение диспозиций других статей уголовного законодательства. При анализе практики и основываясь на статистических данных, мы с уверенностью можем говорить, что каждого третьего члена семьи унижают, оскорбляют, психически подавляют и в отношении их применяют физическую силу, но в полном объеме инкриминировать статью 116.1 УК России при наличии существующей диспозиции мы не можем. Поэтому нам необходимо четко разграничить на законодательном уровне элементы насилия от рукоприкладства. По нашему мнению, насилие может быть как физическим, так и моральным, на уровне подсознания, а рукоприкладство может проявляться только через непосредственный контакт нападающего и его жертвы.

При всех выше изложенных фактах, мы с уверенностью можем констатировать, что под домашним насилием мы понимаем совокупность не только административно наказуемых деяний и форм поведений, но и применение норм уголовно-правового характера, которые должны быть отчетливо раскрыты статьей 116.1 УК России. Соответственно можно говорить и предполагать, что некоторые действия, протекающие в семье, не имеют состава преступления и признаков правонарушения, но и в то же время идут против общепринятых стандартов в семье. Они совершаются по отношению к членам семьи, родственникам не зря, так они направлены на их подчинение властвующим лицам.

По нашему мнению, домашнее насилие принято разделить на следующие виды: физическое, сексуальное, психологическое и экономическое.

Физическое насилие проявляется не только в побоях, но и в удерживании, причинение ожогов или обморожений и иных способов нанесения телесных повреждений. Гранью физического насилия зачастую является убийство. По статистике, физическое домашнее насилие присутствует в 21,4% семей в России [7. С. 15-16].

Сексуальное насилие – это когда один из партнеров заставляет другого совершать действия сексуального характера. В основном принуждают силой либо угрозами, но как показывает практика, иногда средством является шантаж. Было проведено множество исследований, которыми было выявлено то, что каждая четвертая жена в России подвержена сексуальному насилию. То есть, партнер принуждает к действиям сексуального характера против желания и воли другого партнера, руководствуясь представлениями, что в браке это является «супружеской обязанностью».

Следующим из видов насилия – это психологическое. То есть, это ущемление личности на подсознательном уровне, зачастую сопровождающееся с нанесением вреда психике человека. Это постоянные оскорбления, унижения человеческого достоинства, запугивание человека, шантаж, угрозы [8. С. 67-72]. В данном виде насилия в большинстве случаев потерпевшими являются дети.

И последним видом насилия – экономический. Это ущемление финансов семьи одного партнера другим. Проявляется это в случаях, когда одному партнеру запрещено принимать участие в финансовых операциях семьи. Проблема данного вида в том, что она трудно доступна для выявления правоохранительными органами и соответственно почти не доказуема.

Согласно статистике МВД России за 2019 год, члены семейных отношений, пострадавшие от насильственных преступлений составляют 91,3% от всех преступлений. Отсюда, можно сделать вывод, что в семье в 9 раз больше лица подвержены насилию, чем за пределами семейных отношений. Одной из причин проявления домашнего насилия является рост неблагополучных семей в России. По данным исследования, проведенного МГУ, домашнее насилие присутствует у неблагополучных семей в 61% случаев, а у благополучных семей в 39% случаев. Это показывает нам, что домашнее насилие присуще любой семье, независимо от их финансового и иных положений в обществе [9. С. 235-239].

Уголовное законодательство по этому вопросу не может дать никаких ответов, потому как в России до сих пор еще нет статьи или закона, который будет регулировать правовые аспекты внутрисемейных отношений, но данные противоправные действия можно сконцентрировать в диспозиции ст.116.1 УК России. В уголовном праве понятия «домашнее насилие» нет, есть избиение, побой, истязания. Как показывает судебная практика, к ситуациям домашнего насилия зачастую применяются статьи УК РФ: 111 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), 112 («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»), 115 («Умышленное причинение легкого вреда здоровью»), 116 («Побой»), 116.1 («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию») и 119 («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью») [10. С. 106-111].

Доказать случаи домашнего насилия очень сложно, поэтому необходимо в уголовном законодательстве учесть этот факт, для не привлечения не виновных лиц к уголовной ответственности. Ведь не каждый человек может быть заинтересован в возбуждении уголовного дела против своего члена семьи. Каждый семьянин желает сохранить семью, и поэтому не обращается в полицию. Статья 116.1 – это дело частного обвинения, то есть уголовное дело возбуждают не органы предварительного расследования от лица государства, а сама потерпевшая сторона. Но зачастую, если дело доходит непосредственно до суда, то там потерпевшую сторону стараются примирить с насильником.

Если законодательство не может обеспечить защиту такой категории населения, то где же тогда им искать помощи? Члены семьи, подверженные домашнему насилию, очень часто обращаются к семейному психологу, чтобы выяснить и устранить причины такого гневного отношения своего члена семьи. Но, как правило, ими являются молодые пары в возрасте от 25 до 30 лет. Существуют женские общественные организации, которые помогают жертвам домашнего насилия. Они предоставляют убежища, оказывают медицинскую и психологическую помощь [11. С. 629-639]. Таких организаций достаточно много в нашей стране, но в последнее время прослеживается тенденция к снижению их количества. Крайне редко, жертвы насилия обращаются в кризисные центры, так как мало кто знает об их существовании и не владеет информацией о том, какую помощь они оказывают.

Домашнее насилие оказывает негативное влияние на здоровье значительной части населения нашей страны. Супруги, дети, пожилые родители, пострадавшие в семейно-бытовых отношениях, чаще посещают медицинские учреждения, лежат в больницах, посещают аптеки, психологов и больше переносят хирургических операций, но при этом не обращаются в структуры правоохранительных органов, видимо из-за не привлечения своих родственников к уголовной ответственности [12. С. 761-766].

Кстати, впервые, когда статья «Побой» была передана в Кодекс об административных правонарушениях, количество таких дел увеличилось в пять-десять раз. При этом, большого всплеска насилия не произошло. Просто избиения, которые ранее оставались безнаказанными, внезапно начали передаваться в суд. Цифры судебной практики в области статистики начали показывать реальную ситуацию с насилием в семье, когда жертвы были готовы жаловаться. Небольшое сокращение случаев доказывает, что изменения принесли положительный эффект, возможно, некоторые тираны были вдумчивыми.

Пример этому может служить та неприятная ситуация, которая в 21 веке всколыхнула Самарскую область. Таисия Бушина довольно таки красивая девушка, но в последнее время перед случившимися событиями, она вдруг стала неприметна для окружающих (отказалась от косметики, яркой одежды и т.д.). Пояснила все происходящее – ревностью со стороны возлюбленного. В виду того, что возлюбленный Таисии Бушиной постоянно ее ревновал ко всем, это проявлялось с его стороны по отношению к девушке избиениями, побоями и т.д. Проживали молодые вместе со своими родителями. В один из прекрасных дней возлюбленный Таисии нанес ей вред здоровью, который выражался в переломе ребер, перелома ключицы, повреждения черепа. От полученных травм девушка скончалась [13. С.2].

Приведенный пример говорит нам о знаменитой «милицейская» фразе и она сегодня очень распространена в сфере общения среди сотрудников полиции "вот убьет, тогда позвоните", появилась в старые времена, в том числе из-за того, что статья "Побой" была в УК и относилась к делам частного обвинения, на сегодняшний день - это дело частного-публичного характера. Это может означать, что сама жертва должна выступать в качестве прокурора в ходе судебного разбирательства. Поэтому потерпевшим также пришлось бы подготовить все официальные документы, которые в дальнейшем будут переданы в суд. Фактически, закон оставил жертву наедине с преступником. Те, кто протестует против пресловутой «декриминализации бытового насилия», выступают за возвращение такой системы (фактически упрощающей жизнь тиранам и шумным людям).

На самом деле процент жертв, подвергающихся домашнему насилию высок. Некоторые не сообщают о фактах нанесения им увечий, пытаются сохранить семью. Законодательство Российской Федерации пытается защитить такие семьи путем нормативных актов, которые регулируют социальную защиту населения. Однако, что касается уголовного права, то оно не дает однозначного ответа на данный вопрос. По состоянию на 2020 год, если одни из членов семьи избил кого-то из лиц входящих в семейные отношения, то он подлежит административной ответственности. Если же это было неоднократно, то тогда здесь уже будет работать Уголовный кодекс. Домашнее насилие с точки зрения законодательства РФ перестало рассматриваться как уголовно наказуемое деяние, так как оно не влечет за собой серьезных травм или временной утраты трудоспособности. Борьба с бытовым насилием требует реальных действий со стороны компетентных органов законодательной ветви, включая социальные службы, телефоны доверия, психологическую поддержку и полицию, а также принятие необходимых нормативных актов не только криминального характера.

Таким образом, исходя из выше изложенного статью 116.1. УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» следует изложить в следующей редакции:

Нанесение телесных повреждений причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 настоящего Кодекса, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References:

1. Лысова А.В. Насилие в семье. Основные теоретические проблемы. Введение. – Владивосток, 2001. С.67.
2. Побегайло Э. Ф. Криминологическая характеристика личности насильственных преступников и детерминация насильственных преступлений [Текст] / Э. Ф. Побегайло. // Криминология: № 1 (14). -СПб., 2008. С. 41 – 57.
3. Pelevin S. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society / Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Т. 9. № 11. С. 2226-2233.
4. Российская газета - Федеральный выпуск № 266(8024). С.2-3.
5. Колесова А.С. Насильственные преступления в семье: криминалистический анализ // монография / А. С. Колесова; М-во внутренних дел Российской Федерации, Волгоградская акад.. Волгоград, 2011. С.38-39.
6. Васильев А.М. Профессиональные навыки лиц, совершающих преступления / А.М. Васильев, С.М. Скаян // Юридическая наука. 2019. № 7. С. 55-58.
7. Круг Э.Г. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Э.Г. Круг, Л.Л. Дальберг, Д.А. Мерси / и др. – Женева: Весь мир, 2003. С. 15-16.
8. Tileubergenov Y. The role of social memory in reconstruction of the historical past. social memory and historical past / Tileubergenov Y., Pelevina N., Taubaev B., Vasiliev A. // Astra Salvensis. 2018. Т. 6. № 12. С. 67-72.
9. Прудникова Н.А. Сложность квалификации мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию / Н.А. Прудникова, А.М. Васильев // Современный ученый. 2019. № 6. С. 235-239.
10. Зубарева К.В. Уголовный закон и его основные критерии / К.В. Зубарева, А.М. Васильев // В сборнике: Теоретические и практические аспекты формирования и развития "Новой Науки" / сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 106-111.
11. Васильев А.М. Типология и особенности криминологической характеристики личности преступника, совершившего сопряженное с исчезновением человека преступление // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 629-639.
12. Pelevin S. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society / Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Т. 9. № 2 (32). С. 761-766.
13. Российская газета - Федеральный выпуск № 312(5119). С.2.

Список литературы на английском языке / References in English:

1. Lysova A.V. Nasilie v semye. Osnovnye teoreticheskie problemy. Vvedenie. [Family Violence. Main Theoretical Problems. Introduction] – Vladivostok, 2001. P.67. [In Russian]
2. Pobegailo Ye. F. Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti nasilstvennykh prestupnikov i determinatsiya nasilstvennykh prestuplenii [Criminological Characteristics of the Personality of of a Criminal who Commits Violent Crimes and Determination of Violent Crimes] [Text] / E.F. Pobegailo. // Criminology: No.1 (14). – SPb., 2008. – P. 41 - 57. [In Russian]
3. Pelevin S. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society / Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. // [International Journal of Civil Engineering and Technology]. – 2018. – V. 9. – No. 11. – P. 2226-2233. [In Russian]
4. Rossiiskaya gazeta – Federalnyi vypusk № 266(8024) [Russian Newspaper – Federal Issue No. 266 (8024)]. P. 2-3. [In Russian]
5. Kolesova A.S. Nasilstvennye prestupleniya v semye: kriminalisticheskii analiz [Violent Crime in the Family: Forensic Analysis] // Monograph / A. S. Kolesov; Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd Acad. Volgograd, – 2011. – P.38-39. [In Russian]
6. Vasilyev A.M. Professionalnye navyki lits, sovershayushchikh prestupleniya [Professional Skills of Offenders] / Vasilyev A.M., Skayan S.M. // Jurisprudence. – 2019. – No.7. – P. 55-58. [In Russian]
7. Krug Ye.G. Nasilie i ego vliyanie na zdorovye. Doklad o situatsii v mire / Krug Ye.G., Dalberg L.L., Mersi D.A. // i dr. [Violence and its Effects on Health. Report concerning the Situation in the World // et al.] – Geneva: The World, 2003. – P. 15-16. [In Russian]
8. Tileubergenov Y. The role of social memory in reconstruction of the historical past. Social memory and historical past / Tileubergenov Y., Pelevina N., Taubaev B., Vasiliev A. // Astra Salvensis. – 2018. – V. 6. – No. 12. – P. 67-72. [In Russian]
9. Prudnikova N.A. Slozhnost kvalifikatsii melkogo khishcheniya, sovershennogo litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu [Difficulty in Qualifying Petty Theft Committed by an Administratively Punished Person] / Prudnikova N.A., Vasilyev A.M. // Sovremenniy ucheniy [Modern Scientist]. – 2019. – No. 6. – P. 235-239. [In Russian]
10. Zubareva K.V. Ugolovnyi zakon i ego osnovnye kriterii [Criminal Law and its Main Criteria] / Zubareva K.V., Vasilyev A.M. // In the Collection: Theoretical and Practical Aspects of the Formation and Development of “New Science” / Collection of Articles of the International Science-to-Practice Conference. Ufa, 2020. P. 106-111. [In Russian]
11. Vasilyev A.M. Tipologiya i osobennosti kriminologicheskoi kharakteristiki lichnosti prestupnika, sovershivshego sopryazhennoe s ischeznoeniem cheloveka prestuplenie [Typology and Features of the Criminological Characteristics of the

Personality of the Offender who Committed the Crime Associated with the Disappearance of a Person] // Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo Gosudarstvennogo Universiteta Ekonomiki i prava [Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law]. – 2015. – V. 9. – No.4. – P. 629-639. [In Russian]

12. Pelevin S. The participation of youth of western countries in political life of the society. The youth in the political life of the society / Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. / Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2018. – V. 9. – No. 2 (32). – P. 761-766. [In Russian]

13. Rossiiskaya gazeta - Federalnyi vypusk № 312(5119). [Russian Newspaper – Federal Issue No. 312 (5119)] P.2. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.141>

ПОЛУЧЕНИЕ СЕКСУАЛЬНЫХ УСЛУГ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА

Научная статья

Дядюн К.В. *

Российская таможенная академия, г. Владивосток, Россия

* Корреспондирующий автор (kristina.dyadyun[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье представлен анализ криминообразующих признаков состава ст. 240.1 УК РФ: «получение», «сексуальные услуги», «вознаграждение». Рассмотрены проблемные вопросы трактования и правоприменения означенных терминов. Исследованы ситуации конкуренции норм, вопросы квалификации, сложности отграничения смежных преступных деяний. Представлены примеры, иллюстрирующие возможность избежать заслуженного наказания виновными за счет несовершенств законодательного подхода в данной области. Также обозначены ситуации «злоупотребления правом» со стороны потерпевших. В итоге сделан вывод о несоответствии нормы ст. 240.1 УК РФ в действующей редакции целям и задачам ее создания.

Ключевые слова: сексуальные услуги, вознаграждение, квалификация преступлений.

RECEIVING SEXUAL SERVICES FROM THE MINOR: INTERPRETATION AND USE OF OBJECTIVE SIDE OF THE COMPONENTS OF CRIME

Research article

Dyadyun K.V. *

Russian Customs Academy, Vladivostok, Russia

* Corresponding author (kristina.dyadyun[at]yandex.ru)

Abstract

The article presents the analysis of criminogenic features of the composition of Art. 240.1 of the Criminal Code and terms “receiving,” “sexual services,” “reward.” Problematic issues of interpretation and enforcement of the aforementioned terms are considered. The cases of the competition of norms, qualification issues, and the difficulty of delimiting related criminal acts are investigated. Examples are presented illustrating the possibility of avoiding due penalty for those guilty due to the imperfections in the legislative approach in this area. Cases of “abuse of right” by victims are identified. As a result, it was concluded that the norm of Art. 240.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as amended is inconsistent regarding the goals and objectives of its creation.

Keywords: sexual services, reward, qualification of crimes.

Введение ст. 240.1 УК РФ было обусловлено необходимостью защиты несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации, однако несовершенства законодательного подхода при регламентации криминообразующих признаков данного деяния на практике влекут отсутствие единообразного толкования и, как следствие, применения означенной нормы. Соответственно, затрудняется эффективная реализация целей и задач, лежащих в основе указанного нововведения.

В данной статье будут проанализированы проблемные аспекты признаков объективной стороны состава ст. 240.1 УК РФ. Здесь важно акцентировать внимание на трех составляющих компонентах: «получение»; «сексуальная услуга» и «вознаграждение». Остановимся более подробно на каждом из них.

«*Получение*». Анализ данного термина важен с точки зрения определения момента окончания преступного деяния. Соответственно, важно определиться: это есть результат либо процесс. С филологической точки зрения однозначное решение отсутствует [2]; [4]. Основываясь на приемах толкования уголовного закона, представляется трактовать означенный термин все-таки как процесс. Например, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления/антиобщественных действий также рассматривается как продолжительное во времени действие. Следовательно, подобные деяния целесообразно полагать оконченными преступлениями с момента начала осуществления соответствующих действий. Такой подход позволяет максимально защитить интересы потерпевшего лица.

«*Сексуальные услуги*». В примечании к ст. 240.1 УК РФ обозначено, что под таковыми понимаются «половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, условием совершения которых является денежное или любое другое вознаграждение несовершеннолетнего или третьего лица либо обещание вознаграждения несовершеннолетнему или третьему лицу».

Во-первых, использование данного термина влечет разнобой в терминологии действующего уголовного закона. В официальном отзыве Верховного Суда РФ от 13.09.2012 № 1-ВС-4673/12 на проект ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ» отмечен данный факт. Так, в ст.ст. 240, 241, 127.1 применен термин «проституция» и только в ст. 240.1 – «сексуальные услуги». Следует отметить, что проституция есть оказание сексуальных услуг за плату [1]. Плата и вознаграждение – слова-синонимы. Таким образом, оказание сексуальных услуг за определенное поощрение и есть проституция. Поэтому непонятно, зачем законодатель в рассматриваемой статье усложнил существующую терминологию.

Во-вторых, вопросы вызывает указание на множественный характер «услуги». Т.е., следуя буквальному толкованию закона, разовая сделка в данной области не может быть квалифицирована по ст. 240.1 УК РФ. Также сложности в означенном контексте вызывает толкование ситуации получения нескольких услуг сексуального характера

от одного несовершеннолетнего и использование единичного действия от нескольких подростков. Таким образом, сущность данного критерия в свете обеспечения прав несовершеннолетних неясна. Что для законодателя является криминообразующим моментом, несущим особую общественную опасность: качественный характер соответствующей деятельности, либо формальный количественный аспект? В данном ракурсе заслуживает внимания предложение Е.Н. Куриловой об изменении действующей редакции нормы: установление ответственности и за разовое получение соответствующей услуги [3, С. 117].

В-третьих, следует отметить проблемы толкования содержания иных действий сексуального характера в рамках категории «сексуальные услуги».

Поцелуи, интимные поглаживания тоже можно рассматривать как таковые. Здесь проблема заключается в применении при трактовании и без того неоднозначной категории «сексуальной услуги» термина, не имеющего единообразного понимания («иные действия сексуального характера»).

«Вознаграждение». При трактовании данного термина возникают вопросы отграничения смежных деяний. Например, преподаватель предлагает несовершеннолетнему вступить с ним в сексуальный контакт за последующее получение высокой оценки на экзамене. С одной стороны, «налицо» вознаграждение, подпадающее под признаки состава ст. 240.1 УК РФ. С другой – не менее очевидны признаки принуждения к действиям сексуального характера с использованием зависимости потерпевшего (ст. 133 УК РФ). Стоит подчеркнуть, что последнее наказывается лишением свободы на срок до 5 лет, в то время как воздействие в целях получения услуги сексуального характера может быть расценено (с учетом конкретных обстоятельств) как приготовление к преступлению, регламентированному ст. 240.1 УК РФ, и, с учетом категории тяжести обозначенного деяния, вообще не повлечь ответственности. Где же тут обеспечение защиты прав несовершеннолетних?

Также сложно расценивать, например, обусловленность вознаграждения в виде обещания повысить зарплату родителям/не увольнять с работы взамен на оказание сексуальной услуги со стороны несовершеннолетнего. Здесь присутствуют признаки психического насилия, которое в зависимости от обстоятельств дела (например, родитель – единственный кормилец в многодетной семье) можно расценивать и в рамках ст. ст. 131, 132 УК РФ. Однако с учетом наличия нормы ст. 240.1 УК РФ в действующей редакции, не факт, что виновный понесет заслуженное наказание.

Следует затронуть и вопрос о применении при осуществлении сексуальной услуги физического насилия «по согласию». Как квалифицировать в означенной ситуации действия совершеннолетнего «заказчика»? По ст. 240.1 УК РФ, либо как насильственное половое преступление? В первом случае не полным образом учитывается обеспечение прав несовершеннолетнего лица, во втором субъекту инкриминируется необоснованно тяжкое преступное деяние. В то же время наличие ст. 240.1 УК РФ в действующей редакции может способствовать и избежанию виновным заслуженного наказания: «закамуфлировать» насильственное половое преступление под получение сексуальных услуг за вознаграждение (путем обещаний, угроз и т.п.). Здесь примечательно вспомнить дело депутата Дубровского, который по интернету познакомился с 17 –летней гимнасткой, представился модельным агентом, осуществил с ней фотосессию эротического характера, после чего принудил ее к половым отношениям, в качестве оплаты – соответствующие файлы со съемки, иначе – угроза выложить их на всеобщее обозрение [5]. Как в данном случае расценивать обозначенные файлы? В качестве вознаграждения за оказываемые услуги сексуального характера или как фактор принуждения, либо даже психического насилия? В приведенном примере виновный получил достаточно весомое наказание, но обусловлено это в большей степени вменением нескольких фактов различных половых преступлений в отношении разных (в том числе и совершеннолетних) потерпевших. В целом же действующая редакция ст. 240.1 УК РФ может представлять собой своего рода «лазейку», позволяющую избежать обоснованного и справедливого наказания.

Если же мы говорим о договоренности с третьим лицом о выплате вознаграждения за оказание соответствующей услуги со стороны несовершеннолетнего, наличествует признак организации занятия проституцией относительно получателя платы, однако в силу несовершенств используемой законодателем терминологии (о чем говорилось выше), данный субъект также может избежать ответственности.

Примечателен вопрос и о содержании «вознаграждения»: носит ли данный термин материальный, нематериальный либо смешанный характер? Например, относительно получения/дачи взятки, коммерческого подкупа мы говорим только о материальном содержании соответствующего предмета. Однако расплывчатая норма примечания к ст. 240.1 УК РФ позволяет сделать вывод, что к числу «вознаграждений» за оказанную услугу законодатель относит практически любые формы «поощрения» (покупка леденцов, мороженого и т.п.). Следует подчеркнуть, что такой подход «провоцирует» злоупотребления и со стороны «потерпевших». Из серии: «он меня в кафе сводил, а потом пожелал более интимного общения», при том, что обозначенные товарищи уже давно находятся в отношениях сожительств. Здесь также возникает вопрос и о соотношении норм ст. ст. 134 и 240.1 УК РФ. Логично, что при совместном проживании/отношениях лица дарят друг другу подарки, однако в силу несовершенств регламентации нормы ст. 240.1 УК РФ, подобные презенты также можно рассматривать в качестве вознаграждения за сексуальные услуги. Как при таком подходе разграничивать обозначенные нормы? А как быть в ситуации, когда несовершеннолетнее лицо находится в законном браке с достигшим 18 лет субъектом и получает от него подарки, исполняя при этом «супружеский долг»? Действия совершеннолетнего супруга тоже расценивать по ст. 240.1 УК РФ?

Кроме того, анализируемая статья в действующей редакции порождает конкуренцию норм, практически неразрешимую из-за несовершенств законодательного подхода, и позволяющую виновным избежать ответственности за более тяжкие деяния (о чем уже говорилось в рамках данной статьи). На означенный момент обращено внимание в частности в Заключении Комитета по вопросам семьи, женщин и детей от 18.01.13 № 3.6-5/35 «На Проект Ф3 № 151664 «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ». В качестве одного из основных недостатков обозначена неопределенность формулировок, способствующая «смешению» составов. К числу конкурирующих норм (помимо обозначенных половых преступлений), можно отнести: ч.3 ст. 240 УК РФ (вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетнего), ч.2, 3 ст. 241 УК РФ (организация занятия проституцией с использованием несовершеннолетних), ч.2 ст.ст. 127.1, 127.2 УК РФ (торговля несовершеннолетними/использование их рабского труда). Следует подчеркнуть, что все обозначенные деяния

влекут гораздо более строгое наказание, обусловлены повышенной степенью общественной опасности содеянного и их регламентация в уголовном законе направлена на защиту прав несовершеннолетних. Однако наличие ст. 240.1 УК РФ в действующей редакции в силу обозначенных выше несовершенств может повлечь квалификацию более тяжкого преступления по данной норме, что вряд ли сообразуется с целями обеспечения защиты интересов несовершеннолетних, требованиями принципов уголовного права, задачами уголовного закона в целом.

Суммируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что несовершенства регламентации признаков объективной стороны состава ст. 240.1 УК РФ влекут отсутствие единообразного понимания и толкования соответствующих терминов, и, как следствие, проблемы правоприменения. Более того, действующая редакция означенной нормы порождает неразрешимые проблемы квалификации деяний, позволяет избежать ответственности за более тяжкие преступления и в целом не сообразуется с целями, положенными в основу ее создания.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы/References

1. Большая советская энциклопедия/ под ред. А.М. Прохорова. – М., 1978.
2. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь / Т.Ф. Ефремова. – М., 2000.
3. Курилова Е.Н. Сексуальная эксплуатация несовершеннолетних, занятие проституцией: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ...канд.юрид.наук / Е.Н. Курилова. – СПб., 2017.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2007.
5. Октябрьский районный суд г. Ставрополя. Официальный сайт // [Электронный ресурс] : URL: <http://oktyabrsky.stv.sudrf.ru> (дата обращения: 12.03.2020).

Список литературы на английском языке/ References in English

1. Bolshaya sovetskaya entsiklopediya/ pod red. A.M. Prokhorova [Great Soviet Encyclopedia / Ed. by A.M. Prokhorova]. – М., 1978. [In Russian]
2. Efremova T.F. Tolkovyi slovar [Explanatory Dictionary] / T.F. Efremova. – М., 2000. [In Russian]
3. Kurilova E.N. Seksualnaya ekspluatatsiya nesovershennoletnikh, zanyatie prostitutsiey: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: dis. ...kand.yurid.nauk [Sexual Exploitation of Minors, Prostitution: Criminal Law and Criminological Aspects: Thesis of PhD in Jurisprudence] / E.N. Kurilova. - SPb., 2017. [In Russian]
4. Ozhegov S.I. Tolkovyi slovar russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language] / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – М., 2007. [In Russian]
5. Oktyabrskiy rayonnyi sud g. Stavropolya. Ofitsialnyi sait [Oktyabrsky District Court. Stavropol. Official site] // [Electronic resource] : URL: <http://oktyabrsky.stv.sudrf.ru> (accessed: 12.03.2020). [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.142>

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Научная статья

Зайкова С.Н.^{1*}, Зайкова А.С.²

¹ ORCID: 0000-0003-1205-501X;

² ORCID: 0000-0002-0909-7297;

¹ Саратовская государственная юридическая академия; Саратов, Россия;

² Астраханский государственный медицинский университет; Астрахань, Россия

* Корреспондирующий автор (snzaikova [at]rambler.ru)

Аннотация

Основной целью проведенного исследования является анализ современного состояния законодательства по вопросам административно-правового регулирования медицинской деятельности, в частности, правового статуса врача. Анализируются различные научные взгляды, правоприменительная и судебная практика реализации прав, исполнения обязанностей врачей и правовая регламентация ответственности медицинских работников. По результатам анализа вносятся предложения по совершенствованию отдельных правовых норм федерального законодательства. Настоящее исследование имеет возможность практического применения при совершенствовании медицинского права.

Ключевые слова: правовой статус врача, охрана здоровья граждан, медицинское право.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF MEDICAL ACTIVITY
Research article

Zaykova S.N.^{1*}, Zaykova A.S.²

¹ ORCID: 0000-0003-1205-501X;

² ORCID: 0000-0002-0909-7297;

¹ Saratov State Law Academy; Saratov, Russia;

² Astrakhan State Medical University; Astrakhan, Russia

* Correspondent author (snzaikova [at]rambler.ru)

Abstract

The main goal of the study is to analyze the current state of legislation regarding the administrative and legal regulation of medical activity, in particular, the legal status of a doctor. The author analyzes various scientific views, law enforcement, and judicial practice of exercising rights, fulfilling the duties of doctors and legal regulation of the responsibility of medical workers. Based on the results of the analysis, proposals are made to improve certain legal norms of federal legislation. This study has the potential for practical application for the improvement of medical law.

Keywords: legal status of a doctor, protection of public health, medical law.

Сложившаяся в стране эпидемиологическая ситуация, вызванная новой коронавирусной инфекцией, стала проверкой готовности не только российской системы здравоохранения, но и всего государственного аппарата управления, принятия им оперативных и эффективных управленческих решений.

В условиях неопределенности со степенью и скоростью распространения вируса, длительности заболевания по времени и тяжести, методов лечения, ограниченности ресурсов, в том числе, нехватки медицинских работников, перед органами управления встала задача формирования новой правовой регламентации деятельности врачей и медицинского персонала, пересмотра их административно-правового статуса. Повышение физической защищенности от вируса, стимулирование интенсивного и опасного труда, сохранение здоровья членов семей врачей, работающих в прямом контакте с больными коронавирусом, – это только часть первоочередных решений, которые были приняты и подкреплены соответствующими финансовыми ресурсами.

Еще в октябре 2019 года вопросам организации здравоохранения и формированию современного правового статуса врачей было посвящено отдельное заседание Государственного совета РФ по теме «О задачах субъектов Российской Федерации в сфере здравоохранения». Тогда Президент РФ Путин В.В. отметил, что «доктора, средний медперсонал – это люди, на которых лежит огромная ответственность за здоровье каждого человека, а значит, всего нашего народа. И создание условий для достойного исполнения их врачебного долга – это, безусловно, наша общая важнейшая задача» [1].

Сегодня, столкнувшись с вирусной угрозой, задачи по созданию условий для работы медиков, повышению эффективности оплаты их труда, по совершенствованию законодательства в сфере здравоохранения, поставленные Президентом РФ на Госсовете, обретают новую актуальность.

Правовой статус и юридическая ответственность медицинского работника, в том числе врача, неоднократно становились предметом научных исследований [2, С. 44], [3, С. 65, 66], [5, С. 23, 24], однако до настоящего времени не имеется единого мнения относительно структурности и системности элементов статуса, а также перечня законодательно установленных правовых гарантий. С одной стороны, гарантии должны обеспечивать свободу профессиональной медицинской деятельности, с другой, ее своевременность и обоснованность.

Особое внимание общества к качеству и полноте нормативного правового регулирования положения врача (медицинского работника) вызвано особым родом его деятельности (сохранение и восстановление здоровья человека) и высокой юридической ответственностью.

За период с 2000 года по настоящее время юристами, медицинскими работниками и представителями общественности вносились различного рода предложения по совершенствованию прав и обязанностей врача.

Во-первых, предлагалось приравнять врачей к государственным служащим с вытекающими правами, обязанностями, запретами, ограничениями и ответственностью. В этом случае речь шла о масштабном увеличении государственных служащих и расходов на содержание государственного аппарата [6, С. 22].

Во-вторых, вносились предложения персонализировать правовой статус врача в зависимости от различных критериев, например, в зависимости от того, в какой медицинской организации трудится врач: в частной или в государственной (муниципальной) [7, С. 39- 41], [8, С. 18].

В-третьих, предлагалось закрепить статус врача в отдельном федеральном законе по аналогии с законами о статусе судей, военнослужащих, депутатов [9, С. 5].

Такое решение позволило бы четко сформулировать основные положения прав и обязанностей врача, его ответственность перед пациентами и другими участниками правоотношений.

Несмотря на множество предложений, корректировка законодательства за указанный период, к сожалению, проводилась без учета результатов научных исследований. При сохранении неизменными прав медицинских работников, содержащихся в ч. 1 ст. 72 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон) [10], были существенно изменены обязанности и ограничения медработников, что повлекло повышение их юридической ответственности.

Как следствие, с начала 2019 года в СМИ появляется одна за другой новости о забастовках и массовых увольнениях медиков, в том числе, врачей скорой помощи (Новгородская область, Московская область, Пензенская область, города Орел, Тольятти, Нижний Тагил, Пятигорск, Пермь и др.). В апреле 2020 года ситуация повторяется.

При решении задач, поставленных Президентом РФ по созданию условий для достойного исполнения врачами их врачебного долга, предлагается сформировать юридическую защиту врачебной деятельности с учетом правоприменительной административной и судебной практики, сбалансировать правовые статуса врача и пациента.

Сопоставление прав врача с правами пациента показывает существенный перевес правомочий в сторону последнего. Так, часть 5 ст. 19 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает одиннадцать прав пациента, например, право на выбор врача и медицинской организации; право на защиту сведений, составляющих врачебную тайну; право на возмещение вреда, причиненного здоровью при оказании медпомощи.

Право выбора повлекло соответствующую обязанность врача и медицинских организаций обеспечить возможность такого выбора. Следует отметить, что чаще всего суды стоят на защите прав пациента, указывая, что не требуется согласия на прикрепление гражданина на медико-санитарное обслуживание ни от медицинской организации, ни от врача [11], [12]. Как отмечают ученые, «правоприменителю проще констатировать факт нарушения права пациента на выбор врача с возложением ответственности на нарушителя» [13, С. 32].

Предлагается откорректировать указанное право пациентов, сохранив его только для конкретных случаев. Так, например, руководитель лечебного учреждения должен заменить врача по ходатайству пациента при наличии веских доводов и оснований, предусмотренных в законе.

Право на защиту сведений, составляющих врачебную тайну, регламентировано в ст. 13 Федерального закона, разглашение каких-либо сведений, полученных при медицинском обследовании или лечении пациента, запрещается. Правовые проблемы реализации указанного права широко отражены в судебной практике и научных исследованиях [14], [15, С. 26, 27], [16, С. 19, 20].

До настоящего времени, даже в условиях распространения коронавируса, продолжается манипулирование информацией о госпитализации и состоянии здоровья известных актеров, писателей и иных видных деятелей, а также информацией о состоянии здоровья детей, на лечение которых проводился сбор средств с использованием сети Интернет и СМИ. Ученые обоснованно отмечают, что «проблема соблюдения врачебной (медицинской) тайны пациента не только не исчерпала ресурса для научного, а равно судебно-правового исследования, но, напротив, открывает свои новые грани и измерения» [17, С. 39].

Предлагается при корректировке законодательства по защите сведений, составляющих врачебную тайну, учесть научные разработки в части терминологии и совершенствования системы ответственности медицинских работников.

Реализация права пациента на возмещение вреда, причиненного здоровью в результате дефектов оказания медицинской помощи, требует установления:

- законодательного определения указанной дефиниции,
- исчерпывающего перечня оснований, позволяющих признавать причиненный лечением вред здоровью необоснованным, неоправданным.

В настоящее время понятие «дефект оказания медицинской помощи» содержится исключительно в судебных решениях [18], что не позволяет говорить о завершении правового регулирования правоотношений «врач-пациент». Предлагается юридически закрепить обязательность коллегиального рассмотрения отдельных сложных нозологических случаев с представителями профилирующих медицинских кафедр.

Приведенные примеры свидетельствуют об «особом», более «защищенном» положении пациентов.

Злоупотребление законодательно установленными правами привело к появлению потребительского экстремизма [19, С. 17] в медицине, который проявляется в виде обращения в суды с требованиями о признании действий врача или медицинского учреждения незаконными по любому поводу, зачастую не оправданному основанию, а также в виде провокации медицинского персонала пациентами и их родственниками. Такая ситуация приводит к усложнению работы лечащих врачей, к участвующим отказам от лечения больного и массовым увольнениям по собственному желанию из отрасли здравоохранения.

Очевидно, что профессиональная деятельность врача носит повышенную ответственность и риск, поскольку врач самостоятельно определяет диагноз и выбирает схему лечения больного.

Ответственность врачей и медицинских работников (дисциплинарная, гражданско-правовая, административная, уголовная) не становились предметом комплексных научных исследований и обобщений судебной практики, что неоправданно при современной напряженности среди медиков.

Предлагается устранить указанный пробел с привлечением соответствующих органов власти, судов и практикующих работников медицинской отрасли.

По нашему мнению, требуется вернуться к рассмотрению и обсуждению:

- возможности законодательного закрепления оснований для оказания бесплатной правовой помощи медицинским работникам в случае обжалования их профессиональной деятельности;
- законопроекта о страховании пациентов от медицинских ошибок;
- возможности законодательного закрепления обязанности пациентов выполнять назначения лечащего врача и уважительно относиться к последнему.

Научные исследования и обсуждения внесенных предложений позволят повысить эффективность административно-правового регулирования правоотношений «врач — пациент», «пациент — медицинский работник», снизить напряженность системы здравоохранения, повысить престижность профессии и привлечь в отрасль молодых врачей.

Конфликт интересов

Не указан

Conflict of Interest

None declared

Список литературы / References

1. Стенографический отчет о расширенном заседании президиума Государственного совета РФ 31.10.2019 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61942> (дата обращения: 13.05.2020).
2. Хныкин Г.В. Особенности правового статуса медицинских работников / Г.В. Хныкин // Медицинское право. – 2003. – № 1. – С. 42 - 45.
3. Бойко Ю.П., Галь И.П. К вопросу о правовом статусе медицинского работника / Ю.П. Бойко, И.П. Галь // ГлавВрач. – 2010. – № 9. – С. 64 - 68.
4. Кралько А.А. Правовой статус медицинского работника / А.А. Кралько // Медицинские новости. – 2012. – № 5. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-meditsinskogo-rabotnika> (дата обращения: 13.05.2020).
5. Внукова В.А. О правовом статусе медицинских работников / В.А. Внукова // Медицинское право. – 2017. – № 1. – С. 21 - 26.
6. Сучкова Т.Е. О необходимости наделения статусом государственных служащих медицинских работников, осуществляющих медицинскую деятельность в государственных медицинских учреждениях / Т.Е. Сучкова // Медицинское право. – 2013. – № 4. – С. 20 - 26.
7. Романовская О.В. Особенности профессиональной деятельности медицинских работников в Российской Федерации / О.В. Романовская // Трудовое право в России и за рубежом. – 2013. – № 3. – С. 38 - 41.
8. Филипова И.А. Правовое регулирование труда медицинских работников: особенности правового статуса и проблемы, имеющиеся в законодательстве / И.А. Филипова // Медицинское право. – 2016. – № 1. – С. 17 - 21.
9. Сергеев Ю.Д., Кузьмин С.Б. Законодательное закрепление правового статуса медицинского работника - актуальная проблема / Ю.Д. Сергеев, С.Б. Кузьмин // Медицинское право. – 2014. – № 4. – С. 3 - 7.
10. Российская Федерация. Законы. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон: [принят Гос. Думой 1 ноября 2011 г.; одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
11. Апелляционное определение Самарского областного суда от 26 января 2016 г. по делу № 33-1002/2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/139661398/>.
12. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 14 апреля 2015 г. по делу № 33-2305/15 [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/133296350/>.
13. Муравьева Е.В., Чурляева И.В. Проблемы реализации права пациента на выбор врача и медицинской организации / Е.В. Муравьева, И.В. Чурляева // Медицинское право. – 2018. – № 1. – С. 30 - 34.
14. Блинов С.В., Кузьмина Н.М., Ревина С.Н., Сидорова А.В. Соблюдение врачебной тайны при оказании телемедицинских услуг / С.В. Блинов, Н.М. Кузьмина, С.Н. Ревина, А.В. Сидорова // Вестник медицинского института «Реавиз»: реабилитация, врач и здоровье. – 2019. – № 2 (38). [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soblyudenie-vrachebnoy-tayny-pri-okazanii-telemeditsinskih-uslug> (дата обращения: 13.05.2020).
15. Тимофеев И.В., Лисовицкий Д.А., Ситников А.С. О правовых проблемах разглашения сведений, составляющих врачебную тайну ребенка, в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети Интернет / И.В. Тимофеев, Д.А. Лисовицкий, А.С. Ситников // Медицинское право. – 2019. – № 4. – С. 23 - 29.;
16. Павлов А.В. О некоторых проблемах терминологии законодательства о врачебной тайне / А.В. Павлов // Медицинское право. – 2019. – № 1. – С. 17 - 23.
17. Блохин П.Д. Врачебная тайна при жизни и после смерти (комментарий на полях Определения Конституционного Суда РФ) / П.Д. Блохин // Медицинское право. – 2018. – № 5. – С. 33 - 43.
18. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 6 декабря 2016 г. по делу № 33-9252/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/7984404> (дата обращения: 13.05.2020).
19. Ожегова Г.А. К понятию «потребительский экстремизм» / Г.А. Ожегова // Юрист. – 2014. – № 14. – С. 15 - 19.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Stenograficheskiy otchjot o rasshirennoy zasedanii prezidiuma Gosudarstvennogo soveta RF 31.10.2019 [Verbatim report of an expanded meeting of the Presidium of the State Council of the Russian Federation] [Electronic source] – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61942> (accessed: 13.05.2020). [in Russian]
2. Hnykin G.V. Osobennosti pravovogo statusa medicinskih rabotnikov [Special features of medical workers' legal status] / G.V. Hnykin // Medicinskoe pravo [Medical law]. – 2003. – № 1. – P. 42 - 45. [in Russian]
3. Bojko Ju.P., Gal' I.P. K voprosu o pravovom statuse medicinskogo rabotnika [On the legal status of the medical worker] / Ju.P. Bojko, I.P. Gal' // GlavVrach [Chief Physician]. – 2010. – № 9. – P. 64 - 68. [in Russian]
4. Kral'ko A.A. Pravovoy status medicinskogo rabotnika [Legal status of the medical worker] [Electronic resource] / A.A. Kral'ko // Medicinskie novosti [Moscow news]. – 2012. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-meditsinskogo-rabotnika> (accessed: 13.05.2020). [in Russian]
5. Vnukova V.A. O pravovom statuse medicinskih rabotnikov [On the legal status of medical workers] / V.A. Vnukova // Medicinskoe pravo [Medical law]. – 2017. – № 1. – P. 21 - 26. [in Russian]
6. Suchkova T.E. O neobходимости nadelenija statusom gosudarstvennyh sluzhashhih medicinskih rabotnikov, osushhestvlyajushhih medicinskuju dejatel'nost' v gosudarstvennyh medicinskih uchrezhdenijah [On the need of granting the status of state employee to the medical workers who work in state healthcare institutions] / T.E. Suchkova // Medicinskoe pravo [Medical law]. – 2013. – № 4. – P. 20 - 26. [in Russian]
7. Romanovskaja O.V. Osobennosti professional'noj dejatel'nosti medicinskih rabotnikov v Rossijskoj Federacii [Special features of healthcare workers' professional activities in the Russian Federation] / O.V. Romanovskaja // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom [Labour law in Russia and abroad]. – 2013. – № 3. – P. 38 - 41. [in Russian]
8. Filipova I.A. Pravovoe regulirovanie truda medicinskih rabotnikov: osobennosti pravovogo statusa i problemy, imejushhiesja v zakonodatel'stve [Legal regulation of medical workers' professional activities: their legal status special features and existing legislative problems] / I.A. Filipova // Medicinskoe pravo [Medical law]. – 2016. – № 1. – P. 17 - 21. [in Russian]
9. Sergeev Ju.D., Kuz'min S.B. Zakonodatel'noe zakreplenie pravovogo statusa medicinskogo rabotnika - aktual'naja problema [Legal recognition of medical workers' legal status - pressing question] / Ju.D. Sergeev, S.B. Kuz'min // Medicinskoe pravo [Medical law]. – 2014. – № 4. – P. 3 - 7. [in Russian]
10. Rossijskaja Federacija. Zakony. Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii [On basics of health protection of the citizens in the Russian Federation]: federal law: [accepted by State Duma on November 1, 2011; approved by the Federation Council on November 9, 2011] // Sobranie zakonodatel'stva RF [Legislation corpus of the Russian Federation]. – 2011. – № 48. – art. 6724. [in Russian]
11. Apelljacionnoe opredelenie Samarskogo oblastnogo suda ot 26 janvarja 2016 g. po delu № 33-1002/2016 [Appellation ruling by Samara regional court of January 26, 2016, case No. 33-1002/2016] [Electronic source] – URL: <https://base.garant.ru/139661398/> [in Russian]
12. Apelljacionnoe opredelenie Stavropol'skogo kraevogo suda ot 14 aprelja 2015 g. po delu № 33-2305/15 [Appellation ruling by Stavropol regional court of April 14, 2015, case No. 33-2305/15] [Electronic source] – URL: <https://base.garant.ru/133296350/> [in Russian]
13. Murav'eva E.V., Churljaeva I.V. Problemy realizacii prava pacienta na vybor vracha i medicinskoj organizacii [Difficulties in exercising the patient's right to choose a physician and health service institution] / E.V. Murav'eva, I.V. Churljaeva // Medicinskoe pravo [Medical law]. – 2018. – № 1. – P. 30 - 34. [in Russian]
14. Blinov S.V., Kuz'mina N.M., Revina S.N., Sidorova A.V. Soblyudenie vrachebnoj tajny pri okazanii telemedicinskih uslug [Confidentiality in telemedical healthcare services] / S.V. Blinov, N.M. Kuz'mina, S.N. Revina, A.V. Sidorova // Vestnik medicinskogo instituta «Reaviz»: rehabilitacija, vrach i zdorov'e [Bulletin of the medical university Reaviz: rehabilitation, doctor and health]. – 2019. – № 2 (38) [Electronic source] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soblyudenie-vrachebnoy-tajny-pri-okazanii-telemeditsinskih-uslug> (accessed: 13.05.2020). [in Russian]
15. Timofeev I.V., Lisovickij D.A., Sitnikov A.S. O pravovyh problemah razglashenija svedenij, sostavljajushhih vrachebnuju tajnu rebenka, v sredstvah massovoj informacii i v informacionno-telekommunikacionnoj seti Internet [On the legal problems of children's private medical information disclosure to the media and on the Internet] / I.V. Timofeev, D.A. Lisovickij, A.S. Sitnikov // Medicinskoe pravo [Medical law]. – 2019. – № 4. – P. 23 - 29. [in Russian]
16. Pavlov A.V. O nekotoryh problemah terminologii zakonodatel'stva o vrachebnoj tajne [On some terminological problems in legislation on medical confidentiality] / A.V. Pavlov // Medicinskoe pravo [Medical law]. – 2019. – № 1. – P. 17 - 23. [in Russian]
17. Blohin P.D. Vračebnaja tajna pri zhizni i posle smerti (kommentarij na poljah Opredelenija Konstitucionnogo Suda RF) [Medical confidentiality in life and posthumously (Comments to the determination of the Constitutional Court of the Russian Federation)] / P.D. Blohin // Medicinskoe pravo [Medical law]. – 2018. – № 5. – P. 33 - 43. [in Russian]
18. Apelljacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Saratovskogo oblastnogo suda ot 6 dekabnja 2016 g. po delu № 33-9252/2016 [Appellation ruling by Saratov regional court judicial collegiums for civil cases of December 6, 2016, case No. 33-9252/2016] [Electronic source] – URL: http://судебные_решения.рф/bsr/case/7984404 (accessed: 13.05.2020). [in Russian]
19. Ozhegova G.A. K ponjatiju "potrebitel'skij jekstremizm" [To the notion of consumer extremism] / G.A. Ozhegova // Jurist [Lawyer]. – 2014. – № 14. – P. 15 - 19. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.143>

НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ КОРПОРАТИВНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Научная статья

Кашаров З.А.*

СПБГЭУ, Санкт-Петербург, Россия.

* Корреспондирующий автор (kasharov.zaurbek[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассмотрены общие положения неимущественных корпоративных правоотношений как разновидности гражданских правоотношений. Выявлена специфика неимущественных корпоративных правоотношений, как составная часть предмета корпоративного права. В работе проанализированы действующее законодательство, судебная практика высших судов и доктринальные источники. По итогам проведенного исследования автор приходит к выводу, что неимущественные корпоративные правоотношения имеют самостоятельный характер вопреки общему мнению, существующему в научном мире.

Ключевые слова: предмет гражданского права, корпоративные правоотношения, неимущественные правоотношения.

NON-PROPERTY CORPORATE LEGAL RELATIONS

Research article

Kasharov Z.A. *

Saint Petersburg University of Economics, St. Petersburg, Russia

* Corresponding author (kasharov.zaurbek[at]mail.ru)

Abstract

The article considers general provisions of non-property corporate legal relations as a variety of civil legal relations. The characteristics of non-property corporate legal relations are revealed as an integral part of the subject of corporate law. The paper analyzes current legislation, judicial practice of Superior Courts, and doctrinal sources. Based on the results of the study, the author concludes that non-property corporate legal relations are independent in spite of the common view in the scientific world.

Keywords: the subject of civil law, corporate legal relations, non-property legal relations.

Несмотря на упорные попытки ряда ученых доказать, что корпоративные правоотношения, прежде всего, имущественные, существует группа ученых, придерживающихся противоположного мнения [1, с.74], [2, с.57], [7, с.4-21]. Сложно отрицать тот факт, что корпоративные правоотношения не исчерпываются имущественным содержанием. Такие отношения не имеют имущественно-стоимостного характера. В гражданском праве принято различать две группы неимущественных отношений: связанные с имуществом и личностные отношения «в чистом виде». В цивилистической науке существует мнение, что сугубо личные неимущественные отношения, не связанные с имуществом, не регулируются гражданским правом в их нормальном состоянии, а только охраняются от возможных нарушений [5, с.56]. По общему признанию, личные неимущественные отношения, квалифицируются как абсолютные, которые не имеют имущественно-стоимостного характера и неразрывно связаны с личностью [1, с.57]. Удельный вес неимущественных правоотношений по отношению к имущественным и организационным правоотношениям невелик, тем не менее, это не умаляет их значимости. Неимущественные правоотношения ярко проявляются в некоммерческих корпорациях, связанные с членством в ней. По этому поводу С.Н. Братусь писал: «к личным неимущественным правам относятся многие права, вытекающие из членства граждан в различных кооперативных и общественных организациях. Эти права неотчуждаемы, неотделимы от членов организации и принадлежит до тех пор, пока он состоит членом организации» [1, с.74]. Такой подход является логичным и отражает сущность членства в некоммерческих корпорациях. Нет сомнений, в существовании части правоотношений в рамках корпорации, не имеющих имущественно-стоимостного характера, возникающих в связи с членством в ней. Статус членства неизбежно влечет участие в различных правоотношениях, среди которых числятся неимущественные. Неотчуждаемость, как неотъемлемое условие неимущественных прав, в законодательстве прямо предусмотрено для членов некоммерческих корпораций (п. 3 ст. 123.6 ГК РФ, п. 3 ст. 123.11 ГК РФ). Такое положение вполне объяснимо. В некоторых некоммерческих корпорациях право членства неразрывно связано с выданным корпорации свидетельством о допуске к определенному виду работ [13]. Будучи личным неимущественным правом, право членства представляет собой право на участие в образовании воли корпорации [7]. Автономия воли является показателем самостоятельности корпорации, которая предполагает, что она вольна выбирать ту модель поведения, которую считает наиболее оптимальной для себя. Воля участника (члена) корпорации никак не может регулироваться нормами права. Она может получить только правовую защиту в тех случаях, когда кто-либо препятствует ее реализации. Реализация своих прав корпорацией осуществляется в процессе ее деятельности. Любое вмешательство в деятельность корпорации защищается со стороны государства. Вмешательство может выражаться в попытке ликвидации корпорации конкурентами, создания препятствий нормальной деятельности, распространения сведений порочащих деловую репутацию и т.п. Корпорация может рассчитывать на защиту деловой репутации только в том случае, если распространенные сведения являются порочащими. В литературе существует мнение, что деловая репутация должна защищаться, даже если сведения не порочат ее, но не соответствуют действительности [8, с.5]. Неимущественные права коммерческих и некоммерческих корпораций имеют разную правовую природу. Неимущественные права, предоставляемые участнику коммерческой корпоративной формы юридического лица, могут быть прекращены посредством сделок и не являются неотделимыми в общепринятом смысле. По мнению Е.П. Губина, «неимущественные корпоративные отношения нельзя относить к числу личных

неимущественных неотчуждаемых прав, которые в понимании, содержащемся в ст. 150 ГК РФ, являются неотчуждаемыми и непередаваемыми иным способом. Корпоративные права передаются в полном комплексе имущественных и неимущественных прав одновременно с передачей акций (долей в уставном капитале)». [3, с.18-25] В качестве иллюстрации можно привести процедуру, связанную с отчуждением доли, пая, акции (далее – доля), при которой к новому обладателю [12] переходят не только имущественные права, но и все права, в том числе и неимущественные, которые предоставляют обладание долей в корпорации, что свидетельствует об их отделимости от личности, за исключением членства в ассоциациях (союзах) и общественных организациях. Примером может служить ситуация с получением участником информации относительно деятельности корпорации. Согласно п. 1 Информационного письма Президиума ВАС от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» (далее – Информационное письмо № 144), [4] право участников хозяйственных обществ на информацию обусловлено только самим фактом участия в обществе. В удовлетворении требований участника корпорации о предоставлении информации относительно деятельности корпорации не может быть отказано, даже если он запрашивает информацию и документы за период, когда он еще не был участником (п. 5 Информационного письма № 144). Далее судом разъясняются случаи отказа в предоставлении информации и документов. Отказ в удовлетворении требований ВАС считает правомерным, если на момент рассмотрения дела такое лицо не является участником корпорации. Предусмотрены исключительные случаи, когда лицо уже не является участником, но корпорация не выплатила стоимость его доли. Такая информация необходима, считает суд, для определения действительной стоимости доли вышедшего участника (п. 6 Информационного письма № 144). Иначе говоря, условием предоставления соответствующей информации корпорацией участнику, является статус участника, на момент запроса такой информации, за редким исключением. Здесь необходимо уточнить, что сами правоотношения являются неимущественными, они перетекают в организационные при использовании предоставленной информации. Рассматривая неимущественные отношения, связанные с реализацией прав акционеров, А.М. Эрделевский приходит к выводу, что «нарушения неимущественных прав акционеров в большинстве случаев связаны с проведением общих собраний акционеров или неправомерными действиями исполнительного органа общества (неизвещение о собрании, недопуск к участию в собрании, неучет голоса акционера при голосовании, невключение в число кандидатур для избрания в совет директоров или ревизионную комиссию, отказ в предоставлении документации общества для ознакомления и т.п.)» [15, с. 69-74]. Хотя автор рассматривает поставленную проблему на примере акционеров, такая ситуация может возникнуть с участниками любых корпоративных юридических лиц.

Аналогом имени гражданина является наименование для корпорации, которое является неимущественным правом. Необходимо проводить различие между наименованием и фирменным наименованием корпорации. Наименование относится к личным неимущественным правам, индивидуализирующим корпорацию, под которым она выступает в гражданском обороте. Фирменное наименование является средством индивидуализации коммерческой корпорации. Согласно п. 4 ст. 54, п. 1 ст. 1473 ГК РФ фирменное наименование может иметь только коммерческая корпорация. Некоммерческая корпорация, наименование которой зарегистрировано в установленном законом порядке, имеет исключительное право его использования. По мнению высших судов [10], [11], наименование некоммерческих корпораций не является средством индивидуализации, соответственно, на них не распространяется правовая охрана, установленная гл. 76 ГК РФ [7, С. 708-709]. Фактически, некоммерческие корпорации лишаются правовой защиты, даже если они будут использовать фирменное наименование в предпринимательской деятельности. Средством защиты для некоммерческих корпораций остается п. 2 ст. 23.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [9], где указано, что, если ранее зарегистрирована некоммерческая организация с таким же наименованием, регистрирующий орган должен отказать в регистрации. Использование идентичного наименования коммерческой и некоммерческой корпорации допустимо с точки зрения законодательства. При этом некоммерческая корпорация не может требовать прекращения использования наименования коммерческой организацией, т.к., право на фирменное наименование имеет только коммерческая организация.

Подводя итог можно сделать вывод о том, что неимущественные корпоративные правоотношения носят самостоятельный характер независимо от имущественных корпоративных отношений. Если в коммерческих корпорациях «основным» является имущественные отношения, то в некоммерческих корпоративных формах юридического лица особое значение имеют неимущественные отношения.

Несмотря на деление корпоративных отношений на виды, только взятые в единстве все виды корпоративных правоотношений дают полное представление об их правовой природе. Поэтому трудно согласиться с авторами, рассматривающими корпоративные правоотношения как комплексные [2], [7], [14]. Комплексные правоотношения, предполагают сочетание публичных и частных начал, а корпоративные являются разновидностью гражданских правоотношений. Скорее, корпоративные правоотношения носят системный характер. Каждый вид корпоративных правоотношений имеет свои особенности.

В коммерческих корпорациях превалируют имущественные правоотношения, а в некоммерческих – неимущественные. Такая ситуация закономерна, ведь у коммерческих и некоммерческих корпораций различные цели. Эти два вида правоотношений объединяет то, что они являются отношениями, связанными с участием или членством.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М. : Госюриздат, 1963. 196 с. С. 74; С. 57.
2. Гендзехадзе Е.Е. Жилищно-строительные кооперативы в городе и селе. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. 176 с. С. 57.
3. Губин Е.П. Законодательство о предпринимательской деятельности: состояние и направления совершенствования // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2010. No 3. С. 18–25.
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 No 144. О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ : [Электронный ресурс] // Федеральные арбитражные суды Российской Федерации. URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/32916.html.
5. Иоффе О.С. Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР // Советское государство и право. М. : Наука, 1956. No 2. С. 55–66.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая : учебно-практический комментарий / Под ред. Сергеева А.П. М. : Изд-во «Проспект», 2015. 818 с. С. 708–709.
7. Крашенинников Е.А. Условия функционирования и границы частной автономии / Е.А. Крашенинников, Ю.В. Байгушева // Вестник ВАС РФ. 2013. No 9. С. 4–21.
8. Лялин Л. Защищаем деловую репутацию компании [Электронный ресурс] / Лев Лялин // Актуальная бухгалтерия // ИПП Гарант. 2014. 14 апреля. URL : <http://www.garant.ru/article/536754/> (дата обращения 19.02.2016 г.).
9. О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. No 3. Ст. 145.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. No 244-О-О. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Союза производителей сельскохозяйственной техники и оборудования для АПК «Союзагромаш» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем вторым пункта 1 статьи 4 Федерального закона «О некоммерческих организациях» : [Электронный ресурс] // ИПП Гарант.–URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1691027>.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ No 5, Пленума ВАС РФ No 29 от 26.03.2009. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : утратил силу или отменен [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/.
12. Постановление Президиума ВАС РФ от 02.11.2010 No 7981/10 по делу No А56-35901/2009 (В удовлетворении иска о признании недействительным договора поручительства отказано, поскольку акции, которыми владел истец на момент совершения оспариваемой сделки, впоследствии были переданы третьему лицу на основании договора купли-продажи, в связи с чем истец утратил статус акционера общества, а следовательно, истец утратил право на оспаривание договора поручительства вместе с отчуждением своих акций) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=168357#01419776689368002>.
13. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 09.07.2014 No Ф07-727/2013 по делу No А56-21785/2012 «Об исключении некоммерческого партнерства строителей из Государственного реестра саморегулируемых организаций» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL : <https://clck.ru/P38AV>.
14. Шиткина И. Корпоративное право: к вопросу об истинности субъективных суждений и ложности научных концепций / И. Шиткина, А. Молотников // Хозяйство и право. 2009. № 12. С. 36–47.
15. Эрделевский А.М. О защите личных неимущественных прав акционеров // Хозяйство и право. 1997. No 6. С. 69–74.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bratus S.N. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava [Subject and System of Soviet Civil Law]. M.: Gosyurizdat, 1963. 196 p. P. 74; P. 57. [In Russian]
2. Gendzekhadze E.E. Zhilishchno-stroitelnye kooperativy v gorode i sele [Housing and Construction Cooperatives in the City and Village]. M.: Moscow Publishing House. University, 1976. 176 p. P. 57. [In Russian]
3. Gubin E.P. Zakonodatelstvo o predprinimatelskoi deyatel'nosti: sostoyanie i napravleniya sovershenstvovaniya [Legislation on Entrepreneurial Activity: State and Areas of Improvement] // Biznes Zakon. «Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom». [Business Law. “Business and Law in Russia and Abroad.”] – 2010. – No.3. – P. 18–25. [In Russian]
4. Informatsionnoe pismo Prezidiuma VAS RF ot 18.01.2011 No 144. O nekotorykh voprosakh praktiki rassmotreniya arbitrazhnymi sudami sporov o predostavlenii informatsii uchastnikam khozyaistvennykh obshchestv [Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 18, 2011 No. 144. On some issues of the practice of consideration of disputes by arbitration courts on the provision of information to participants in business entities] [Electronic resource] // Federal Arbitration Courts of the Russian Federation. URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/32916.html. [In Russian]
5. Ioffe O.S. Grazhdansko-pravovaya okhrana interesov lichnosti v SSSR [Civil Protection of Personal Interests in the USSR] // Sovetskoye gosudarstvo i zakon [Soviet State and Law]. – M.: Nauka, - 1956. – No.2. – P. 55–66. [In Russian]
6. Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Chast chetvertaya : uchebno-prakticheskii kommentarii [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part Four: Practical Commentary] / Ed. by Sergeeva A.P. M.: Prospect Publishing House, 2015. – 818 p. – P. 708–709. [In Russian]
7. Krashennnikov E.A. Usloviya funktsionirovaniya i granitsy chastnoi avtonomii [Functioning Conditions and Boundaries of Private Autonomy] / Krashennnikov E.A., Baigusheva Yu.V. // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]. 2013. – No.9. – P. 4–21. [In Russian]

8. Lyalin L. Zashchishchaem delovuyu reputatsiyu kompanii [Protecting the Business Reputation of the Company] [Electronic resource] / Lev Lyalin // Aktualmniy uchët [Topical Accounting] // IPP Garant. 2014. April 14th. URL: <http://www.garant.ru/article/536754/> (Accessed: 19.02.2016). [In Russian]

9. O nekommercheskikh organizatsiyakh : Federalnyi zakon ot 12.01.1996 No. 7-FZ [On Non-Profit Organizations: Federal Law of 12.01.1996 N 7-FZ] // Meeting of the Legislation of the Russian Federation. 01/15/1996. No.3. Art. 145. [In Russian]

10. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 10 fevralya 2009 g. No 244-O-O. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby Soyuzu proizvozhitelei selskohozyaistvennoi tekhniki i oborudovaniya dlya APK «Soyuzagromash» na narushenie konstitutsionnykh prav i svobod abzatsem vtorym punkta 1 statyi 4 Federalnogo zakona «O nekommercheskikh organizatsiyakh» [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 10, 2009 No. 244-O-O. On the refusal to accept the complaint of the Union of Manufacturers of Agricultural Machinery and Equipment for AIC Soyuzagromash on violation of constitutional rights and freedoms in the second paragraph of paragraph 1 of Article 4 of the Federal Law “On Non-Profit Organizations”] [Electronic resource] // IPP Garant. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1691027>. [In Russian]

11. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF No 5, Plenuma VAS RF No 29 ot 26.03.2009. O nekotorykh voprosakh, voznikshikh v svyazi s vvedeniem v deystvie chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii : utratil silu ili otmenen [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 29 dated 03/26/2009. On some issues that arose in connection with the enforcement of part four of the Civil Code of the Russian Federation: expired or canceled] [Electronic resource] // ATP ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/. [In Russian]

12. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 02.11.2010 No 7981/10 po delu No A56-35901/2009 (V udovletvorenii iska o priznanii nedeistvitelnym dogovora poruchitelstva otkazano, poskolku aktsii, kotorymi vladel istets na moment soversheniya osparivaemoi sdelki, v posledstviy byli peredany tretyemu litsu na osnovanii dogovora kupli-prodazhi, v svyazi s chem istets utratil status aktsionera obshchestva, a sledovatelno, istets utratil pravo na osparivanie dogovora poruchitelstva vmeste s otchuzhdeniem svoikh akcii) [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 02.11.2010 No. 7981/10 in case No. A56-35901/2009 (Claim for declaring the contract of guarantee invalid was refused, since the shares held by the plaintiff at the time of the disputed transaction were subsequently transferred to a third party on the basis of sale and purchase agreement, in connection with which the plaintiff lost the status of a shareholder of the company, and therefore, the plaintiff lost the right to challenge the contract of guarantee along with the alienation of the shares)] [Electronic resource] // ATP ConsultantPlus. URL: <https://clck.ru/P38AV>. [In Russian]

13. Postanovlenie FAS Severo-Zapadnogo okruga ot 09.07.2014 No F07-727/2013 po delu No A56-21785/2012 «Ob isklyuchenii nekommercheskogo partnerstva stroitelei iz Gosudarstvennogo reestra samoreguliruemyykh organizatsii» [Decision of the Federal Arbitration Court of the North-Western District of July 9, 2014 No. F07-727 / 2013 in case No. A56-21785/2012 “On the exclusion of non-commercial partnership of builders from the State register of self-regulatory organizations”] [Electronic resource] // ATP ConsultantPlus. URL: <https://clck.ru/P38LP> [In Russian]

14. Shitkina I. Korporativnoe pravo: k voprosu ob istinnosti subyektivnykh suzhenii i lozhnosti nauchnykh kontseptsii [Corporate Law: On the Issue of the Truth of Subjective Judgments and the Falsity of Scientific Concepts] / Shitkina I., Molotnikov A., // Ekonomika i zakon [Economy and Law]. – 2009. – No. 12. – P. 36–47. [In Russian]

15. Erdelevsky A.M. O zashchite lichnykh neimushchestvennykh prav aktsionerov [On the Protection of Personal Non-Property Rights of Shareholders] // Ekonomika i zakon [Economy and Law]. – 1997. – No.6. – P. 69–74. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.144>

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛОК, ЗАКЛЮЧЕННЫХ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ТОРГОВОМ ОБОРОТЕ

Научная статья

Клещева И.А. *

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

* Корреспондирующий автор (irkuleshova[at]yandex.ru)

Аннотация

При заключении сделок в международном обороте может возникнуть проблема признания заключенных сделок недействительными, выходящими за пределы правоспособности компании и целям деятельности, установленным учредительными документами. Исторически юридические лица признавались обладающими специальной правоспособностью, однако, современные условия хозяйственной деятельности требует пересмотра данной концепции. В настоящее время большинство стран общей системы права предоставляют юридическим лицам общую правоспособность.

Ключевые слова: специальная правоспособность, недействительность сделки, учредительные документы, меморандум.

VALIDITY OF TRANSACTIONS, CONCLUDED BY LEGAL ENTITIES IN INTERNATIONAL TRADE TURNOVER

Research article

Kleshcheva I.A. *

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

* Corresponding author (irkuleshova[at]yandex.ru)

Abstract

When concluding transactions in international business, there may be a problem in recognizing concluded transactions, beyond the legal capacity of a company, and objectives of activity established by the constituent documents. Historically, legal entities were recognized as the one having special legal capacity. However, modern business conditions require a revision of this concept. Currently, most countries of the general system of law provide legal entities with general legal capacity.

Keywords: special legal capacity, the invalidity of the transaction, constituent documents, memorandum.

При заключении сделок с юридическими лицами в международном торговом обороте, для инвесторов и кредиторов нередкой проблемой является признание заключенных сделок недействительными, выходящими за пределы правоспособности компании и не соответствующими целям деятельности, установленным учредительными документами.

Статья 173 Гражданского кодекса РФ решает эту проблему следующим образом: если заключенная юридическим лицом сделка не соответствует целям хозяйственной деятельности, установленным его учредительными документами, такая сделка может быть по иску этого юридического лица признана судом недействительной. При этом должен быть доказан тот факт, что контрагент знал или должен был знать об этом несоответствии [1].

Подобная концепция находит свое отражение и в праве иностранных государств. основополагающая цель данной концепции – обеспечение интересов учредителей юридического лица и его контрагентов.

Однако в современных условиях концепция требует своего переосмысления. Теория ограниченной правоспособности в течение долгого времени рассматривалась в качестве основной, но в современных условиях она утрачивает свое значение.

Концепция ограниченной правоспособности появилась в Средние века, когда была сформулирована теория «правовой привилегии». Эта теория рассматривала создание юридического лица в качестве особой привилегии, предоставленной учредителям государством [2, с.93, 100]. Согласно данной теории после государственной регистрации юридическое лицо наделяется специальной правоспособностью, в связи с чем, может заниматься только определенными видами деятельности, которые предусмотрены учредительными документами.

Заключенные юридическим лицом контракты, не соответствующие перечисленным видам хозяйственной деятельности, признаются государством недействительными, поскольку нет разрешения на заключение подобных контрактов.

Постепенно основным направлением концепции ограниченной правоспособности компаний стало обеспечение и защита интересов инвесторов и кредиторов, а контроль со стороны государства отошел на второй план. Инвесторы, вкладывающие свои деньги, хотят быть уверены, что их финансовые средства будут использованы в строгом соответствии с целями деятельности данной компании, указанными в меморандуме [3, с. 81].

Дореволюционные авторы придерживались позиции принципиальной ограниченности правоспособности компаний. Они не допускали, чтобы юридическое лицо могло выйти за пределы поставленной ему цели [4].

«Законами и уставами, - отмечает О. Гирке, - определяются цели отдельных корпораций и их видов. Смотря по характеру преследуемой корпорацией цели, корпорация должна быть отнесена то к одной, то к другой категории и, следовательно, подпадает под действие различных, своеобразных правовых положений; из неоднородности целей вытекают и весьма неоднородные отношения союзов к их членам, к другим союзам и, прежде всего, к государству. Таким образом, жизненная цель юридического лица, в противоположность жизненной цели индивида, является

правовым понятием. Отсюда характерное для права ограничение правовой волеиспособности и дееспособности» [5, с. 5].

Дернбург в своем труде «Гражданское право Германской империи» заявляет: «Юридические лица отнюдь не обладают одной только имущественной правоспособностью: им принадлежит частная правоспособность вообще, принадлежат, следовательно, права и обязанности, как естественным лицам. Однако лишь постольку, поскольку это дозволяется их свойствами и мирится с их целями» [5, с.8].

О.С. Иоффе писал, что если бы юридические лица могли обладать неограниченным кругом прав и обязанностей, то, с одной стороны, это бы отвлекало их от основных целей, для реализации которых они были образованы, а с другой, занимаясь фактически не своим делом, не смогли бы выполнить его должным, квалифицированным образом [6, с. 109].

Следует отметить, что в современной юридической литературе немало сторонников концепции специальной правоспособности юридических лиц.

Е.А. Суханов, например, полагает, что правоспособность юридических лиц всегда является ограниченной, и поэтому, юридические лица могут быть участниками только определенных гражданских правоотношений, четко соответствующих целям их деятельности [7, с. 189].

Н.В. Козлова пишет, что юридическое лицо обладает правоспособностью лишь относительно тех видов деятельности, для осуществления которых оно создано, тот есть правоспособность юридических лиц носит специальный характер [8, с. 10].

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. и Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. закрепляли специальную правоспособность юридических лиц. Этот же принцип предусмотрен п. 1 ст. 49 ГК РФ.

Вместе с тем, осуществляя свою хозяйственную деятельность, компании нередко пытаются преодолеть (обойти) норму о целевой правоспособности и достаточно широко формулируют направления своей хозяйственной деятельности в учредительных документах. Это позволяет им заключать разного рода сделки в разнообразных сферах деятельности.

Российское законодательство не осталось в стороне от наметившейся в мире тенденции к смягчению концепции специальной правоспособности юридических лиц. ГК РФ в ч. 1 ст. 49 определяет, что коммерческие организации, за исключением унитарных предприятий и иных видов организаций, предусмотренных законом, могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом, т.е. наделены общей правоспособностью.

Исторически страны общей системы права законодательно закрепляли концепцию специальной правоспособности компаний. Органы власти и управления предоставляли особые лицензии для создания юридического лица. Данные разрешения определяли сферу деятельности компании (например, осуществление торговли с Индией, строительство мостов или железных дорог).

Действующее законодательство большинства стран общей системы права придерживается концепции общей правоспособности юридических лиц.

Длительный промежуток времени одной из важнейших доктрин, определявших правоспособность английских компаний, была концепция *ultra vires*. Указанная теория действовала, прежде всего, для обеспечения и защиты интересов инвесторов и кредиторов.

Концепция *ultra vires* предполагает осуществление компанией какой-то деятельности или заключение некоего контракта, которые являются законными по своей сути, но, в то же время, не соответствуют целям деятельности юридического лица, указанным в меморандуме [9, с.40-41].

Заключение компанией подобного договора предполагает, что она не приобретает никаких обязанностей, а, следовательно, контрагент не может требовать исполнения этого договора.

Соответственно, контракт, заключенный *ultra vires* (как бы сверх ее правоспособности) не станет обязательным для компании. Причем подобный контракт не будет одобрен даже в том случае, если все участники компании в последующем согласились на это.

В соответствии с Законом о компаниях 1948 г. Великобритании участникам компании предоставлено право изменять цели ее деятельности специальной резолюцией (3/4 владельцев от общего количества акций с некоторыми ограничениями). Положениями Закона установлено, что изменения могли быть совершены, например, только при условии расширения места деятельности или осуществления своей основной задачи новыми или лучшими средствами и др. [9, с. 46-48].

Подобные изменения целей деятельности компании были возможны без подтверждения их в судебном порядке. Однако акционеры могли обратиться в суд с ходатайством об отмене соответствующих изменений.

Впоследствии значительные поправки в концепцию *ultra vires* были внесены по причине вступления Великобритании в 1972 году в Европейское экономическое сообщество. Закон о компаниях 1985 г. устранил противоречия между английским законодательством и разделом 9 Закона о ЕЭС и предписаниями Первой директивы 1968 г. Это значительно повлияло на роль учредительных документов (меморандумов) в разрешении вопроса о правоспособности английских компаний.

По законодательству Великобритании, юридические лица получают правоспособность со времени их регистрации в порядке, определенном законом. Первая директива ЕЭС 1968 г. в ст. 9 определяет, что совершенные компаниями контракты, противоречащие целям их деятельности, установленным в меморандуме, будут признаны действительными решением суда. Однако эта норма не применяется в тех случаях, когда контрагент знал или должен был знать о том, что контракт не соответствует уставу компании [10, с. 36].

Однако установить недобросовестность контрагента бывает подчас чрезвычайно сложно, поскольку наличие в свободном доступе учредительных документов юридических лиц и возможность их изучить, еще доказывает того, что контрагент обладал информацией о том, какими видами хозяйственной деятельности компания могла заниматься, а какими нет.

Соответственно, возложение ответственность на контрагента не должно влиять на действительность заключенного контракта.

В английском праве компаний существует принцип, в соответствии с которым юридические лица, заключая ту или иную сделку, обладают презюмируемой осведомленностью об информации, которая содержится в уставе компании-контрагента, даже если на самом деле не осведомлены об указанных положениях и не читали устав (меморандум) компании. Этот принцип объясняется открытостью и доступностью уставных документов в бюро регистрации компаний (ст.79 Закона о компаниях 1989 г.). Поэтому контракт невозможно оспорить, ссылаясь на то, что учредительные документы контрагента не были изучены.

Законом о компаниях 1989 г. концепция *ultra vires* была фактически отменена, то есть формально компании с данного времени приобрели общую правоспособность.

Новая редакция ст. 35 Закона 1985 г. устанавливала, что правоспособность английских компаний не может быть ограничена их меморандумом.

Соответственно, данная доктрина за период своего существования прошла длительный путь развития в направлении ее изменения к системе общей правоспособности. В период промышленного и экономического роста она перестала удовлетворять потребностям становления новых условий экономической и хозяйственной деятельности в Великобритании. Усиление конкурентной борьбы на рынках экспорта и импорта потребовало дополнения и значительных изменений доктрины *ultra vires*.

В других европейских странах происходили подобные преобразования в отношении регулирования правоспособности компаний. Однако процесс перехода к общей правоспособности в Великобритании был более медленным. Суды и законодательные органы не решались поменять смысловое значение самой концепции. Изменения производились главным образом путем толкования целей английских компаний и их расширением, предоставляя свободу делать это самим компаниям [11, с. 104-108].

Как известно, Законы о компаниях 1985 и 1989 гг. не употребляют термин *ultra vires*. Однако это вовсе не означает, что доктрина *ultra vires* прекратила свое существование. Об этом свидетельствует практика судов общего права. Своими решениями суды не освобождают от обязанности исполнить контракт, заключенный *ultra vires*. Подобный контракт не признается недействительным. Однако члены юридического лица могут внести изменения в положения меморандума о цели его деятельности, чтобы привести их в соответствие с заключенным контрактом. Для этого следует заручиться поддержкой общего собрания акционеров (3/4 голосов акционеров).

Теория *ultra vires* на данный период времени существует на этапе трансформации в направлении расширения и уточнения целей деятельности юридического лица, установленных учредительными документами.

Ссылаясь на Закон о компаниях 1989 г., юридические лица все чаще стали прибегать к указанию целей, не ограниченных меморандумом компании, или отнесением к их числу подразумеваемых полномочий руководства компании. Юридические лица используют различные средства для расширения сферы своей деятельности.

Очень часто в меморандуме компании перечислены виды деятельности, которые она планирует осуществлять, а далее включается положение о том, что компания вправе совершать и иные действия и заключать разнообразные контракты, которые будут способствовать реализации основных видов деятельности. Поэтому, даже если компания подписывает контракт и он не соответствует основным целям ее деятельности, подобный контракт будет признан действительным [9, с. 137].

Английские суды, еще до появления Закона о компаниях 1985 г., стали широко толковать понятие целей деятельности компании. Меморандум компаний содержал открытый список тех видов деятельности, которые данные компании вправе осуществлять. Значительно расширены также так называемые «подразумеваемые цели» компании.

Законодательные органы Великобритании настаивали на том, чтобы в меморандуме компании указывались цели ее деятельности, для достижения которых она и была создана. Суды оперируют понятием «основные цели» компании. Однако непонятно, что делать, когда в меморандуме компании оговорено, что каждое направление ее деятельности считается основным.

Вместе с тем, нельзя беспредельно трактовать правоспособность компаний, она не может иметь абсолютный характер. Анализируя законодательство и судебную практику государств с общей системой права можно прийти к выводу о том, что проблема правоспособности компаний находится под серьезным контролем ее акционеров, обладающих правом в случае необходимости потребовать ликвидации компании из-за осуществления действий или заключения контрактов, не соответствующих учредительным документам.

Таким образом, для того, чтобы защитить себя от неблагоприятных последствий, таких как признание сделки недействительной, в связи с тем, что она не соответствует установленным в меморандуме целям деятельности компании, представляется необходимым дать компаниям рекомендацию основательно изучить учредительные документы контрагента, прежде чем заключать сделки в международном торговом обороте.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы/ References

1. Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Farrar J., Hannigan B. *Company Law* / J. Farrar, B. Hannigan. 4th edition. – London. Edinburg. Dublin, 1998. – P.93,100.
3. Gower L. *The Principles of Modern Company Law*. – London, 1954. – P. 81.
4. См, например: Пергамент М.Я. К вопросу о правоспособности юридического лица. – СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», – 1909. – 35 С.
5. Цит. по Пергамент М.Я. К вопросу о правоспособности юридического лица. – СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», – 1909. – С. 5, 8).

6. Йоффе О.С. Советское гражданское право. Общая часть. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, – 1958. – С. 109.
7. Гражданское право. Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. – М.: «Волтерс Клувер», – 1998. – С. 189.
8. Козлова Н.В. Правосубъектность юридических лиц. – М.: Статут, – 2005. – С. 10.
9. Чарльзворд Дж. Основы законодательства о компаниях. – М.: Изд-во ин. лит-ры, – 1958. – С. 40-41, С. 46-48, 137
10. Петровищева Ю.В. Акционерное законодательство Англии и России. Сравнительно-правовой анализ. – М.: Норма, – 2002. – С. 36
11. Малахова М.Н. Правоспособность английских корпораций // Модернизация права: зарубежный и отечественный опыт. Сборник научных статей. – Пенза: ИИЦ ПГУ, 2004. – С. 104-108

Список литературы на английском языке/ References in English

1. Sobraniye zakonodatel'stva RF [Collection of legislation of Russian Federation] – 05.12.1994. – No.32, Art. 3301. [In Russian]
2. Farrar J., Hannigan B. Company Law / J. Farrar, B. Hannigan. 4th edition. – London.Edinburg.Dublin, 1998. – P.93,100.
3. Gower L. The Principles of Modern Company Law. – London, 1954. – P. 81.
4. See, for example: Parchment M.Ya. Pergament M.YA. K voprosu o pravospobnosti yuridicheskogo litsa [On the issue of legal capacity of a legal entity]. – SPb.: Typ. Univ. "Soc. benefit". – 1909. – 35 P. [in Russian]
5. Cit. by Parchment M.Ya. K voprosu o pravospobnosti yuridicheskogo litsa [On the issue of legal capacity of a legal entity]. – SPb: Typ. Univ "Soc. benefit", – 1909. – P. 5,8). [in Russian]
6. Joffe O.S. Sovetskoye grazhdanskoye pravo. Obshchaya chast' [Soviet civil law. Common part]. – Leningrad: Publishing house of Leningrad State University, – 1958. – P. 109. [in Russian]
7. Grazhdanskoye pravo. Uchebnik [Civil law. Textbook] / Ed. by E.A. Sukhanov. V. 1. – M.: "Walters Clover", – 1998. – P. 189. [in Russian]
8. Kozlova N.V. Pravosub'yektnost' yuridicheskikh lits [Legal personality of legal entities]. – M.: Statute, – 2005. – P. 10. [In Russian]
9. Charlesword J. Osnovy zakonodatel'stvo o kompaniyakh [Fundamentals of company law]. – M.: Publishing house in. liters, - 1958. – P. 40-41, P. 46-48, 137 [in Russian]
10. Petrovicheva Ju.V. Akcionerное zakonodatel'stvo Anglii i Rossii. Sravnitel'no-pravovoj analiz [Joint-stock legislation of England and Russia. Comparative legal analysis.]. – M.: Norma, – 2002. – P. 36 [in Russian]
11. Malahova M.N. Pravospobnost' anglijskikh korporacij [Legal capacity of English corporations] // Modernizacija prava: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt. Sbornik nauchnyh statej [Modernization of law: foreign and domestic experience. Collection of scientific articles]. – Penza: IIC PGU, 2004. – P. 104-108 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.145>

ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ДЕФИНИЦИЙ В ТЕКСТЕ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Научная статья

Конина Д.В. *

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Н.Новгород, Россия

* Корреспондирующий автор (d.gift[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассмотрена проблема юридико-технического оформления дефиниций в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Рассмотрены основные способы юридико-технического оформления дефиниций в статьях Общей части и Особенной части УК РФ с учетом правил логики и лингвистических требований в целях достижения доступности для их восприятия субъектами права. Рассмотрено формулирование дефиниций в текстах УК РСФСР 1922, 1960 гг. Предложены иные варианты юридико-технического оформления дефиниций в тексте УК РФ в связи с допущенными ошибками законодателя при их формулировании.

Ключевые слова: уголовное законодательство, юридическая техника, дефиниция, оформление дефиниций.

LEGAL AND TECHNICAL DESIGN OF DEFINITIONS IN TEXT OF CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION

Research Article

Konina D.V.*

National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, N. Novgorod, Russia

*Corresponding author (d.gift[at]mail.ru)

Abstract

The paper considers the problem of the legal and technical design of definitions in the text of the Criminal Code of the Russian Federation. The author considers the main methods of the legal and technical design of definitions in the articles of the General part and the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the rules of logic and linguistic requirements in order to achieve accessibility for their perception by legal entities. The formulation of definitions in the texts of the Criminal Code of the RSFSR of 1922, 1960, is considered as well. Other options for the legal and technical design of definitions in the text of the Criminal Code of the Russian Federation are proposed in connection with the mistakes made by the legislator in their formulation.

Keywords: criminal law, legal technique, definition, design definitions.

От правильного юридико-технического оформления дефиниций в тексте УК РФ зависит их доступность для восприятия субъектами права. Для правильного разрешения поставленной проблемы следует обратиться к схеме, предложенной В.Ю. Туралиным: «понятие → термин → дефиниция», где понятие – это абстрактная форма восприятия действительности (невидимый объект), которая материализуется с помощью термина (видимого объекта) и дефиниции (второго видимого объекта) в текстовом источнике мысли» [1, с. 8]. Сам термин должен быть равен своей дефиниции, а дефиниция должна соответствовать объему понятия и передавать его основное содержание.

Саму дефиницию в юридической литературе называют по-разному: «правовая дефиниция» [2, с. 301], «правовое определение» [3, с. 6], «законодательная дефиниция» [4, с. 144], «легальная дефиниция» [5, с. 223], «нормативная дефиниция» [6, с. 246], «юридическая дефиниция» [7, с. 233]. Четкого разграничения приведенных понятий в науке не имеется, их существование учеными признается, но следует отметить, что все они не являются синонимами.

К элементам дефиниции относятся: 1) определяемое понятие, то есть то, что определяется; 2) предикат – то, что говорится об определяемом; 3) родовый признак – качество, которое присуще ряду родственных предметов или явлений; 4) видовое отличие – качество, характерное только для данного определяемого понятия [8, с. 362].

Структуру определения (дефиниции) в символическом виде можно представить следующей формулой: $Dfd \equiv Dfn$, где дефиниендум (Dfd) – то, что определяется (определяемое), дефиниенс (Dfn) – определяющее, то посредством чего определяется [9, с. 33]. В данной структуре дефиниции проводится тождество ее правой и левой частей (определяемого и определяющего), в связи с чем она обладает четкой логико-семантической структурой, делится на родовое определение (классификатор) и видовое определение (идентификатор). Классификатор обычно выражается существительным или субстантивным словосочетанием, в котором родовый термин является главным компонентом по отношению к определяемой части. Идентификатор является частью дефиниции и может быть выражен как самостоятельной пропозицией (придаточным предложением), так и зависимой (обособленным определением, предложно-падежным словосочетанием) [10, с. 139].

Дефиниции, содержащиеся в Общей части УК РФ, располагаются непосредственно в тексте статьи. Чаще всего законодателем при их формулировании применяется следующая схема: определяемый юридический термин – логическая связка «признается» - законодательное определение. Приведем несколько таких примеров из Общей части УК РФ.

Статья 14 ч. 1 УК РФ «Понятие преступления»: преступлением (определяемый логический термин) признается (логическая связка) виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания (законодательное определение).

Статья 18 ч. 1 УК РФ «Рецидив преступлений»: рецидивом_преступлений (определяемый логический термин) признается (логическая связка) совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимости за ранее совершенное умышленное преступление (законодательное определение).

Подобная схема формулирований дефиниций встречается и в других статьях Общей части УК РФ (ч. ч. 1, 2 ст. 17, ст. 32, ст. 33, ч. 2 ст. 39 УК РФ и др.).

Иногда законодатель прибегает к другой схеме формулирования дефиниций в Общей части УК РФ: определяемый логический термин – логическая связка «есть» - законодательное определение. Например, ч. 1 ст. 46 УК РФ «Штраф»: штраф (определяемый логический термин) есть (логическая связка) денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом (законодательное определение).

Такая схема формулирования дефиниций в общей части УК РФ встречается в ч. 1 ст. 43, ч. 1 ст. 104.1, ч. 1 ст. 104.4 УК РФ.

Отметим, что данная схема формулирования дефиниций Общей части уголовного закона применялась и в УК РСФСР 1960 года, а вот УК РСФСР 1922 года помимо логической связки «признается» применял и другую – «считается».

Дефиниции, содержащиеся в Особенной части УК РФ, могут располагаться как непосредственно в тексте статьи, так и в примечании к статье. При этом законодателем при их формулировании в тексте статьи применяется следующая схема: определяемый логический термин – логическая связка «то есть» - законодательное определение. Дефиниции, расположенные в примечании к статье Особенной части УК РФ, сформулированы по схеме: определяемый логический термин – логическая связка «признается» или «понимается» - законодательное определение.

Статья 105 ч. 1 УК РФ «Убийство»: убийство (определяемый логический термин), то есть (логическая связка) умышленное причинение смерти другому человеку (законодательное определение).

По аналогичному принципу сформулированы следующие дефиниции в Особенной части УК РФ: ч. 1 ст. 128.1, ч. 1 ст. 131, ст. 136, ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6, ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 162, ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 185.3, ст. 196, ст. 197, ч. 1 ст. 204.1, ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 213, ч. 1 ст. 214, ст. 275, ч. 1 ст. 282.1, ч. 1 ст. 291.1, ч. 1 ст. 292, ч. 1 ст. 293, ст. 304, ч. 1 ст. 330, ч. 1 ст. 338 УК РФ.

Законодательным отступлением от данной схемы формулирования дефиниций является ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения», в которой диспозиция части 1 данной статьи звучит следующим образом: неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон).

Законодательно следовало придерживаться стандартной схемы изложения дефиниций: определяемый логический термин – логическая связка «то есть» - законодательное определение.

Еще одним законодательным отступлением от схемы формулирования дефиниций является ст. 227 УК РФ «Пиратство», диспозиция части 1 указанной статьи не содержит определяемого законодательного термина, логической связки, законодатель сразу приводит законодательное определение данному термину.

Приведем еще один пример законодательного формулирования дефиниций в Особенной части УК РФ. В части 1 статьи 276 УК РФ «Шпионаж» дефиниция сформулирована по схеме: законодательное определение – логическая связка «то есть» - определяемый логический термин. Законодатель необходимо было изложить указанную дефиницию в обратном порядке.

Кроме того, следует отметить, что понятие «шпионаж» впервые упоминается в тексте Особенной части в статье 275 УК РФ «Государственная измена», в нарушение правила, согласно которому законодательное определение должно даваться термину при первом его упоминании в тексте закона.

Если следовать этому правилу, то законодательное определение шпионажу должно было быть в статье 275 УК РФ «Государственная измена». Сразу возникает вопрос о его местоположении в тексте статьи. Учитывая, что законодательное определение шпионажа является объемным, его помещение непосредственно в диспозицию части 1 ст. 275 УК РФ затруднило бы восприятие данной статьи правоприменителем. Логичнее было бы сформулировать дефиницию шпионажа в примечании к статье 275 УК РФ.

Иначе формулируются дефиниции в примечаниях к УК РФ. Часть 1 примечания к статье 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации»: под компьютерной информацией (определяемый логический термин) понимаются (логическая связка) сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи (законодательное определение).

Часть 2 примечания к статье 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации»: крупным ущербом (определяемый логический термин) в статьях настоящей главы признается (логическая связка) ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей (законодательное определение).

Отметим, что логическая связка «признается» применяется именно для законодательного определения материального выражения причиненного преступлением ущерба.

В УК РСФСР 1960 года дефиниции в статьях Особенной части излагались по уже известной нам схеме: определяемый логический термин – логическая связка «то есть» - законодательное определение, либо в части первой статьи Особенной части давалось законодательное определение логическому термину, который закреплялся в названии данной статьи. Дефиниции, расположенные в примечании к статье Особенной части УК РСФСР 1960 года, были сформулированы по схеме: определяемый логический термин – логическая связка «является», «следует понимать» или «понимается» - законодательное определение.

Дефиниции, содержащиеся в тексте статьи Особенной части УК РСФСР 1922 года, излагались по следующей схеме: определяемый логический термин – логическая связка «то есть» - законодательное определение. Дефиниции, расположенные в примечании к статье Особенной части УК РСФСР 1922 года, были сформулированы по схеме: определяемый логический термин – логическая связка «считается», «разумеются» - законодательное определение.

Таким образом, проблема правильного юридико-технического оформления дефиниций в тексте УК РФ, на наш взгляд, требует дальнейшего решения в целях обеспечения доступности для их восприятия субъектами права.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Турагин В.Ю. Теория и практика использования законодательных дефиниций: монография. М., 2009. С. 8.
2. Апт Л.Ф. Правовые дефиниции в законодательстве // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 301.
3. Вопленко Н.Н. Нормы права. Волгоград, 1997. С. 6.
4. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2006. С. 144.
5. Нагорная М.А. Техника определения законодательных терминов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст. В 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2001. Т. 1. С. 223.
6. Турагин В.Ю. Проблема выбора оптимального способа закрепления дефиниции в законодательном тексте // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст. В 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2001. Т. 1. С. 246.
7. Рабец А.М. Проблемы законодательного закрепления юридических дефиниций // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст. в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2001. Т. 1. С. 233.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – М., 1994. – С. 362.
9. Рузавин Г.И. Логика: Учебник для вузов. – М., 2004. – С. 33.
10. Зарва А.М. Дефиниция как типологическая разновидность научного текста: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Нальчик, 2003. С. 139.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Turanin V.Ju. Teorija i praktika ispol'zovanija zakonodatel'nyh definicij: monografija. [Theory and practice of using legal definition: monograph] М., 2009. P. 8. [in Russian]
2. Apt L.F. Pravovye definicii v zakonodatel'stve // Problemy juridicheskoi tehniki: sb. st. [The problems of legal technique: coll. pap.] / edited by V.M. Baranova. Nizhnij Novgorod, 2000. P. 301. [in Russian]
3. Voplenko N.N. Normy prava. [Rule of law] Volgograd, 1997. P. 6. [in Russian]
4. Kartashov V.N. Teorija pravovoi sistemy obshhestva. [The theory of the legal system of society] Jaroslavl': Izd-vo JarGU, 2006. P. 144. [in Russian]
5. Nagornaja M.A. Tehnika opredelenija zakonodatel'nyh terminov [Techniques for defining of legal terms] // Zakonotvorcheskaja tehnika sovremennoj Rossii: sostojanie, problemy, sovershenstvovanie [Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement: coll. pap. in 2 vol.] / edited by V.M. Baranova. Nizhnij Novgorod, 2001. V. 1. P. 223. [in Russian]
6. Turanin V.Ju. Problema vybora optimal'nogo sposoba zakreplenija definicii v zakonodatel'nom tekste [The problem of choosing the optimal way to fix the definition in a legislative act] // Zakonotvorcheskaja tehnika sovremennoj Rossii: sostojanie, problemy, sovershenstvovanie [Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement: coll. pap. in 2 vol.] / edited by V.M. Baranova. Nizhnij Novgorod, 2001. V. 1. P. 246. [in Russian]
7. Rabec A.M. Problemy zakonodatel'nogo zakreplenija juridicheskijh definicij [The problems of legislative consolidation of legal definitios] // Zakonotvorcheskaja tehnika sovremennoj Rossii: sostojanie, problemy, sovershenstvovanie [Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement: coll. pap. in 2 vol.] / edited by V.M. Baranova. Nizhnij Novgorod, 2001. V. 1. P. 233. [in Russian]
8. Rozental' D.Je. Spravochnik po pravopisaniju, proiznosheniju, literaturnomu redaktirovaniju [Handbook of spelling, pronunciation, literary editing] – М., 1994. – P. 362. [in Russian]
9. Ruzavin G.I. Logika: Uchebnik dlja vuzov [Logic: textbook for universities] – М., 2004. – P. 33. [in Russian]
10. Zarva A.M. Definicija kak tipologicheskaja raznovidnost' nauchnogo teksta [Definition as a typological type of scientific text] : dis. ... of PhD in Philology : 10.02.19. – Nal'chik, 2003. P. 139. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.146>

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ВИДЕОЗАПИСИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Научная статья

Скаковский И.И.^{1,*}, Антонов А.А.²

^{1,2} Дальневосточный юридический институт МВД России, г.Хабаровск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (antonov81212[at]mail.ru)

Аннотация

Предметом исследования является правовой статус криминалистической видеосъемки, применяемой при производстве следственных действий, как потенциального источника значимых по уголовному делу сведений. На основе проведенного анализа норм права, регламентирующих доказательство в уголовном судопроизводстве и практические особенности процедуры признания таковыми результатов видеосъемки, предлагается дополнение к действующему законодательству по расширению перечня доказательств в УПК РФ.

Ключевые слова: видеосъемка, технические средства, криминалистическое обеспечение, следственное действие, доказывание, вещественное доказательство, протокол, приложение к протоколу.

TO THE QUESTION OF USE AND PRACTICAL VALUE OF VIDEO RECORDING IN THE PROCESS OF EVIDENCE

Research article

Skakovsky I.I.^{1,*}, Antonov A.A.²

^{1,2} Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russian Federation

* Corresponding author (antonov81212[at]mail.ru)

Abstract

The subject of the study is the legal status of forensic video recording used in investigation as a potential source of significant information in a criminal case. Based on the analysis of the rules of law governing evidence in criminal proceedings and the practical features of the procedure for recognizing the results of video recording as such, an addition to the current legislation is proposed to expand the list of evidence in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: video recording, technical means, forensic equipment, investigative action, evidence, material evidence, protocol, annex to the protocol.

Значение криминалистического обеспечения в процессе доказывания неоспоримо. Наука толкает технический прогресс вперед и это соответственно отражается на развитии и совершенствовании технико-криминалистических средств, используемых в уголовно-процессуальной практике. Их применение, помимо обнаружения и фиксации следов преступления, экспертных исследований, актуально и в работе следователя при производстве следственных действий для фиксации полученных результатов. Особо значимо это для следственных действий, в которых участвуют лица с прогнозируемо конфликтным поведением. В последующем, если встанет вопрос о законности следственного действия и соблюдении следователем прав участвующих в нем лиц, такое техническое обеспечение предоставит исчерпывающую информацию о соответствии действий должностного лица – следователя, требованиям закона.

Преимущество видеосъемки в её способности передать психологическое состояние допрашиваемого лица. Протокол, по понятным причинам, зафиксировать жесты и мимику не в состоянии. Кроме того, при определенных физических или психических особенностях допрашиваемого лица, надлежащая оценка показаний без применения видеосъемки становится практически невозможной. Например, при допросе глухонемых. В другом случае следователь нередко сталкивается с тем, что жаргонные и нецензурные выражения допрашиваемого лица необходимо перефразировать в протоколе и изложить их значение литературным языком. Однако зачастую стопроцентно достоверный «перевод» такой ненормативной лексики невозможен, так как не передает точно вкладываемый смысл. Материалы видеозаписи существенно упрощают восприятие и оценку судом результатов таких следственных действий.

При производстве следственного действия в помещении, положительный результат от применения видеосъемки напрямую зависит от качества подготовки места его проведения. Предпочтительней выбрать специально подготовленное помещение, в котором обеспечено хорошая акустика и освещение. Рекомендуется обеспечить на месте дистанционное управление видеосъемкой, что позволит следователю проводить допрос без участия специалиста. Отсутствие третьих лиц способствует установлению психологического контакта с допрашиваемым лицом.

Однако, далеко не всегда, в распоряжении следователя есть специально оборудованный кабинет. И, в таком случае, минимальная подготовка к следственному действию с применением видеозаписи должна включать соблюдение следующих условий:

- исключение посторонних звуков;
- предупреждение вмешательства посторонних лиц;
- надлежащее расположение участвующих лиц относительно источника освещения и используемых технических средств;
- исправность и готовность к использованию технических средств, в том числе достаточный заряд батареи, необходимый объем свободного места на используемом носителе информации.

Применение видеозаписи при производстве следственного действия регламентировано статьёй 166 УПК РФ. При этом законодатель обязывает должностное лицо, производящее следственное действие, заранее предупредить об этом участвующих лиц, о чем в протоколе должна быть сделана соответствующая запись. Кроме того, в протоколе

необходимо указать какое техническое средство для видеосъемки будет использоваться и кем именно – следователем (дознавателем) либо иным участвующим лицом. Немаловажно при этом указать условия и порядок использования технического средства. К примеру, погодные условия могут существенно отразиться на качестве видеозаписи следственного действия проводимого на открытой местности. А порядок видеозаписи при производстве проверки показаний на месте будет существенно отличаться от видеозаписи допроса. Если возникла необходимость приостановить видеозапись в ходе следственного действия, об этом делается заявление с указанием времени, места и причины остановки записи. После ее возобновления, лицу производящему видеозапись либо следователю (дознавателю) необходимо также озвучить время и место. Время перерыва фиксируется в протоколе.

Федеральный закон от 28.07.2012 №143-ФЗ предписал лицу, составляющему протокол, приобщать к нему носители видеозаписи, сделанной в ходе оформляемого следственного действия. Однако ни в одном нормативном акте не прокомментирована упаковка носителя видеосъемки. В законе также не имеется прямого указания на ознакомление с её содержанием участвующих лиц непосредственно после окончания следственного действия. Как показывает практика, по этим вопросам лиц, проводящее следственное действие, идёт по пути аналогии. Так, всех лиц, принимавших участие в следственном действии, закон требует ознакомить с протоколом. Видеокассета или цифровой носитель, содержащий видеозапись следственного действия, будут являться приложением к протоколу. Основываясь на этом, их также предъявляют для ознакомления, а замечания, касаемо просмотренной видеозаписи, вносят в протокол. После ознакомления, физический носитель видеозаписи упаковывается и прилагается с протоколом к уголовному делу. Упаковку предпочтительней заверить, как и в случае с вещественным доказательством – оттиском печати и скрепить подписями участвующих лиц, нежели потом доказывать неизменность информации на носителе с момента записи. Её дальнейшее хранение оговорено в части 2 статьи 166 УПК РФ – при уголовном деле.

Стоит отметить, что на момент приложения к протоколу, видеозапись следственного действия не является самостоятельным доказательством. Их перечень законодательно закреплён в статье 74 УПК РФ и предусматривает среди прочих протокол следственного действия, а не отдельно взятое приложение к нему. Указанной нормой среди доказательств, помимо протоколов следственных и судебных действий, закреплены также:

- показания участников уголовного процесса (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста);
- результаты криминалистического обеспечения и применения специальных познаний (заключение эксперта и заключение специалиста);
- вещественные доказательства и иные документы.

Вместе с тем, сведения, запечатлённые на видеосъемке при производстве результативного следственного действия, позволяют установить обстоятельства, имеющие непосредственное отношение к предмету доказывания. Ярким примером тому может служить видеозапись признательных показаний обвиняемого при допросе или проверке его показаний на месте. Следовательно, эти сведения обладают всеми признаками доказательства, изложенными в части 1 статьи 74 УПК РФ. Указанной нормой отмечено, что порядок, в котором должностное лицо будет использовать доказательства по уголовному делу, определён УПК РФ.

Существует мнение среди ученых о том, что видеозаписи, проводимой при производстве следственных действий, требует законодательное закрепление в статусе отдельного самостоятельного доказательства. Так, С.А. Ожердова и Н.И. Долженко в такой законодательной новелле предлагают закрепить порядок получения видеозаписи, определить конкретный перечень криминалистической техники для её обеспечения, предопределяющие её дальнейшую допустимость и использование в качестве доказательства на стадии расследования. Однако целесообразность таких законодательных нововведений представляется не убедительной.

Процедура придания значимым сведениям, содержащимся на видеозаписи, статуса доказательства, реализуется в процессуальной практике и соответствует требованиям действующего законодательства. Для предмета, способствующего установлению обстоятельств уголовного дела, в качестве которого в нашем случае выступает определенный физический носитель видеозаписи, частью 2 статьи 81 УПК РФ предусмотрен осмотр и последующее признание вещественным доказательством.

Видеозапись, полученная в ходе расследования из других источников (предоставленная участниками процесса либо изъятая следователем), как правило, требует дополнительной проверки на подлинность и аутентичность, что выполнимо только при производстве видеотехнической судебной экспертизы. В случае с видеозаписью, полученной в ходе следственного действия этого, не требуется, но будет произведен осмотр объекта – носителя информации с воспроизведением и описанием его содержимого, в соответствии со статьей 176 УПК РФ.

Если имеется следственная необходимость, в осмотр могут быть включены иные участвующие лица, в том числе потерпевшие, свидетели либо подозреваемые, обвиняемые, а также специалисты. В этом случае, перед началом следственного действия им разъясняются их права соответственно статусу. Показания, данные участниками следственного действия в форме замечаний, пояснений, внесенные в протокол осмотра, также будут иметь доказательственное значение в дальнейшем. Это ещё раз подчеркивает значимость видеосъемки. Её производство и дальнейшее использование результатов в уголовном процессе становится особенно актуальным по много эпизодным делам или преступлениям, совершенным в соучастии. Получив статус доказательства, сведения, полученные о деятельности других соучастников либо относимые к различным эпизодам преступной деятельности, служат отправной точкой в развитии следственной тактики и основанием для проведения ряда последующих следственных действий, тем самым обеспечивая необходимую полноту и всесторонность расследования.

Результаты проведенных следственных действий позволят лицу, производящему расследование, сформировать доводы в обоснование постановления о признании носителя видеoinформации вещественным доказательством. Этим же постановлением принимается решение о порядке его дальнейшего хранения. В нормах статьи 82 УПК РФ подробно закреплён порядок и условия хранения вещественных доказательств в зависимости от их свойств, габаритов, ценности и принадлежности.

Вышеизложенные доводы обуславливают вывод о том, что внесение дополнения в перечень доказательств, закрепленных нормами уголовно процессуального законодательства, уместно. Достаточно привести поправку пункта 5 части 2 статьи 74 УПК РФ, который представляется в следующей редакции: «- протоколы следственных и судебных действий, а также приложения к ним, приобщенные к уголовному делу в соответствии со статьей 81 УПК РФ...». Таким образом, уже имеющаяся и устоявшаяся процессуальная практика, получит своё законодательное закрепление, а вопрос о неоднозначном правовом статусе видеозаписи при производстве следственных действий в уголовном процессе, разрешится положительным образом.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред.02.08.2019) // СЗ РФ. 24.12.2001. №52 (ч. 1). Ст. 4921.

2. Федеральный закон от 28.07.2012 N 143-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Российская газета. № 174. 01.08.2012.

3. Долженко Н.И. Видеозапись следственного действия как источник доказательственной информации / Н.И. Долженко, С.А. Ожердова // Вестник криминалистики. -М.: Спарк, 2007 - №4(24). - С. 79 - 81.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red.02.08.2019) [Criminal procedure code of the Russian Federation" from 18.12.2001 № 174-FZ (ed. 02. 08. 2019)] // Sz RF. 24.12.2001. №52 (part 1). Article 4921.

2. Federal'nyj zakon ot 28.07.2012 N 143-FZ "O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii [Federal law of 28.07.2012 N 143-FZ " on amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation] // Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. No. 174. 01.08.2012.

3. Dolzhenko N. I. Videozapis' sledstvennogo dejstvija kak istochnik dokazatel'stvennoj informacii [Video recording of an investigative action as a source of evidentiary information] / N. I. Dolzhenko, S. A. Ozheredova // Vestnik kriminalistiki [Bulletin of criminalistics]. - М.: Spark, 2007 - №4(24). - P. 79-81.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.147>

**НОШЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ОРУЖИЯ КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В США
НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ**

Научная статья

Шулус А.А. *

Институт международных экономических связей, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (shulusalexey[at]gmail.com)

Аннотация

В настоящей статье рассматривается проблема ношения и применения оружия в связи с совершаемыми преступлениями. Изучена история законодательного регулирования данного аспекта уголовного права в США на федеральном уровне. Затронут вопрос об эффективности подобных мер.

Ключевые слова: законодательство США, законодательство об оружии, контроль над оружием, огнестрельное оружие, борьба с преступностью.

**CARRYING AND USING WEAPONS AS A FACTOR OF INCREASING RESPONSIBILITY
FOR CRIMES: HISTORY OF LEGISLATIVE REGULATION IN THE UNITED STATES
AT THE FEDERAL LEVEL**

Research article

Shulus A.A. *

Institute of International Economic Relations, Moscow, Russia

* Corresponding author (shulusalexey[at]gmail.com)

Abstract

This article discusses the problem of carrying and using weapons in connection with the committed crimes. The history of the legislative regulation of this aspect of criminal law in the United States at the federal level is studied. The question of the effectiveness of such measures is raised.

Keywords: US law, laws regulating weapons-bearing, gun control, firearms, crime prevention.

Вопрос об использовании огнестрельного оружия в преступлениях является достаточно актуальным. В современном мире эта проблема вызывает довольно многочисленные дискуссии, особенно в Соединенных Штатах Америки. Такое положение дел обусловлено тем обстоятельством, что в упомянутом государстве стрелковое оружие фигурирует в насильственных преступлениях значительно чаще, чем в прочих развитых странах. В частности, именно с его помощью в США совершается в среднем от 2/3 до 3/4 убийств (в 2018 г. – 10,265 из 14,123) [1]. По этой причине предлагаются разные способы борьбы с вооруженной преступностью. Одни подходы заключаются в принятии мер, направленных на ограничение оборота оружия в целом. Другие – напротив, выражаются в смягчении режима легального оборота оружия, в частности, в области его ношения.

В связи с вышесказанным большой интерес представляют нормы, которые привязывают факт ношения или применения оружия к общественно опасным деяниям. В результате вооруженность преступника рассматривается в качестве обстоятельства, усиливающего уголовную ответственность. Подобный подход нашел распространение, в частности, во многих штатах США, а с последней трети XX в. – и на федеральном уровне.

Наиболее примечательным в данном свете выглядит тот факт, что соответствующие меры изначально предлагались поборниками права на оружие. Сторонники же запретительного подхода, в свою очередь, обычно скептически относились к подобным нормам и вместо этого настаивали на введении общих ограничений для всех граждан [2, с. 63-64]. Последний подход нашел свое отражение, в частности, в «Законе о контроле над оружием» 1968 г.

Тем не менее, в рамках упомянутого Акта впервые на федеральном уровне были приняты и нормы, привязывающие ношение и применение оружия к совершаемым преступлениям. Так, в соответствии с новой редакцией ст. 924 18 раздела Кодекса США, в содержащемся в ней пункте “с” было установлено наказание за *незаконное* ношение, а также за (любое) применение оружия во время совершения какой-либо фелонии. Тем не менее, ответственность в таком случае оказалась далеко не такой суровой, как хотелось бы странникам обозначенных мер: за подобные действия по общему правилу полагалось лишение свободы на срок от 1 года до 10 лет. В случае повторного осуждения санкция была выше – от 5 до 25 лет, причем в таком случае суд уже не имел права выносить условный приговор и назначать отсрочку наказания [3].

Как показала практика, такие меры оказались не слишком эффективными: после принятия Закона 1968 преступность (в том числе насильственная) все еще продолжала расти (хотя и меньшими темпами, чем в предыдущие несколько лет) [4]. Это было обусловлено множеством причин – как формальных, так и правоприменительных. Среди них можно назвать, в частности, следующие: недостаточная жесткость санкций; возможность назначения при первом осуждении условного наказания или применения условно-досрочного освобождения к заключенному; снисходительное отношение в судах к большинству преступников (даже ко многим убийцам) [2, с. 62-64].

В 1971 г. в рассматриваемые нормы были внесены изменения. С одной стороны, имело место смягчение ответственности: при повторном нарушении минимальное наказание стало составлять не 5 лет, а лишь 2 года лишения свободы. С другой стороны, был введен запрет на одновременное течение сроков заключения по указанной статье и совершенной фелонии, во время которой оружие применялось или незаконно носилось [5].

В следующем десятилетии Конгресс стал принимать более действенные меры борьбы с преступностью. В результате в 1984 г. рассмотренное выше положение претерпело сразу несколько глубоких изменений. Так, повышенная

ответственность за ношение или применение оружия стала наступать лишь в случае *насильственных* преступлений. Кроме этого, отныне дополнительное наказание грозило за подобные действия не только *во время*, но и *в связи* с вышеперечисленными нарушениями. Иначе был решен и вопрос о ношении огнестрельных образцов: в новой редакции Закона ответственность грозила независимо от того, легальна ли была названная практика сама по себе или нет. Следовательно, стало наказываться любое ношение или применение оружия во время или в связи с насильственными преступлениями. Помимо того, была введена оговорка о недопустимости назначения условного наказания, отсрочки последнего, условно-досрочного освобождения, а также одновременного течения срока за данное и другое нарушение. Санкции также изменились и вместо существовавших ранее широких рамок стали иметь строго фиксированный размер – 5 лет заключения. За второе или последующее осуждение мера наказания стала составлять 10 лет лишения свободы [6].

Тем же пакетом поправок похожие нормы вошли в новую, 929 статью того же 18 раздела Кодекса США. Последняя относилась к ношению или применению в связи с совершаемыми насильственными преступлениями короткоствольного оружия, снаряженного бронебойными патронами. За такие действия грозило лишение свободы на срок от 5 до 10 лет. Аналогичным образом оговаривалась недопустимость отсрочки наказания, условного осуждения, УДО и одновременного течения сроков заключения за указанное и прочее нарушение [6].

В дальнейшем, в рамках усиления борьбы с вооруженной преступностью, законодатель продолжил ужесточение рассматриваемых норм. В качестве примера можно привести представленный в 1985 и принятый в 1986 г. «Закон о защите прав сотрудников правоохранительных органов». Этот Акт, помимо прочего, внес существенные изменения в вышеперечисленный состав преступления, изложенный в ст. 929. Так, если ранее наказывались действия с *короткоствольным* оружием, снаряженным соответствующими патронами, то отныне ответственность наступала уже за простое *владение* такими боеприпасами, если они подходили к *любому* огнестрельному образцу, который носился или применялся тем же злоумышленником во время или в связи с совершаемыми насильственными преступлениями. Кроме того, были ужесточены санкции: они составили не менее 5 лет заключения – то есть верхний предел лишения свободы уже отсутствовал [7].

В том же 1986 г. был принят другой значимый документ – «Закон о защите прав владельцев огнестрельного оружия». Согласно ему, ранее рассмотренная норма, связанная с ношением или применением оружия, начала распространяться не только на насильственные преступления, но и на те, которые связаны с незаконным оборотом наркотиков. Кроме того, была введена более жесткая ответственность за указанные действия с отдельными разновидностями оружия, а именно автоматическим или экипированного глушителем. Срок за это составил 10 лет заключения, в случае второго или последующего осуждения – 20 [8].

В дальнейшем размер наказания лишь увеличивался. В частности, в 1988 году, при принятии очередного пакета поправок в законодательство, была установлена значительно более суровая ответственность для случаев, где фигурировало автоматическое или оснащенное глушителем оружие – 30 лет заключения. Также были ужесточены санкции за повторное совершение рассматриваемых преступлений: для прочих типов огнестрельных образцов срок был повышен с 10 до 20 лет, а в случае наличия двух вышеупомянутых их разновидностей стало грозить пожизненное лишение свободы без права на условно-досрочное освобождение [9].

В дальнейшем Конгресс продолжал политику усиления борьбы с представителями криминалитета. Так, «Законом о борьбе с преступностью» 1990 г. были установлены повышенные, в 10 лет, сроки заключения за совершение ранее рассмотренных деяний с укороченными винтовками и укороченными ружьями. В случае, если фигурировало разрушительное устройство, наказание стало таким же, как и для автоматического оружия или образца, оснащённого глушителем, – 30 лет или пожизненное без права на УДО (при повторном осуждении) [10].

При принятии самого значительного федерального уголовно-правового акта – «Закона о борьбе с насильственной преступностью и об обеспечении правопорядка 1994 г.» – произошли следующие значительные изменения. С одной стороны, в пункте (с) статьи 924 было исключено положение о недопустимости УДО при осуждении по вышеперечисляемым составам преступления. С другой стороны, в остальных моментах политика ужесточения продолжилась. Так, повышенная санкция в 10 лет заключения стала грозить за рассматриваемые преступления, где фигурировало штурмовое полуавтоматическое оружие. Также было установлено строгое наказание для лица, применяющего в данных обстоятельствах огнестрельный образец, если это повлекло за собой убийство. В случае, если оно было простым (*murder*), грозила смертная казнь, любой срок заключения или пожизненное лишение свободы. Если же в подобной ситуации произошло убийство иного типа – *manslaughter* (т.е. неумышленное либо непредумышленное, совершенное из-за внезапной ссоры или в состоянии аффекта) – наказание стало назначаться в соответствии со ст. 1112 того же, 18 раздела Кодекса США [11]. В настоящее время за подобное нарушение грозит штраф, до 15 лет заключения либо оба наказания, а за неумышленное – аналогичная мера ответственности, но не более 8 лет заключения [12].

Тем же законом 1994 г. в статью 924 был добавлен новый пункт (о), где говорилось о сговоре с целью совершения рассматриваемых насильственных или наркотических преступлений, в которых бы фигурировало огнестрельное оружие. За это стало грозить заключение на срок до 20 лет, штраф или оба наказания. В случае, если оружие было автоматическим, оснащённым глушителем или являлось разрушительным устройством, – любой срок заключения или пожизненное лишение свободы [11].

В 1998 г. произошли значительные изменения, и по их результатам законодательство в целом приняло окончательный вид [12]. Так, были установлены не фиксированные, а лишь минимальные сроки заключения, т.е. без верхнего предела. Они стали составлять 5, 7 (в случае агрессивной демонстрации оружия) и 10 лет (если из оружия производились выстрелы). Для отдельных разновидностей огнестрельных образцов были оставлены повышенные сроки лишения свободы, вне зависимости от того, демонстрировалось ли оружие, применялось оно или нет – не менее 10 (для укороченных винтовок, укороченных ружей и самозарядного штурмового оружия) и не менее 30 лет (для автоматического, оснащённого глушителем и разрушительных устройств). За повторное нарушение рассматриваемого пункта по общему правилу стало грозить не менее 25 лет (вместо 20, как ранее) или – для последних трех категорий

образцов – пожизненное заключение (как и в прочих составах, без упоминания невозможности УДО). Произошло еще одно важное изменение: отныне за совершаемые вооруженные насильственные или наркотические преступления аналогичным образом стало караться даже владение оружием в качестве пособничества указанным нарушениям [13].

Принятие вышерассмотренных норм коррелировало с сильным улучшением криминогенной обстановки: за период с 1993 по 2001 гг. число насильственных преступных деяний в США упало на 54%. Можно утверждать, что изученные положения федерального законодательства внесли довольно значительный вклад в данное дело, поскольку уменьшение насильственной вооруженной преступности оказалось еще большим: так, в случаях, где фигурировало какое-либо оружие, падение составило 59%, а огнестрельные образцы – целых 63%. Кроме того, уменьшилось количество убийств, особенно вооруженных: за указанный период в первом случае снижение составило 36%, а во втором – 41% [14]. Если же учесть, что в это время население страны выросло почти на 10% (с 259,5 до 284,6) [15], становится понятным, что в относительных показателях динамика оказалась в еще большей степени положительной.

Таким образом, Конгресс США, уже добившийся значительного снижения насильственной преступности, в основном отошел от принятия новых жестких норм в данной области. Среди немногих изменений можно привести поправки 2002 года. В их рамках ранее рассмотренное положение о недопустимости УДО, которое еще до этого было убрано из ст. 924, аналогичным образом было исключено из ст. 929, где упоминается владение бронебойными патронами в связи с совершаемыми преступлениями [16].

Тем не менее в последующем имели место и определенное ужесточение ответственности для некоторых злоумышленников. Так, в 2005 году, при принятии «Закона о защите легальной торговли оружием» произошли изменения относительно рассматриваемых насильственных или наркотических нарушений, в которых фигурировали бронебойные патроны. Конгресс сохранил ранее имевшееся наказание за простое владение указанными боеприпасами для подобных лиц, но кроме него добавил новый состав преступления. Он относился к ношению или применению этих патронов во время или в связи с рассматриваемыми преступными деяниями, равно как за владение такими боеприпасами в качестве пособничества данным нарушениям. Наказание за эти действия стало составлять не менее 15 лет заключения. Для случаев, если вышеуказанные преступления повлекли за собой убийство (murder), была установлена смертная казнь, любой срок заключения или пожизненное лишение свободы. За причинение смерти при наличии смягчающих обстоятельств (manslaughter) наказание стало назначаться в соответствии с ранее упоминавшейся 1112 статьей 18 раздела Кодекса США [17].

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы. Федеральные власти на протяжении долгого времени не устанавливали специальных составов преступлений, в которых присутствие огнестрельного оружия выступало бы в качестве фактора, влекущего повышенную уголовную ответственность. Подобные меры впервые появились в 1968 г. в рамках «Закона о контроле над оружием», но они поначалу не отличались достаточной жесткостью. С середины же 1980-х Конгресс США решил избрать иной подход, выразившийся в усилении борьбы с преступностью посредством принятия в данной сфере более конкретных составов преступления с довольно суровыми санкциями. Последние в дальнейшем неоднократно повышались и в итоге стали иметь только предел заключения. Примерно в это же время наблюдалась устойчивая и значительная тенденция к падению уровня насильственной преступности, особенно вооруженной ее разновидности. Таким образом, можно утверждать, что подобные нормы являются обоснованными и даже желательными, поскольку они позволяют эффективно бороться со злоумышленниками и при этом никак не ограничивают в правах простых граждан.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. FBI. Expanded Homicide Data Table 8 [Electronic resource]. URL: <https://ucr.fbi.gov/crime-in-the-u.s/2018/crime-in-the-u.s.-2018/tables/expanded-homicide-data-table-8.xls> (дата обращения 22.04.2020).
2. Knox N. The Gun Rights war. MacFarlane Press, 2009. – 384 p.
3. Gun Control Act of 1968. The Federal Public Law 90-618 (October 22, 1968). Washington, 1968.
4. United States Crime Rates 1960 – 2018 [Electronic resource]. URL: <http://www.disastercenter.com/crime/uscrime.htm> (дата обращения 21.04.2020).
5. The Federal Public Law 91-644 (January 2, 1971). Washington, 1971.
6. The Federal Public Law 98-473 (October 12, 1984). Washington, 1984.
7. The Federal Public Law 99-408 (August 28, 1986). Washington, 1986.
8. Firearms Owners' Protection Act of 1986. The Federal Public Law 99-308 (May 19, 1986). Washington, 1971.
9. The Federal Public Law 100-690 (November 18, 1988). Washington, 1988.
10. Crime Control Act of 1990. The Federal Public Law 101-647 (November 29, 1990). Washington, 1990.
11. Violent Crime Control and Law Enforcement Act of 1994. The Federal Public Law 103-322 (September 13, 1994). Washington, 1994.
12. The United States Code. Title 18 [Electronic resource]. URL: <https://uscode.house.gov/> (дата обращения 24.04.2020).
13. The Federal Public Law 105–386 (November 13, 1998). Washington, 1998.
14. Bureau of Justice Statistics Special Report. National Crime Victimization Survey, 1993-2001. Weapon Use and Violent Crime [Electronic resource]. URL: <http://www.bjs.gov/content/pub/pdf/wuvc01.pdf> (дата обращения 24.04.2020).
15. Population Pyramids of the World from 1950 to 2100. United States of America [Electronic resource]. URL: <https://www.populationpyramid.net/united-states-of-america/1993/> (дата обращения 24.04.2020).
16. The Federal Public Law 107–273 (November 2, 2002). Washington, 2002.
17. Protection of Lawful Commerce in Arms Act. The Federal Public Law 109–92 (October 26, 2005). Washington, 2005.